

Журнал

Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

2/2011

Журнал
«Семь искусств»

Февраль 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал
«Семь искусств»
Февраль 2011

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Виталий Гинзбург	
Об отце и нашей семье.....	5
Симон Шноль	
Космофизические эффекты	36
Лазарь Беренсон	
«Напишут наши имена»	61
Эстер Пастернак	
«Пасущий среди лилий...».....	68
Артур Штильман	
Сыновья	73
Андрей Пелипенко	
Между природой и культурой.....	135
Анатолий Луковкин	
«Итак, она звалась Татьяной...».....	207
Илья Гирич	
Война, которая изменила страну.....	213
Борис Тененбаум	
Герцог Мальборо, 1689-1702	226
Злата Зарецкая	
Театр в Зоне Конфликта.....	261
Владимир Зайдельсон	
Вызов	281
Лариса Миллер	
А надо обратиться в слух.....	321
Григорий Рыскин	
Бетонный теремок	326
Борис Кушнер	
Философия дороги.....	329
Нина Воронель	
Беляночка и Розочка.....	356
Александр Каневский	
Семеро смелых.....	394
Юрий Герг	
Лазарь и Вера	405
Марк Азов	
Двое и автор этих строк	425
Ион Деген	
Оскар Аронович Рабинович.....	430
Яков Лотовский	
Подольско-американский треугольник пунктиром	443
Вильям Баткин	
Поэзия – не привилегия избранных.....	470

Влад Аронов	
Моё путешествие по Германии, России и Украине.....	492
Об авторах.....	506

Виталий Гинзбург

Об отце и нашей семье

В этой последней статье Виталия Лазаревича Гинзбурга представлены некоторые автобиографические сведения о семье В.Л. Гинзбурга, о его родителях, о родственниках, о его предках и потомках, о происхождении фамилии «Гинзбург». Особо вспоминает В.Л. Гинзбург об отце, восполняя свой (по его мнению) «не вполне выполненный» сыновний долг.

Редакция УФН

Когда я увидел книгу «Об отце – с любовью»¹, мне сразу же захотелось принять участие в предполагающихся её продолжениях. Почему? Дело в том, что меня уже много лет мучает чувство, что я не вполне выполнил свой сыновний долг по отношению к отцу. И мне хочется покаяться. К сожалению, как убеждённый атеист, я не могу надеяться на то, что моё покаяние будет услышано «там», в существование чего верят религиозные люди. Но каются для себя самого, а не для кого-то ещё.

Мои чувства станут понятнее уже из того, что моя мать умерла, когда мне было всего четыре года, ни братьев, ни сестёр у меня нет, я «единственный сын», и родился, когда отцу было уже 53 года. Отец очень хотел иметь сына и во мне, что называется, души не чаял. Я же, когда вырос, это недостаточно хорошо понимал, и, вероятно, отцу бывало больно.

Смерть матери не обернулась для меня, довольно типичным в таких случаях, появлением мачехи и иногда тяжёлой участью ребёнка в развалившейся семье. Дело в том, что у матери была незамужняя сестра лет на пять её

---

¹ Сборник *Об отце – с любовью*. (Составитель А. Фин.) (М.: ООО «Объединённая редакция журнала "Юный техник"», 2008) 224 с.

моложе моя тётя Роза, и эта сестра через некоторое время приехала жить с нами, то есть с отцом и мною.

Я тогда этого не понимал, но ясно, что тётя Роза стала второй женой отца. Правда, в те тяжёлые времена брак не был оформлен из каких-то имущественных соображений, и тётя много лет работала в «Международной книге» – организации, оформлявшей выписку иностранной литературы научным учреждениям и отдельным научным работникам.

Тётя, как и мать, родилась в Латвии в г. Митава², сейчас, кажется, он иначе называется. Их отец был часовщиком, т. е. чинил часы и, возможно, продавал их.

Фото 1. Сестры Вильдауер: Роза Вениаминовна Вильдауер (слева тётя Виталия Лазаревича Гинзбурга, заменившая ему мать после смерти сестры Августы матери В.Л. Гинзбурга) и Августа Вениаминовна Вильдауер (мать Виталия Лазаревича Гинзбурга, в замужестве Вильдауер-Гинзбург)

Сразу замечу, что семья так и осталась в Латвии после революции. Правда, один раз, году так в 1924 или 1926, бабушка к нам приезжала с визитом, но потом связи «с

---

² Митава (по-латышски), Jlgava, по-немецки Mitau) – губернский город Курляндской губернии Российской империи, бывшая столица Курляндского герцогства в 607 верстах от Санкт-Петербурга. После 1917 город назывался Елгава. (*Примеч. ред. УФН*).

заграницей» оборвались. Я только знаю, что у матери и тётки в Латвии, помимо отца с матерью, жили брат и больная сестра. Вероятно, они погибли во время немецкой оккупации.

Мать и тётка ещё до революции переехали в собственно Россию, и мать в 1911 г. окончила Харьковский медицинский институт (университет) и стала врачом.

Фото 2. Супруги Августа Вениаминовна Вильдауер-Гинзбург и Лазарь Ефимович Гинзбург. Фотография выполнена 5 октября 1914 г., а также визитная карточка врача А.В. Вильдауер (после бракосочетания, состоявшегося 19 декабря 1914 г., носившей двойную фамилию А.В. Вильдауер-Гинзбург).

Забыл написать, что фамилия матери и тети Вильдауер, и, когда мать в 1914 г. вышла замуж, у нее появилась двойная фамилия Вильдауер-Гинзбург, так тогда полагалось у практикующих врачей. С ним связан такой эпизод. Когда мать в 1916 г. заболела, отец пригласил к нам домой видного врача профессора. Когда он уходил, то брат гонорар отказался и с раздражением попросил «больше его не приглашать». Дело в том, что на двери парадного была прикреплена доска с надписью «Доктор Вильдауер-Гинзбург». А тогда существовало негласное правило, что врач у врача денег за визит не берёт.

Во время войны и революции мать, естественно, работала в госпитале, и там и скончалась в 1920 году от брюшного тифа. Отец в это время был в командировке и не

мог существенно помочь, а коллеги по госпиталю оказались не на высоте. Тётя тоже училась в Мединституте, собиралась стать зубным врачом, но так им и не стала и, как я уже писал, пользуясь знанием иностранных языков, служила в «Международной книге».

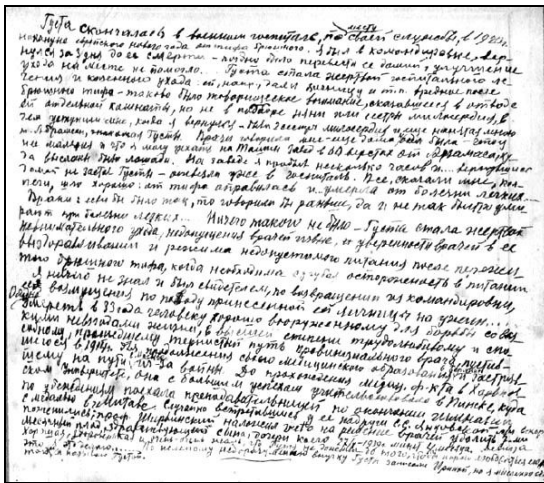
Фото 3. Первая фотография Виталия Лазаревича Гинзбурга, сделанная в возрасте примерно одного года

Фото 4. Виталий Лазаревич Гинзбург о возрасте 2 лет и 4 месяцев и 17 дней. На обороте фотографии рукой Лазаря Ефимовича (отца В.Л. Гинзбурга) сделана запись: «Родился 21 сентября 1916 г. (7 Тишрей 5677 г.) – Снят во 2-й раз 21 июля 1919 г. (23 Тамуза 5679 г.)». (Дата рождения дана по старому стилю, а дата снимка по новому стилю, в скобках приведены обе даты, указанные отцом, по еврейскому календарю. – Примеч. ред. УФН)

У меня, к сожалению, плохая память, и я не помню

себя раньше четырёхлетнего возраста. Да и в этом возрасте запомнил лишь два эпизода. Вот мать лежит в постели, видимо, уже больная, а я глажу её волосы. Второй эпизод – похороны матери. Мы жили на Мясницкой улице, дом 29. рядом с известной тогда булочной Филиппова или одним из магазинов этой фирмы. И вот я стою на тротуаре рядом с няней, а мимо проходит похоронная процессия, в составе которой отец. Это похороны матери.

Фото 5. На обороте фотографии могилы матери (см. далее фото 24) Августы Вениаминовны рукой отца Лазаря Ефимовича (вероятно, специально для сына Виталия) описаны обстоятельства смерти матери: «Густа скончалась в военном госпитале, по месту своей службы, в 1920 г. накануне еврейского Нового года от брюшного тифа. Я был в командировке, вернулся за три дня до её смерти – поздно было перевести её домой, улучшение ухода на месте не помогло... Густа стала жертвой госпитального лечения и казённого ухода: ей, напр., дали яичницу и т. п. – вредные после брюшного тифа – таково было товарищеское внимание, оказавшееся в отводе ей отдельной комнаты, но не в подборе няни или сестры милосердия, в чём уступили мне, когда я вернулся – были две сестры милосердия и ещё нанятая мною т. Абрамсон, знакомая Густы. Врачи говорили мне – ещё когда она была дома – что у неё малярия и что я могу уехать на Ташин завод в 60 верстах от Арзамаса, куда высланы были лошади. На заводе я пробыл несколько часов и... вернувшись домой не застал Густы – отвезли

уже в госпиталь. Все, сказали мне коллеги, шло хорошо: от тифа оправилась и... умерла от болезни лёгких... Враки: если бы было так, то говорили бы раньше, да и не так быстро умирают от болезни лёгких... Ничего такого не было – Густа стала жертвой невнимательного ухода, недопущения врачей извне, уверенности врачей в её выздоровлении и режиме недопустимого питания после пережитого брюшного тифа, когда необходима сугубая осторожность в питании. Я ничего не знал и был свидетелем, по возвращении из командировки, её возмущения по поводу принесённой ей яичницы на ужин... Обидно умереть в 33 года человеку, хорошо вооружённому для борьбы со всякими невзгодами жизни, в высшей степени трудолюбивому и способному, прошедшему тернистый путь провинциального врача, пустившегося в 1914 г. для продолжения своего медицинского образования в Берлин и застрявшему на пути в Москве из-за войны. До прохождения медицинского факультета в Харьковском Университете, она с большим успехом учительствовала в Пинске, куда по убеждениям поехала преподавательницей по окончании гимназии с медалью в г. Митаве. Случайно встретившись у её подруги С.С. Янковской мы вскоре поженились; проф. Ширвинский наложил *veto* на решение врачей удалить семимесячный плод, здравствующего сына, дочери коего 27/X – 1939 г. минет 4 месяца. Девушка хорошая, здоровенькая, и очень-очень жаль, что Густа не дожила до того, чтобы порою любоваться ею, как я это делаю... По нелепому недоразумению внучку Густы записали Ириной, но я мысленно считаю ее и называю Густой...» (По тексту записи ясно, что она написана Л.Е. Гинзбургом в октябре 1939 г. – Примеч. ред. УФН)

Потом помню себя лет в 8; так, например, помню похороны Ленина, а было это в 1924 г. В общем, мало что могу сообщить о раннем детстве, ощущение такое, что был ухоженным и любимым ребёнком.

Теперь об отце. Он родился в белорусском городке Могилеве в 1863 г. «Это было, как известно, лишь через 2 года после освобождения крестьян. С тех пор прошло уже примерно 150 лет, но эта цифра не кажется уж очень большой по сравнению с возрастом современной науки, оформившейся, грубо говоря, в XVII веке. Но достаточно вспомнить, что не было не только авиации, но и радио, не говоря уже о телевидении, чтобы понять, что жизнь в 1863 г. была совсем отличной от современной, по крайней мере, в

городах, а также в науке, технике и медицине.

Фото 6. Часть первой страницы патента (как тогда писали, привилегии) инженера-механика Лазаря Ефимовича Гинзбурга на аппарат для очищения воды, заявленный 30 мая 1900 года

Отец был явно способным человеком. Тогда было ведь очень трудно еврею поступить в Университет, нужно было, во всяком случае, сдать довольно серьёзные экзамены. И вот отец после окончания реального училища успешно сдал их и поступил то ли в Петербургский университет, то ли в какой-то технический вуз в Петербурге. Но всё же он не окончил этот вуз, был исключён по какому-то поводу, кажется, за участие в студенческой забастовке. Но через некоторое время он поступил в Рижский политехнический институт и успешно окончил его, став инженером ещё в конце XIX века. Инженеров тогда готовили, можно сказать, штучным образом, их было не так уж много. Я видел у отца книгу с названием «Альма-матер», в которой перечислялись все окончившие институт, и приводилась их биография. Фигурировал там и отец. Став инженером, отец работал в какой-то фирме, на заводе или в лаборатории. Но затем завёл своё собственное «дело» – предприятие по очистке воды. Чистить воду от солей необходимо при её использовании в паровых котлах и в ряде других случаев. У отца были патенты, в частности заграничные. На фото 6 приведена 1-я страница, как тогда писали, «привилегии». Было несколько таких «привилегий» и патентов. «Малый бизнес» отца, как теперь бы сказали, состоял из химической

лаборатории, занимавшей четырехкомнатную квартиру в том же доме, где мы жили, а также из довольно большой мастерской, расположенной в Измайловском парке. В этой мастерской изготавливалась некая машина, в которой производилась очистка воды. К сожалению, масштаб этого «дела» был таков, что после революции мастерскую заведомо не национализировали. Это позволило отцу в период НЭПа снова возродить свой «бизнес», что мне было крайне неприятно. Но в тридцатые годы эта деятельность вместе с НЭПом прекратилась, и отец, как и в годы военного коммунизма, работал инженером в ВСНХ (Высшем Совете Народного Хозяйств. – *Примеч. ред. УФН*) и каких-то других учреждениях. По-видимому, он был крупным специалистом, поскольку занимал довольно крупные инженерные должности. Поэтому мы мирно жили – отец работал в каком-то тресте, а тётя до начала Отечественной войны работала в «Международной книге».

Фото 7. Фотография Л.Е. Гинзбурга для пропуска в одно из советских учреждений. Сделана (предположительно) в 1930 годы

В своей области (очистка воды; видимо, речь была только о воде, используемой в промышленности, конкретно, в паровых котлах) отец был явно признанным специалистом и долго оставался консультантом или кем-то в этом роде в

ВСНХ или каких-то других учреждений.

Фото 8. Фотография Виталия Гинзбурга в возрасте 10 лет. На обороте рукой Виталия старательно написано: «На добрую память дорогой тёте Розе от любящего её Муси. Москва, 29/1 – 1927 г.» (Муся – ласковое семейное прозвище Виталия Гинзбурга в детстве – *Прим. ред. УФН*). Таким В.Л. Гинзбург пошёл в школу

Было бы неуместно мне здесь сколько-либо подробно останавливаться на моей биографии³. Ограничусь замечанием, что родители послали меня в школу лишь с 4-го класса, поскольку, по-видимому, боялись, что школа плохая. И действительно, в 1920 годы уровень преподавания в большинстве школ сильно упал, по сравнению со средним

---

3 Моя довольно подробная автобиография, написанная в связи получением Нобелевской премии по физике в 2003 году, имеется в книге: Гинзбург В.Л. О сверхпроводимости и сверхтекучести. Автобиография (М.: Физматлит. 2006). Несколько дополненный текст этой книги переведён на английский язык под названием. On Superconductivity and Superfluidity. A Scientific Autobiography Heidelberg Springer, 2009).

уровнем, царившим до революции в хороших гимназиях и реальных училищах. Посещение школы тогда не было обязательным, вот я и пошёл в школу лишь в 11 лет и сразу же в 4-й класс. Поступил я в 57-ю школу на улице Мархлевского (бывший Милютинский переулок). Это бывшая французская гимназия, расположенная рядом с католической церковью. Там остались старые преподаватели и, думаю, было не хуже, чем до революции, если не считать преподавания истории, которая была сведена к изучению речей товарища Сталина. Но, к сожалению, как раз в тот период произошла очередная реорганизация школы в стране – она из школы с обучением в 11 (или 10) лет превратилась в «школу-семилетку». Дальше желающие учиться должны были идти в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Окончив и, видимо, отработав некоторое время на производстве, можно было идти на рабфак, а потом желающие могли поступать в вузы.

Фото 9. Фотография Розы Вениаминовны Вильдауер (тети Виталия Гинзбурга), сделанная на пропуск в организацию «Международная книга», находившуюся в ведении Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР. На фотографии видна печать НКП РСФСР. Фотография сделана (предположительно) в 1930 годы

Мне в ФЗУ идти не хотелось, и я окончил в 1931 году только школу-семилетку, да ещё к тому же я был непролетарского происхождения. Но стал учиться «заочно» и в 1934 г. был принят на 2-й курс физфака МГУ. Учился я хорошо. Побоялся, однако, идти на теоретическую

специальность и пошёл на оптическую специальность. Делал экспериментальную работу в качестве дипломной. Но вот окончил физфак, и кафедра оптики (ею заведовал академик Г.С. Ландсберг) решила оставить меня в аспирантуре с осени 1938 г. Этому, однако, мог помешать призыв в армию, да, собственно, меня уже призвали, но отпустили домой ожидать повестки с указанием, когда и куда «явиться с вещами». Вот я и ждал этой повестки, пока вопрос решался где-то «наверху». Дело в том, что в те времена вновь принятых аспирантов МГУ не призывали, давали отсрочку. Но тут ведь был 1938 год, когда нависла военная угроза и отсрочки хотели отменить (их и отменили, но с 1939 г.), а тогда нам всем всё же дали отсрочку. В этот период ожидания особенно не хотелось сидеть в тёмной комнате и «гонять» насос, обеспечивающий вакуум в моей установке. И я стал пытаться теоретизировать, имея в виду объяснить один предполагавшийся эффект, касающийся оптики каналовых лучей. Пошёл за консультацией к проф. И.Н. Тамму, заведующему кафедрой теоретической физики. Он как-то очень поддержал меня, вдохновил, и я быстро получил некоторые результаты, относящиеся к квантовой электродинамике. Уже в 1939 году написал 3 статьи, представленные известным физиком-теоретиком акад. В.А. Фоком для опубликования в «Докладах академии наук СССР». Оптику я забросил и стал физиком-теоретиком.

Я забежал вперёд и не написал о том, как я стал студентом. Одним из «клиентов» тётки (т. е. она помогала ему выписывать иностранную литературу) был Евгений Федорович Бахметьев. Он был старым большевиком, подводником, а после революции стал специалистом в области рентгеноструктурного анализа. Так вот, он заведовал в институте имени Лепсе рентгеновской лабораторией. Туда он меня и устроил лаборантом. Я подробно пишу об этом в своей автобиографии (см. сноску 3), и здесь ограничусь замечанием, что в связи с работой в упомянутой лаборатории, я заинтересовался физикой и выбрал её в качестве специальности. Через два года мне стало уже почти 17 лет и, естественно, я решил поступать в Университет. Вот я и попытался в 1933 г. поступить на

физфак Московского государственного университета (МГУ). Для этого нужно было ещё как-то выучить то, что преподавалось в средней школе, нужно было знать материал 8-го, 9-го и 10-го классов обучения. Не без помощи учителя я сделал это и, в общем, сдал вступительные экзамены на физфак в 1933 г., правда, без блеска. Последнее обстоятельство сыграло свою роль. Потому меня не приняли, но я поступил на заочное отделение, а в 1934 г. – на 2-й курс, то есть догнал своих товарищей. Учился я хорошо, и в 1938 г. окончил физфак МГУ. О дальнейшей работе довоенного периода я кратко уже писал выше.

Фото 10. В.Л. Гинзбург – экспериментатор. Фотография из многотиражной газеты Московского государственного университета: «Аспирант физического факультета МГУ комсомолец В.Л. Гинзбург взял на себя обязательство защитить к юбилею университета диссертацию на учёную степень кандидата физико-математических наук». (Копия этой газетной вырезки была прислана в редакцию УФН Ю.Д. Плетнером к 93-му дню рождения Виталия Лазаревича Гинзбурга точно в день рождения 4 октября 2009 г. – Прим. ред. УФН)

Перед Отечественной войной мы, физики ФИАНа (Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР), как, вероятно, и многие другие, продолжили свою «мирную» работу и как-то к войне не готовились. Но вот 22 июня

1941 г. она разразилась. Хорошо помню, как я часов в 12 утра с двухлетней дочерью на руках слушал выступление Молотова по радио с сообщением о нападении Германии. Помню, как Молотов, заикаясь, кончил свое выступление словами: «Враг будет разбит, победа будет за нами». В той же комнате, в которой мы это слушали, в кровати лежал отец, выздоравливающий или, лучше сказать, «отходивший» от перенесённого инфаркта. Ему было 77 лет, он был ещё довольно бодр и уже не помню, то ли где-то оставался консультантом, то ли уже не работал. А я был докторантом ФИАНа и увлечённо работал над одной физической проблемой, составившей содержание моей докторской диссертации, защищённой в 1942 г. Отец, конечно, был очень далёк от моей работы и от физики вообще.

ФИАН начал «перестраиваться», но первое, о чём помню, это сообщение о создании народного ополчения. Я, конечно, как и большинство сотрудников, записался в ополчение и один день мы провели в помещении какой-то школы, нас как-то распределили по ротам и отпустили домой с требованием немедленно вернуться по получении повестки. Но её мы не дождались, поскольку по решению властей ФИАН, как и ряд других институтов АН СССР, был эвакуирован в Казань. Случайно так совпало, что во время первого налёта немцев на Москву (кажется, но не уверен, это было через месяц после начала войны) провёл ночь в метро, возле которого меня застала воздушная тревога. Когда возвращался домой, видел некоторые следы бомбардировки. Этим, кстати, и ограничивается моё знакомство с военными действиями, ибо совсем вскоре мы уехали в Казань. Если говорить о нашей семье, то нас было четверо: отец, тётя, моя жена и я. Дочка уехала с бабушкой немного ранее и в другое место.

В Казань были эвакуированы многие, хотя и не все академические учреждения. ФИАНу была отведена часть второго этажа физфака Казанского университета. Сотрудники постарше (не в смысле возраста, а по «положению») были поселены во многих местах, в частности, в квартирах знакомых и т. д., а относительная молодёжь (впрочем, не только она) была поселена в

общежитии университета на Клыковке. Это было здание типа школьного на окраине Казани. Вначале мы и семья Е.Л. Фейнберга были поселены в одной довольно большой комнате, разделённой на две половины просто висевшей простыней или одеялом. Кстати, с этого времени и началась моя дружба с Евгением Львовичем и его женой Валей, хотя формально мы были знакомы и раньше.

Фото 11. Виталий Лазаревич Гинзбург и Нина Ивановна Гинзбург. 2006 год. Фотография сделана в Гематологическом научном центре Российской академии медицинских наук, где В.Л. Гинзбург находился на лечении полтора года (с февраля 2005 г. по август 2006 г.)

Потом каждая семья получила по комнате площадью, вероятно, около 25 кв. м. Нам не повезло: наша комната была угловой и зимой очень холодной. Доходило до того, что в холода вода у нас замерзала. Мебель состояла, естественно, из 4-х кроватей вдоль стен и стола посередине. Было, конечно, голодно, но я всё же находился на работе, и жена тоже работала. Но отцу с тётёй, думаю, приходилось особенно несладко. К сожалению, не помню деталей, но тётя сломала ногу, хотя через некоторое время

всё же могла ходить, а отец резко сдал. Мне горько вспоминать это время, и я корю себя, что уделял отцу недостаточно много внимания. Но по существу, что я мог сделать? Помимо больного сердца у отца начала развиваться болезнь Альцгеймера – потеря памяти. Собственно, тогда в Казани этот диагноз не был поставлен, но речь идет, думаю, именно об этой болезни. И она, видимо, была характерна для семьи отца – ею болели, разумеется, уже позже, младшая сестра отца, а затем и её сын, то есть мой двоюродный брат.

Фото 12. Дочь В.Л. Гинзбурга – Ирина Витальевна Дорман и её муж – профессор Лев Исаакович Дорман (зять В.Л. Гинзбурга)

К счастью, эта наследственность не сказалась (может быть, точнее сказать, пока не сказалась) на мне. Вот я пишу эти строки в июле 2009 года, когда мне уже 92 года с половиной. Конечно, память стала хуже (особенно забываю имена-отчества). Но, в общем, по этому «параметру» грешно жаловаться, но по другим вполне можно: я заболел болезнью крови (болезнью Вальденстрёма). Вероятно, заболел давно, но это сказывалось вначале только на боли в ногах. Поэтому в 2003 году я смог поехать в Стокгольм, потом некоторое время также мог ходить, но в начале 2005 года попал уже в больницу с осложнениями на ноги – не мог ходить. И вот уже пятый год нахожусь либо в больнице, либо дома. Могу с трудом ходить по квартире с помощью так называемых «ходунков» и сижу в инвалидном кресле несколько часов в день. Остаюсь пока главным редактором журнала «Успехи физических наук» и кое-что пишу. В

последнее время главным образом – о религии, борюсь с клерикализацией в стране. К сожалению, работаю и читаю очень медленно, и у меня все растёт кипа нечитанных книг и журналов. Но сравнить мою жизнь с той, которой жили отец и тётя в Казани, всё же трудно. И, главное, моя вторая жена Нина, с которой мы дружно живём с 1946 года, заботится обо мне, хотя ей самой уже 87 лет (правда, у нас есть медсестра).

Давно хватит писать о себе, но хочу заметить, что у меня есть дочь от первого брака (ей 70 лет), две внучки и правнук с правнучкой; они появились у меня в 2000 году. К сожалению, все они живут не в Москве, но греют и на расстоянии.

Фото 13. Внучки В.Л. Гинзбурга: Мария Дорман (слева) и Виктория Дорман. Фотография сделана в 1974 году.

В одном сохранившемся письме отца или просто его заметках (см. фото 5) говорится, что у меня в 1939 г. родилась дочь и её назвали Ириной. Отец недоумевает, почему девочку не назвали Августой или просто Густой. Помню, как спорили о том, как назвать ребёнка, но имя Густа было отвергнуто, казалось слишком редким (!?). Сейчас я понимаю, что не назвать дочь именем моей покойной матери – это чёрт знает что, вот и приходится

жалеть об ошибках 70-летней давности.

Фамилии дочери и внучек Дорман, по фамилии мужа дочери, а правнуки уже Петровы. Таким образом, принадлежащая мне веточка на генеалогическом древе Гинзбургов на мне, можно сказать, и обрывается. Конечно, дерево могучее и отсутствие на нём моих потомков (носящих фамилию Гинзбург) не играет роли.

Фото 14. Внучка В.Л. Гинзбурга Виктория Дорман с мужем Михаилом Петровым и детьми (двойняшками – правнуками В.Л. Гинзбурга) Григорием и Елизаветой Петровыми, родившимися 27 февраля 2000. Фотография сделана в 2005 году

Кстати, я сам сейчас удивляюсь, почему так мало знаю о своих предках? Причины две. Во-первых, я не интересовался этим и не спрашивал отца. Во-вторых, так получилось, что в силу того, что я моложе отца на 53 года, уже не знал его родителей, все это было слишком давно. Естественно, и мои потомки очень мало знают о нашей семье. Когда-нибудь, может быть, будут жалеть об этом, поэтому я снабдил эту статью рядом фото, пусть хотя бы представляют себе, о ком идет речь.

Нужно заметить, что фамилия Гинзбург очень распространённая. Как сообщается в книге И.Б. Гинзбурга *След на Земле*⁴, только в Петербурге живет более 400

---

⁴ Гинзбург И.Б. *След на Земле*. (С.-Петербург: Изд-во Политехнического университета, 2007). Тираж 250 экз. (!).

Гинзбургов. Думаю, что Москва не отстала. Разумеется, абсурдно всех их считать родственниками, и эти однофамильцы различного происхождения. Фамилия Гинзбург происходит, по-видимому, от названия небольшого городка в Германии (в Баварии), он называется Günzburg. Однако отсюда происходит целое «семейство» близких фамилий: Ginzburg Ginsberg, Ginzberg, Günzburg и т. д. Если пользоваться кириллицей, то речь идет о Гинзбургах. Гинцбургах, Гинсбергах, Гинтсбергах и т. д. Я пользуюсь фамилией Ginzburg и Гинзбург. Даже о такой скромной ветви генеалогического дерева Гинзбургов, которая как-то связана со мной, могу сообщить очень мало.

У отца были две сестры. Одна из них была убита при погроме на юге России⁵, у нее было двое сыновей. Отец очень старался им помогать, но без особого успеха. Младший из них был какой-то совершенно непутёвый. Старший сын Хаим (мой двоюродный брат) в какой-то период около 1924 года бывал у нас и я помню, один раз он взял меня на международный шахматный турнир. Хаим был, видимо, хорошим шахматистом (и, видимо, был известной фигурой в шахматных кругах). Во всяком случае, когда в 1925 году в Москве в ресторане Метрополь проводился международный шахматный турнир высокого ранга, то он однажды повёл меня на один из сеансов и даже получил для меня в моей книжечке (и отдал мне) ряд автографов Ласкера, Капабланки и Боголюбова, который и победил на этом турнире.

В шахматы я, конечно, играл, но очень плохо. Как-то

Помещённая на обложке этой брошюры фотография работы Вадима (Димы) Абрамовича Сидура (1924-1986) очень впечатляющая. Позволю себе заметить, что с В.А. Сидуром мы были друзьями.

⁵ На обороте фото 18 рукой Лазаря Ефимовича сделана запись о судьбе сестры Хаси-Либы: «Хасю-Либу убили 1-й Сейдер 19?? в Новоград-Волынске». (Вопросительные знаки были поставлены Лазарем Ефимовичем: вероятно, что год гибели сестры Хаси-Либы в момент записи он не мог указать точно. Новоград-Волынский город в Житомирской области, ныне Украина. – Примеч. ред. УФН)

не увлётся, а способностей к ним у меня явно нет, а учиться не хотелось, хотя прилично играть в шахматы можно, уделив этому делу много времени, запоминать: этюды и т. д.

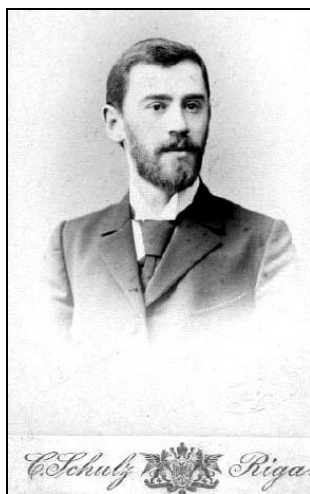
Фото 15. На фотографии Лазарь Ефимович со своей сестрой (справа на фотографии) – Елизаветой Ефимовной Гинзбург (фамилия мужа которой была также Гинзбург), а слева на фотографии (предположительно) вторая сестра Л.Е. Гинзбурга – Хася-Либа. Фотография найдена в архиве двоюродного племянника В.Л. Гинзбурга – Александра Самуиловича Гинзбурга. На обороте фотографии указана дата: «5 октября 1914 года». Возможно, что это был просто праздничный для семьи день (и соответственно, повод сделать парадную фотографию на память): в 1914 году 5 октября совпало с 15 Тишрей по еврейскому календарю – то есть первым днём праздника Сукот

К сожалению, о дальнейшей судьбе тех двоих моих двоюродных братьев я ничего не знаю. Другая сестра отца (тётя Лиза) вышла замуж за однофамильца, так что «дерево Гинзбургов» на ней не оборвалось. Она, на моей памяти, жила в Москве, у неё были три дочери и сын.

Из дочерей я знал только одну Беллу, она учила меня или, лучше сказать, пыталась учить меня английскому языку. Её убили и, чтобы замести следы, расчленили и разбросали по разным местам. В преступлении заподозрили её мужа профессора Миркина. Его и осудили, но потом отменили приговор, и он преподавал в Институте стали. Сын тёти Лизы на 6 лет старше меня, был инженером-электриком. Наконец, его сын, мой двоюродный племянник,

здравствует, он доктор физ.-мат. наук, работает в Институте физики атмосферы Российской академии наук (РАН). Кстати, он – Александр Самуилович Гинзбург, мой единственный родственник, с которым я поддерживаю связь. В справочнике сотрудников РАН по фамилии Гинзбург нас только двое. И это среди примерно 3 500-4 000 тысяч всех сотрудников. Так что Гинзбургов много, но всё же не так уж много. Как уже отмечал, о родственниках матери сейчас ничего не знаю⁶.

Фото 16. Санель Симонович Гинзбург (Александр Семёнович Гинзбург) муж тётки Лизы (сестры отца В.Л. Гинзбурга Лазаря Ефимовича). Санель Симонович Гинзбург – дед Александра Самуиловича Гинзбурга (ныне здравствующего двоюродного племянника В.Л. Гинзбурга). Фотография сделана 28 декабря 1896 года.

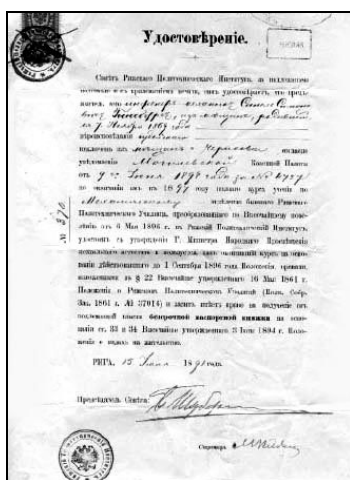
Возвращаясь к книжке И.Б. Гинзбурга, укажу, что он упоминает большое количество более или менее известных Гинзбургов.

Здесь всё же уместно еще раз остановиться на

---

⁶ В скорбном списке жертв Холокоста (http://www.yadvashem.org/wps/portal/IY_HON_Entrance) упоминается 7 человек, носивших фамилию Вильдауер и погибших в Рижском гетто. (Примеч. ред. УФН).

происхождении фамилии Гинзбург. Оно связано с городком Günzburg в Германии. Городок Günzburg (Гюнцбург или Гинзбург) существовал ещё до нашей эры. Первые документы, в которых фигурирует этот городок на Дунае, относятся к 1055 году. В 1301 году городок стал административным центром некоторой области в Швабии (Баварии). Еврейская община в Гюнцбурге уже существовала по крайней мере в 1566 г. Эти и другие сведения о городке Günzburg можно найти в книге (см. сноску 4), посвящённой Гинзбургам.

Фото 17. Удостоверение в том, что «...предъявитель сего инженер-механик Санель Симонович Гинзбург исключён из мещан г. Чернигова... по окончании им в 1894 году полного курса учения по Механическому отделению... Рижского Политехнического Института... и за сим имеет право на получение от надлежащей власти *бессрочной паспортной книжки...*». То есть только получение высшего образования давало право еврею, жившему в черте оседлости, получить паспорт и стать «вольным гражданином» (!)

О своих предках я знаю очень мало, ибо этим вопросом раньше, к сожалению, не интересовался; даже мать отца, с которой отец был особенно близок, скончалась в 1904 г., то есть за 12 лет до моего рождения. Единственное, что стоит, быть может, сообщить, это тот

факт (или, скорее всего, факт), что моя «настоящая» фамилия не Гинзбург, а Ландау. Отец как-то рассказал, что то ли его дед, то ли прадед носил фамилию Ландау, но переехав в Россию (из Польши?), женился на девице с фамилией Гинзбург и принял эту фамилию из каких-то имущественных соображений. Вообще нужно заметить, что у отца была кухня по фамилии Ландау и все они образовывали какой-то близкий крут. Я как-то рассказал об этом, не помню уж кому, но ко мне вернулось утверждение, что Ландау (Лев Давидович) любит Гинзбурга (то есть меня), потому что мы родственники. С тех пор перестал рассказывать эту байку.

Фото 18. Бабушка и дедушка В.Л. Гинзбурга – родители отца (сидят). Стоят слева направо: тётя Лиза младшая сестра отца, отец В.Л. Гинзбурга Лазарь Ефимович Гинзбург, Хася-Либа (сестра отца). На обороте фотографии рукой Лазаря Ефимовича сделана запись: «Снято в Москве приблизительно в 1889 г. Отец (то есть Ефим Гинзбург – дед В.Л. Гинзбурга) умер в Одессе в 1893 г. 24.XII. Мать Лазаря Ефимовича умерла в Прилуках в 1904 г. 15/IV. Хасю-Либу убили 1-й Сейдер 19?? в Новоград-Вольнске». (Точный год убийства сестры Хаси-Либы Лазарь Ефимович Гинзбург не указал. *Примеч. ред. УФН*)

На фотографии 18, относящейся примерно к 1889 году, фигурирует вся семья: дедушка, бабушка и, помимо

отца, две их дочери. Дедушка (то есть отец моего отца) умер в 1893 году, а бабушка умерла в 1904 году, то есть за 12 лет до моего рождения. Нужно ли удивляться тому факту, что я о ней практически ничего не знаю, разве что она была особенно близка к отцу, её единственному сыну и, как можно сказать, удачному сыну. На фотографии 19 бабушка снята вместе с отцом в 1898 году.

Фото 19. Лазарь Ефимович Гинзбург со своей матерью. Фотография сделана в 1898 году после получения Лазарем Ефимовичем диплома инженера

Отец уже был инженером и, так сказать, «встал на ноги». Мне кажется почему-то, что снимок сделан, чтобы доставить бабушке удовольствие.

Отец был верующим, иногда молился и посещал синагогу. Несколько раз и меня брал с собой. Но когда я повзрослел и начал настойчиво добиваться у отца ответа на вопрос, почему и кому он молился, ответ был таков: молюсь, чтобы вспомнить детство, родителей, а также,

чтобы забыть неприятное в своей жизни в настоящее время.

Фото 20. Августа Вениаминовна Вильдауер-Гинзбург и Лазарь Ефимович Гинзбург. Согласно записи на обороте рукой Л.Е. Гинзбурга фотография сделана в праздник Пурим 1915 г. (28.02.1915)

На фотографии 20 запечатлены мои родители, поженившиеся в 1914 году.

Фото 21. Тётя Роза. На обороте фотографии рукой В.Л. Гинзбурга указаны даты жизни Розы Вениаминовны Вильдауер: 7/III 1891 – 1/IV 1948

На фотографии 21 изображена тётя Роза, на

фотографиях 22 и 23 в возрасте 2-х лет и 9-ти месяцев (фотография была сделана 21 июля 1919 года) и 8-ми лет, соответственно, представлен я сам.

Любопытно, как мне кажется, заметить, что у евреев до сих пор сохранились какие-то остатки родового строя. Так, через старшего сына сохранилось «звание» (не знаю, как точно назвать) «коганы» или «коэны», означавшее принадлежность к священнослужителям иудейского храма (отсюда, вероятно, фамилии Коган. Каган и т. п.).

Фото 22. Виталий Лазаревич Гинзбург в возрасте 2 лет и 9 месяцев и 17-ти дней. Снят в тот же день, что и фото 4, то есть 21 июля 1919 г.

Вернусь к печальному. Отец до начала тридцатых годов был ещё крепок, среднего роста, был он сильным мужчиной. Таким или почти таким я запомнил его в начале эвакуации. Но очень скоро он уже начал сильно слабеть. Болезнь прогрессировала. Разумеется, я не мог сделать что-

нибудь радикальное для помощи ему, но корю себя за то, что ничем ему не помогал.

Фото 23. Виталий Гинзбург в возрасте семи с половиной лет. На обороте фотографии рукой Лазаря Ефимовича (отца В.Л. Гинзбурга) проставлена дата снимка 27/III–1924.

Кажется, в июне или июле 1942 г. пришлось поместить отца в больницу, где он и скончался 20 июля 1942 г. в возрасте около 79 лет. Отец похоронен на еврейском кладбище в Казани. И я не знаю точно, где его могила. В 1942 г. мы сделали что могли, и могила была как-то выделена из окружающих каким-то невысоким цементным забором. Но когда уже через несколько лет я поехал в Казань, найти или, точнее, идентифицировать могилу отца не удалось.

Не знаю я и где покоится прах матери. Она была похоронена на Дорогомиловском (если правильно помню) еврейском кладбище в Москве и отец поставил там памятник (фотография 24). Но незадолго до войны это кладбище было ликвидировано, причём было разрешено перевезти прах на другие кладбища где-то за городом

(кажется. Востряковское). Отец позаботился о переносе праха и памятника матери на это новое место, но война помешала установке памятника на новом месте. Видимо, тогда это было нелегко. Я помню, как мы с отцом были на новом кладбище, и видел памятник матери разложенным на земле, но еще не установленным. Думаю, что во время войны мрамор растащили, но это не оправдывает меня: по возвращении в Москву из эвакуации я памятника не искал. Вероятно, не нашёл бы, ведь он поставлен не был, но всё равно этому нет оправдания.

Фото 24. Фотография памятника, сделанного Лазарем Ефимовичем Гинзбургом на могиле Августы Вениаминовны на Дорогомиловском (?) еврейском кладбище г. Москвы. Фотография была сделана большого размера и на её обороте Л.Е. Гинзбург описал для сына Виталия обстоятельства смерти матери (приведены на фото 5).

Поскольку я развёлся в 1946 г. с первой женой, тётя Роза осталась в нашей старой квартире одна в принадлежащей ей комнате. Но в остальном всё было плохо: больная нога, одиночество, ибо я где-то снимал комнату, да и старался побольше находиться в Горьком (Нижем Новгороде), где работал по совместительству и, главное, где жила моя вторая жена, она находилась там фактически в

ссылке, о чём я подробно пишу в автобиографии, да и в ряде статей. А тут начались какие-то психические сдвиги, страхи, и тётя 1 апреля 1948 г. покончила с собой. Её кремировали, и урна с её прахом находится в колумбарии 18 в Московском крематории (Донское кладбище). Это всё «материальное», что осталось у меня от родных. Горько сознавать, что я не сделал всего, что, быть может, мог для облегчения жизни отца и тётки в последнее время перед их смертью.

Фото 25. Нина Ивановна Гинзбург и Виталий Лазаревич Гинзбург в Стокгольме в декабре 2003 года во время вручения В.Л. Гинзбургу Нобелевской премии по физике за 2003 год. Фотография сделана перед Гранд Отелем, где размещаются лауреаты Нобелевской премии, их родственники и приглашенные гости

Когда писал эту заметку, то вспоминал обо всей своей жизни, как-то подводил итоги. Пришел к выводу, что, в общем, мне повезло, несмотря, конечно, на известные несчастья (смерть матери, да другое помельче). Но в детстве был окружён заботой отца и тётки, не голодал и не погиб на войне. Всю жизнь занимался любимым делом (физикой и астрофизикой) и преуспел в этом, стал более или менее известным учёным. Венцом является получение Нобелевской премии по физике за 2003 год. Я не страдаю

манией величия и знаю цену любым наградам и премиям. Но всё же получить Нобелевскую премию, пусть и в конце жизни, очень приятно (см. фото 25).

Фото 26. Виталий Гинзбург и Нина Гинзбург (Ермакова) в 1948 г.

Это одна сторона жизни. Другая – это то, что, прожив так долго, в частности, в самый тяжёлый сталинский период, я, с одной стороны, не подвергся серьёзным репрессиям и, с другой стороны, не замарал свою совесть не только доносами и т. п., но и не подписал никаких гнусных заявлений, направленных против А.Д. Сахарова. Напротив, я помогал ему, о чём, написал, например, в статье «О феномене Сахарова»⁷. Сейчас тоже стараюсь защищать репрессированных учёных⁸ и борюсь с лженаукой и клерикализацией нашей страны»⁹.

Добавлю, что мне очень повезло со второй женой, с

---

⁷ Гинзбург В.Л. *О физике и астрофизике* (сборник статей) (М.: Бюро Квантум. 1995)

⁸ См., например, журнал *Здравый смысл* номер 2. стр. 10 (2009)

⁹ Гинзбург В.Л. *Об атеизме, религии и светском гуманизме* (М.: ФИ АН. 2009). Газета *Новая газета* от 12 августа 2009 г.

которой мы живём с 1946 г. Хорошие отношения у меня с дочерью и внучками.

Фото 27. 60 лет спустя. 92-й день рождения Виталия Лазаревича 4 октября 2008 г. Нина Ивановна Гинзбург и Виталий Лазаревич Гинзбург у себя дома. 62 года счастья. 62 года вместе.

Больной, и в весьма преклонном возрасте, я, естественно, думаю о смерти. Особенно часто эти мысли посещают пожилых людей и людей любого возраста на смертном одре. Впрочем, то же можно сказать о людях любого возраста, задумывающихся о смысле жизни (много писал на эту тему Лев Толстой). В общем, это понятно, конечность жизни и неизбежной смерти не так-то легко осознать и смириться с этим. Поэтому люди в древности и выдумали сказку о загробной жизни. Да и сейчас религиозные люди верят в эту сказку. Так вот, я хочу сообщить, что у меня нет такого страха. Более того, со времени начала болезни (то есть с начала 2005 года) я просто мечтал о смерти и обращался с этим к врачам, но они все, насколько помню, относились отрицательно к моему мнению. Таков уж их удел. Я считаю, что у человека есть не только право на жизнь, что, кажется, записано у нас даже в

Конституции, но и право на безболезненную смерть. Эвтаназия¹⁰ является самой мягкой, можно сказать, реализацией этого права. Но, как известно, и эвтаназия, казалось бы, право разумное и заведомо гуманное, встречает возражения в большинстве стран и со стороны всех, кажется, религий. Конечно, реализация права на безболезненную смерть, то есть можно сказать, на реализацию самоубийства по требованию, опасно с точки зрения возможных злоупотреблений. В общем, постановка этого вопроса у нас в России сейчас совершенно несвоевременна, и поэтому не буду распространяться на эту тему.

Но, повторяю, мне, как атеисту, смерть представляется вполне естественным явлением и единственное, что может удерживать человека от осуществления права на смерть – это забота о родных и близких. Во избежание недоразумений подчеркну, что смерти-то я не боюсь, но очень боюсь часто связанных с ней болей и т. п. Но боязнь этих болей – это только лишний аргумент в пользу реализации права на безболезненную смерть.

Хочу резюмировать словами Н. Гумилёва, писавшего о «несравненном праве» человека «самому выбирать свою смерть».

Как сложится моя дальнейшая судьба – неизвестно и остается только надеяться, что хуже не будет, и я смогу, пусть и с трудом, бороться с отрицательными, на мой взгляд, явлениями в нашем обществе и, в частности, в близкой мне жизни РАН – Российской академии наук.

17 августа 2009 г.

---

¹⁰ Эвтаназия – это умерщвление самых тяжёлых, безнадежно больных, разумеется, по их просьбе или просьбе родных.

Симон Шноль

Космофизические эффекты в результатах измерений процессов разной природы

Главы из еще не изданной книги

*Для чего толь многие учинены опыты в физике
и химии? Для чего толь великих мужей были
труды и жизни опасные испытания?*

*Для того ли только, чтобы, собрав великое
множество разных вещей и материй в беспорядочную кучу,
глядеть и удивляться их множеству, не размышляя о их
расположении и приведении в порядок.*

М.В. Ломоносов

Предисловие

та работа была начата в 1951-1956 гг. в попытках уменьшить «разброс результатов» при возможно более точном выполнении измерений скорости гидролиза АТФ (АТФ-азной реакции), катализируемой белками мышц – белками актомиозинового комплекса.

Прошло более 50-и лет. В результате проведенной в эти годы работы установлено:

Необъяснимый методическими причинами «разброс результатов измерений» свойственен процессам любой природы от биохимических реакций до радиоактивного распада. Он обусловлен космофизическими причинами.

Амплитуда флуктуаций (разброса результатов) относительно измеряемой величины различна для процессов разной природы.

Тонкая структура распределений величин амплитуды флуктуаций – форма соответствующих гистограмм – не зависит от природы процесса.

Форма гистограмм в одно и то же время, в данном географическом пункте сходна для любых процессов.

Форма гистограмм закономерно изменяется во времени

Эти изменения определяются космофизическими факторами.

Из совокупности результатов сделан вывод, в соответствии с которым представляется вероятным, что дискретные флуктуации измеряемых величин являются следствием флуктуаций пространства-времени, являющихся, в свою очередь, следствием движения изучаемых объектов в неоднородном гравитационном поле. Эта неоднородность, по-видимому, обусловлена наличием «небесных тел» – сгущениями масс в окружающем пространстве.

При движении объекта относительно этих тел, в неоднородном гравитационном поле, возникают гравитационные волны. В каждой точке пространства-времени происходит интерференция этих волн. Соответствующая интерференционная картина проявляется в тонкой структуре изучаемых нами гистограмм.

Эти весьма общие выводы были сформулированы при постепенном изменении представлений о природе изучаемых явлений. Полагая первые годы наблюдаемые закономерности проявлением специфических свойств мышечных белков, мы через несколько лет обнаружили, что они свойственны всем белкам, затем увидели те же закономерности в безбелковых химических реакциях, а потом стало ясно, что мы имеем дело с неспецифическим свойством самых разных, любых, процессов. Единственное общее у процессов разной природы было то, что они происходят в одном и том же пространстве-времени. Отсюда и следовали выводы, приведенные выше.

Каждый шаг на этом пути требовал большой работы. Шаги эти осложнялись психологическими трудностями в силу необычности феноменов и потому особой ответственности за достоверность выводимых закономерностей.

Изменения представлений не обесценивает

материалы предыдущих этапов по достижении очередного, более позднего. Так, установление универсального характера изменений формы гистограмм во времени не обесценивает явлений и закономерностей, найденных при исследовании белков. Поэтому в задачи этой книги входят обзор всех стадий проведенных исследований

В связи с этим книга состоит из двух частей. В первой прослеживается ход исследований, приведших к изменению представлений от «особых свойств растворов белков» до вывода о весьма общей природе явления, независимости тонкой структуры гистограмм от природы процессов.

Во второй – рассмотрены экспериментальные основания для вывода о космофизической обусловленности наблюдаемых феноменов

***

Часть I. От биохимических и химических реакций до процессов радиоактивного распада. 1951-1997 гг.

Краткая «хронология» 1-й части.

В исследованиях 1951-1970 гг., после нескольких лет работы по исключению методических артефактов, был сделан вывод, в соответствии с которым «аномальный разброс результатов» объясняется тем, что в препаратах этих белков происходят синхронные в макрообъемах, обратимые изменения конформации молекул этих белков – «конформационные колебания». Эти макроскопические колебания происходят в результате синхронизации изменений конформаций отдельных молекул, достигаемой при посредстве «волн структурной перестройки» воды – изменение «структуры» водного раствора, заполняющего пространство между молекулами белка. Способность белков мышц к таким «конформационным колебаниям» является основой ритмической активности сердца и гладких мышц. В произвольной, поперечнополосатой мускулатуре синхронизация конформационных изменений макромолекул обеспечивает высокую эффективность аппаратов биологической подвижности.

В связи с этой гипотетической картиной были проведены многолетние исследования правдоподобности

представлений о волнах структурной перестройки в воде (водных растворах), как условия синхронизации конформационных изменений молекул в макрообъемах. И начаты поиски колебательных режимов в разных биологических и химических процессах, что привело к существенному прогрессу в этой области.

После работ Е.П. Четвериковой, обнаружившей аналогичные проявления «конформационных колебаний» в растворах фермента креатинкиназы, стало ясно, что способность к синхронным в макрообъеме изменениям свойственна не только фибриллярным белкам мышц. В 1970 годы было показано, что синхронные в макрообъемах изменения, возможно, являются общим свойством растворов разных белков.

Кульминацией усилий по доказательству реальности феномена синхронных в макрообъемах изменений – «конформационных колебаний» макромолекул белков – были опыты 1960-1978 гг., в которых мы одновременно отбирали пробы из разных точек объема раствора и регистрировали в них синхронные изменения ферментативной активности или титра SH-групп во всем объеме сосуда.

Однако, в этих же опытах было обнаружено не сразу осознанное, замечательное явление: синхронное изменение ферментативной активности и титра SH-групп в порциях общего раствора белка, **находящихся в разных сосудах**. Этот феномен мы полагали сначала свидетельством устойчивости режима колебаний, сохраняющегося и после отделения порции раствора от основного объема. Однако, постепенно стало казаться более убедительным объяснение этого феномена одинаковым действием на порции раствора в разных сосудах каких-то внешних «сил».

Так или иначе, после примерно 25-и лет исследований, к 1979 году, доказательство достоверности основного феномена – «синхронных в макрообъеме раствора, обратимых конформационных изменений молекул белка» – можно было считать законченным.

Однако мы продолжали исследовать другой феномен – дискретный характер распределения результатов –

наличие «разрешенных» и «запрещенных» значений измеряемой величины. Со временем стало ясно, что тонкая структура распределений – форма соответствующих гистограмм – и амплитуда разброса результатов могут изменяться независимо друг от друга. Иногда получаются резко дискретные распределения, гистограммы с четкой тонкой структурой, при относительно небольшой амплитуде «колебаний». Иногда, наоборот, при большой амплитуде получаются гладкие распределения, без четко выделенных дискретных состояний. Таким образом, сама по себе дискретная форма гистограмм не является диагностическим признаком наличия «синхронных в макрообъеме конформационных колебаний молекул белка».

В работах 1978-83 гг., было показано, что тонкая структура гистограмм и изменения этой тонкой структуры во времени свойственны процессам любой природы. Последующие годы, до настоящего времени (2008 г.) были посвящены преимущественно исследованию природы тонкой структуры гистограмм. Был сделан вывод, в соответствии с которым тонкая структура гистограмм определяется космофизическими факторами и отражает флуктуации пространства-времени, возникающие при движении в неоднородном гравитационном поле.

Таковы основные этапы этого периода исследований. Перейдем к их более детальному рассмотрению.

Глава 1. Начало. Обнаружен «разброс результатов» измерений АТФ-азной активности в растворах актомиозина, необъяснимый тривиальными причинами (1951-1957 гг.). Этот «разброс» объяснен особыми свойствами белков мышц – синхронными в макрообъеме изменениями конформации макромолекул этих белков (1958-1970 г.г.)

8 сентября 1951 г я начал работать на вновь создаваемой кафедре Медицинской радиологии ЦИУ Врачей – это было «ответвление атомного проекта» с задачей пропаганды и обучения исследователей и врачей методам применения радиоактивных изотопов в экспериментальных и клинических целях. Мне пришлось заниматься оборудованием лаборатории, хранилища

радиоактивных изотопов, монтажом измерительных приборов, разработкой методов измерений, мытья посуды, утилизацией отходов. Уже в октябре мне пришлось начать занятия с курсантами – военными и штатскими врачами.

Среди множества проблем, одной из первых была задача расчета и точного приготовления радиоактивных растворов. Существовала высокая радиационная опасность и нужна была уверенность в аккуратности и точности работы. Я тщательно определил возможные ошибки на всех этапах стандартных процедур и с удовлетворением отметил, что моя суммарная ошибка – «разброс результатов» – составляет всего около 1,5 % от измеряемых величин.

Однако, помимо служебных обязанностей, я занимался собственными исследованиями. После 15 ч, когда кончался официальный рабочий день (так рано, ввиду опасности работы), я начинал работу по своей специальности – биохимии. Изучал взаимодействие радиоактивных аминокислот с белками (это стало моей кандидатской диссертацией) и ферментативную, АТФ-азную активность белков актомиозинового комплекса. И тут, при измерении скорости этой ферментативной реакции, куда-то девались мои экспериментальные навыки. Резко возрастал «разброс результатов». Скорости реакции при повторных измерениях, при строгом соблюдении «принципа прочих равных условий» («*Ceteris paribus*»...), иногда отличались в два раза, среднеквадратичная ошибка превышала 20 %!

Студентов учат делать не менее двух одинаковых измерений – эти измерения называют «параллельными пробами». А если результаты этих двух измерений сильно отличаются, рекомендуют делать еще одно, третье «параллельное» измерение. Из трех выбирают два близких результата, а третий... отбрасывают, как «выпавший».

Я не хотел отбрасывать результаты и стал увеличивать число «одинаковых» измерений. Стал делать по 10 «параллельных». И увидел странную вещь – мало того, что скорости реакции в разных порциях раствора сильно отличались друг от друга, – очень часто результаты образовывали две – три группы. Ни какую из них нельзя

было предпочтень другим. Это было первое проявление дискретности распределений результатов измерений.

Увеличил число измерений до многих десятков, а потом до нескольких сотен. Дискретность становилась только более явной... Вместо ожидаемых «нормальных» распределений получались гистограммы с явно преимущественной реализацией одних величин и малой вероятностью реализации других.

Прежде всего, стало ясно: это не «параллельные» пробы, а «последовательные»! Значит, свойства раствора белка изменяются во времени! Эти изменения обратимы? И состояния препарата дискретны?

Нужно было убедиться, что все это не результат методических ошибок, что эти отличия не объясняются неомогенностью раствора, разным объемом порций растворов, разной концентрацией белка, разной температурой, разным качеством стекла и формы пробирок. На это потребовалось много лет.

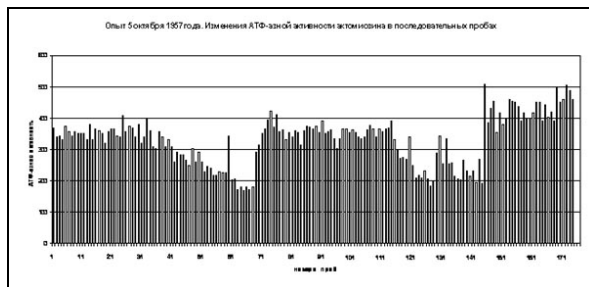

Рис. 1. Иллюстрация спонтанных изменений («колебаний» с большой амплитудой) ферментативной – АТФ-азной активности в растворе актомиозина. Опыт 5 октября 1957 г.

Среднеквадратичная амплитуда «разброса результатов» в %% к средней величине равна 23 %. По оси абсцисс №№ 15-секундных интервалов между пробами. По оси ординат – ферментативная (АТФ-азная) активность (условные единицы)

На рис. 1 изображен, в качестве иллюстрации феномена, результат типичного опыта тех лет, в котором 5 октября 1957 года было сделано измерение АТФ-азной

активности последовательно отбираемых с 15 секундными интервалами 173 равных порций раствора актомиозина.

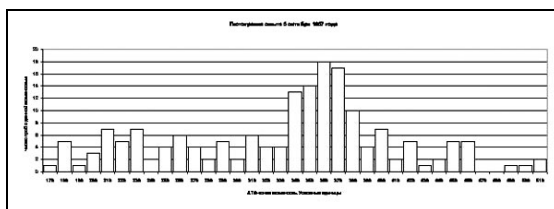

Рис. 2 Гистограмма – распределение реализуемых величин в опыте рис. 1

А) Видно как в районе 40-й порции АТФ-азная активность препарата начинает уменьшаться, уменьшается почти в 2 раза к 66-й пробе и вновь резко возрастает, начиная с 70-й пробы. И снова ферментативная активность убывает в районе 120-145 проб и снова растет к концу опыта

Б) Существуют «предпочтительные» значения измеряемой величины. Ферментативная активность в районе 360 и 200 условных единиц реализуется значительно чаще, чем другие величины. Соответствующая гистограмма не похожа на гладкое «нормальное» распределение.

Рис. 3 Иллюстрация «макроскопических флуктуаций» скорости реакции АТФ + креатин= креатин-фосфат + АДФ, катализируемой ферментом креатинкиназой. Опыт 30 мая 1978 г. По оси абсцисс время. Минуты. По оси ординат – скорость реакции в условных единицах

На рис. 3 и 4 дана аналогичная иллюстрация результатов типичного опыта, поставленного «20 лет

спустя» – 30 мая 1978 года. В эти годы мы в основном работали с разбавленными растворами креатинкиназы. Здесь также видны флуктуации измеряемой величины, значительно превышающие по амплитуде методические ошибки (8,1 % по сравнению с 1,5 %.

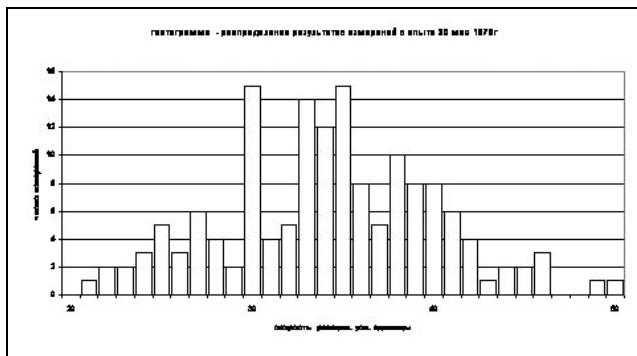

Рис. 4 Характерное дискретное распределение – дискретная гистограмма результатов измерений, изображенных на рис. 3

На этих рисунках видны два основных феномена:

1. «чрезмерно» большая амплитуда разброса результатов измерений и
2. дискретное распределение получаемых величин, наличие «разрешенных» и «запрещенных» состояний.

Как стало ясно в результате дальнейшей работы, амплитуда разброса результатов и форма дискретных распределений (форма соответствующих гистограмм) могут изменяться независимо друг от друга.

В 1950 годы у меня было много интересных задач. Но заниматься ими при наличии такого разброса результатов и таких странных распределений казалось мне невозможным. Я решил сначала выяснить причины этих явлений, а потом заняться более интересными явлениями...

Прошло 50 лет. «Выяснение» еще не завершено. Но то, что я узнал, может быть интересно будущим исследователям.

Сначала я полагал эти феномены специфичными именно для белков мышц, белков актомиозинового комплекса. Через 15 лет работы «оказалось», что это

свойство вообще любых белков. К началу 1980 годов стало ясно, что:

1. Амплитуда «разброса результатов» и форма соответствующих гистограмм могут быть не связаны друг с другом, они **являются следствием разных причин**. Синхронизация изменений молекул белков в растворах отражает важные свойства, могущие быть основой многих физиологических процессов.

2. Дискретные распределения свойственны процессам любой природы от биохимических реакций до радиоактивного распада, что в формах соответствующих гистограмм отражаются весьма общие свойства нашего мира. В настоящее время я думаю, что в этих явлениях проявляются флуктуации пространства-времени, возникающие при движении Земли в неоднородном гравитационном поле...

Мне представляется небесполезным проследить ход экспериментов и изменение концепций по мере этих многолетних исследований – от частной биохимии к общей физике. (Читатель не-биохимик может пропустить эту первую «историческую» часть и начать чтение сразу с описания результатов измерений радиоактивности и флуктуаций в случайных процессах).

1.1 «Конформационные колебания» белков мышц.
Волны структурной перестройки воды

После нескольких лет исследований, для объяснения странного «разброса результатов» измерений АТФ-азной активности белков актомиозинового комплекса, я «нарисовал» такую картину:

Эти белки существуют в нескольких почти равновероятных состояниях – в разных конформациях макромолекул с разной ферментативной активностью. И эти конформационные состояния переходят одно в другое по аналогии с явлением полиморфной кристаллизации – побеждает то одна, то другая форма. В препарате проходят волны структурной перестройки – «конформационные колебания». Посредником, обеспечивающим синхронизацию конформационных перестроек во всем макрообъеме, я считал волны структурной перестройки

воды, возникающие при появлении и исчезновении гидрофобных и гидрофильных участков макромолекул (при «открывании и закрывании» складок («ртов») на поверхности макромолекул белка).

Придуманные мною «волны структурной перестройки воды» представляли собою переориентацию диполей воды при изменении свойств поверхности – от гидрофильной к гидрофобной. Изменения, переориентация ближайшего к контактной поверхности слоя вызывают изменения ориентации следующих слоев и так далее – до прихода этой волны переориентации к поверхности другой молекулы. Изменения конформации одной молекулы синхронизируются с изменениями конформации другой, аналогично «затягиванию», «захвату», синхронизации осцилляторов (например, маятников, подвешенных к общей основе). Это могла быть интересная задача о синхронизации беспорядочно колеблющихся осцилляторов в трехмерной среде...).

Условием осуществления таких «макроскопических конформационных колебаний» должна быть близость состояния системы к фазовому переходу, к «критической точке» («когда радиус корреляций флуктуаций бесконечен»).

Картина получалась стройной и могла служить основой объяснения механизма важных биологических явлений: ферментативного катализа, биологической подвижности, генерации и восприятия акустических и электромагнитных полей (Последнее – поскольку макромолекулы – электреты – содержат фиксированные электрические заряды, движение которых и создает электромагнитные поля).

Такие переходы из одного состояния в другое сократительных белков мышц – белков актомиозинового комплекса – казались мне очень естественными именно для этих белков. Эта их способность при необходимой структурной организации могла бы быть основой ритмической активности сердца, летательных мышц насекомых и медленных колебаний, например, перистальтики кишечника.

Эти идеи были поддержаны **Сергеем Евгеньевичем Севериным, Львом Александровичем Блюменфельдом и Глебом Михайловичем Франком** и стали впоследствии программой исследований нашей лаборатории в Пущино. Г.М. Франку нравился образ молекул белков-ферментов, «жующих» субстраты. Картина эта увлекла **Дмитрия Сергеевича Чернавского** и мы с ним и **Юрием Исааковичем Хургиным** в 1966 г сформулировали концепцию «белок машина».

Эти «самопроизвольные изменения свойств белка», вследствие синхронизации флуктуаций в зоне фазового перехода полиморфной системы, занимали меня много лет и составили предмет многих публикаций. Некоторые из них мне бы хотелось спасти от забвения.

Глава 6. Итоги исследования «макроскопических флуктуаций» за 1951-1997 гг.

Эти итоги кратко обозначены в Предисловии. В представленных выше главах прослежен, в основном, ход экспериментальных исследований, приведших к итоговым выводам этой части. Я вижу незавершенность многих начинаний. Видно, как много лет ушло на опыты, в которых, на самом деле, было невозможно получить ответы на поставленные вопросы. Видно, что, с другой стороны, некоторые направления исследований были прекращены, когда можно было ожидать еще важные результаты (опыты с растворами белков, с «затравкой», с синхронными колебаниями в макрообъемах растворов). Но, делать нечего. Жизнь только одна. И при всем этом к 1997 году можно было сказать, что в закономерностях «разброса результатов», сопровождающем измерения любых процессов, скрыты замечательные вещи, скрыты проявления фундаментальных свойств нашего мира.

Вот их краткий перечень:

1. Амплитуда «неуничтожимого» разброса результатов является фундаментальной характеристикой процессов разной природы.

2. Тонкая структура гистограмм не случайна, не зависит от природы процесса и определяется как чисто арифметической, так и внешней космофизической

(космогонической) причинами.

3. Форма гистограмм в разных географических пунктах изменяется синхронно по местному (а иногда и по абсолютному) времени.

4. Форма гистограмм сходна в ближайших соседних интервалах времени («эффект ближней зоны»).

5. Форма гистограмм с высокой вероятностью повторяется с околосуточным, околосесячным и, возможно, годичным периодами.

6. Формы гистограмм с высокой вероятностью бывают зеркально симметричными. Хиральность – фундаментальное свойство нашего мира.

Поскольку, единственным общим для процессов разной природы было их осуществление в одном и том же пространстве-времени, на основании этих закономерностей было высказано предположение, что мы имеем дело с флуктуациями пространства-времени, обусловленными неоднородностью гравитационных полей

Дальнейшее развитие и обоснование этих выводов стало возможно после создания в 1997 году Эдвиным Владимировичем Пожарским замечательно удобной компьютерной программы «Gistogram manager» (см. 2-ю часть). Создание этой программы позволило в десятки раз увеличить интенсивность работы и ознаменовало начало нового периода наших исследований.

Результаты исследований за десятилетие 1997-2008 гг. составляют содержание второй части этой книги.

Часть II. Космофизические закономерности в случайных процессах

*Открылась бездна звезд полна
Звездам числа нет – бездне дна*
М.В. Ломоносов

Введение

В 1-й части книги был прослежен ход исследований, начатых в 1951-1954 гг. с целью выяснения причин странного, не обусловленного методическими причинами, разброса результатов измерения ферментативной (АТФ-азной) активности в растворах белков мышц – белков

актомиозинового комплекса. Два обстоятельства требовали объяснения: 1) – «слишком» большая амплитуда этого «разброса» и 2) – дискретный характер, наличие «разрешенных» и «запрещенных» значений измеряемых величин, феномен похожий на макроскопическое квантование, проявляющийся в тонкой структуре статистических распределений, в тонкой структуре соответствующих гистограмм.

1-я часть этой книги посвящена исследованиям природы этих феноменов продолжавшихся на протяжении более чем 40-летнего периода с 1957 до 1997 гг.

Во 2-й части представлены результаты продолжения этих исследований, полученные, в основном, на протяжении десятилетия 1997-2007 гг. Эти результаты позволили обосновать весьма общие выводы. Вот эти выводы:

1) **«Разброс результатов» последовательных во времени измерений – неуничтожимое проявление фундаментальных свойств нашего мира. Этот «разброс» является следствием флуктуаций пространства-времени, происходящих вследствие движения объекта в неоднородном гравитационном поле.**

2) **Спектр амплитуд разброса результатов – тонкая структура соответствующих гистограмм – не зависит от природы процесса и определяется только характером флуктуаций пространства-времени, происходящих при вращении Земли вокруг своей оси и ее движении по околосолнечной орбите.**

3) **Амплитуда этого разброса различна для процессов разной природы и зависит от многих обстоятельств, свойств и характера взаимодействий изучаемых объектов.**

Эти выводы обусловлены значительным облегчением и интенсификацией анализа результатов измерений, ставших возможными благодаря использованию созданной в 1997 году **Эдвиним Владимировичем Пожарским** замечательно удобной компьютерной программы “Gistogram manager”.

До этого, в предыдущие десятилетия, в эпоху «до персональных компьютеров», при измерениях скоростей

биохимических и химических процессов, удавалось обычно выполнить не более 250 точных измерений за рабочий день. По этим результатам можно было построить всего 4-5 гистограмм. После начала круглосуточных измерений радиоактивности с 6-и секундными интервалами (в 1986 г.) мы получали по 240 гистограмм каждые сутки. Наш банк-архив результатов измерений хранился в памяти большого общепитовского компьютера. К концу рабочего дня мы получали «распечатку» – гистограммы, нарисованные принтером на больших листах бумаги. Сравнение гистограмм состояло в их перерисовывании на кальке и наложении рисунков друг на друга. Это была медленная и кропотливая работа.

Эдвин Владимирович Пожарский, выпускник Физтеха, занимался классической биофизической задачей – рентгеноструктурным анализом белков. Услышав, при первоначальном знакомстве, мой рассказ о наших работах, он сказал: «Полученное мною образование не позволяет серьёзно относиться к сказанному Вами...». Эти слова вошли в фольклор нашей лаборатории. Несмотря на «полученное образование», именно он внес самый важный практический вклад в наши работы. Сначала он попытался использовать алгоритмы нейронных сетей для создания компьютерной программы, определяющей сходство гистограмм вместо эксперта. Попытка оказалась неудачной. Тогда он создал программу GM, где все процедуры, кроме диагноза «сходна-несходна», выполняет компьютер и только этот диагноз ставит эксперт.

С помощью программы Э.В. Пожарского и наличия высокосовременных персональных компьютеров «производительность труда» возросла в десятки раз. С 2000 г. в нашей лаборатории круглосуточно работают 2-4 установки конструкции И.А. Рубинштейна, производящие ежесекундную регистрацию альфа-активности соответственно 2-4 препаратов ^{239}Pu . Теперь в день стало возможным каждому эксперту сравнивать формы до 20 000 пар гистограмм. Полученные с помощью этой программы за последние 10 лет результаты подтвердили достоверность основных выводов из работ предыдущих десятилетий.

Обнаружено много новых феноменов. Наметились контуры физической картины, объясняющей эти феномены. Эти новые материалы составляют основное содержание последующих глав 2-й части этой книги.

Глава 25. Заключительная. Возможная природа «тонкой структуры» гистограмм.

В предыдущих главах сделан, насколько удалось полный обзор закономерностей проявления феномена «макроскопических флуктуаций» при измерениях процессов разной природы. В текстах этих глав отмечено множество парадоксов и неясностей, ждущих дальнейших исследований. Однако, в целом картина проясняется. Изменения формы гистограмм определяются движением изучаемых объектов в неоднородном, анизотропном пространстве-времени. Формы гистограмм являются характеристиками разных областей пространства-времени. Свойства этих областей оказались стабильными, воспроизводимыми на протяжении многих лет. Наиболее вероятной причиной анизотропии и неоднородности пространства времени представляется наличие в пространстве дискретных «сгущений» масс – небесных тел. В каждой точке такого пространства происходит интерференция гравитационных взаимодействий. Тонкая структура гистограмм является отражением интерференционной картины области пространства, «пересекаемой» объектом при его движении. Гистограммы с их относительно узкими зонами, соответствующими дискретным значениям измеряемых величин, их пикам и впадинам, скорее всего и являются интерференционными картинами. Примерно так выглядит *феноменологическая* картина.

Физический смысл этой картины гораздо туманнее. В самом деле, не ясно: какими должны быть гравитационные неоднородности, чтобы объяснить наблюдаемые величины флуктуаций измеряемых величин? Речь идет о процессах любой природы от шумов в электронных схемах до альфа-распада. Единственное общее для всех процессов – их нахождение в одном и том же пространстве-времени.

Достаточны ли величины флуктуации свойств пространства-времени при движении в неоднородном и анизотропном гравитационном поле, чтобы объяснить величины флуктуаций характеристик разных процессов? Как объяснить различия относительных величин амплитуд флуктуаций в процессах разной природы? Почему в пьезокварце они составляют 10^{-6} от среднего значения измеряемой величины (в данном случае частоты), в скоростях химических реакций амплитуда флуктуаций имеет порядок 10^{-2} от средней, а при радиоактивном распаде амплитуда флуктуаций пропорциональна $N^{-1/2}$? Как объяснить поразительную хиральность (зеркальность), наличие правых и левых форм гистограмм? Как объяснить регистрацию изменений формы гистограмм за очень малые интервалы времени посредством грубых приборов – плоских плохо ориентированных источников радиоактивности без коллиматоров, или с коллиматорами с низким пространственным разрешением («парадокс Харакоза»). (За малые времена ориентация источников изменяется на углы, которые много меньше апертуры приборов.) Как это может быть?

В сущности, главный итог этой работы – формулировка вопросов, которые не могли возникнуть раньше. Не могли, поскольку не были открыты явления – основания для формулировки этих вопросов. Нужно было обнаружить «эффект ближней зоны», чтобы стал возможен вопрос о природе этого эффекта. Вопрос о том, по какой причине сходные гистограммы получаются достоверно чаще в соседних, никак не связанных друг с другом, интервалах случайных временных рядах? И почему этот эффект иногда исчезает? И чем объясняется его фрактальность – почему не удастся найти столь малые интервалы времени, чтобы форма гистограмм не «успевала измениться», чтобы вообще «остановить мгновенья» и форма гистограмм перестала бы изменяться?

Нужно было сначала обнаружить околосуточную периодичность появления сходных гистограмм и убедиться (вопреки естественному подозрению) что это не антропогенный эффект, что он не связан с ритмом

человеческой деятельности, прежде чем стал возможен вопрос о природе этой периодичности. А когда было обнаружено расщепление суточного периода на два – на солнечные и звездные сутки, возник вопрос о природе такого расщепления. Вопрос получивший в нашей лаборатории название «парадокс Харакоза», – когда посредством приборов с плохим пространственным разрешением мы воспроизводим различаем ориентацию на Солнце и на «неподвижные» звезды, при угловой разности ориентации всего в один градус! И что делать, что сказать, если такое расщепление в «эффекте местного времени» наблюдается с точностью до 10^{-3} секунды? Что тут делать? Отказаться от этих наблюдений, ввиду их «невозможности»? В самом деле, что делать, когда мне совершенно справедливо говорят: «ну, не можешь же ты определять годовые периоды с точностью до 1 минуты, когда в году 525 600 минут!». Что сказать? Сказать, что могу. Более того, отмечаю ежегодный сдвиг солнечного годового периода на одну минуту... И даже объясняю как это я делаю.

Парадоксальные эффекты сопровождают всю эту работу и делают возможным формулировку все более «острых» вопросов. Обнаружение этих эффектов было связано с сильными психологическими потрясениями. Среди них – первые опыты с коллиматорами – обнаружением исчезновения суточного периода при направлении коллиматора на Полярную звезду. Как это может быть? Какое дело атомам плутония 239 до направления вылета альфа-частиц? «Бред какой-то!» = отреагировал на это утонченно воспитанный теоретик. Зато потом был поразительный по продуктивности 2004 год с опытами с вращением коллиматоров. И стало еще больше число ранее невозможных, вопросов. «На самом деле» вопросы не только возникали – из них следовали все новые варианты и идеи опытов. Но главным была задача достоверности феноменов. Сомнения в их достоверности изнурительны. Преодоление (или подтверждение) этих сомнений требует длительных опытов. И потому мне понятно «куда ушли 55 лет»: на каждый, даже не самый

главный вопрос-сомнение обычно требуется около года жизни.... А когда речь идет о явлениях типа «ряд дневных гистограмм в Западном коллиматоре образуют палиндром с рядом гистограмм *прошедшей* ночи, а Восточном коллиматоре ряд дневных гистограмм образуют палиндром с *последующей* ночью, так что Западный коллиматор «смотрит в прошлое, а Восточный смотрит в будущее»... Тут бы лучше ничего никому не говорить, и несколько лет продолжать эти опыты, или, по обычаю XVIII-XVIII веков, зашифровывать сообщение в виде «анаграммы». Это чтобы приоритет сохранить и от критики избавиться. Это для тех, кто боится за свою репутацию...

Гипотезы теоретиков и сомнения экспериментаторов

Было бы несправедливо создавать мнение (в чем я и сам виновен), что вся эта работа «чистая эмпирика», что это лишь материал для собственно научной работы будущих теоретиков. Вовсе не так это. На каждом шагу непрерывная, нескончаемая экспериментальная работа сопровождалась «умственной деятельностью» и формулировкой все новых, часто все более экстравагантных, вопросов. В формулировке этих вопросов у меня было объяснимое преимущество: я думал над этими проблемами непрерывно много лет. Обсуждение с коллегами было очень полезно, но я не помню случаев, чтобы кто-нибудь задал при этом вопрос или высказал предположение вполне для меня новое (см. «эффект Везолли»). За прошедшие годы ряд авторов предлагали теоретическую интерпретацию обсуждаемых феноменов. В этих работах были интересные гипотезы, но не было предложено ни одного реального ключевого опыта. Было также несколько публикаций с сомнениями в достоверности сообщаемых нами фактах. Вступать в детальную дискуссию с первыми и опровергать вторых в этой книге мне представляется неуместным. С первыми из-за моей недостаточной образованности, со вторыми из-за экспериментальной необоснованности большинства их возражений.

Глава 26. Дополнительная. «Наука и жизнь»

Странная вещь – параллельные пространства! Эта работа началась в нереально далекие времена. Начало 50-х годов – трудно произнести: *прошлого века!* Капитаны Министерства Госбезопасности, привозящие мне контейнеры с радиоактивными препаратами. Кафедра Медицинской радиологии. Аресты «врачей вредителей». 30-летний Л.А. Блюменфельд с характерной внешностью контрабандиста из оперы «Кармен» и густым басом «профундо». С.Е. Северин, слушающий мои сбивчивые рассказы о странном разбросе результатов в опытах с актомиозином. Смерть Сталина 5 марта 1953 г. Арест Берии в июне 1953 г. В.А. Энгельгардт, предупреждающий своих сотрудников (после моего доклада 27 марта 1957 г), – «какой был студент... он сошел с ума... никаких опытов с ним ставить не нужно...». Лекции и лабораторные занятия с курсантами – врачами ЦИУ по применению радиоактивных изотопов. Колебательная химическая реакция Б.П. Белоусова. Физический факультет МГУ, кафедра Биофизики 1960 г. Курс лекций «Биохимия» студентам Физфака с 1958 г по... настоящее время. Весна 1963 г – приказ Г.М. Франка о создании лаборатории Физической биохимии для работы в Пущино. Июнь 1964 г – переезд в Пущино. Студенты кафедры в Пущино. Лаборатория.

И много других параллельных «главных» пространств – мы, Алеша-Оля, мама, теща, братья, племянники, внуки...

Работа началась, когда был Сталин, потом Маленков, потом Хрущев, потом Брежнев, Черненко, Андропов, Горбачев, потом распался Советский Союз, был ГКЧП, Ельцин, Путин, Медведев...

А я все дни – «разброс результатов, колебания, гистограммы» – «статистические спектры реализуемых состояний». Дни – месяцы – годы – десятилетия. Изменяющиеся «картины мира», объясняющие получаемые результаты. Страсти и психологические катастрофы.

Как это было возможно? Как это было позволено? Что за страна, где такое (безобразия) возможно? Разные планы объяснений.

Я всегда был свободен в своих занятиях. Был свободен потому, что платил за свободу.

10 лет на кафедре Медицинской радиологии – платил созданием и чтением курса лекций и практических занятий по применению радиоактивных изотопов, организацией всей (опасной) работы с радиоактивностью: от хранения и использования изотопов до утилизации отходов и мытья посуды и созданием дозиметрического контроля. А еще был автором новых методов и работ по исследованию превращений меченых радиоактивных соединений...

50 лет на кафедре Биофизики Физического факультета – все годы чтением лекций, разработкой учебных планов, работой со студентами...

45 лет одновременно в лаборатории Физической Биохимии Института Биофизики – высокой продуктивностью выполнения плановых исследований и созданием обстановки творчества – 22 доктора наук сотрудников лаборатории разных лет...

И множеством опубликованных трудов, среди которых главные – по макроскопическим флуктуациям не сразу выдвигаются на первый план...

И потому благосклонность начальства – зав. кафедрой Мед. радиологии профессора Василия Корниловича Модестова и все годы дружба и сотрудничество с Л.А. Блюменфельдом на кафедре Биофизики и за ее пределами. И поддержка директора Института Биофизики Г.М. Франка с его лозунгом «Не гасите пламя!», а после него – положительное отношение Г.Р. Иваницкого, Е.Е. Фесенко, Л.М. Чайлахяна и снова Г.Р. Иваницкого. А когда «заматерели» бывшие студенты и стали моими начальниками: В.А. Твердислов на кафедре и Д.П. Харакоз в лаборатории, обстановка продолжала быть дружеской и продуктивной. «Ловко устроился» говорят обо всем этом наши друзья.

И при этом – удивительная ситуация. Исследование «макроскопических флуктуаций» затрагивают фундаментальные представления о нашем мире. И никакого положительного внимания Академии наук. Оно, может быть, и хорошо - «минуй нас ...и барский гнев и барская

любовь...». В чем тут дело? Выжидают. А ну-ка все окажется «лженаукой» ... А если все правда – тогда отметим отечественный приоритет и будем гордиться...

Произошла «перестройка». Обычное в советское время, хоть и скудное, финансирование прекратилось. Как хорошо, что я успел запастись небольшим числом низко-активных препаратов 239-плутония. Период полураспада 24 тысячи лет – достаточно велик. Приборы – самодельные... Все очень удачно. Но... ни одного гранта на эти исследования за все годы. Мне даже перестали присылать «отказы». Это нормально – это значит, что работа совсем новая и оценивать ее некому. Но нужны компьютеры и прочее вспомогательное оборудование. Спас нас совсем незнакомый и не очень богатый американец – пожилой инженер-физик Томас Петерсон. Он услышал о наших работах от М.Н. Кондрашовой на симпозиуме и... приехал в Пущино... Несколько лет мы получали от него деньги, достаточные, чтобы обеспечить нас компьютерами. А потом, и тоже через М.Н. Кондрашову, о наших работах узнал замечательный человек Владимир Петрович Тихонов – тоже инженер-физик, выпускник МВТУ им. Баумана, владелец фирмы – завода ДИОД. Он сказал, что не может допустить, чтобы это дело поггло. Несколько лет мы получали от него 700 долларов на лабораторию ежемесячно – и мы опять обновили наше оборудование. Удивительно, стиль бескорыстного дружеского общения, характерный для российской науки, не исчез. Так, без официальных денег, без грантов мы сотрудничаем с исследователями Арктики и Антарктики из лаборатории О.А. Трошичева из СПб – института Арктики и Антарктики (ААНИИ), с Ильей Александровичем Рубинштейном из Ядерного института МГУ (НИИЯФ МГУ), так, почти без денег, делает нам замечательные приборы Владимир Алексеевич Шлектарев.

Работа продолжается. Число актуальных задач возрастает. Среди них подготовка к измерениям на МКС. Прошло более 5 лет в попытках получить разрешение на опыт в условиях космического полета. Разрешение, наконец, получено. Опыт может состояться в 2010 году. Следует быть готовым к неожиданностям. Получим ли мы там период

повторного появления гистограмм сходной формы, равный периоду оборота станции вокруг Земли? Сохранятся ли там зависимости от направления вылета альфа частиц? Увидим ли мы эффекты, обусловленные высокой скоростью движения станции?

Мы долго добивались этого разрешения. Я неоднократно выступал в аудиториях перед теми от кого это зависело. Я говорил им: «Мне скоро 80 (!) нельзя затягивать решение». Мне отвечали: «А Вы живите дольше!» Ценный совет – я пока ему следую.

***

Благодарности...

В текстах глав этой книги с благодарностью упомянуто множество имен. Однако этим не исчерпан мой долг. Длительные усилия по исследованию необычных феноменов связаны с психологическими трудностями. Все годы, все дни – с начала нашего знакомства на вступительном экзамене по физике, при поступлении в Университет в июле 1946 года, – у нас с Мусей (Марией Николаевной) Кондрашовой «общая жизнь». Я обязан ей не только сохранением психологической устойчивости, но и обсуждением и прояснением, где это удавалось, всех результатов и этапов этих исследований.

У нас общий высокочтимый учитель профессор Сергей Евгеньевич Северин. Мы обязаны ему «направлениями нашей жизни» – от момента поступления на кафедру Биохимии в 1948 году. Его давно нет на Земле, но мы оба слышим его голос, его интонации, его вопросы, его советы. У нас разные области науки – у нее биохимические основания физиологии, у меня все более – «тайны мироздания». Но бесценную поддержку он оказывал нам не только в науке, но и в непростой реальной жизни. Я пишу об этом в своей книге «Герои, злодеи, конформисты российской науки».

Более 50-и лет, с первых дней исследования «АТФ-азной активности растворов белков мышц» в 1951 г., я имел счастье обсуждать получающиеся странные результаты не только с С.Е. Севериным, но и Львом Александровичем Блюменфельдом. Его интерес, физическая интуиция,

благожелательность и психологическая опора незабываемы. Я пишу об этом в еще одной своей книге: «Лев Александрович Блюменфельд. Биофизика и Поэзия».

Возможность многие годы заниматься исследованием «негрантовой» проблемы, обусловлена не только тем, что за эту возможность я «платил» преподаванием на кафедре Медицинской радиологии в Центральном Институте Усовершенствования Врачей и на кафедре Биофизики в Университете и продуктивной работой по другим темам нашей лаборатории в Институте биофизики, но благожелательством и поддержкой руководителей этих учреждений – зав. кафедрой Медицинской радиологии проф. В.К. Модестова. директоров Института Биофизики АН СССР академика Г.М. Франка, чл. корр. РАН Г.Р. Иваницкого и чл. корр. РАН Е.Е. Фесенко, чл. корр. РАН Л. Чайлахяна зав. кафедрой Биофизики Физ. ф-та МГУ (после Л.А. Блюменфельда) проф. В.А. Твердислова и зав. лабораторией Физ. биохимии Д.П. Харакоза.

В разные годы в проведении опытов, в обработке и анализе получаемых результатов положительным образом принимали непосредственное участие Христофор Францевич Шольц, Валерия Ивановна Гришина, Нина Андреевна Смирнова, Татьяна Яковлевна Брицина, Надежда Павловна Иванова, Татьяна Владимировна Перевертун, Валерий Александрович Коломбет, Вадим Иванович Брусков, Николай Борисович Хохлов, Михаил Петрович Шарапов, Наталия Вячеславовна Удальцова, Наталия Борисовна Бодрова, Владимир Абрамович Намиот, Павел Сергеевич Иванов, Эдвин Владимирович Пожарский, Александр Анатольевич Конрадов, Татьяна Александровна Зенченко, Константин Игоревич Зенченко, Максим Валериевич Федоров, Людмила Петровна Агулова, Виктор Николаевич Морозов, Александр Викторович Каминский, Виктор Анатольевич Панчелюга, Илья Александрович Рубинштейн.

Особую благодарность я должен принести за многолетнее сотрудничество моим друзьям из СПб. ААНИИ – Олегу Александровичу Трошичеву, Сергею Николаевичу

Шаповалову, Виктору Владимировичу Соколовскому, Эдуарду Степановичу Горшкову.

При анализе результатов этих исследований особо полезны были обсуждения с академиком Е.Л. Фейнбергом и на семинарах академиков В.Л. Гинзбурга и Г.Т. Зацепина, семинарах проф. Ю.С. Владимирова, проф. А.П. Левича, проф. И.М. Дмитриевского, проф. Ф. Поппа, проф. Д.Г. Павлова. Советы и мнения Бориса Михайловича Владимирского, Вячеслава Евгеньевича Жвирблиса, Александра Альбертовича Кириллова, Виктора Константиновича Ляпидевского, Сергея Алексеевича Васильева, Фазоиля Иноятвича Атауллаханова, Дмитрия Петровича Харакоза, Галины Николаевны Зацепиной послужили стимулами для постановки и трактовки результатов ряда исследований.

Я должен еще раз выразить благодарность за психологическую и финансовую поддержку, оказываемую в разные годы нашей лаборатории Т. Петерсоном и В.П. Тихоновым.

Написание и издание этой книги было стимулировано при обсуждении результатов наших исследований с Дмитрием Давидовичем Рабунским. Он взял на себя также труд издателя и редактора.

Я благодарен внуку Сергею за постоянные консультации при использовании компьютеров и изготовление части иллюстраций.

Лазарь Беренсон

«Напишут наши имена»

*Восьмой Всероссийский съезд Советов – 1920 г.
утвердил союзный договор между РСФСР и УССР...
БСЭ, 1982 г.*

*А когда настанет завтра,
прозвонит ли мой слово
в светлом царстве Александра
Пушкина и Льва Толстого?*

Б. Чичибабин

*Чичибабин так естественно выглядит рядом
с памятником Пушкину... ..Резолюции, которым
подчиняется Чичибабин, написаны в Библии,
написаны... Толстым, Пастернаком.*

Евтушенко (на харьковском предвыборном
митинге у памятника Пушкину)

а заре моего репатрианства друзья из Харькова сообщили: улица 8-го съезда Советов, что за Госпромом, отныне носит новое, достойное название – имя большого русского поэта Бориса Чичибабина...

Барельеф поэта на улице его имени

В 1994-м, в тель-авивском Доме писателей, я в последний раз видел и слушал моего именитого земляка

Бориса Алексеевича Чичибабина. По окончании встречи, когда Б.Ч., окружённый знакомыми по прошлой жизни, подписывал свои книги, я подошёл к его жене Лиле Карась, показал ей страницу факсимильного текста, и мы вспомнили обстоятельства его написания семь лет тому назад...

Борис и Лиля Чичибабины. Москва. 1989 г.*

С Лилей и Б.А. мы были знакомы, не более того. Встречались и застольничали несколько раз в году, чаще всего по семейным датам, у Люды и Ильи Сиротиных, талантливых музыкантов, хлебосольных бессребреников, с которыми порознь дружили. Их открытый и тёплый дом любили и часто посещали поэт с Лилей, его верной спутницей в мире стихов и поводырём по извивам повседневности, где, казалось, он терялся, несмотря на его мудрость и талант, несмотря на пройденные фронт, тюрьму и лагерь, несмотря на тяжкий трудовой опыт. Лиля,

---

* Фото из книги «Борис Чичибабин. В статьях и воспоминаниях». – Ред.

многократно называемая в строке поэта, легко узнаваемая в его «Сонетах Любимой». Запомнилось из исповедального «Сколько вы меня терпели!»:

Не о том, что за стеною,
Я писал, от горя горбясь,
И горел передо мною
Обречённый Лилин образ...

Здесь, у Сиротиных, Б.А. охотно читал свои стихи (в те годы самиздатовские, ещё нигде не печатавшиеся) в своей обычной манере: ровно, сдержанно, закрыв глаза, нетерпеливо требуя Лилиной подсказки, когда, теряя темп, запинался или забывал слово.

Именно в такой обстановке в авторском исполнении я впервые услышал его ныне знаменитые «И вижу зло и слышу плач», «Клянусь на знамени весёлом», Верблюды, Махорка, «Уходит в ночь мой траурный трамвай», «Сними с меня усталость, мать Смерть», посвящения великим прошлого и друзьям настоящего, в том числе и ныне израильтянам. Помнится, как-то поэт в большой комнате новой квартиры Сиротиных на Полевой декламирует посвящение «Генриху» – офицеру Алтуняну, харьковчанину, заключённому за антисоветскую деятельность, – а на кухне, куда поочерёдно отправляются жёны гостей, хозяйка Люда собирает деньги в помощь семье Генриха Алтуняна.

На этих совсем не светских раутах часто и однозначно любовно звучала еврейская тема.

Однажды, после одиозного телевизионного выступления известных советских евреев с «осуждением агрессии Израиля против миролюбивого арабского народа», весь вечер у Сиротиных поэт вспоминал свои стихи, так или иначе к нам относящиеся. Я и раньше знал о его юдофильских привязанностях и убеждениях, но «Народу еврейскому» тогда услышал впервые. Узнал, что стихотворение относится к 1948 году, когда шла наша Война за Независимость и когда разгорался всесоюзный костёр государственного и массового бытового антисемитизма. А поэт в это сатанинское время писал:

...Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я грустью, золотой и горькой,

не ночуй в канавах, жизнью обуянный,
не войди я навек частью безымянной

в русские трясины, в пажити и в реки,
я б хотел быть сыном матери-еврейки.

В последний раз у Сиротиных мы виделись в конце 1988 года. Хозяева знали, что мы с женой пришли прощаться: в кармане уже лежали билеты в «Бен-Гурион», через Бухарест. Выпили на посошок, и прозвучало проникновенное в авторском чтении:

...Дай вам Бог с корней до крон
без беды в отрыв собраться.
Уходящему – поклон.
Остающемуся – братство..

И ещё:

Не веря кровному завету,
что так нельзя,
ушли бродить по белу свету
мои друзья...

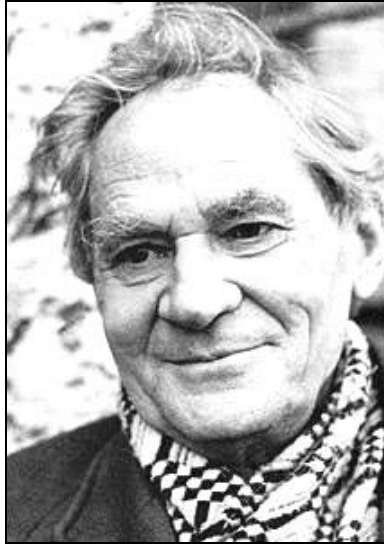
Пошли им, Боже, лёгкой ноши,
прямых дорог
и добрых снов на злое ложе
пошли им впрок...

Сам Борис Алексеевич заинтересовался нашим отъездом в Израиль, оживился, глубоко пожалел, что ему, верующему христианину, выезд к святым местам навсегда заказан.

Узнав, что с собою мы увозим взрослую дочь и малолетку-внука, заговорил об огорчительной вероятности утраты им русского языка и посоветовал с юных лет приобщить мальчика к русской литературе (подчеркнул «русской, не советской да и западную хорошо бы читать на

русского языка, предположил: для такой утилитарной цели пиит посчитал поэзию неуместной.

...Мой взрослый, отслуживший армию внук превосходно владеет русским языком, пишет и читает на нём, принимает и понимает (к моему великому удивлению и зависти) Сорокина, Ерофеева и прочих современных российских властителей дум, рассеяв мои давние тревоги и опасения, когда в отрочестве даже «Республику ШКИД» он читал в совершенно непотребном переводе на иврит. К сожалению, стихов на русском не читает, как и на других языках. Как говорят – *de gustibus et coloribus...*

Но захоти он прочесть и выучить хоть одно стихотворение по моему выбору, предложил бы:

Кончусь, останусь жив ли, –
чем зарастёт провал?
В Игорево Путивле
выгорела трава.
Школьные коридоры,
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.
Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Полувековой давности поэтическая классика ещё не обломившегося самовластия. Тёмный смысл и трагическую музыку этого поэтического зеркала эпохи способны постичь только мы, современники поэта, его земляки по одной шестой, вкусившие тех сладостно-терпких помидоров.

P.S. Интересующимся личностью и творчеством Б.А. Чичибабина очень рекомендую портал Феликса Рахлина и его книгу «О Борисе Чичибабине и его времени».

Эстер Пастернак

«Пасущий среди лилий...»

בס"ד

Ты царь. Живи один...

А.С. Пушкин

Поэзия – самая глубокая форма исповеди, которую только могло изобрести человечество.

«Все мои произведения – фрагменты одной большой исповеди», – говорил Гёте. Из шести колен творчества, колено поэзии самое трагичное. У поэзии свой «двор» и свои «хасиды». Еще в 1930 годах поэт София Парнок назвала один из своих лучших поэтических циклов – «Ненужное добро». Мир был создан десятью предложениями Всевышнего. Если принять одну из концепций Гердера, то выходит, что человечество вначале разговаривало стихами. Возможно, это звучит наивно и, тем не менее, история каждой литературы начинается не с прозы, а с поэзии. Пушкин чуть ли не завещал: «...Живи один...». Мол, если не можешь, не станешь поэтом. Что такое поэт? Что такое поэзия? Должен ли поэт «уметь навязать себя миру?» Нет исчерпывающих ответов (и не требуется), но эмоционально поразмыслить полезно «уму высокому».

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Великое неумение большого поэта Марины Цветаевой! *Соломоновы пеплы* – это Кофелет (*Экклезиаст*) в том понимании ежеминутной муки, которую знает настоящая поэзия.

Поэт страдает волевым изъяном, при котором

потребность души вывернуть себя, по крупице, отдавая так тяжело достающийся, промытый чистой слезой, золотой песок, – неизмеримо сильна! Притягивая солнечные лучи, поэзия раскаляет стекло сокровенной исповеди до ожоговой температуры – до «высокой болезни» и, рассекая узлы повседневности, питается из источника первородства.

Побывав на звездах, приколотых к бархатке ночи на планете слов, мастер приносит с собой невиданное богатство – пробы редких пород, и в одночасье становится должником у вечности.

Вся святая Тора состоит из имен Бога. Одно из имен, как известно – Творец. Созданные по образу и подобию, поэты микро творят на одной из ступеней макромира, пробуждая в нас «души прекрасные порывы».

Сегодня, в век компьютерной техники поток графомании напоминает нашествие фальшивомонетчиков, и плохо придется душе графомана за напрасно срубленные деревья – крик их слышен с начала земли и до конца ее.

Нужна ли поэту слава? Вопрос довольно странный, не правда ли? Экзюпери называл человеческое общение самой большой роскошью на земле. Без этой насущной «роскоши», поэт не сможет творить, не сможет дышать. Весь сплав духовной и творческой энергии, переработанный на слух, предназначен, в конечном итоге, для предельно доверительного общения с читателем. Поэзия сравнений, метафорическая поэзия подключена к бытию – *ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение.*

Горчат зеленые оливки рифм и крупная соль образов, собираясь в дождевых лунках воображения, оттаяв, превращается в живую воду. Пробуя её, я чувствую солоноватый вкус молодого миндаля, и в эти минуты страстно хочу приобщиться, приблизиться и услышать из псалма Давида: *...услышал звуки, Языка которого не знал.*

Рав Авраам Ицхак Коэн Кук в книге «Свет возвращения», пишет:

В дни прихода Машиаха (Мессии) станет ясно, что поэзия есть форма обновленного пророчества.

Тяжелая парча над голубым вокзалом.
Две памяти сидят, обнявшись на узле.

Суконная луна и звезд крахмальных слалом –
Расставлены флажки в созвездье водолей.

Я снова не смогу уйти от водопада,
Рук оторвать от глаз, бинты от свежих ран.
Поленницею зла лежат остатки сада,
Из-за скалы косит стареющий варан.

Жизнь сложена из шкур семьи хамелеонов.
Мой воробьиный день в косицу заплетут,
И в этой жизни паж, я вновь стою за тронном,
А девочка-душа – в пуантах, на лету.

Э. Пастернак

Объемный образ явления, преподнесенного как законченная, конкретная форма отображения, является отправной точкой будущих взаимоотношений между читателем и поэтом, и имеет две формы – в плоскости и в направленном луче света. Тонкая поэтическая материя ни в коей мере не способна на бой барабана или шум ударника, это скорее *близорукое небо* (О. Мандельштам), а не учебник поэтических четвергов. Исповедь *муки музыкой и словом* безоглядная, а сила ее по-прежнему в игре *на разрыв аорты*. Нет упрощений, нет уплощения, нет пересказа, – есть кровная связь между возможной мерой и невозможной безмерностью. Поэзия не могла бы существовать, если бы не была – преодоленное исключение из общего правила. Вся жизнь мастера есть один сплошной черновик, откуда он временами вырывается, дабы звуками арфы заполнить ауру чистовика, с тем, *чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов*, и для того, чтобы – **жить!**..

Мучение словом вернее капитуляции перед ним; тепло слез честнее холода рассудка и, называться поэзией может только лирическая поэзия, достающая до лопаток, бывших когда-то крыльями. Ангел упоения, витая над головой, наслаждается человеческими достижениями в звуках – метафорах небесного свода. Поэзии чужда коллекция коллективной рифмы (любовь-кровь и т. п.). Как правило, «и божество и вдохновенье» обходятся без заимствования серых правил. Государство поэтических

эмоций не признает бесплодных земель и, если захочет Творец, нет-нет, да блеснет, взвившись в воздух, леска удачи.

Музыка слов – пестик – хрупкий, нежный и тонкий – внутренняя часть в цветке искусства.

В «Песне Песней» говорится об отношениях между народом Израиля и Всевышним, сотворившим все, Создателем, творящим ежесекундно, и навечно Творец – **«пасущий среди лилий».**

Закладывая амбразуру времени творчеством, растягивая меха музыки и, свистом щегла закладывая уши, поэт ошеломляет силой видения: *Где как обугленные груши на ветках тысячи грачей*» (Б. Пастернак). Но время не замерло, и «мгновенье не остановилось», а лишь подарило поэту беспомощность и восторг ребенка, намекая на то, что беспомощность в данном случае есть сила, и что не было бы этих и других, берущих за сердце строк, и не было бы Поэзии, будь поэты всепомощны.

Ф. Мадокс Форд на поставленный ему вопрос «о целях литературы», сказал: *Книга – чудесная вещь, сотворенная чтобы сделать нас счастливыми и дать нам те слезы, которые так близки к блаженству.*

И разве не сказал Кольридж, что *цель поэзии – наслаждение?*

И осень утренним окном,
И сад – великая награда,
И птицы нежности и дом
В зеленой тени винограда.
А на пустой лужайке дня,
Как только улетают птицы,
Гуляет ветер по странице,
Оглядываясь на меня.

Э. Пастернак

Поэт выходит на подмости. Он выходит один и знает, что сейчас, когда зал полон, и потом, когда занавес опустится, с ним останутся неповторимые минуты, когда все добро мира не может перевесить лепет единственной строчки «ненужного добра».

Вначале 1990-х, после презентации моей книги стихов, В. Богуславский сказал мне: «Сегодня писатели и поэты пишут, в основном, друг для друга, и друг друга сами же и читают».

Я говорил пред хладною толпой... – припомнились мне в тот вечер строки Пушкина, пробудив странную грусть, и ею же наполнив сердце.

Март-ноябрь, 2010

Артур Штильман

СЫНОВЬЯ

К 80-летию Игоря Ойстраха

*Сын буржуа
И апостола сын –
Ваше дитя,
Ваш наследник один.
Цезарь отец
Или нищий с сумой –
Дети – твои,
И один и другой.
Те же улыбки
И вздохи у всех,
Те же тревоги,
И слёзы, и смех.
Цезарь отец
Или нищий с сумой –
Дети – твои
Своей кровью самой.
Jacques Brel, (1929-1978)
Жак Брель, бельгийский поэт,
композитор, шансонье и актёр
Перевод Бориса Кушнера*

юбилеи музыки, литературы, поэзии или театра в большинстве своём уверены в огромных преимуществах детей знаменитостей, дарованных им судьбой в развитии и становлении собственной карьеры певца, музыканта, или солиста балета, если они, конечно, одарены талантом. Так ли это? Если рассмотреть несколько примеров из истории семей всемирных знаменитостей, то вполне можно придти к мысли, что именно громкое имя родителей никак не способствовало гармоничному развитию личностей самих детей – они сталкивались, даже при самых

любвеобильных родителей с трудностями, порой гораздо большими, чем их талантливые коллеги из не столь именитых семей. Так же широко распространено мнение о том, что «на детях гениев природа отдыхает».

Если мы возьмём в качестве примеров несколько имён великих артистов XX века, то скорее всего получим подтверждение этой мысли.

Эжен Изаи – один из величайших скрипачей-композиторов конца XIX начала XX века. Его сын Антуан был скрипачом и часто ездил с отцом в совместные концертные туры (в Польше их называли «Исай с сыном»). На концертной эстраде Антуан Изаи в качестве самостоятельного артиста не утвердился. В 1930-40 годы он стал одним из учредителей Международного Конкурса им. Эжена Изаи. В 1920 годы какое-то время был менеджером Филиппа Ньюмена (возможно *внебрачного* сына Эжена Изаи – известного английского скрипача и педагога. О нём рассказывается в книге «Беседы с Пабло Казальсом» Хосе-Мария Корредора в главе, посвящённой времени оккупации Франции).

Фриц Крейслер – великий скрипач XX века не имел детей.

У **С.В. Рахманинова** было две дочери. Обе были музыкальны, но профессия музыкантов их миновала.

Яша Хейфец – «Император скрипки XX века» имел троих детей от двух браков. Ни один из них не проявил себя в исполнительской артистической деятельности.

Артур Рубинштейн: трое детей – две дочери и сын. Только сын Джон стал заметной фигурой в искусстве – актёр, дирижёр и пианист.

Иегуди Менухин: четверо детей от двух браков. Лишь сын от второго брака Иеремия стал пианистом, но, пожалуй, не достиг уровня двух сестёр отца – Хефсибы и Ялты.

Вот лишь некоторые примеры, как кажется, подтверждающие правило – дети великих и знаменитых музыкантов редко бывают наследниками одарённости своих родителей. За одним исключением: «В послепаганиниевскую эру **Ойстрахи** были первым примером

скрипачей – отца и сына, добившихся карьер солистов международного уровня» (Henry Roth. “From Paganini to the 21-st Century”. California classics books, 1997)

Вернёмся теперь к началу: даже при значительной одарённости сына или дочери знаменитого артиста – легче или труднее строить будущую собственную профессиональную карьеру?

Предположим, что после долгих лет тяжёлого и мучительного труда, обретя исполнительский уровень артиста международного класса, такой наследник имени выходит, наконец, на профессиональную эстраду. Чего от него все ждут? Воспроизводства качеств своего знаменитого родителя или его собственного «я»? И тут полезно вспомнить слова знаменитого Леопольда Ауэра: *Природа, а часто и люди стоят на пути молодого виртуоза.*

Как правило, всё это сплетается в оценке молодого виртуоза большинством коллег и любителей музыки. Мало кто представляет себе трудность **начала** самостоятельного творческого пути таких «принцев и «принцесс» – детей знаменитостей, выходящих под той же фамилией, но под своим именем в трудное плавание по беспокойным волнам международной концертной жизни.

Без вундеркиндства. Второе начало. Гений Столярского

27 апреля 1931 года в семье музыкантов в Одессе произошло радостное событие – родился сын. В тот день родилось много мальчиков в миллионах семей по всему свету.

Этот мальчик, можно сказать, родился в семье будущего «Короля». Отцом его был тогда ещё не «Король», а молодой 23-летний скрипач, начавший за три года до этого события нелёгкую карьеру солиста-концертанта.

Это был Давид Ойстрах, ставший через 6 лет после рождения сына в один день всемирной знаменитостью, выиграв «Гран при» первого Международного Конкурса им. Эжена Изаи в Брюсселе. С той поры имя «Ойстрах» стало синонимом скрипичного совершенства.

К 1941 году – началу войны – Давид Ойстрах стал первым скрипачом Страны Советов. Ему посвящали свои новые Концерты для скрипки Арам Хачатурян, Николай

Мясковский, Николай Раков, уверенные в том, что в лице Ойстраха их сочинения обретут долгую жизнь на концертной эстраде. Позднее, в 1940 годы Ойстраху посвящали свои новые сочинения Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович.

***

Давид Ойстрах... О нём написаны книги, ему посвящены фильмы, его записи на пластинки и видео стали достоянием миллионов любителей музыки вокруг света.

Через много лет после рождения сына Игоря, к тому времени, когда и сам Игорь стал знаменитым скрипачом, некоторые журналисты в Европе и Америке – любители украшать имена мировых знаменитостей пышными словами «Император», «Король», «Принц» – стали называть Давида Ойстраха «Царём Давидом» (хотя настоящий царь Давид играл на арфе!), а сына Игоря «Князем Игорем». Князем? Но князь на Западе означает «принц»! Историю этого мальчика-принца, а потом юноши и зрелого артиста мы попытаемся здесь рассказать.

***

На даче. Сходня, 1937 год

Одна из ранних фотографий маленького Гарика (так звали Игоря дома и в школе) запечатлела его примерно в 7-летнем возрасте с родителями на подмосковной даче. Игорь

играет на скрипке, как кажется с большой уверенностью для его возраста.

Одна из первых фотографий с родителями и со скрипкой. Фото из семейного архива семьи Ойстрах

Обращает на себя внимание удивительно гармоничная постановка обеих рук, насколько можно об этом судить по фото, отражающая принципы школы П.С. Столярского – знаменитого одесского профессора и единственного учителя Давида Ойстраха. Но ведь дело происходило в Москве, а Столярский жил и работал в Одессе? Случайно этот момент прояснился в письме Игоря Ойстраха, полученном мною недавно. Вот, что он написал:

Кстати, у нас с тобой была «общая» учительница скрипки – Анна Яковлевна Зильберштейн. Я, в пять лет, приехав из Одессы начал занятия на скрипке именно с ней. Она жила в одном подъезде нашего дома у самого Курского вокзала и приходила к нам домой. В известный же дом напротив – № 14/16 по улице Чкалова, мы переехали в 37-м году.

Я помню, что в день переезда я целый день катался по квартире № 116 на шикарном самокате с надувными колёсами, привезённом мне в подарок папой из Брюсселя. Мама боялась, что я сокрушу квартиру ещё до доставки нашей мебели!

Эти слова Игоря Ойстраха рисуют его в возрасте 6 лет, как маленького человека, обладавшего большим темпераментом.

Что касается его первой учительницы Анны Яковлевны Зильберштейн, то она была не только соседкой Ойстрахов по их первой отдельной квартире в Москве, но и одесситкой, ученицей Столярского. Я был её учеником с 1943 по 1950 годы. Она действительно успешно занималась с детьми до подросткового возраста, после чего её педагогическая компетенция снижалась и не соответствовала новым задачам.

Но, как видно, дело постановки рук детей давалось ей очень успешно, что заметно на примере Игоря Ойстраха. В этом она была действительно счастливой наследницей метода Столярского. *(Без сомнения, его педагогическая интуиция была гениальной, а его школа постановки обеих рук – совершенной, к тому же лишённой шаблона, столь свойственного многим видным профессорам скрипки нашего времени, – писал Юрий Елагин в своей книге «Укрощение искусств». Например, у его ученика Ойстраха локоть правой руки опущен низко (здесь речь шла о «двоенном» Давиде Ойстрахе – А.Ш.) и как бы свисает. Наоборот, у Лизы Гилельс правая рука поднята при игре очень высоко. Совершенно своеобразная постановка у Миши Фихтенгольца, в особенности левая рука. Однако все эти скрипачи играют замечательно и все они обязаны этим Столярскому).*

Вероятно я занимался с Анной Яковлевной до поступления в ЦМШ года два, – вспоминает Игорь Ойстрах. – Потом, уже в ЦМШ в классе Валерии Ивановны Меренблюм я помню, что играл Тройной Концерт Вивальди с Ирой Котовой и Алесей Гиллер. Обе они работали впоследствии в Большом театре.

Этот начальный эпизод в занятиях на скрипке будущего знаменитого артиста ускользнул от биографов Игоря Ойстраха, хотя теперь он кажется немаловажным: дело постановки рук скрипача или пианиста – залог его физического и творческого долголетия на концертной эстраде. Хорошая школа как базовая выучка либо служит

артисту всю его концертную или иную профессиональную жизнь, либо – при её отсутствии именно в первые годы занятий – губит лучшие намерения артистов, особенно в зрелом возрасте.

***

Начав играть в шесть лет, я года через два почувствовал, что мне доставляют мало радости звуки собственной скрипки: ведь рядом изумительно звучала скрипка отца. Я перешёл на фортепиано – рассказывал Игорь Ойстрах Виктору Юзефовичу («Беседы с Игорем Ойстрахом», Москва 1978 г.). До этого драматического перехода на фортепиано, Игорь, как уже было сказано выше, посещал Центральную музыкальную школу при Московской Консерватории. А вскоре началась война... Гарик с матерью был эвакуирован в Свердловск, где они пробыли до 1943 года. И тут в эвакуации гений одесского профессора Столярского сыграл свою судьбоносную роль.

В один из приездов папы в Свердловск, – вспоминает Игорь Ойстрах – он встретился с Петром Соломоновичем Столярским, спросившим обо мне – почему я не занимаюсь на скрипке? Папа сказал, что я уже бросил играть, что я ленился и не хотел заниматься, но Столярский сумел убедить его в том, что стоит попробовать ещё раз. В следующий приезд в Свердловск папа привёз мне скрипку – «половинку» (скрипка для детей – неполного размера – А.Ш.). Когда я взял в руки скрипку и провёл по пустым струнам («пустые струны» – звуки струн без нажатия на них пальца для воспроизводства ноты – А.Ш.) у меня закружилась голова, и я упал на постель... Но я снова стал заниматься – сначала несколько уроков с ассистентом Столярского Готсдинером, а потом с самим Петром Соломоновичем. Я очень скоро выступил на концерте учеников Столярского с исполнением «Вариаций» Берлиоза, причём помню, что не умел ещё настраивать скрипку и сам Петр Соломонович вышел на эстраду и настроил мне инструмент. Кажется, моё выступление было довольно успешным, ведь я играл после большого перерыва всего несколько недель. Потом, насколько помню, я сыграл и Концерт Зейтца № 1, а вскоре мы переехали в Москву. Но

Пётр Соломонович обладал каким-то гипнотическим свойством, заставлявшим поверить в себя, в свои способности и в необходимость продолжать мои занятия.

Произошло чудо – прозанимавшись у Столярского лишь три месяца, Игорь как-то сразу вырос и ощутил свою ответственность за своё будущее. Он стал снова заниматься на скрипке, но теперь уже в 12-летнем возрасте с большой увлечённостью и, можно сказать, посвящённостью своей скрипке и музыке.

Пётр Соломонович Столярский и Гарик Ойстрах. Свердловск, начало 1943 года. Фото из семейного архива

В марте 1943 года семья возвратилась в Москву (Д.Ф. Ойстрах оставался в Москве всю войну, работая на радио, выступая в воинских частях, в осаждённом Ленинграде, но по возможности наезжал в Свердловск с концертами).

Теперь перед старой учительницей В.И. Меренблом стоял уже совсем другой мальчик – серьёзный, начавший много заниматься на инструменте. Началась работа над рядом труднейших виртуозных сочинений Венявского, Липинского, Эрнста.

К осени 1943 года в Москву возвратилась из эвакуации в Пензу вся Центральная музыкальная школа и её профессора. Все талантливые дети и подростки начинали своё обучение на скрипке, виолончели или рояле ещё до войны. Имена многих из них стали впоследствии всесоюзно и даже всемирно известными: скрипачи Леонид Коган, Игорь Безродный, Нина Бейлина, Эдуард Грач, Рафаил

Соболевский; пианисты: Лазарь Берман, Евгений Малинин, Антон Гинзбург, Игорь Чернышёв, Юлий Гутман, а позднее Владимир Ашкенази; виолончелисты Виктор Симон, Татьяна Прийменко, Ксения Юганова, позже Михаил Хомицер, Лев Евграфов, – одним словом это было целое созвездие молодых талантов, тесно сконцентрированных в нескольких классах Центральной музыкальной школы.

Перед недавно вернувшимся в Москву 12-летним Гариком Ойстрахом стояла, как могло тогда показаться, почти невыполнимая задача – выражаясь языком советского плаката – «догнать и перегнать»! То есть, впереди него лишь на один класс занимались в школе лучшие ученики самого Абрама Ильича Ямпольского – Игорь Безродный, Эдуард Грач, на семь лет старший Леонид Коган в том же 1943 году закончивший школу – всё созвездие действительных скрипичных талантов усиленно готовилось к предстоящим всесоюзным и международным конкурсам, которые только и открывали перед молодыми музыкантами двери крупнейших концертных залов страны.

Эти юноши и девушки были озабочены лишь занятиями со своими наставниками – известными профессорами Московской Консерватории, полностью посвящая всё время и силы занятиям на инструменте. Всё остальное тогда ещё отходило в какую-то отдалённую перспективу.

На этом фоне учеников школы, начавших заниматься ещё до войны, перспективы 12-летнего мальчика, только недавно вернувшегося из эвакуации в Свердловск, казались не такими уж радужными. Его соученики к этому времени имели солидную базу: основной педагогический репертуар для одарённых детей был ими пройден ещё до войны, теперь же им предстояло изучение классических концертов – Баха, Моцарта, Бруха, Брамса, Бетховена, Чайковского, Глазунова, Шоссона, Лало, Сен-Санса, Паганини.

Однако лишь три месяца, проведённые в классе Столярского, оказались таким мощным стимулом в занятиях юного музыканта, что он невероятно скоро начал играть труднейшие сочинения классического и виртуозного репертуара. Теперь Гарика уже не нужно было принуждать к

занятиям. Он сам занимался всё свободное время столь интенсивно, что уже весной 1945 года, после переезда ЦМШ в новую школу, среди учеников моего возраста, то есть 9-10 лет, разнёсся слух, что сам Давид Ойстрах, вернувшись из концертной поездки домой в Москву, был поражён огромным прогрессом игры Гарика за столь короткий срок – всего в две-три недели!

Весна 1945 года была особой – это была весна долгожданной Победы. Все ученики школы играли весенний экзамен с особенным волнением и подъёмом. В ту весну впервые блеснул на таком экзамене Игорь Ойстрах, сыгравший трудный виртуозный «Военный концерт» Карла Липинского, исполнением которого Игорь за несколько недель до экзамена вызвал радостную реакцию своего отца. С этого момента мастерство молодого скрипача стало расти столь бурными темпами, что его выступления на концертах учащихся ЦМШ очень скоро стали уже не ученическими, а законченными артистическими.

С родителями дома. Время первого успеха – выступления с Концертом Липинского. Семейный архив

Первые успехи в трудные времена

Гарик часто выступал на концертах учеников ЦМШ в Малом зале Консерватории. Этим концертам всегда предшествовали в школе «закрытые вечера», то есть прослушивания учеников школы, выступавших с новыми для себя произведениями. После одного из таких

прослушиваний 12 декабря 1945 года, на котором он сыграл 2-й Концерт Венявского ре-минор, директор школы Василий Петрович Ширинский позвонил Д.Ф. Ойстраху и сказал, что выступление Гарика было настолько впечатляющим, что у него нет ни малейших сомнений в его большом артистическом будущем. В своём прогнозе Василий Петрович не ошибся. Крупный музыкант – скрипач, квартетист, педагог, композитор и дирижёр – Ширинский имел большой опыт и, руководя долгие годы Центральной музыкальной школой, как правило ставил всегда точные «музыкальные диагнозы». Следующим заметным успехом явилось выступление Гарика на отчётном концерте учеников ЦМШ в Большом зале Консерватории весной 1946 года с двумя пьесами: «Романсом» Глиэра и «Скерцотантеллой» Венявского.

Дебют в Зале Дома учёных. Москва, 20 апреля 1947 года

Прошёл ещё один год тяжёлого труда, рос репертуар молодого скрипача, и 20 апреля 1947 года, за неделю до шестнадцатилетия, состоялся его действительно настоящий артистический дебют. Это было первым официальным концертным выступлением вне стен ЦМШ или Малого зала

Консерватории. Игорь Ойстрах выступил с оркестром на эстраде зала Дома учёных вместе со своим отцом в Двойном Концерте И.С. Баха. Концерт и дебютант были очень тепло приняты публикой. С этого момента выступления Игоря Ойстраха носили по своему высокому исполнительскому уровню характер профессиональной концертной работы.

В этом месте кто-то может сказать: «Ну, вот видите? А если бы Игорь Ойстрах не был бы сыном такого прославленного отца, заметил бы кто-нибудь его профессиональный дебют? Что ни говорите, а имя отца помогало...»

Бесспорно помогало. Но лишь в том, что к такому дебюту было привлечено больше внимания публики – всех интересовало – каков же на эстраде сын столь знаменитого артиста? На всё это можно ответить коротко: при всём этом **играл Игорь Ойстрах всё-таки сам за себя**. И первое его появление на эстраде было труднее, чем для любого иного дебютанта – все подсознательно ожидали некоей «похожести» стиля игры сына на игру его прославленного отца. Но Игорь Ойстрах уже тогда совершенно не копировал его игру и обладал такими индивидуальными качествами, которые ему позволили в скором времени стать оригинальным интерпретатором вновь написанного Концерта для скрипки Кабалевского. Какими именно были эти индивидуальные качества его игры? Прежде всего, исключительно красивый, мужественный звук, тон. Совершенство техники левой руки (помню, как в начале 1950-х, незадолго до прослушивания к Конкурсу им. Венявского, Рафаил Соболевский, также лауреат Конкурса скрипачей на фестивале молодёжи в Будапеште в 1949 году, говорил: «Не понимаю, как удаётся Игорю Ойстраху играть так поразительно чисто терцовые пассажи – интонация у него феноменальная!»). К техническому совершенству левой руки относятся его удивительно бесшумные переходы с одной позиции на другую, что является основой культуры игры концертного скрипача. Характер его выступления никогда не был однобоко лирическим или драматическим. Он всегда соответствовал стилю композитора, а фразировка Игоря уже к 1949 году

стала совершенной, выпуклой, гибкой и понятной любой категории слушателей. Его игре всегда сопутствовал тонкий вкус и чувство меры. Начав здесь разговор о стиле его игры следует сказать, что основное различие между стилем Давида Ойстраха и его сына по моему мнению (совершенно не обязательно, чтобы с ним все соглашались!) заключается в том, что искусство Давида Ойстраха в своём главном и основополагающем начале тяготело к лирике, а не к драме (лучший пример этого – в американской записи Давида Ойстраха Концерта Чайковского с Филадельфийским оркестром и дирижёром Орманди). Быть может именно поэтому он стал несравненным исполнителем этого Концерта, так близко перекликающимся с лирикой «Евгения Онегина»? Нельзя сказать с другой стороны, что игра Давида Ойстраха была лишена романтизма и даже драматического начала, но в самом характере его звука, его человеческой мягкости ясно ощущалось именно лирическое начало. Эта мысль была со всей отчётливостью высказана его учеником, ныне профессором Кёртис Института в Филадельфии и Пибоди Консерватории в Балтиморе Виктором Данченко. В многочисленных наших беседах об интерпретации Давида Ойстраха, записанных мною на магнитофон, Данченко ясно сказал, что видит своего учителя скорее «великим лириком», чем «актёром драмы». В этом, в частности, он видел отказ Давида Ойстраха в зрелые годы от исполнения Сонат Баха для скрипки соло на своих концертах вокруг света. «Без драмы, конфликта – нет Баха!» – говорил Данченко. В этом и теперь видится главное отличие индивидуальностей отца и сына. В лиризме Давида Ойстраха быть может и заключена тайна его невероятной посмертной славы – это качество скрипичной игры стало особенно любимым и понятным молодым скрипачам и, особенно, выходцам из стран Азии – так что сегодня у музыкальной молодёжи мира нет более высокого эталона игры на скрипке, чем Давид Ойстрах.

Вернёмся снова в 1940 годы. Вскоре после своего дебюта в Зале Дома учёных Игорь продолжал быстро двигаться вперёд и овладевать вершинами скрипичного репертуара, успешно исполнив в конце 1947 года

труднейший виртуозный Концерт Генри Эрнста и Сонату Изаи для скрипки соло № 1. В апреле 1948 года он выступает в Большом Зале Консерватории с «Испанской симфонией» Э. Лало.

1948 год сыграл огромную роль в карьере Игоря Ойстраха – 20 декабря в Зале им. Чайковского он выступил в московской премьере недавно написанного Концерта для скрипки с оркестром Дмитрия Кабалевского с симфоническим оркестром под управлением Натана Рахлина. Своё новое сочинение Д.Б. Кабалевский посвятил «Советской молодёжи», хотя этому концерту дал жизнь на эстраде Игорь Ойстрах.

Первое исполнение Концерта состоялось в Ленинграде со скрипачкой Диной Шнейдерман. Эта радио-премьера не произвела особого впечатления ни как сочинение, ни как исполнение. После столь унылой премьеры, казалось, что Концерт будет скоро забыт, не успев родиться. Но после первого исполнения Концерта в Москве Игорем Ойстрахом, это сочинение сразу же приобрело большую популярность и стало игратьсь многими скрипачами и даже совсем юными в Центральной музыкальной школе и в школах других городов. По справедливости, надо сказать, этот Концерт должен был быть посвящён обоим Ойстрахам (Д.Ф. Ойстрах записал его на пластинки, а также позднее выступил с ним публично в Большом зале Консерватории). По-видимому, Кабалевский побоялся это сделать по политическим причинам – «антикосмополитическая» кампания была в разгаре, начиная с 1948 года.

Что именно Игорь Ойстрах продемонстрировал в этом Концерте, сделав его столь привлекательным для юных скрипачей? Прежде всего – удивительную ясность и простоту **интерпретации**, доступной пониманию любого слушателя, а тем более юного музыканта. Его исполнение делало Концерт как бы совершенно простым, несложным в техническом и музыкальном отношениях (то, что действительные трудности Концерта были незаметными в его исполнении совершенно не означало, что их не было. Они были, и как оказалось позднее не для одних только

учащихся ЦМШ...) Лирические темы 1-й части Концерта чем-то напоминали по своему интонационному складу недавние песни военных лет. Вторая часть концерта была сыграна так затаённо-проникновенно, что трогала слушателей до глубины души (до сих пор помнится волнующее звучание скрипки Игоря при возвращении к главной теме второй части, исполняемой с сурдиной). Исключительно чёткий ритм, молодой задор и абсолютная техническая свобода исполнения финала Концерта, делали всё выступление Игоря Ойстраха праздничным, искрящимся, удивительно молодым и захватывающе увлекательным. Вот почему только после *этого* исполнения Концерта Кабалевского так много юных скрипачей сразу взяли за его разучивание. Концерт после московской премьеры стал популярным на долгие годы.

***

В 1949 году Игорь Ойстрах заканчивал Центральную музыкальную школу. На выпускном экзамене он исполнил две части из Сонаты Баха № 1 для скрипки соло (Адажио и Фугу), Концерт А.К. Глазунова, «Песню-Поэму» А.И. Хачатуряна, Сонату для скрипки соло Э. Изаи № 3 и Фантазию Венявского на тему оперы Гуно «Фауст». Программа вполне соответствовала сольному концерту скрипача-виртуоза. Тот год выдался очень трудным, и не только по этой причине. Вот отрывок из его письма о том времени:

Зимой 1949 года мне удалили миндалины. Я часто болел ангинами, не прерывая интенсивные занятия, что пагубно отражалось на моих руках, которые тогда работали на износ... Летом 1949 мне удалили аппендикс! Несмотря на обе операции, я успешно закончил ЦМШ и усиленно готовился к конкурсу на Международном фестивале демократической молодёжи и студентов в Будапеште, на котором мне удалось завоевать и поделить с замечательным коллегой Эдуардом Грачом 1-ю премию!» Надо сказать, что конкурсы тех лет на таких пропагандистско-политических фестивалях были тем не менее серьёзными и порой не уступали в своих требованиях к участникам других международных конкурсов.

Кроме осложнений со здоровьем, задачи, стоявшие перед Игорем Ойстрахом, были той весной такими необъятными, что казались вообще неразрешимыми. И вот почему: с 1949 года все учащиеся ЦМШ должны были обязательно сдавать, как и все школьники в СССР, экзамены на «аттестат зрелости». Ещё в 1948 году *выпускные экзамены* в школе были одновременно *приёмными экзаменами* в Московскую Консерваторию. Год назад все знаменитости ЦМШ – Безродный, Грач, Соболевский, Бейлина, Лазарь Берман, Евгений Малинин, Антон Гинзбург – пользовались этой привилегией для учащихся ЦМШ. С 1949 года школа была «уравнена» и все ученики, сдавшие экзамены по специальности, музыкальным и общеобразовательным предметам на аттестат зрелости, должны были держать приёмные экзамены в Консерваторию «на общих основаниях» – как тогда это формулировалось. Хотя Игорю не пришлось играть вступительный экзамен по специальности, так как он в эти же дни получил первую премию на Фестивале в Будапеште, но какие-то экзамены по специальным дисциплинам всем поступающим в Консерваторию в тот год приходилось сдавать. А вообще то был славный «отряд» новых студентов Московской Консерватории набора 1949 года: скрипачи – Игорь Ойстрах, Марк Лубоцкий, Марина Яшвили; альтист Дмитрий Шебалин (будущий бессменный альтист Квартета им. Бородина); виолончелисты – Кира Цветкова, Татьяна Прийменко, Ксения Юганова, Всеволод Лежнев; дирижёры – Геннадий Рождественский, Эмин Хачатурян, Юрий Саульский; известный музыковед Юрий Холопов, певец Александр Ведерников – будущий прославленный солист Большого театра.

***

Осенью того же года на экраны кинотеатров Союза вышел фильм, посвящённый Фестивалю молодёжи и студентов в Будапеште. В нём рассказывалось об участниках фестиваля, ставших вскоре известными артистами – Розе Баглановой, Рашиде Бейбутове. Победителями на конкурсе вокалистов стало целое созвездие будущих прославленных советских артистов. Это были: Зара Долуханова, Иван

Петров, будущие солистки Большого театра Смоленская, Фирсова и Звездина, арфистка Эрдели, очень скоро ставшие всемирно известными виолончелисты: Мстислав Ростропович и Даниил Шафран; альтисты Рудольф Баршай и Галина Матросова; пианисты Евгений Малинин, Тамара Гусева, Юрий Муравлёв. В фильме были и кадры, запечатлевшие игру двух победителей конкурса скрипачей – Игоря Ойстраха и Эдуарда Грача – всего несколько секунд – но они давали представление о поразительном мастерстве советских участников конкурса. Одним словом в этом фильме было о ком рассказать. Фильм озвучивал мой отец – дирижёр Кинематографии, и он, конечно, повёл меня в Дом кино на первый просмотр. Рядом со мной сидел какой-то представительный и интеллигентный человек лет тридцати с небольшим. Он слышал наши с родителями разговоры о Гарике Ойстрахе, Эдуарде Граче и Рафаиле Соболевском, получившем вторую премию. После просмотра, когда мы уже встали, он внезапно обратился ко мне и сказал, что он работает в отделе культуры ЦК ВЛКСМ, и что ему бы хотелось кое о чём меня спросить, а именно об Игоре Ойстрахе. В своих вопросах он проявил не только знание предмета, но и коснулся таких тонкостей, как например, что именно, по моему мнению отличает его игру от других участников конкурса? Мой ответ занял несколько минут, и мои родители, стоявшие неподалёку, как я видел, начали проявлять нетерпение, но я продолжал свой разговор до момента, когда мой собеседник был полностью удовлетворён моими ответами. Я говорил тогда ему о тех компонентах игры молодого Ойстраха в сравнении с его коллегами – о том, что было особенно привлекательным для меня: Игорь Ойстрах ни на секунду не давал отвлекаться своим слушателям. Он всё время «держал» их в напряжённом внимании. Его игре была свойственна какая-то особая естественная свежесть. В ней никогда не было и тени пресыщенности или любования собой, своим звуком, техникой или другими элементами скрипичного искусства. Его выступление всегда отличало редкое благородство и аристократизм как сценического облика, так и самой игры. Всё это, по возможности ясно, может быть и другими

словами я рассказал представителю ЦК Комсомола.

Я объяснил родителям причину такой задержки, и мы двинулись домой. О действительной причине интереса к Гарику Ойстраху я не знал тогда ничего, и ни о чём не догадывался. Начав интересоваться материалами, которые теперь доступны на Интернетe, я нашёл примечательный документ – письмо матери одного из студентов-соискателей премий на международных конкурсах – Антона Шароева.

Вот выдержка из него:

Секретарю ЦК ВЛКСМ тов. МИХАЙЛОВУ Н.А.

ШАРОЕВА

член ВКП(б) с 1943 года, партбилет № 238033

*В течение долгого ряда лет на международных конкурсах музыкантов-исполнителей честь советского искусства защищали скрипачи, которых никак нельзя считать представителями великого русского народа; это: Леонид Коган, Юлиан Ситковецкий, Эдуард Грач, Игорь Ойстрах, Игорь Безродный, Рафаил Соболевский. Что же, разве нет талантливой русской молодежи? Конечно, есть. Так в чем же причина отсутствия русских скрипачей? А вот в чем. Профессорско-преподавательский состав скрипичной кафедры Московской консерватории имеет следующий вид: русских – 3 человека (Д. Цыганов, М. Козолупова, Б. Кузнецов); армян – 1 человек (Габриэлян); евреев – 10 человек (Цейтлин, Ойстрах, Ямпольский, Питкус, Янкелевич, Беленький, Бондаренко, Рабинович, Мострас, Сибор). У этого состава преподавателей имеется и соответствующий состав студентов, так, классы лучших специалистов по классу скрипки, профессоров Д.Ф. Ойстраха и А.И. Ямпольского, почти целиком состоят из евреев (так, у проф. Ойстраха в классе три русских студента – Александров, Киселев и Котова, а у проф. Ямпольского один русский студент – Антон Шароев). **Протаскивание** (выделено мной – А.Ш.) скрипачей-евреев ведется с первых дней обучения: в музшколу они протаскиваются при вступительных экзаменах; они же, еще в годы обучения в музшколе, систематически выступают на концертах-показах, имеют уникальные инструменты из коллекции, а русские ребята, глядя на своих преуспевающих товарищей, начинают терять веру в свои*

способности, веру в себя, и перестают заниматься. И если, все-таки, кто-нибудь из русских выбивается на дорогу и поступает по окончании музиколаы в консерваторию, то и здесь ему мешают всеми силами, т. е. и здесь его систематически не пускают на концерты-показы, ему не дают хорошего инструмента, ему искусственно занижают оценки, создают репутацию то малоодаренного музыканта, то лентяя и т. д. И вот, в результате такой политики (а это именно политика) у такого профессора, как А.И. Ямпольский, за 30 с лишним лет педагогической работы, окончили консерваторию более 100 человек, работающих в лучших театрах и филармониях в качестве солистов и концертмейстеров оркестров; и среди этих людей – всего четверо русских (Силантьев, Харламова, Щепалин, Иваницкий) и 1 грузин (работник Тбилисской консерватории), а все остальные – евреи! Вот это так арифметика! В классах профессоров Ойстраха, Цейтлина, Мостраса, Рабиновича, Сибора, доцентов Питкуса, Янкелевича – то же самое. Об этих возмутительных случаях знают и в ЦК ВКП(б), и в ЦК ВЛКСМ. Поэтому летом 1950 года в дело отбора молодежи для поездки на конкурс в Прагу активно вмешался ЦК ВЛКСМ. И сразу все встало на правильный путь: если раньше к участию в конкурсе намечались лица по указанию профессоров кафедры, то на этот раз участники конкурса были намечены ГУУЗом Комитета искусств; если раньше жюри состояло все из тех же самых профессоров кафедры, то теперь жюри было составлено из лиц беспристрастных. И вот, в результате этих безусловно правильных мер, были отсеяны скрипачи Лубоцкий, Бесицкая, Хейфиц, Бейлин, Шульгин, Чутников, которые прежде считались недосыгаемыми талантами; в Прагу поехали Алексей Горохов и Антон Шароев и завоевали в Международном конкурсе два первых места».

Мне не удалось обнаружить конкурс, в 1950 году, где так блеснул сын мадам Шароевой. Сегодня Антон Шароев дирижирует оркестрами в Барнауле и Тюмени. Но самое забавное, что **теперь** Шароев в своих интервью претендует на родство с... Антоном Рубинштейном! По

такой схеме: его отец – пианист Георгий Шароев – незаконный сын знаменитого певца Иоакима Тартакова, а Тартаков – внебрачный сын Антона Рубинштейна. Всё, конечно, могло быть, но мама Шароева была бы очень недовольна таким родством... – см. ФОРУМ КЛАССИКА.РУ).

Письмо Шароевой, хотя и написано было немного позже, но точно «угадывало» общий климат отношения к «некоренным» фамилиям большинства участников международных конкурсов.

Возможно, предчувствуя дальнейшее развитие событий и карьеры сына знаменитого Ойстраха, этот человек, говоривший тогда со мной в Доме кино, просто хотел иметь своё мнение, основанное хотя бы на каких-то профессиональных мотивах и, таким образом его интерес к Игорю Ойстраху был не случаен. А мне тогда было приятно, что именно он, Игорь Ойстрах, вызвал такой интерес моего собеседника, ведь лишь за несколько месяцев до того – в последние дни апреля – я впервые сам познакомился с Гариком Ойстрахом...

Знакомство с искусством Игоря Ойстраха

Весной 1949 года унисон скрипачей Центральной музыкальной школы в очередной раз участвовал в правительственном концерте в Большом театре. Как и всегда мы исполняли то же самое произведение – «Прелюдию и аллегро» в стиле Пуньяни Фрица Крейсlera. Как и всегда мы ожидали своего выступления в течение многих часов.

Во время одной из репетиций в Большом театре, нам разрешили находиться в Белом Фойе на втором этаже. Когда-то там сыграл свой первый концерт в Москве 14-летний виолончелист, но уже законченный мастер – Даниил Шафран. А в XIX веке здесь выступал во время светского раута сам Генрих Венявский. Хозяйкой таких собраний была великая княгиня Елена Павловна – основательница Императорского Русского Музыкального Общества (ИРМО). Этот белый холл с зеркалами напоминает зал в Зимнем Дворце Петербурга, или пражский Зеркальный зал, или даже один из залов Версаля. Словом – это было и осталось одним из самых красивых и волнующих мест внутри Большого театра.

Вот там мне и довелось познакомиться с Игорем Ойстрахом. Я и мой приятель провели с ним около пяти часов в ожидании нашего выступления. Гарик был исключительно тонким, тактичным, скромным и воспитанным юношей (его самохарактеристика в книге Юзефовича, как человека вспльчивого в моём сознании совершенно не укладывается. Я всегда знал его таким, каким он описан выше). Общение с ним доставляло большое удовольствие, а его игра на таком близком расстоянии была вообще трудно поддающейся описанию.

В те часы он заразил меня особой любовью и преданностью скрипке на всю жизнь и вдохновил на самоотверженные, многочасовые занятия, которые сами по себе открывали новые горизонты в музыке и скрипичном исполнительстве. Я ощущаю свою благодарность милому Гарику и сегодня.

Стараясь не пропускать его выступлений, 21 апреля 1950 года я посетил концерт оркестра студентов Московской Консерватории в Большом зале. Дирижировал профессор М.Н. Тэриан. Солистом был Игорь Ойстрах, выступивший с 1-й частью Концерта Бетховена для скрипки с оркестром. Его родители, сидевшие в амфитеатре вместе с другом детства Д. Ойстраха И.Б. Швейцером и ещё одним близким знакомым – скрипачом-любителем и дипломатом Белой Гейгером, ужасно волновались, переживая буквально каждую ноту Концерта от начала и до конца. Гарик играл это сочинение, как зрелый, законченный мастер, прекрасно передав стиль Концерта в сдержанности эмоций, подлинно бетховенском ритме, никогда не старался «показать себя» и свои выдающиеся виртуозные возможности, но как бы полностью «растворился» в гениальной бетховенской музыке. В будущем он стал одним из самых замечательных интерпретаторов музыки Бетховена среди скрипачей в Советском Союзе и **единственным советским артистом, сыгравшим скрипичный Концерт с одним из величайших исполнителей музыки Бетховена в XX веке – дирижёром Отто Клемперером.** (О его одном из самых значительных творческих достижений – записи десяти Сонат для фортепиано и скрипки совместно со своей

многолетней партнёршей и женой Натальей Зерцаловой –
немного позже)

***

В начале февраля 1950 года состоялся первый в Москве сольный концерт Игоря Ойстраха, уже как лауреата 1-й премии международного конкурса на фестивале в Будапеште. Этот концерт продемонстрировал во всём блеске талант юного концертанта. Его тёплый и чистый звук прекрасно отражал Малый зал Консерватории. Мельчайшие детали и тонкости фразировки доходили до каждого слушателя. Мы, ещё недавние его соученики, слушали это выступление затаив дыхание. В программе московского сольного дебюта были: Концерт Моцарта № 5, Соната Изай для скрипки соло № 3, Фантазия Венявского «Фауст», «Аве Мария» Шуберта, Ноктюрн Шопена-Вильгельми, Фантазия Цимбалиста на темы оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок», сюита Сметаны «Моя родина». На бис он сыграл с большой тонкостью и каким-то свойственным музыке Шопена особым ностальгическим чувством – Мазурку ля-минор в переложении Ф. Крейсlera, а также впервые услышанную мной пьесу – «Тарантеллу» Анри Вьетана. В незамысловатом итальянском танце Вьетан показал весь шарм и мастерство своего таланта скрипача-виртуоза и композитора. Пьеса была написана удивительно удобно, «скрипично», так что при действительно высоком техническом мастерстве она производила очень большое впечатление. Игорь исполнил её с невероятной лёгкостью и изяществом. Казалось, что исполнение пьесы не только не составляло никакого труда, но было просто приятной музыкальной «шуткой». И на этот раз, снова, как это было с Концертом Кабалевского, многие скрипачи стали играть это небольшое сочинение, украшая им свои программы или «бисы». (Несколько курьёзный случай произошёл со мной через три года, когда став студентом Консерватории, я выучил эту пьесу и мой профессор Д.М. Цыганов заставлял меня играть её – как я понимал для своего собственного удовольствия – подряд три-четыре раза, не делая при этом ни малейших замечаний или пожеланий по поводу сыгранного).

Первый сольный концерт Игоря Ойстраха в Москве означал его окончательный переход в самый высокий ранг артиста – скрипача-концертанта. Теперь ни у кого не было сомнений в его в его будущей международной карьере.

***

Невыносимая нелёгкость бытия

Перефразируя название романа Милана Кундеры, эти слова, пожалуй, точно отображают начало 1950 годов в СССР.

Любители музыки и вообще широкая публика мало знали о перипетиях в мире скрипачей, пианистов или виолончелистов, связанных с эпохой «зрелого сталинизма» – концом 1940-х начала 1950-х. О климате тех лет написано много воспоминаний, эссе, исторических исследований. Кампания борьбы с «космополитизмом» открывала широкие перспективы сведения личных счётов во всех областях искусства, науки, техники, медицины, а также невиданные возможности продвижения на самые высокие посты и должности людям, дотеле и не мечтавшим ни о чём подобным. Основой всего стала государственная политика антисемитизма. В то же время власти старались как-то внешне балансировать в их ставке на «коренные» имена и фамилии, не сбрасывая сразу со счетов известных, популярных и знаменитых артистов. Вот что написал об одном малоизвестном эпизоде крупнейший исследователь сталинской антисемитской политики Геннадий Костырченко:

«Такую же роль внешнего декорума играли, например, одобренное вождем решение политбюро от марта 1949-го, санкционировавшее выезд с концертами в Венгрию скрипача Д.Ф. Ойстраха и сопровождавшего его в качестве аккомпаниатора В.Е. Ямпольского, а также присуждение в 1951 году Сталинской премии композитору Ю.С. Мейтусу за оперу «Молодая гвардия».

(Г. Костырченко. «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм»).

Сегодня трудно поверить, что для разрешения обычной гастрольной поездки собирался ЦК партии!

И тем не менее весной 1950 года мы узнали о том,

что Давид Ойстрах был заменён молодым, хотя и несомненно талантливым скрипачом Игорем Безродным для поездки на фестиваль советского искусства в Лондон. Первоначально Давид Ойстрах должен был выступить там с исполнением нового Концерта Кабалевского с композитором за дирижёрским пультом. Самому Ойстраху готовили замену...

Мне довелось присутствовать в квартире профессора А.И. Ямпольского, когда он работал с Безродным над этим Концертом, готовя его в самые короткие сроки. Они провели часа полтора, тщательно репетируя и бесконечно повторяя трудные и коварные пассажи, которые Игорь Безродный, при всём своём мастерстве преодолевал с известным трудом. В те дни мы ещё не знали, что он должен был *заменить* Ойстраха.

В итоге в Лондоне Безродный исключительно сильно нервничал, и как на репетиции, так и на концерте сыграл это сочинение с ощутимыми техническими потерями. Рецензии на исполнение и на само сочинение, были не очень вдохновляющими. Надзирающим над музыкой и исполнительским искусством этого показалось мало. Они снова назначили Игоря Безродного выступить вместо Ойстраха – на это раз уже в ансамбле с Львом Обориным на таком же фестивале во Франции. По многим свидетельствам, и этот опыт успеха не принёс. Музыкальным начальникам стало ясно, что Ойстраха всё же заменить нельзя и что если они хотят достойно представлять советское искусство – в будущем этого больше не повторять.

Неизвестно, была ли эта попытка замены Давида Ойстраха связана с шедшим на всех парах «следствием» по делу Еврейского Антифашистского Комитета, или же это было частью программы, столь ясно выраженной в докладной записке Александрова ещё в 1942 году, но на этом подобные опыты прекратились. Через год – в 1951 году – Давид Фёдорович представлял Советский Союз в жюри Конкурса им. Королевы Елизаветы в Брюсселе. Первую премию с блеском завоевал Леонид Коган. После конкурса Ойстрах с огромным успехом выступил с концертами Баха и

Бетховена с оркестром под управлением Жака Тибо. Спустя 14 лет после победы Давида Ойстраха на этой же сцене, он снова стал триумфатором. (В связи с этим, профессор Д.М. Цыганов язвительно заметил в своём классе в Консерватории: «Оказывается **заменить** Ойстраха не так просто... Игорь Безродный **обеспечил блистательный провал** Концерту Кабалевского в Лондоне»).

После окончания конкурса Королева написала письмо Д.Ф., где в частности говорилось: «Ваша несравненная игра останется незабываемой и для меня, и для всей Бельгии. Кроме радости Вас слышать, я была счастлива Вас снова увидеть и несколько раз играть с Вами. Мне грустно, что Вы уезжаете, но я надеюсь Вас скоро увидеть и вновь услышать... Елизавета» (В. Юзефович. «Беседы с Игорем Ойстрахом»).

Так чем же были недовольны советские чиновники, заменяя прославленного Давида Ойстраха молодым скрипачом? Может быть вот этим?

В 1943 году Давид Ойстрах был удостоен Сталинской премии. В письме к Сталину он писал:

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я глубоко взволнован присуждением мне премии Вашего имени. Радостно сознание того, что служение любимому искусству, отражающееся в моей концертной деятельности, получило столь высокую оценку Партии и Правительства.

Я вношу полученную премию 100 000 рублей в особый фонд Главного Командующего для скорейшего разгрома вражеских полчищ – губителей мировой культуры и искусства.

Желаю Вам здоровья.

Искренне преданный заслуженный деятель искусств РСФСР Давид Ойстрах.

Рядом с письмом Ойстраха «Правда» опубликовала и ответное письмо Сталина:

«Заслуженному деятелю искусства РСФСР тов. Д.Ф. Ойстраху.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Давид Федорович, за вашу заботу о вооруженных

силах Советского Союза.

И. Сталин». Правда», 1 апреля 1943

***

Всё это теперь не имело значения. Иные соображения руководили действиями чиновников Комитета по делам искусств. Нельзя сказать, что ситуация в целом слишком пагубно отразилась на развитии концертной карьеры молодого скрипача, но некоторые «знаки внимания» получил и он. Во всяком случае, два события определённо совпали во времени: реальная попытка заменить Давида Ойстраха Игорем Безродным, и нежелание тех же чиновников дать возможность Игорю Ойстраху принять участие в международном Конкурсе им. И.С.Баха в Лейпциге. Туда были посланы Игорь Безродный, Михаил Вайман и Алексей Горохов. Михаил Вайман представлял Ленинград, Безродный и Горохов Москву. Для чиновников картина выглядела неплохо – две русские фамилии, одна еврейская. Это уже был существенный прогресс в деле увеличения «коренных» фамилий на поприще музыкального исполнительства и международных конкурсов. Хотя все знали, что отец Игоря Безродного – Семён Ильич Безродный – еврей, но вполне благозвучная фамилия делала ситуацию более приятной для «товарищей». Это одна сторона дела. Сегодня видится и другая, относящаяся к вопросу стиля исполнения произведений Баха.

В те годы в Москве и Ленинграде доминировало представление об исполнении произведений Баха для скрипки, как полнокровное, немногим отличавшееся от исполнения Чайковского или Брамса. Баха было принято тогда играть с максимальным эмоциональным накалом и напором, с большой и интенсивной вибрацией, очень крупномасштабно и ярко. Всё это само по себе было неплохо, но намечавшиеся тогда новые тенденции подхода к исполнению произведений Баха для скрипки на Западе, до Москвы и Ленинграда пока ещё не доходили. И вот на таком фоне исполнение сочинений Баха Игорем Ойстрахом действительно отличалось большей сдержанностью, аутентичностью стилистике текста, меньшей внешней эмоциональностью и значительно большей углублённостью.

Возможно, что именно этот факт и сыграл роль в нежелании как членов отборочного жюри, так и чиновников, включить Игоря Ойстраха с несколько «иным» Бахом в достаточно сильную «команду» советских скрипачей. Возможно также, что сам герой этого очерка и не согласится с этой мыслью и такой интерпретацией событий, но по прошествии 60-и лет при сегодняшнем доминирующем подходе к исполнению Баха, этот эпизод выглядит в таком ключе рассмотрения прошлых событий вполне убедительно.

***

Победа на конкурсе имени Генриха Венявского

Почему участие в международных конкурсах было таким важным? Здесь следует дать два ответа на этот вопрос. Во-первых, важным для страны (СССР). Во-вторых, важным для самих участников. Как уже говорилось выше, для победителей и призёров международных конкурсов открывались двери лучших концертных залов Москвы, Ленинграда и других крупнейших городов, записи на пластинки, да и вообще статус Лауреата международного конкурса для молодых артистов был почти равен статусу почётных званий, присуждавшимся особо выдающимся артистам Советского Союза. Без получения высокого приза на международном конкурсе развитие концертной карьеры для молодого артиста было обречено на полную неудачу. Игорь Ойстрах, завоевав первую премию на международном фестивале в Будапеште, став студентом Консерватории и хотя уже и выдающийся скрипач, всё равно теперь стоял перед необходимостью участия в крупном международном конкурсе.

Снова зададим себе тот же вопрос: было ли его положение легче, чем положение других потенциальных участников международных конкурсов? Помогало ли здесь хоть сколько-нибудь имя его отца?

Скорее всего не только не помогало, но значительно усложняло задачу его участия в любом конкурсе. Потому что требования к нему именно, как к «сыну знаменитого Давида Ойстраха» были всегда значительно завышены изначально из-за столь известного и популярного имени среди скрипачей мира. И всё же участвовать в таком

соревновании Игорю Ойстраху было необходимо.

В 1951 году он с блеском прошёл отбор на Международный Конкурс им. Жака Тибо и Маргариты Лонг в Париже. Об этом каким-то образом узнал сам Жак Тибо и выразил свою радость по поводу предстоящей встречи с сыном Давида Ойстраха. Но Комитет по делам искусств отменил участие советских скрипачей в конкурсе в Париже. Можно только строить различные предположение об этом. Возможно, что причина была в близких сроках сразу двух Международных конкурсов – имени Королевы Елизаветы в Брюсселе и Конкурса им. Жака Тибо и Маргариты Лонг в Париже.

Если верить легендам и слухам, то Конкурсу в Брюсселе придавалось огромное значение из-за телеграммы, посланной Сталину Королевой Елизаветой: *Дорогой Генералиссимус, я провожу конкурс скрипачей и рассчитываю на участие представителей вашей замечательной школы.* На что Сталин, якобы, наложил резолюцию: *Послать. Обеспечить победу.* Так это было или нет, но советские конкурсанты в Брюсселе завоевали 1-ю премию – Леонид Коган, 2-ю – Михаил Вайман, 5-ю – Ольга Каверзнева и 7-ю – Алексей Горохов. А в Париж советская группа в тот год послана не была.

Наконец, на следующий год должен был состояться после большого перерыва – с 1935 года – Второй международный Конкурс скрипачей им. Генриха Венявского в Познани. Туда были отобраны: Игорь Ойстрах, Юлиан Ситковецкий, Марина Яшвили и Ольга Пархоменко. Многие в Москве были уверены в победе на конкурсе Юлиана Ситковецкого. Начавший свою карьеру вундеркинда в Киеве ещё до войны, ставший учеником А.И. Ямпольского в конце 1930 годов, Ситковецкий в 1945 году получил 3-ю премию на Всесоюзном Конкурсе в Москве и поделил 1-ю премию с Л. Коганом и И. Безродным в 1947-м в Праге. В послевоенные годы он стал одним из самых блестящих советских скрипачей-виртуозов. Возможно, что чисто виртуозное начало превалировало в его игре, но само впечатление от сверхъестественной виртуозности было ошеломляющим. На его концертах бывало порой заметно,

что в камерной музыке он, как интерпретатор уступал своей партнёрше – Белле Давидович, которая в 1950 году стала его женой. Как бы то ни было, но в Москве очень многие музыканты рассматривали Ситковецкого, как бесспорного фаворита Конкурса им. Венявского. Перед Игорем Ойстрахом стояла лишь одна задача – быть самим собой. Его виртуозное мастерство к этому времени было абсолютно совершенным, но ему было присуще бесценное качество, которое, кажется, в тот момент, на том конкурсе, было у его грозного соперника несколько *стёрто*.

Как и всякое концертное выступление, игра на международном конкурсе предъявляет несколько специфических требований: выступление должно быть ярким, масштабным, музыкально и стилистически аутентичным представленным композициям, совершенным в отношении техники, звука и всего арсенала скрипичной игры. Всё это достигается предварительным и большим концертным опытом, хорошо «обкатанной» программой, дающей уверенность в минимализации технических случайностей. Но... тут исполнителя поджидает неожиданная ловушка! Именно то, что даёт уверенность в успехе – многократное повторение конкурсных пьес на концертной эстраде, переходит в свою противоположность – исполнитель в какой-то мере «устаёт» от этих пьес, и они лишаются главного – свежести. Пьесы конкурсной программы, как бы и сами «устали» от многократного повторения их на концертной эстраде.

(Мне вспомнилась короткая встреча с Гариком Ойстрахом где-то в июле 1952 года. Мои родители сняли дачу на Сходне, чтобы я мог готовиться наиболее эффективно к последнему году в школе. На другой стороне Сходни находилась дача Ойстрахов. Я не посмел навестить Гарика сам, понимая, что в то лето он готовился к Конкурсу имени Венявского в Познани. Как-то я встретил его в электричке по дороге в Москву. Он был, как и всегда, очень любезен, вежлив и мил – его природное обаяние располагало к нему симпатии детей и взрослых. Гарик рассказал, что готовясь к конкурсу, занимается по многу часов в день, но старается всё же заниматься пока на даче,

а с августа собирался большей частью проводить время в Москве. Я расспросил его об экзаменах в Консерваторию, которые мне предстояло сдавать на следующий год. Конечно, я сердечно пожелал ему успеха на конкурсе, в котором я не сомневался).

Судя по записям на CD, которые стали несколько лет назад достоянием коллекционеров и любителей скрипичного искусства, именно это и произошло с Юлианом Ситковецким. Если сравнить некоторые пьесы, записанные им в конце 1940 годов на пластинки, то его записи во время Конкурса дают нам картину «усталости» его репертуара. Он слишком много играл эти пьесы по радио, в студии звукозаписи и на концертной эстраде, и не смог вызвать в себе чувство той необходимой *свежести* всего конкурсного репертуара, которая делает выступление истинно прекрасным, дарящим своим слушателям – и членам жюри и публике – волнующее, радостное и праздничное чувство, остающееся в памяти на много лет.

Игорь Ойстрах, конечно, также многократно выступал с конкурсными пьесами на концертной эстраде, но ему удалось не только *сохранить* свежесть исполнения этих пьес, но и сыграть их в нужный момент, в данном месте самым волнующим и вдохновенным образом. Эти документальные свидетельства – записи, сделанные во время конкурса – делают картину совершенно ясной и вряд ли сколько-нибудь оспариваемой.

Кроме того прославленный профессор Ситковецкого – А.И. Ямпольский – допустил важный стратегический просчёт: феноменальный виртуоз Юлиан Ситковецкий был далёк от стилистики импрессионизма Кароля Шимановского, Первый Концерт которого был представлен им для финала Конкурса. Польша Ванда Вилкомирская играла тот же Концерт на финальном прослушивании значительно более увлекательно, красочно, тоньше передав импрессионистское начало в музыке польского мастера.

Конечно, не обошлось без некоторых спекуляций, которые родились, увы, именно потому, что отец Игоря – Давид Ойстрах – играл на первом Конкурсе им. Венявского в 1935 году, получив 2-ю премию. Вот что писал в своей

книге ученик и глубокий почитатель искусства Давида Ойстраха Яков Сорокер:

*...На самом деле, в узком кругу, разумеется не раз, и с явной горечью (Ойстрах – А.Ш.) намекал на юдофобский подтекст решения варшавского жюри, и добавлял, что многие члены жюри остались при особом мнении. Член жюри от Франции **Габриэль Буйон** впоследствии вспоминал: «Давиду Ойстраху пришлось довольствоваться второй премией, возможно потому, что симпатии польских членов жюри были на стороне француженки (Жанетт Нэвэ – А.Ш.) больше, чем на стороне русского (читай – еврея из России). Я. Сорокер. «Давид Ойстрах» (изд. Тарбут, Иерусалим, 1981 г.*

В 1970-1980 годы в западноевропейской и американской музыкальной прессе высказывалась спекулятивная мысль о том, что Давида Ойстраха – де несколько обидели на Первом конкурсе, и потому на втором Конкурсе им. Венявского в Познани в 1952 году это было как-то «компенсировано» тем, что первый приз получил его сын Игорь. Почему-то никто из критиков не нашёл нужным отреагировать на подобные спекуляции. Если даже предположить, что тогда, в 1935 году как-то обидели будущего «Короля скрипачей», то Игорь Ойстрах в 1952 году был истинным Принцем искусства скрипичной игры в своём собственном праве. Повторим ещё раз: записи значительного количества конкурсных пьес, сделанных *во время* конкурса – лучшее доказательство абсолютной справедливости решения жюри о присуждении ему главного приза. Игра Игоря Ойстраха поражает невероятной чистотой, фантастической лёгкостью и совершенством техники, теплотой тона и музыкальной гибкостью истинного и большого таланта. Если к этому прибавить огромный темперамент и большой масштаб исполнения, то всё это может быть лишь попыткой словесного описания его изумительной игры. Финальное его выступление с оркестром со Вторым Концертом Венявского, запись которого хранится в архивах Конкурса в Познани, вообще стоит в ряду лучших исполнений этого Концерта, включая записи величайших звёзд скрипичного мира. Так что вне

зависимости от всех обстоятельств первого конкурса, победа Игоря Ойстраха на втором Конкурсе является фактом совершенно не соотносящимся к событиям 1935 года.

Победе Игоря Ойстраха несомненно сопутствовала его глубокая любовь к сочинениям великого скрипача и композитора Генриха Венявского. Вспомним, что ещё в 1946 году, после выступления со 2-м Концертом Венявского директор Центральной музыкальной школы В.П. Ширинский позвонил Давиду Ойстраху, поздравил его с серьёзным и значительным художественным достижением Гарика, предсказав большое будущее юному музыканту на концертной эстраде.

Победив на Конкурсе им. Венявского Игорь Ойстрах сразу вышел в самый первый ряд выдающихся советских скрипачей. То есть, он был им и до конкурса, но именно международное признание сделало это теперь официальным фактом.

«Моя великая удача пришла, когда умер Сталин»

Это ни в коем случае не слова героя этого очерка. Это также не слова Давида Ойстраха. Всё окружающее воспринималось тогда в контексте своей собственной жизни в последние годы сталинского правления. К счастью, в основном все перипетии жизни в стране в это тревожное и опасное время, кажется, минимально коснулись семьи Ойстрахов.

Слова эти принадлежат человеку, которому были многим обязаны советско-английские культурные связи. Имя его – Виктор Хоххаузер. Именно он, английский импресарио, родившийся в Словакии в 1923 году, спасшийся со всей своей семьёй в Англии в 1939 году, вскоре после смерти Сталина в 1953 году представил Англии группу выдающихся советских артистов. В её составе были пианисты Эмиль Гилельс и Белла Давидович, скрипач Игорь Ойстрах, певцы Зара Долуханова и Алексей Иванов. Все они выступали в Лондоне в знаменитом Альберт-Холле с сольными концертами. Для 22-летнего Игоря Ойстраха это стало сразу огромным шагом к мировой известности не только как Ойстраха, но именно как Игоря Ойстраха. Почему среди всех молодых советских скрипачей

выбор пал на него? Ведь он ещё был студентом 5-го курса Московской Консерватории. Что отличало его игру в эти годы от игры других молодых скрипачей его поколения? Естественно, что Игорь Безродный, которого скорее всего власти хотели бы видеть в этой роли для поездки в Лондон, не подходил из-за сравнительно недавнего неудачного дебюта с Концертом Кабалевского.

Как уже говорилось выше, Игорь Ойстрах сочетал в своей игре качества блестящего виртуоза и глубокого музыканта. Некоторые его талантливые коллеги обладали замечательными звуковыми качествами, отличной техникой, или тонкостью вкуса, но именно *сочетанием* всех этих качеств – плюс большой концертный масштаб его манеры исполнения – привлекли к нему как внимание импресарио, так и обеспечили большой успех у публики и критики. (Виктор Хоххаузер в 1974 году был проклят советскими властями за его близкую дружбу с М. Ростроповичем. На 16 лет всякие контакты прекратились, а Хоххаузер переключился на Китай. А в новые времена – в 1996 году ему был даже пожалован в Москве «Орден дружбы народов»)

Игорь выступил в Лондоне *до* сенсационного появления Давида Ойстраха в 1954 году. Так что Лондон сразу оценил талант юного артиста именно как яркой молодой звёзды скрипичного мира вне зависимости от ауры имени «Ойстрах». Он выступил тогда с оркестром с исполнением Концертов Хачатуряна и Бетховена. С этого времени началась его мировая карьера. Он так же был первым советским скрипачом, выступившим после войны в Западной Германии. Продолжая традицию совместных выступлений с отцом, положившей своё начало в 1947 году, Игорь и Давид Ойстрах довольно часто выступали в одном концерте. Помню одно из таких выступлений в Большом Зале Консерватории примерно весной 1954 года. На бис они сыграли этюд для двух скрипок Венявского. Мне тогда показалось, что Игорь играл вместе с отцом в какой-то мере в стиле, более близком к стилю игры самого Давида Ойстраха. Если слушать их одновременно не в Двойном Концерте Баха, а в небольших пьесах для двух скрипок, то

казалось, что манера их игры была очень схожей. Поэтому, если судить по *такому репертуару*, то фраза одного из американских критиков о том, что «разница в игре обоих Ойстрахов лишь в их возрасте» была оправдана, но только *если речь шла лишь о подобном репертуаре*. Слушая запись того же Двойного Концерта Баха, сделанную на телевидении в Нью-Йорке в 1963 году в программе “Bell Telephone hour” с дирижёром Дональдом Вуурхиз, сразу слышится фундаментальное различие в характере звука и индивидуальностях скрипачей. Об этом уже говорилось в начале этого очерка.

Так в 1953 году началась мировая карьера молодого скрипача – его выступления на всех континентах земли.

***

Весной 1960 года Игорь Ойстрах готовил московскую премьеру Концерта Белы Бартока № 2 с оркестром Московской Филармонии и дирижёром Геннадием Рождественским. Этот Концерт был написан в 1937-38 году и был посвящён другу композитора – скрипачу Золтану Секеи, который и сыграл мировую премьеру в Амстердаме в марте 1939 года. В Москве его собирался играть Иегуди Менухин во время своего первого визита в СССР в декабре 1945 года. Собирался, но не сыграл. Трудно сказать, что тому было причиной, но вероятнее всего отсутствие времени для достаточного количества репетиций нового для московских оркестров сочинения. И вот теперь, через много лет после европейской премьеры Игорь Ойстрах готовил это сочинение для первого исполнения в Москве.

Волею судеб, этим Концертом мне довелось оканчивать Московскую Консерваторию весной того же 1960 года. Помню, что Геннадий Рождественский слушал с партитурой моё исполнение в сопровождении фортепиано в одной из консерваторских аудиторий для прослушивания на кафедре проф. Цыганова. То есть ещё до дипломного экзамена профессора консерватории ознакомились с этим Концертом примерно в середине апреля. Потом Рождественский приходил и на моё открытое выступление в Малом зале Консерватории, и даже на сам дипломный экзамен. Помню его, стоявшим с партитурой в руках на

краю амфитеатра Малого зала. А примерно недели за две до дипломного экзамена Цыганов мне неожиданно предложил зайти в класс Д.Ф. Ойстраха и прослушать этот Концерт в исполнении... Игоря Ойстраха!

Я сказал тогда своему профессору, что, пожалуй это не совсем удобно, но он, угадав мои мысли сразу же сообщил, что договорился с ассистентом Д.Ф. – П.А. Бондаренко – о нашем приходе на репетицию Игоря, что самого Д.Ф. в Москве нет, и что всё это не только удобно, но и будет для меня, по его словам «чрезвычайно полезным – посмотреть и послушать – как этот Концерт "выглядит" и звучит со стороны». Игорь окончил аспирантуру Консерватории в 1958 году. Иногда я его встречал в нашей Alma Mater – вероятно он приходил репетировать с кем-то из аккомпаниаторов в классе Д.Ф. Ойстраха. Впрочем, это бывало очень редко. Так как аккомпанемент этого Концерта чрезвычайно труден для пианиста, то в то время его играли лишь два аккомпаниатора – Мария Абрамовна Штерн в классе Цыганова, и Берта Яковлевна Вербицкая в классе Ойстраха.

Так мы с Цыгановым пришли на репетицию Игоря Ойстраха. Он, как это было ему свойственно всегда, приветствовал нас очень сердечно и доброжелательно и началось исполнение – первое для меня живое исполнение этого выдающегося сочинения великого композитора. Играл этот Концерт Игорь совершенно замечательно: ярко ощущая национальный венгерский колорит музыки Бартока, он выявлял исключительно выпукло и совершенно колористические звуковые эффекты, присущие этому сочинению. Весь блеск технических эффектов и возможностей скрипки был так ярко претворён в его игре, что Концерт казался совсем несложным и совершенно понятным.

Вообще говоря, при исполнении любого нового сочинения композитора-современника возникают две проблемы:

- 1) абсолютно точного, скрупулёзного следования мельчайшим указаниям авторского текста, и;
- 2) преломление сквозь собственную интерпретацию

наиболее впечатляющих внутренних драматических контрастов. При сильной индивидуальности артиста это иногда идёт вразрез со скрупулёзным следованием тексту.

Первое исполнение Концерта Бартока состоялось, как мы знаем, в 1939 году в Амстердаме скрипачом Золтаном Секеи с оркестром Концертгебау под управлением Вилема Менгельберга. Теперь это исполнение можно услышать на “YouTube”. Оно действительно поражает удивительно точной *иллюстрацией* всех указаний композитора, но при этом совершенно неодоумотворённой иллюстрацией, и, уж конечно, никак не художественной *интерпретацией*. Иными словами, если молодой музыкант впервые услышал бы этот Концерт в исполнении Секеи, то едва бы его увлекла идея взяться за это сочинение с целью его концертного исполнения. Вполне можно быть уверенным в том, что сам композитор был полностью удовлетворён таким подходом к его сочинению. То же самое происходило с Концертом для скрипки с оркестром Стравинского – его любимым исполнителем был Самуил Душкин, который рабски следовал всем мельчайшим указаниям автора. И что же? В результате такого подхода исполнитель был лишён главного – права на собственное *выражение* мира образов замечательного сочинения. Так же можно быть уверенным в том, что исполнение Концерта Стравинского Мильштейном, Ойстрахом, Менухиным, Стерном и другими мировыми знаменитостями не могло нравиться автору, видевшему своё сочинение по словам Мильштейна «чем-то раз и навсегда застывшим, наподобие скульптуры».

Игорь Ойстрах, естественно, шёл по собственному пути глубоко личной интерпретации этого волнующего сочинения, соблюдая в целом главные авторские указания, но никогда не приносил им в жертву своего личного видения внутренней сущности музыки Бартока. Мы искренне аплодировали Игорю после окончания исполнения и коротко поговорили о двух самых замечательных записях Концерта, сделанных к тому времени на пластинки – Иегуди Менухина и Исаака Стерна. «Менухин играет, конечно, более возвышенно, Стерн более по-земному, – сказал он, –

но оба исполнения замечательны!» Я рассказал тогда Гарику, что уже сыграл первую часть Концерта на открытом концерте студентов класса Цыганова, и вскоре буду играть вторую и третью части, никак не предполагая, что он не укажет на своей афише – **«первое исполнение»**, что было бы вполне естественным. Это был с его стороны не только красивый жест. Он проявил не только тонкость и такт, но и благородное великодушие к своему скромному коллеге. В его благородстве в отношении к своим коллегам можно убедиться, читая его интервью. В одном из них в 2003 году на вопрос английского журналиста Билла Ньюмена были ли его соученики «дружественными конкурентами и соперниками», он ответил просто: «О, они не соперники, они мои наиболее талантливые коллеги!» Достойный пример благородной скромности и высокой оценки своих коллег!

***

До 1960 года в жизни Игоря Ойстраха происходило много событий – концерты в разных странах мира, встречи с великими музыкантами. Но в том году произошло событие, сыгравшее в его жизни кардинальную роль, положившее начало новому периоду его жизни – личной и творческой. В том году Игорь женился на пианистке Наталии Зерцаловой, ученице выдающегося советского пианиста Я.В. Флиэра.

Одна из первых семейных фотографий – Игорь Ойстрах и Наталия Зерцалова, начало 1960 годов. Семейный архив

Многие музыкальные писатели, историки

скрипичного искусства, среди которых был уже цитируемый здесь Генри Рот, в значительной мере преувеличивали «существование Игоря в тени знаменитого отца». Генри Рот даже сделал такое сравнение: «Представляете себе жизнь юного скрипача, стремящегося сформировать свою собственную музыкальную индивидуальность, если он живёт вместе с Крейслером, Хейфецем – или Ойстрахом!»

Первые прикосновения к скрипке – Валерий Ойстрах с бабушкой, мамой и дедушкой

С этим можно соглашаться или не соглашаться, но всё же следует отметить, что жизнь и развитие карьеры Игоря Ойстраха со всей очевидностью показали – он часто появлялся в странах Запада, как мы видели, ещё до появления там своего отца – Давида Ойстраха. Так произошло в Англии, Западной Германии, Израиле и ряде других стран. И, следовательно, его оценивала и критика и публика совершенно независимо от наследия великого имени.

Женитьба молодого музыканта стала важнейшей вехой его жизни – теперь он полностью самостоятелен, глава семьи, принявший на себя всю ответственность за собственные решения – жизненные и творческие.

Наталья Зерцалова стала не только «равноценной партнёршей» своего мужа, по словам великого дирижёра Отто Клемперера, но и матерью Валерия Ойстраха – их сына – продолжателя династии Ойстрахов уже в третьем поколении.

В то же самое время Игорь продолжал выступать со своим отцом Давидом Ойстрахом в Москве, Амстердаме, Будапеште, Лондоне, Париже, Нью-Йорке... **Их нерушимая совместная творческая работа продолжалась до самого 1974 года – безвременной кончины Давида Фёдоровича Ойстраха.**

В зале Концертгебау, Амстердам. Семейный архив

Вспомним, что первый выход Игоря на профессиональную эстраду был с отцом в Двойном Концерте Баха в зале Дома учёных в 1947 году. Но и в первый выход на эстраду в качестве **дирижёра** Давид Ойстрах был тоже с сыном – только теперь уже в качестве его аккомпаниатора. В начале 1960 годов Давид Ойстрах после полного утверждения своей всемирной артистической репутации, как одного из величайших скрипачей середины века, решил начать осуществление своей мечты – встать наконец за дирижёрский пульт. Вот короткое воспоминание о самом первом выступлении Давида Ойстраха за

дирижёрским пультом, присланное мне из Иерусалима бывшим солистом Большого Симфонического оркестра Радио, одним из лучших в те годы флейтистов Москвы Наумом Зайделем:

Мне довелось играть с Давидом Ойстрахом, в качестве дирижёра, в самом начале его дирижёрской карьеры, а точнее, в самый первый раз его дирижёрского опыта. Для меня это был первый, и одновременно последний раз. Я полагаю, что это произошло в конце 1959 или начале 1960 года, когда главным дирижёром был ещё А.В. Гаук. Неожиданно объявили оркестру, что состоится запись на граммпластинку для фирмы «Мелодия». А.В. Гаук придавал этой записи большое значение. Лично мне он сказал: «Оркестр должен проявить себя самым лучшим образом. Вы же понимаете, какой он дирижёр» (Как ошибался А.В. Гаук, не имея представления об Ойстрахе-дирижёре! – А.Ш.). Записывали мы «Испанскую симфонию» Лало с Игорем Ойстрахом. Давид Ойстрах дирижировал очень корректно, не размахивал излишне, как это случается очень часто. Руки располагались на естественной высоте, соответственно уровню звучания. Мне показалось, он стесняется быть эмоциональным, доверяя оркестру. Я чувствовал в атмосфере на сцене почитание, уважение и желание выполнить любую его просьбу...

Игорь Ойстрах с сыном – первые уроки на скрипке. Конец 1960-х.
Семейный архив

В этом свидетельстве характерны два качества Ойстраха-дирижёра – его полное владение материалом и

мануальными средствами выразительности рук, как видно совершенно ясных для всех участников этой записи, и его индивидуальности артиста, никогда не выходящей за границы строгого вкуса.

Записав затем и Концерт Брамса снова с Игорем, в качестве солиста, 17 февраля 1962 года он выступил со своим публичным дирижёрским дебютом в Большом Зале Консерватории – пока ещё, как аккомпаниатор. Естественно, тот концерт остался в нашей памяти и сегодня – не каждый день Давид Ойстрах дебютировал как дирижёр! Надо сказать, что Д.Ф. чувствовал себя в новом амплуа совершенно естественно и непринуждённо. Если кто-то и волновался в тот вечер, так это был Игорь. Впрочем, волнение чувствовалось лишь в Концерте Баха ми-мажор. Концерты Бетховена и Брамса он играл превосходно, равно как и «Интродукцию и Рондо-Каприччиозо» Сен-Санса, исполненную с оркестром на бис. С той поры они выступали вдвоём на многих концертных эстрадах мира, выступали и в дуэтах, когда Д.Ф. играл на альте, а Игорь на скрипке. Как видно из дальнейшей истории жизни и творчества Игоря Ойстраха, «дирижёрская болезнь» поразила и его.

Дирижирует Игорь Ойстрах. Семейный архив

В 1968 году Игорь Ойстрах сам впервые встал за дирижёрский пульт. Сначала это был Ансамбль солистов

оркестра Московской Филармонии, которым руководил Валентин Жук. За границей его дирижёрский дебют был в Копенгагене в феврале 1968 года. Очень быстро вырос его симфонический репертуар. Вот что написал он мне о своих дирижёрских выступлениях:

«...С 1968-го по 1995-й я дирижировал "настоящие дирижёрские программы" – ряд Симфоний Гайдна и Моцарта, 6 Бранденбургских концертов Баха. Бетховен – Симфонии №№ 1-8 (все, кроме Девятой). Брамс – 4 Симфонии, Шуман – 4 Симфонии, ряд Симфоний Шуберта, Чайковского 4,5,6, "Ромео и Джульетта", "Франческа да Римини", Вагнер – "Вступление и смерть Изольды", симфоническая поэма "Дон Жуан" Рихарда Штрауса и др. Выступал с симфоническими оркестрами Московской Филармонии, Ленинградской Филармонии, оркестрами Лондона, Берлина, Вены, Брюсселя».

Если писать обо всех концертах Игоря Ойстраха в странах мира, куда его приводила судьба скрипача-концертанта, подкрепляя каждое выступление рецензиями из местных или международных газет и журналов, то вероятно получится внушительная книга-справочник, дающая полное представление о времени, месте и программах его концертов, с приведёнными примерами газетных рецензий. Поэтому ограничимся здесь более скромной задачей – посмотрим лишь немного на некоторые документы – несколько выдержек из рецензий на его скрипичные и дирижёрские выступления и письма самому Игорю и его родителям от величайших музыкантов XX века, которые лучше осветят как артистические, так и человеческие качества скрипача .

Вот небольшие выдержки из рецензий разных лет:

«Дрезденер Цайтунг», октябрь 1986 года

ЗАХВАТЫВАЮЩЕЕ ДУХ ВОЛШЕБСТВО МУЗЫКИ С УЧАСТИЕМ ОЙСТРАХОВ

Игорь Ойстрах – имя известное во всём мире... Знаменитого скрипача сопровождал на этот раз младший член семьи Ойстрахов – Валерий, который зарекомендовал себя равноценным партнёром... Стиль Валерия напоминает стиль отца, насколько сравним стиль Игоря и Давида

Ойстраха. Школы те же – исполнители, вернее продолжатели – разные. Валерий берётся за исполнение произведений с такой же кажущейся лёгкостью, как его отец, пожалуй, более раскованно и свободно (насколько это словоупотребление возможно при таком уровне исполнения).

В Концерте Моцарта Ля-мажор исполнение Игорем Ойстрахом несло особое вдохновение в певучести игры, элегантности и грациозности звучания. Ойстрах со скрипкой в руках дирижировал Берлинским симфоническим оркестром, сопровождавшим его игру. Мы услышали живое со-музицирование как в артистическом плане, так и в духе человеческой гармонии.

Затем Игорь оставил скрипку и взял дирижёрскую палочку. Он руководил оркестром, который сопровождал игру третьего в династии скрипачей Ойстрахов – сына Валерия. 26-летний скрипач не только большой талант. Он исполнил Концерт Бруха в стиле и с большой экспрессией, как романтическую сцену без слов. Он сконцентрировался больше на интенсивности и нюансировке игры, чем на традиционных патетических жестах. И если Игорь Ойстрах был встречен бурными аплодисментами, то и Валерий быстро завоевал сердца берлинцев, наградивших его громкими аплодисментами.

В заключение Игорь Ойстрах за дирижёрским пультом Берлинского симфонического оркестра исполнил 5-ю Симфонию Чайковского. И здесь Ойстрах с чувством раскрыл лирическое содержание произведения. Поэтому медленная вторая часть и Вальс прозвучали особенно рельефно. При этом не остались в тени ни конфликтность, ни побеждающий пафос и ритмическая взрывчатость вставок. Это было прекрасное, глубоковолнующее выступление... После этого исполнения гремели овации восторженных слушателей. Исключительное начало для Берлинского Фестиваля!»

Ганс Йорген Шефер

ОЙСТРАХ – ДИРИЖЁР «Берлинер Цайтунг» 29.09.86.

...Мы стали свидетелями выступления музыканта за дирижёрским пультом, который умеет руководить

коллективом оркестрантов, владеет музыкальным воплощением концепции произведения. Имея в виду эти его способности, как не вспомнить его отца Давида Ойстраха, мировая слава которого как дирижёра росла. Исполнение 5-й Симфонии удалось Игорю Ойстраху на одном дыхании. Ему удалось постичь дух этой музыки, её лирико-философское выражение, так же, как и её глубоко русское содержание.

Ганс Петер Мюллер

Таким образом, как и Давид Ойстрах, Игорь зарекомендовал себя серьёзным симфоническим дирижёром. И в дирижировании проявлялись главные черты его таланта: чувство стиля, благородство фразы, прекрасное ощущение времени, художественный ритм и цельность формы – словом все необходимые качества, свойственные настоящему дирижёру-интерпретатору.

И вот последний отрывок из рецензии о совместном выступлении Игоря Ойстраха и Наталии Зерцаловой:

Кемптен, «Альгемане Цайтунг» 03.05.88

КОЛДОВСТВО ИГОРЯ ОЙСТРАХА

Игорь Ойстрах – это имя особенно много значит для всех любителей музыки и совершенно заслуженно. Когда он появляется на сцене, вспоминается его легендарный отец, а когда он берёт скрипку и слышишь его безупречную игру, убеждаешься, что он стал скрипачом мирового класса, который войдёт в историю концертного исполнительского мастерства.

Наталия Зерцалова технически безукоризненно исполнила Бетховена, достигнув больших высот и впечатляющего музыкального проникновения.

После антракта наступил час виртуоза Ойстраха. В исполнении пьес Чайковского проявился блеск гениального дарования – полная самоотдача, мелодичное звучание и сверх всего – захватывающее исполнение!

Генрих Венявский сам выдающийся скрипач, сочинял произведения, предъявляющие сверхвысокие требования к технике исполнения и полностью исчерпывающие возможности скрипачей. Все эти данные виртуоза в

наибольшей степени присущи Ойстраху. Он, совершенно очевидно, чувствовал себя на сцене тем лучше, чем виртуознее и сложнее были пассажи и двойные ноты...

***

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ – В ПИСЬМАХ

Уильям Примроз.

7 марта 1962 года

Дорогие Давид и Тамара!

Эйлин и я только что вернулись после концерта Игоря здесь в Лос-Анджелесе. У парня есть всё: техника, натуральная красота тона, музыкальность, и в то же время индивидуальность и естественность шарма. Для меня нет ничего большего в моём представлении о настоящем элегантном артисте в наше время. Во всём – это незабываемое впечатление и также для публики, готовой слушать его целую ночь.

Хейфец был за кулисами, чтобы увидеть Игоря. У меня не было возможности сказать ему больше, чем «Хэлло», но я чувствовал, что он был так же впечатлён, как и мы.

Завтра я встречу его в Университете, где он, я и Пятигорский проводим мастер-классы и узнаю его мнение подробнее.

Наши приветы от любящих вас обоих и ещё раз – сердечные поздравления по поводу Игоря. Сердечно ваш **Уильям Примроз.**

(Уильям Примроз в эти годы был прославленным первым альтистом мира. Он постоянно выступал в ансамблях с Хейфецем и Пятигорским. – А.Ш.)

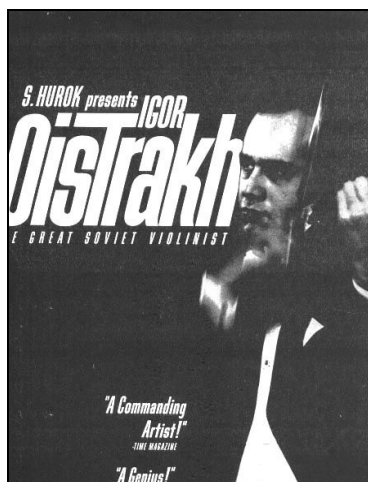
***

EZ Ефрем Цимбалист (письмо написано по-русски)
2 февраля 1962 года

Дорогой Давид! Вчера я наслаждался игрой твоего сына. Он меня и всех нас поразил своей чудной игрой, а на эстраде он выглядел как «Аполло». Я с ним говорил после концерта и какой он прелестный и хороший! Тамару Ивановну и тебя / Бабушку и Дедушку / сердечно поздравляю и крепко целую. Твой Ефрем.

(Ефрем Аронович Цимбалист(1889-1985) – всемирно

известный российский и американский скрипач, педагог, композитор – А.Ш.)

Буклет, выпущенный агентством Сола Юрока к первым гастролям в Америке Игоря Ойстраха. 1962 год

***

Игорю Ойстраху. Карнеги Холл. 4 февраля 1962 г

Дорогой Игорь;

Добро пожаловать в Карнеги Холл!

Как бы я хотел быть с вами сегодня вечером, но я сейчас на гастролях и в данный момент в Нью-Орлеане. Ни пуха ни пера!

Сердечно Айзек **Isaac Stern**

(4 февраля 1962 года состоялся дебют Игоря Ойстраха в прославленном зале Нью-Йорка Карнеги Холл с оркестром «Симфония в эфире» и дирижёром Альфредом Валленштейном [легендарные времена! Валленштейн был многолетним партнёром выступлений и записей Яши Хейфеца!]. В программе был Концерт для скрипки с оркестром Бетховена, а весь концерт был посвящён памяти величайшего скрипача XX века Фрица Крейсlera, умершего за три дня до дебюта Игоря Ойстраха в Нью-Йорке. Сам же американский дебют состоялся в Филадельфии 1 февраля. Критик назвал Игоря Ойстраха гениальным

скрипачом, и импресарио Сол Юрок немедленно поместил эти слова на обложке буклета к его концертам. – А.Ш.)

***

Игуды Менухин, Игорь и Валерий Ойстрахи после совместного выступления. Начало 1990-х. Семейный архив

Февраль 1993 г. **Игорю Ойстраху от Иегуди Менухина**

Очень дорогой Игорь!

Я был глубоко тронут, прочитав ваши добрые слова в «Сандэй Таймс» от 24 января, которые напомнили мне моменты, перенесшие нас вместе с вашим замечательным отцом, которого я очень любил. Вы очень щедры и я ценю ваши чувства и манеру их выражения. Я бы хотел быть в Лондоне 13 февраля, но в это время я буду в поездке с Филармония Хунгарика, начинающейся в Берлине, потом следует Москва, С-Петербург, включая Будапешт и Вильнюс. Таким образом, я не возвращусь даже к 26 февраля ко времени вашего концерта в Куинн Элизабет Холле. Вы знаете, как я вам предан и каким поклонником вас я остаюсь. С любовью к вам и Наташе. Ко мне присоединяется Диана.

Иегуди

***

ТЕЛЕГРАММА Иегуди Менухина в Москву Игорю Ойстраху после фестиваля в Гштааде (Швейцария)

Наши благодарности за приезд и восхитительные выступления, пленившие сердца публики. Мы были

счастливы видеть вас обоих. С благополучным возвращением домой. С любовью Иегуди Менухин

***

29 июня 1968 г. Бат. Иегуди Менухин – Давиду и Тамаре Ойстрах

Дорогие добрые друзья Давид и Тамара!

Мы все просто влюблены в Игоря – он играл здесь как ангел и как дьявол, и *он есть ангел*. Ваши дети – оба – дали нам замечательный концерт. Игорь играл Хиндемита фантастически. Мы думаем о вас с любовью и желанием видеть вас.

Ваш Егуди и Даяна. (последние слова по-русски).

(Уже упоминавшийся здесь историк скрипичного искусства Генри Рот назвал запись Игорем Ойстрахом пьесы Хиндемита «Kammermusik № 4» «величайшей, продемонстрировавшей абсолютную техническую свободу и готовность встретить все наиболее жёсткие антискрипичные трудности музыки XX века» – А.Ш.)

***

**АССОЦИАЦИЯ ЗИНО ФРАНЧЕСКАТТИ
Вице Перзидент Иоланда Франческатти**

La CIOTAT 12 октября 1991 года

Дорогой Игорь,

Я не могу вам сказать, как счастливы мы были видеть вас с нами на скрипичном Фестивале Зино Франческатти. Ваш роскошный концерт было удовольствием слышать и это прекрасная почать памяти Зино Франческатти.

Он сам был бы счастлив слышать вас!

Пожалуйста, передайте мои поздравления вашей жене – замечательной артистке, уверенной рукой поддержавшей ваш успех. Большое, большое спасибо.

С любовью приветствую вас – Иоланда Франческатти

(Зино Франческатти (1902-1991) – всемирно известный скрипач середины второй половины XX века. – А.Ш.)

***

ИЗРАИЛЬ

Вот что было написано в буклете к концерту Игоря Ойстраха в Израиле 8 декабря 1962 года:

В этом году мы имели возможность слышать одного из величайших пианистов мира – Якова Флиэра.

А теперь мы имеем честь представить вам Мистера Игоря Ойстраха, молодого скрипача, который уже достиг высочайшего положения в мире скрипичного искусства в своём собственном праве (как оказалось теперь, те же самые слова об искусстве Игоря Ойстраха, которые были в моей статье «Феномен посмертной славы – к 100-летию Давида Ойстраха», опубликованной в 2007 г. в Альманахе «Еврейская старина» №5(52) , впервые появились в Израиле 46 лет тому назад! Это лишний раз подчёркивает значение искусства Игоря Ойстраха, как такового – А.Ш)

***

Д. ШОСТАКОВИЧ – ИГОРЮ ОЙСТРАХУ 28 II 1968
Москва

Дорогой Игорь!

Горячо поздравляю Вас с присвоением звания Заслуженного артиста. Будьте всегда здоровы и счастливы. Много-много лет радуйте любителей музыки своим искусством. Крепко жму руку. Ваш Д.Шостакович

***

Д. ШОСТАКОВИЧ – ИГОРЮ ОЙСТРАХУ 9 III 1968

Дорогой Игорь!

Я очень жалею, что не смог выехать в Горький, и ещё раз получить большую радость от Вашего исполнения моего Концерта.

Ирина и я шлём Вам и всей Вашей семье наши самые добрые пожелания.

Ваш Д.Шостакович

***

ФЕСТИВАЛЬ ПАБЛО КАЗАЛЬСА 17 августа 1964 г.

Prades – France

Дорогой Мр. Ойстрах,

Снова я хотел бы сказать вам, как счастливы мы

были видеть вас здесь в Праде, услышать ваши чудесные выступления и играть с вами вместе. Это было действительно удовольствием, которое я буду всегда помнить.

Я также очень рад иметь записи, которые вы мне любезно подарили, а также Сонаты Бетховена в исполнении Ростроповича и Рихтера, которые я только что получил.

Пожалуйста, передайте мои тёплые пожелания и сердечный привет вашему отцу. Концерты с ним остаются живыми в моей памяти.

С любовью и надеждой видеть вас вскоре здесь снова. И с лучшими пожеланиями от моей жены.

Пабло Казальс

Пабло Казальс с Игорем Ойстрахом и Наталией Зерцаловой на Фестивале Казальса в Праде (Франция) 1964 год

***

ПАБЛО КАЗАЛЬС 4 января 1965 года

Janturse 6 Puerto Rico

Дорогой Игорь,

Большое спасибо за ваше тёплое письмо и добрые пожелания к моему дню рождения. Я искренне ценю ваше внимание.

Я слышал многие отзывы о вашем замечательном туре в США с вашими родителями и Миссис Ойстрах. Мои сердечные поздравления всем вам.

Я ожидаю вашего приезда в следующем июне

Все мои лучшие пожелания всей вашей семье к Новому Году, думая с теплотой о вас

Сердечно Пабло Казальс

Казальс открыл нам с Наташей новые горизонты в музыке. В Праде мы играли с Пабло Казальсом Трио Бетховена Archduke. Сам Казальс восторгался её игрой» – писал в недавнем письме Игорь Ойстрах.

(Действительно, теплота писем Казальса ясно говорит о его исключительной оценке искусства молодых музыкантов. Известный своей необычайной строгостью суждений об исполнительском искусстве и исполнителях, игравший с самыми прославленными пианистами и скрипачами мира, Пабло Казальс никогда не был склонен к излишним комплиментам. Поэтому его оценка выступлений Игоря Ойстраха и Наталии Зерцаловой особенно значима и ценна. – А.Ш.)

***

Королева Елизавета с семьёй Ойстрах и маленьким наследником династии скрипачей – Валерием. 1963 год. Москва. В Квартире Д. Ойстраха. Семейный архив

В заключение, пожалуй, немаловажно привести слова Игоря Ойстраха на вопрос автора очерка, какие самые главные влияния он испытал в своём становлении и на пути к вершинам исполнительского творчества. Вот его ответ:

О влиянии на него, как скрипача и музыканта:

«Кроме отца – **Менухин**. Его гастроли в СССР в 1945 году потрясли меня и стали поворотным пунктом в моём развитии. Впоследствии я много выступал с ним. Его исключительно тёплое отношение ко мне видно в его письмах.

Хейфец оказал мне огромную честь, дважды посетив мои концерты в Лос-Анджелесе. Я всю жизнь – был и есть – потрясённый его гениальной игрой. Я был счастлив знакомству с Риччи, Францескати, Стерном, Шерингом, Муттер, Гендель, Коганом, Перельманом. А самый памятный для меня концерт был с отцом 28 сентября 1963 года в Ройял Альберт Холле в Лондоне. Мы играли «Симфонию Концертата» Моцарта – я на скрипке, отец на альте. Дирижировал Сэр Иегуди Менухин».

***

РЕЗУЛЬТАТЫ «ПОХИЩЕНИЯ» СЫНОВЕЙ

Вернёмся ненадолго «немного» назад – на 50 лет. Матери наших соучеников в Центральной музыкальной школе были полностью поглощены делами своих детей. Без этого славного отряда родительниц ЦМШ история музыкального исполнительства во многом была бы другой. Матери Лазаря Бермана, Нины Бейлиной, Володи Ашкенази, Виктора Данченко, и многих других, не только работали, поддерживая жизнь семьи, но и проводили много времени в самой школе, зорко следя за всеми деталями занятий своих детей.

При таком положении вещей, их опека длилась все десять лет обучения в школе. Дети выросли. В 18 лет, окончив школу, они становились студентами Консерватории. Но и матерям и отцам продолжало казаться, что их дети, всё ещё дети и что они остро нуждаются в *их* опеке ежедневно и ежечасно. Они, эти преданные родители, несмотря на свою занятость, по-прежнему посещали все выступления своих детей – теперь уже в Малом зале Консерватории и им по-прежнему казалось, что и теперь их дети – уже вполне выросшие сыновья – даже и сейчас не могут сделать и шагу без предварительного обсуждения с родителями, без открытых обсуждений всех жизненных

перипетий, словом, большинство родителей продолжало изо всех сил по-прежнему «опекать» своих весьма великовозрастных детей. Но наступала всё же пора самостоятельной жизни их чад. И тут, не побоимся этого сказать, в большинстве таких семей самых любвеобильных родителей назревала трагедия – увлечения их сыновьями какими бы то ни было девицами воспринималось в таких семьях, как попытка возмутительной «кражи» их детей из родного дома. Конечно, вслух этого не говорилось, но ситуация было удивительно похожей во всех *мне известных семьях моих соучеников*.

Интересно, что даже и теперь, в наши дни XXI века, мать одного известного музыканта как-то во всеуслышание сказала: «Я ненавижу будущую жену моего сына!» Хотя и жены-то никакой нет, да и быть не может при таком положении вещей, но всё равно, страх перед «кражей» её уже почти 40-летнего «дитя» какой-то посторонней женщиной, совершенно парализует волю её сына, да и ей самой не приносит ничего кроме страха.

К выходу замуж дочерей – наших соучениц, как мне казалось, их родители относились спокойней, чем родители сыновей. Конечно, было желательно, чтобы будущий муж был бы относительно «ровней», так сказать «социально равным» их собственному семейству, но всё же это как-то сглаживалось и сам факт выхода замуж дочери воспринимался родителями не так трагически, как потенциально возможная женитьба сына. Иногда это становилось «ночным кошмаром» родителей, начинавших денно и нощно просить судьбу пронести мимо эту опасность – хоть бы на этот раз!

Многим сегодня такая картина покажется преувеличенной и неестественной, но читатель может поверить, что именно такая атмосфера и образ мыслей господствовали в большинстве семей, посвятивших больше десяти лет ежедневных усилий в борьбе за успехи своих сыновей. По-человечески это понятно – в сердце матерей возникала пустота после ухода из семьи её единственного сына – а в большинстве таких семей мы были единственными сыновьями.

Я бы не хотел строить каких-либо предположений насчёт ситуации в семье Игоря Ойстраха, но в то же время далёк от мысли, что их семья была исключением в этом жизненном вопросе. Почти наверное, что будущую претендентку в семье с единственным сыном ожидали с таким же страхом, как и в любых других похожих семьях. Страх «потерять» сына был, конечно эгоистическим – ведь так хотелось, чтобы существующее положение вещей было бы вечным! И сын с родителями, в родном доме, в безопасности! Так трудно было смириться с фактом, что сын вырос, стал взрослым человеком, более того – уже известным и даже всемирно известным артистом, но всё ещё казавшийся родителям пятнадцатилетним подростком. А в Игоря Ойстраха влюблялись ещё в ЦМШ первые красавицы школы – обаятельный, красивый юноша, вежливый, хорошо воспитанный. Правда всё это было безответным – всё своё внимание и время он уделял скрипке и музыке.

Не знаю, как восприняли родители Игоря Ойстраха объявление о женитьбе, но в его жизни это стало поворотным пунктом к **полной самостоятельности не только человеческой, но и творческой, артистической.**

Его женой, как уже говорилось выше, стала пианистка **Наталья Зерцалова**, обладавшая невероятной трудоспособностью и ответственностью за свою профессиональную карьеру. Выйдя замуж за Игоря Ойстраха в 1960 году, она стала его многолетним партнёром по ансамблю, который был отмечен не только критиками многих стран мира, но и дал, пожалуй, самый значительный в жизни обоих музыкантов творческий результат – запись десяти Сонат для фортепиано и скрипки Бетховена.

Как известно мерилom истинного музыканта-интерпретатора – дирижёра и пианиста – является именно исполнение Симфоний и Сонат Бетховена. Сочинений для скрипки, написанных Бетховеном не так много, как для фортепиано или симфонического оркестра, но исполнение скрипачом Концерта для скрипки Бетховена и его десяти Сонат – также мерило таланта исполнителя и его значения как музыканта-интерпретатора. Можно сказать, что *почти*

что наряду с Шестью Сонатами Баха для скрипки соло – «Библии скрипача».

С дирижёром Отто Клемперером. Семейный архив

Как уже говорилось, Игорю Ойстраху выпала редкая удача – он был единственным советским скрипачом, выступившим с Концертом Бетховена с величайшим в XX веке интерпретатором музыки Бетховена – дирижёром Отто Клемперером.

И вот, спустя несколько лет Игорь Ойстрах и Наталия Зерцалова заканчивают записи всех десяти Сонат Бетховена. Когда Клемперер получил в подарок эти пластинки, он написал Игорю Ойстраху нижеследующее письмо:

Otto Klemperer July 24-th 1971

Switzerland
Dufourstr.104
8008 Zuerich

Дорогой Игорь Ойстрах,

Спасибо большое за ваш замечательный подарок. Я прослушал в эти дни с огромным вниманием следующие три Сонаты: в До-миноре, «Весеннюю» и «Крейцерову».

Я знаю, вы хотите «критики», – но её нет. Ваша интерпретация прекрасна и очень *подлинна*, и полностью убедительна для меня.

Я поздравляю вас и не менее вашу жену, которую я нахожу абсолютно *равным* партнёром.

Некоторое время назад я слушал исполнение 7-й

Симфонии Бетховена, которое было таким плохим – всё слишком быстро, – что ваша запись была для меня хорошим лекарством.

Я надеюсь этим летом найти время прослушать все Сонаты. Я надеюсь видеть вас снова в скором времени.

Моя дочь и я шлём вам, вашей жене и вашим родителям наши самые тёплые пожелания. Ваш искренне

Клемперер

С Отто Клемперером во время репетиций Концерта Бетховена.

Семейный архив

Не знаю, многие ли музыканты в своей жизни получали такие письма от Клемперера. Это письмо свидетельствует об исключительном **творческом** достижении артистов – результате совместного вдохновенного труда. И это лучшее подтверждение правильности жизненного выбора обоих партнёров – редкий случай в истории исполнительства, когда союз мужа и жены даёт такие результаты в творчестве.

Запись исполнения всех Сонат для ф-но и скрипки Бетховена явилось не только личным успехом этого дуэта, но и значительным художественным событием: Наталия Зерцалова и Игорь Ойстрах за эту работы были удостоены почётного членства Бетховенского общества в Бонне, а за запись всех Сонат для скрипки и фортепиано Моцарта – премии Венского общества «Wiener Flctenuhr». Оба они

почётные члены обществ Мендельсона и Шумана в Лейпциге. Вот отрывок из письма Игоря Ойстраха автору очерка 5 сентября 2010 г. Здесь он написал несколько слов о своей жене, Наталии Зерцаловой, как о партнёре-ансамблисте и солисте:

С Иегуди Менухиным мы играли в Швейцарии и Англии Трио-сонату Баха. Среди её венских поклонников были пианист Вильгельм Кемпф и дирижёр Йозеф Криппс. В моём дирижёрском концерте в Брюсселе Наташа играла с большим успехом 4-й Концерт Бетховена. Теперь ты знаешь почти всё о нашей совместной работе. Ну, и кроме всего, она мама третьего поколения «скрипичной династии Ойстрахов – Валерия».

В 2010 году на Рождество исполняется 50 лет их совместного союза – жизненного и творческого. Наверное правда, что «браки заключаются на Небесах».

Игорь Ойстрах и Наталия Зерцалова – дуэт, которому уже 50 лет

***

Если вспомнить слова историка скрипичного исполнительства Генри Рота, приведенные в начале этого очерка о том, что «В после-паганиниевскую эру **Ойстрахи** были первым примером скрипачей – отца и сына» то сегодня мы должны добавить к этому *и внука*, **Валерия Ойстраха**, также «достигшего карьеры солиста международного уровня». Его судьба скрипача чем-то

напоминала историю его отца – Игоря Ойстраха.

Семейное трио

Несомненно талантливый и одарённый в своей «скрипичности», Валерий, как и его отец, в раннем школьном возрасте не относился слишком серьёзно к своим занятиям в Центральной музыкальной школе. Его первым педагогом был Б.В. Беленький, по собственному признанию не слишком любивший заниматься с детьми. Затем Валерий занимался в классе выдающегося педагога Феликса Андриевского (ныне профессор Королевского музыкального колледжа в Лондоне), сделал под его руководством значительные успехи, но... через год Андриевский эмигрировал в Израиль. После его отъезда Валерий занимался в классе замечательного педагога В.П. Бронина – бывшего аспиранта Д. Ойстраха, впоследствии педагога Московской Консерватории. Бронин исключительно успешно занимался с более старшими учениками, но к детям предъявлял столь взрослые требования, что часто они теряли веру в себя. Так после этих трёх педагогов, Валерий попал в класс к Светлане Безродной (Левиной) (сегодня она руководитель и дирижёр московского Камерного оркестра

«Вивальди») – педагога, сыгравшего в судьбе Валерия роль Столярского, который вывел в своё время Игоря Ойстраха на путь серьёзных занятий и будущих успехов. «Она дала Валерию вдохновение и веру в себя» – говорит Игорь Ойстрах. Прекрасный пример важности психологического и эмоционального воздействия на душевные качества юного скрипача. С этого момента Валерий Ойстрах стал заниматься серьёзно, относясь к своей будущей профессии как к делу своей жизни – в третьем поколении династии Ойстрахов.

Валерий Ойстрах – профессор Королевской Консерватории в Брюсселе

Окончив Институт им. Гнесиных по классу Халиды Ахтямовой – бывшей ученицы своего деда Давида Ойстраха, Валерий работал некоторое время солистом Москонцерта. Он часто выступал со своими родителями в различных ансамблях. А дальше, как вспоминает Игорь Ойстрах:

«Ему всё же нужно было усовершенствоваться у выдающегося педагога. Таким стал мой ученик Захар Брон, воспитавший Репина и Венгерова. Он тогда начал преподавать в Любеке (Германия). Мы отправили Валерия к Брону. Навещали его. Играли вместе концерты в разных странах.

В это время я получил приглашение преподавать в

Royal Conservatory в Брюсселе. Это было интересно и близко от Валерия. В конце концов нас пригласили обоих преподавать, где мы и начали в 1996 году».

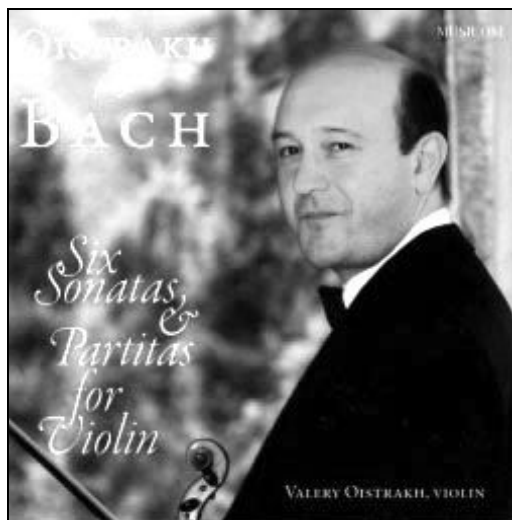
ВСЕ ПОКОЛЕНИЯ – СНОВА В БРЮССЕЛЕ

Иногда бывает, что в одном времени, или месте как-то странно сплетаются судьбы людей, перекликаются эпохи, и рождаются величайшие достижения искусств – исполнительских, изобразительных, поэзии, музыки, архитектуры. С Брюсселем связан первый мировой триумф одного из крупнейших артистов XX века – Давида Ойстраха.

А теперь с этим городом связаны уже три поколения семьи Ойстрахов – здесь живут и работают Игорь Ойстрах со своей женой Наталией Зерцаловой, бессменной партнёршей по совместному ансамблю уже в течение 50-и лет. Здесь же живёт и их сын Валерий, профессор Королевской Консерватории, солист и ансамблист. Многие его студенты завоевали почётные призы на международных конкурсах, в том числе и на Конкурсе им. Королевы Елизаветы в Брюсселе. Его запись Концерта для скрипки с оркестром Брамса удостоилась исключительно высокой оценки Руджиеро Риччи, по мнению которого эта интерпретация и подход к музыке Брамса ближе всего к «интерпретационному подходу Фрица Крейсlera, чем к кому бы то ни было ещё». Недавно вышедший альбом с записями всех Сонат и Партит И.С. Баха для скрипки соло (Musicom Schultz GbR, Germany) представляет нам музыканта огромного интеллекта, высочайшей культуры интерпретации, скрипача владеющего всеми выразительными возможностями скрипичного тона, и прежде всего – поразительного владения *piano*, столь редко встречающегося у современных исполнителей. Его скрипка воспроизводит самые затаённые звуки серебряных труб органа – великого инструмента на котором творил Бах. Как уже говорилось выше – мерилом скрипача-концертанта является исполнение Шести Сонат и Партит Баха для скрипки соло – «Библии скрипача». Этот альбом – восхитительное «путешествие в страну Баха».

Валерий Ойстрах продолжает славную традицию

семьи. Он совершенно самостоятельный выдающийся музыкант, никогда не копировавший отца или деда. Но он так же предан своему инструменту, музыке и тем идеалам исполнительского искусства, которым посвятили жизнь его дед и его родители. В исполнительском искусстве – их кровная, нерасторжимая связь.

Обложка альбома, вышедшего недавно с двумя CD с записью Валерия Ойстраха Шести Сонат и Партит для скрипки соло

Закончим этот очерк о вечной связи отцов и сыновей второй частью песни Жака Бреля:

Дети любви
Иль интриг без затей –
Каждый – волшебник,
Поэт, чародей.
Сын незнакомца
И внук твой, талант,
Каждый – художник,
Поэт, музыкант.
Им – облака,
И очаг, и зола,
Каждому сердце дано

И крыла.
Терем, лачуга,
Под небом ложись –
Каждому царство
назначено –
Жизнь.
Цезарь отец
Или нищий с сумой –
Каждый – твой сын
Даже кровью самой.

Автор выражает глубокую благодарность Юлии Боский за первый перевод на русский стихов Жака Бреля и профессору Борису Кушнеру – за поэтическую версию песни Бреля.

Большая благодарность Игорю и Валерию Ойстрахам за бесценную помощь в знакомстве с семейным фотоархивом, а также рецензиями, письмами и другими документами, без которых написание этой статьи было бы невозможным.

Андрей Пелипенко

Между природой и культурой

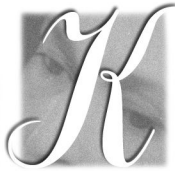
Главы из новой книги

Глава 3

Психосфера

(продолжение. Начало в №1/2011)

3.4. Эпистемология психосферы

Комплекс явлений, связанный с ИМ и психосферой, требует особого языка описания. Попытки выработки такого языка многократно предпринимались в областях преимущественно ненаучных: религиозных, мистических, оккультных, паранаучных и т.п. Стихийно сложившийся на протяжении нескольких веков набор терминов отражает рыхлый, размытый конгломерат представлений: иногда - взаимно противоречивых, иногда - описывающих одни и те же явления в разных понятиях и терминах. Потому ни на одну из традиций описания интересующих нас явлений нельзя опереться, не говоря уже о том, что подавляющее большинство используемых понятий не имеет «законного» статуса в научном обиходе. Риску, тем не менее, по возможности минимально обращаясь к одиозной паранаучной лексике, наметить эскиз концептуально связного эпистемологического аппарата, способного хотя бы в первом приближении обрисовать контуры психосферных процессов и явлений.

Психосферная медиация (ПМ)

Сущность её заключается в перманентно протекающем интенционально-энергичном диалоге между мирами свернутого и развёрнутого порядков. Напомню, что интенциональность, предшествуя всякой онтологии, являет

собой воплощённое становление, причём столь глубокого уровня, что снимает в себе даже такие глобальные различия как различие когерентности и каузальности. Т. е. интенциональные импульсы, связывающие потенциальное и актуальное бытие, представляют обе эти модальности. Именно поэтому интенциональность – есть то, что причастно обоим мирам и что, в конечном счёте, взаимопределяет их по отношению друг к другу, осуществляя между ними диалог-медиацию. Медиация протекает на всех уровнях реальности, но психосферной медиацией (ПМ) уместно называть лишь тот «сектор» диалога, который осуществляется в диапазоне человеческого восприятия и, несколько уже – осмысления. Сталкиваясь, интерферируя, смешиваясь и взаимодействуя, интенционально-энергетические потоки проходят через принимающее устройство – человеческий мозг.

Выражение «принимающее устройство» здесь больше чем метафора.

Существование различных диапазонов восприятия подтверждается нейрофизиологией. Так, трансперсональная психология (ТП), отмахиваясь от опыта которой становится всё более неприличным, экспериментально показывает, что спектр человеческого сознания обладает непрерывным диапазоном. Он начинается от дуализированного в субъект-объектном полагании восприятия мира и изолированных плотных объектов. Эта часть спектра восприятия индицируется, в частности, высокочастотной бета-активностью мозга. Альфа-активность, в свою очередь, индицирует восприятия иного сектора реальности – текучих, изменяющихся, становящихся и взаимосвязанных форм. Что же касается низкочастотной дельта-активности, то она индицирует, в терминах К. Уилбера, восприятие всеобщего, космического единства¹.

Кодируясь и декодируясь в структурах

---

¹ Уилбер К. Спектр сознания. М.: АСТ, 2001. Трактовка последнего режима Уилбером, как, впрочем, и многое другое, вызывает много вопросов. В данном случае главным аргументом в полемике с МР является установление самого факта полидиапазонных возможностей человеческого мозга.

человеческого мозга, интенционально-энергичные потоки воздействуют на конфигурации имплицитивных пакетов/подпакетов, включаются в неостановимое движение калейдоскопа потенциальных актов существования и меняют тем самым паутину когерентных связей. Поэтому доходящая до активного рефлексирующего сознания часть конвертирующей работы ПМ – это всего лишь видимая часть айсберга – колоссального массива психосферных взаимодействий, подспудно определяющих не только сами психические процессы, но и формирующиеся на их основе ментальные структуры и, соответственно, культурные практики.

Энграмма

Термин, приобретающий всё более широкое и расплывчатое употребление.

В теории мнемизма энграмма – физиологическая привычка или след памяти на протоплазме организма, оставленный повторным воздействием раздражителя (стимула). Когда действие раздражителя регулярно повторяется, это создаёт привычку, которая остаётся в протоплазме после прекращения действия раздражителя. Предполагается, что эмбриональные клетки обмениваются энграммами с нервными клетками, поэтому приобретённые привычки могут быть переданы потомкам. Кроме того, под энграммой также понимается и гипотетический след памяти. Различают два вида энграмм: образы (отображение статической структуры объекта) и модели действий (программы). По иерархическим уровням сложности различают первичные энграммы, ассоциации энграмм (две взаимосвязанные энграммы) и ассоциативные сети энграмм. При этом вопрос о структурной организации энграммы остаётся открытым.

Квинтэссенция представлений об энграмме связана с идеей модификации мозговой ткани под действием, как минимум, личного опыта и в более широком гипотетическом смысле, опыта филогенетического. На этом настаивает ТП. Фиксация энграмм связывается с долговременной памятью, и именно в этом заключаются коррективы, вносимые в понимание природы энграмм

трансперсональными психологами.

Принято считать, что память представляет собой, грубо говоря, склад, на котором как на жёстком диске компьютера хранится информация. И это неудивительно, поскольку память компьютера технически моделировалась, исходя из механистических представлений о человеческой памяти. Причём предполагается, что информация лежит в памяти в самоадекватном виде, т. е. в форме статичных и дискретных «единиц хранения», данных в той или иной кодировке (визуальной, аудиальной и др.). Поэтому процессы, связанные с памятью, обычно описывается такими словами как *хранение, накопление, передача* и т.п. «Информация» – термин-заплата, камуфлирующая прорехи в понимании и создающая иллюзию такового, не объясняя на самом деле ничего. Считается, что материалом памяти является разложимая на единицы информация, занимающая в структурах мозга определённый объём и место. И эта пресловутая информация пассивно лежит на полках памяти, дожидаясь, пока сознание или подсознание пошлёт к ней соответствующий запрос. При всём усложнении представлений о памяти, соответствующем современным нейрофизиологическим и психологическим исследованиям, такое механистическое видение, по сути, сомнениям не подвергается. Если сомнения всё же возникают, то выражаются они невнятно и осторожно. В терминах концепции ПМ механизмы памяти можно представить совершенно иначе.

В мозге хранится не информация как таковая, закодированная в том или ином виде, а *энграммы – следы путей, по которым двигалась психика в своих медиационных взаимодействиях с психосферой и «стоящим за ней» ИМ*. Иными словами, память – это «тезаурус» резонансных режимов и электро-биохимических ансамблевых настроек групп нейронов, связывающих психику с однажды «распакованным» имплицативным паттерном. Будучи однажды распакован, т.е. реализовавшись в наличном бытии, имплицативный паттерн становится актом существования, который, став частью эксплицитного (эмпирического) мира, приобретает пространственно-

временные измерения. Исходный же имплицитный паттерн таких не имеет и не подлежит психическому оконечиванию. Это значит, что акт воспоминания – это не извлечение «со склада» некой готовой информации, а вторичное (или многократное) распаковывание имплицитного паттерна на основе соответствующей *интенциональной энграммы* – траектории распаковки, которую, если уж следовать компьютерной лексике, можно сравнить с драйвером или запускающим файлом. Впрочем, и это сравнение хромает не меньше всякого другого. Интенциональная энграмма сама по себе искомой информации не содержит. Она лишь указывает путь к первоисточнику – имплицитному паттерну и именно в таком качестве воздействует на нейронные группы с их биохимией и электродинамикой. В таком качестве она каким-то образом фиксируется и в структурах мозговой ткани. При этом отличие памяти от других психических режимов заключается в том, что она заведует путями, ведущими к уже однажды распакованным (реализовавшимся) паттернам и обеспечивает механизм их вторичной актуализации человеческим мозгом.

Способность к вторичной актуализации набора однажды распакованных и осмысленных сознанием паттернов и комбинирование их элементов имеет без преувеличения колоссальное культурогенетическое значение. В целом, режим вторичной актуализации сохраняет свою изначальную архаически целостную, «гештальтную» природу: часть репрезентирует целое и отсылает к нему (воспоминание целой «картинки» по какой-то детали). Характерно, что воспоминания всегда размыты, диффузны, синкретичны, что указывает на доминирующую роль правополушарных режимов. Вместе с тем, здесь есть ряд принципиальных отличий от механизмов животной памяти. Во-первых, акты распаковывания имплицитных паттернов у человека осуществляются в режиме *смыслообразования*, а не прямого, *не разложимого на компоненты* проецирования (об этом – в гл. 4). Во-вторых, проходя через *конвертор смыслогенеза*, распакованный гештальт фрагментируется и, соответственно, вступает в

комбинаторные отношения с другими единицами опыта. Этого нет и не может быть у животных: спорить можно лишь о наличии отдельных исключений. Отсюда – невероятный скачок человеческих способностей к моделированию посредством комбинирования элементов памяти. Вернее, не памяти в её традиционном понимании, как статичных элементов опыта, а как потенции к вторичной актуализации имплицитных паттернов с последующим комбинированием и рекомбинированием их элементов. Здесь к работе по-настоящему и подключается левое полушарие. Но вторичная актуализация и вырастающее из неё *идеальное моделирование* – это нечто большее, чем просто смысловое творчество. Это **формирование определённого интенционального фона (потока), адресованного ИМ через психосферу.** Создавая паттерны идеальных представлений, культурное сознание уже тем самым придаёт им статус **потенциального существования в ИМ хотя бы на нулевом уровне бытия** (см. выше). Если идеальная комбинация элементов представляет собой нечто бесструктурное или просто произвол мышления, то вероятность его актуализации, как уже говорилось выше, предельно низка. Если же идеальный образ так или иначе релевантен ряду уже реализовавшихся (распакованных) паттернов, хотя бы и качественно от них отличается, вероятность его реализации увеличивается. А вплотную приближенные к границе реализации имплицитивные паттерны могут считываться психикой в виде видений, предчувствий, эффекта дежа вю и навязчивых образов и просто вызываться, выдёргиваться в наш мир интенциональной силой представления.

Таким образом, любого рода энграммы имеют более или менее выраженную психосферную составляющую. Они фиксируют «запись» интенционального диалога между мирами, результат которого усваивается психикой на самых глубинных уровнях и опосредованно воздействует как на сознательную, так и на бессознательную когнитивность.

Чтобы лучше понять феномен энграммы, зададимся вопросом: что происходит с локальными в квантовом смысле феноменами в случае их полной или частичной

рекогеренции (сворачивания)? Исчезают ли они бесследно для нашего сознания? Строя гипотезу на гипотезе, т.е. гипотезу второго порядка, но, опираясь при этом на колоссальный пласт культурной рефлексии, игнорируемый исключительно МР, можно с уверенностью сказать: нет, не исчезают. Ничто не уходит из локального мира бесследно, и след этот и есть **энграмма**. Мир энграмм – это целая вселенная следов, отпечатков, слепков однажды реализовавшихся актов бытия: структур, феноменов, организмов, ситуаций, идеальных конструкций и т.п., обладающих своим собственным интенционально-энергетическим потенциалом и - без преувеличения – колоссальным, никем пока не измеренным влиянием на активно функционирующее культурное сознание. К миру энграмм нас приводят вопросы о том, например, как и каким образом культура ограничивает и направляет в нужное ей русле стихийную смысловую вариативность детского и творческого воображения, каким образом культура манипулирует сознанием релевантного ей человеческого субъекта, фильтрует интенциональные потоки психики и определяет содержательные аспекты его смыслового горизонта и, соответственно, характер участия в формировании окружающей «объективной» реальности (вспомним механизм участия сознания в процессе докогеренции и локализации). Энграмму можно условно назвать формой, содержанием которой является некий интенционально-психический потенциал, извлекаемый из психосферы интенциональными импульсами человеческой ментальности. Этот потенциал лишь формально связан с конфигурацией энграммы и способен к самостоятельному воздействию на мышление и поведение человека и социальных групп. Наиболее ясные семантические формы энграммные конфигурации приобретают тогда, когда мы наблюдаем в истории устойчивые стереотипы социокультурного поведения – неспособность съехать с наезженной ментальной и поведенческой колеи (здесь, впрочем, уместно говорить также и об эгрегорах). С миром энграмм связан и любой тип культурных образцов и моделей, мерцающих в подсознании. Энграмма – якорь,

наводка, пропись для психики, стремящейся к интуитивному считыванию психосферных потенциалов, минуя классические каналы передачи информации. Следы-энграммы свёрнутых эмпирических феноменов клубятся у границы миров, в качестве первых кандидатов на возвращение в эмпирический мир в том или ином модифицированном виде (об этом классе имплицативных потенциалов уже говорилось выше). Именно они – акты существования, локализованные по энграммам прописям, и составляют львиную долю сущего психосферы: в массе своей косную, рутинную, стереотипизованную, но наиболее вероятную в смысле прорыва в эмпирический мир.

Психическая матрица

Это также термин с расплывчатым значением. Настолько расплывчатым, что здесь, скорее, можно говорить не о термине, а об образе, употребляемом главным образом в контекстах, близких к психологическому и, разумеется, оккультно-мистическому.

Онтологически психическая матрица сродни энграмме. Но, если последняя представляет собой нечто относительно «формальное» – механизм фиксации интенционального канала, то психическая матрица скорее связана с самим содержанием медиационного акта и его проявления в психосфере. Можно сказать, что психическая матрица – *это стандартная связка имплицативного пакета (с периферией подпакетов) потенциальных осуществлений с интенциональным каналом его экспликации в мире эмпирическом*. Иными словами, психическая матрица – *это незримый психический (интенционально-энергетический) дубликат любой целостной, эмпирически воспринимаемой «таковости» в неразрывности её модусов: здесь, теперь и так*. Феномен психической матрицы, таким образом, стоит у истоков психофизического дуализма (см. ниже).

Но если «таковость», это, грубо говоря, неразделимая связка события внешнего и события внутреннего – события сознания, то что считать событием сознания? Вопрос этот очень важен, ибо отсылает к проблеме дискретности - континуальности в режиме ПМ. Что считать событием, фактом, дискретной таковостью?

Всякое ли малейшее изменение чего-либо запечатлевается в психической матрице? По какому принципу мы выделяем то, что считаем достойным психического «дублирования» из бесчисленного количества микро- и макроизменений в мире? Гипотетический ответ таков: в психосфере (по крайней мере, в том её секторе, который доступен человеческой рефлексии) фиксируются лишь те бытийственные акты, которые оказываются даны в *своей дискретной модальности*. Т.е. психическая матрица образуется как относительно дискретный сгусток психических энергий, привязанный к определённому эмпирическому корреляту: событию, явлению, вещи и т.п. Дробя континуум интенционально-энергийных потоков, культурное сознание человека тем самым вызывает к жизни относительно дискретные психические матрицы, фиксируемые в ментальных структурах в виде энграмм. Чем более дробным и дискретным становится культурное пространство и действующие в нём знаковые системы, тем более смутными видятся за ними психосферные корреляции. Для обозначения схватываемого восприятием эмпирического коррелята психической матрицы позволю себе использовать термин *геитальт*, наиболее близкий к отражению сути явления.

Между явлениями эмпирического мира и соответствующими им психическими матрицами существует обратная связь.

Здесь, впрочем, чрезвычайно трудно утверждать, где мы имеем дело с прямой, а где с обратной связью, и подходят ли здесь эти определения вообще. Вероятно, мы опять имеем дело не с причинно-следственной, а с когерентной в своей основе связью, всего лишь опосредованной темпорально-процессуальными «помехами», которые и вносят в ситуацию видимость каузальности.

Повторение однотипных действий и психических актов формирует устойчивые психические матрицы (так Юнг в поздних работах представлял себе рождение архетипов), что приводит к своеобразному удвоению мира – развитию его психического двойника, связь с которым

осуществляется по каналам, условно говоря, «тонкого восприятия». Но и считывание уже существующих психических матриц – постоянный незримый, но очень многое определяющий фон человеческого бытия.

Эвристичность концепции психических матриц может быть показана по-разному. К примеру, можно наметить концепцию «заделывания зазора» между генетическим и знаковым способами передачи информации. Этология не в состоянии определить, какие из свойств социализации наследуются генетически, а какие транслируются методом обучения². А если вспомнить, что и инстинкт представляет собой пока что неразрешимую загадку (все теории его объяснения на сегодняшний день зашли в тупик), то становится очевидным недостаточность традиционных методов объяснения. Однако если допустить, что инстинкт ведёт своё происхождение из психической матрицы, т.е. из дискретных единиц, стандартизованных в процессе генезиса системы режимов психосферой медиации, то, возможно, появится продуктивный подход к пониманию инстинкта (хотя сложность проблемы, разумеется, не следует преуменьшать).

О чём собственно, идёт речь? О том, что, возможно, между генетическим кодированием и прямой передачей опыта посредством игр, визуальных образцов и, наконец, знаков, существует промежуточный уровень, который по характеру «принимающего устройства» причастен к ПМ. Этот уровень обнаруживает себя в том, что любое событие, дискретный акт мышления или физической активности (для человека – и деятельности) не исчезает бесследно, но сохраняется в виде некоего нематериального (впрочем, по-видимому, имеет смысл говорить просто о неких более тонких материальных структурах) образования, воспринимаемого и переживаемого как психосферное явление.

Ещё В.М. Бехтерев был убеждён, что психическая энергия, в существовании которой он несколько не

---

²См. Хайнд Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975; Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск. 1990.

сомневался, в полном соответствии с законом сохранения энергии, никуда не исчезает и не возникает из пустоты, но лишь преобразуется и видоизменяется. Однако его блестящие прозрения не были услышаны и поняты.

До верхнего палеолита (с его лингвистическим взрывом и окончательным формированием психики современного типа) прямое внезапное считывание психических матриц было, несомненно, доминирующим способом передачи информации в условиях разрыва прямого генетического наследования, вызванного неотеническим синдромом (см. гл. 2).

Способность к считыванию психических матриц – общее условие для огромного количества явлений плохо объяснимых (или вовсе не объясняемых) рационалистической наукой. Здесь и способность людей с доминированием архаичных правополушарных когнитивных режимов безошибочно ориентироваться в пространстве и точно находить нужное место на огромных расстояниях без всяких специальных ориентиров³ (в этом видится несомненная аналогия хомингу у животных). Здесь и любого рода эффекты прямого знания, о которых будет сказано ниже. Возможности человеческого мозга служить приёмником запечатленных в психических матрицах таковостей (позволю себе употреблять этот не изящный неологизм без кавычек) объясняют широкий сектор т.н. паранормальных явлений, которые были кратко обозначены выше. Среди них – способность спонтанно «подключаться» к психосферным образованиям, заключающим в себе исторически конкретные феномены культурного опыта. В этом же ряду - многочисленные случаи говорения и письма на незнакомых языках, «одержимость» творческой индивидуальностью давно умершего гения и т.п.

Хрестоматийный пример – англичанин М. Маннинг, в 1970-е гг. в возрасте двадцати одного года обнаруживший в себе спонтанную способность рисовать в манере Дюрера, Бердслея, Пикассо и других известных авторов⁴, а также

---

³ См. напр. *Леви-Брюль Л.* Указ. соч.

⁴ На основе искусственного «расширения сознания» строится и «обучение творчеству» под гипнозом по методике Райкова и др.

писать тексты на неизвестном ему арабском языке (при этом он достаточно точно воспроизводил суры Корана). Этот пример интересен тем, что по поводу него академическая наука не осмелилась выказывать скептицизма, обходясь молчаливым игнорированием. Впрочем, таких примеров – великое множество.

Однако психические матрицы не просто считаются, будучи сами по себе пассивны. Они обладают свойством аттрактивности. Почему персонифицированные психические силы (например, духи, «заведующие» теми определёнными сферами реальности) обладают силой притягивающего воздействия на человеческую психику? Это, в частности, выражается в потребности приносить им жертвы. Причём аттрактивность эта, несомненно, проявлялась ещё на самых ранних стадиях культурогенеза, когда до персонификации мифо-магических образов было ещё очень далеко. Т.е. «плотность» и сила относительно дискретных психических матриц была ещё очень мала (см. ниже о психофизическом дуализме), но зато исключительно высокая сенситивность человека или, скорее даже, его предков эту слабость компенсировала. Так, есть основания согласиться с теми исследователями, которые считают мустьерские захоронения не просто погребениями умерших от естественных причин людей, но человеческими жертвоприношениями смутно осознаваемым психическим силам, аттрактивное воздействие которых переживалось чрезвычайно остро. Силы эти – суть протянутые в пространство интенции, сфокусированные в психической матрице как проекции в психосферу некоего паттерна ИМ. И матрица эта, как бы рыхла недоформирована она ни была, всегда имеет структурную конфигурацию. Именно в ней реализуется имплицитная бытийственная потенция имплицитного паттерна. Говоря о структурной конфигурации, я имею в виду **структурно-иерархическим модуль** (см. гл. 1), включающий в себя **центр, периферию с иерархией элементов и границу**. Этот модуль – структурный инвариант – код преобразования потенциального бытия в ИМ (где, напомню, никакие пространственно-временные и, следовательно, структурные

определения невозможны), в бытие, ещё не наличное, но его психосферную «заготовку», идеально (психически) реализовавшуюся возможность. Эта промежуточность бытия психосферных явлений, феномен пограничного бытования свёрнутых и не облачённых в плоть «полноценной» материальной формы структурных модулей психических матриц, представляет собой одно из самых трудно постижимых и почти невыразимых вербально проявлений психосферы. Однако обсуждать его придётся и не раз.

По поводу аттрактивности психических матриц осталось добавить, что источником её в конфигурации структурно-иерархического модуля выступает центр, который по своей природе имеет свойства воронки, фокуса, сгущающего, стягивающего в себе энергоинтенциональные потоки (см. гл.1 о центрообразовании).

Возможность считывания психических матриц или, скажем шире, контакта и взаимодействия с ними определяется на основе сенсетивности более глубокого порядка, чем сенсетивность нервных волокон. Речь идёт о клеточном и субклеточном уровне. С этим связан термин **суггестия**.

Суггестия

В основе определения этого понятия не случайно лежит идея когерентной взаимозависимости: изменение одного агента связи вызывает релевантное изменение другого. Из этой общей формулы выделяется сектор воздействий, в широком смысле охватываемый понятием *внушение*, – понятием, в большинстве случаев совпадающим с суггестией.

Как уже говорилось, эволюционная болезнь, ещё в раннем антропогенезе разбалансировав животные психические режимы, резко расширила диапазон и репертуары правополушарной перцептивности. Вследствие этого в мозг ранних гоминид хлынул поток прямых психосферных импульсов в форме спонтанного считывания «посторонних» психических матриц, различного рода прекогниций и т.п. (в дальнейшем всё это стало смещаться в область бессознательного). И хотя компенсаторное развитие

левополушарной когнитивности в конце концов привело нейродинамическую систему человека к её «нормальному» состоянию, процесс её глубинной самонастройки в процессе вертикального эволюционного прорыва, каковым был антропогенез, закрепил в филогенетическом ряду не только способность к «расширенному восприятию», но и каналы и механизмы корректирующих воздействий как на нейродинамику, так и на более тонкие уровни. В итоге у человека (по сравнению с животными) эти контакты становятся в некотором смысле (не более того!) дискретными, менее глубокими и интенсивными. Но зато они гораздо более широки в смысле преодоления границ рутинных каналов, определяемых видовым кодом и инстинктами. Кроме того, сохранение каналов корректирующего воздействия на все без исключения системы и подсистемы организма дало человеку совершенно небывалые, по сравнению с животными, возможности суггестии и автосуггестии. В ходе исторического становления человеческой самости силой, запускающей эти процессы, стала всё более выступать коллективная, а затем индивидуальная воля. Здесь можно вспомнить и значение суггестии в палеопсихологических реконструкциях Б.Ф. Поршнева⁵, и общераспространённые представления о высокой психической сенситивности гоминоид, которые, впрочем, редко принимаются во внимание при исследованиях ранних стадий культуры.

Суггестивность способна породить, казалось бы, невероятные эффекты проявления экстраординарных возможностей или изменений на всех подсистемных уровнях человеческого организма⁶. Наука обычно ищет объяснения этих явлений на пути прослеживания путей

---

⁵ *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. С-П. АЛЕТЕЙА 2007.

⁶ В историческом ряду суггестивные способности наращиваются по мере приближения к архаическому типу сознания. «Можно сказать с абсолютной уверенностью, что туземец умрёт от самой поверхностной раны, если только будет верить, что поранившее его оружие было «заговорено»и, следовательно пропитано ... злыми чарами. *Леви-Брюль. Л.* Указ. С. 218.

перекодирования психического в соматическое и обратно, то и дело сталкиваясь с необходимостью выхода за пределы «правил игры» и позволяя себе смелые допущения. И.Г. Беспально пишет: «...Клетки организма обладают какими-то формами психического отражения... При этом высшие уровни отражения функциональной системы определяют в известных пределах деятельность и условия отражения низших её отделов и наоборот»⁷. Далее автор приводит мысль П.К. Анохина о том, что «...в организме, несмотря на принципиально различные средства перекодирования, информационный эквивалент сохраняется», и осторожно высказывается в пользу идеи о том, что «именно эмоционально-вегетативный способ перекодировки содержания психики используется для передачи информации на все уровни организации соматической сферы организма вплоть до клеточного. В пользу этой мысли свидетельствуют данные о сдвигах в организме – биохимических и одновременно информационных, – которые сопряжены с возникновением эмоций. В подтверждение своих слов автор ссылается на исследования Л. Шертока о внушённых под гипнозом ожогах – биопсия дает гистологическую картину, «совместимую с диагнозом ожога».

Таким образом, исследовательская мысль приближается к прояснению каналов суггестии, пока, правда, главным образом на их наиболее «материально выраженных» участках.

Для пояснения сущности суггестии в нашем контексте вернёмся к вопросу о «тонком» восприятии.

Согласно разработкам нейролога Т. Лири⁸ и его последователя Р.А. Уилсона, среди семи (по Уилсону – восьми) программ, определяющих модель личности взрослого человека, лишь первые четыре напрямую связаны

---

⁷ Цит по. *Добрович А.В.* Проблема бессознательного и её связи с вопросами психосоматических отношений и клинической патологии // *Бессознательное. Многообразие видения.* Новочеркасск. 1994. С. 178.

⁸ Следует оговориться, что научная авторитетность Т. Лири и корректность его опытов нередко ставится под сомнение.

с борьбой за существование и первичными задачами жизнеобеспечения⁹. Программам же более высокого и более архаичного порядка, связанным с частично подавленной в логоцентрическую эпоху активностью правого полушария, отвечают соответствующие ступени эволюции. Вот эти программы.

1. Программа овладения собственным телом и превращения последнего в источник гедонистического наслаждения.

2. Программа освобождения от оков тела и достижения состояния экстаза, основанного на погружении в процесс информационного обмена нейрологическими сигналами.

3. Достижение сознанием уровня нейрона, когда благодаря информационному диалогу с внутриядерным кодом ДНК идёт процесс чтения генетической информации. Через него и оказывается возможным, в частности, различного рода визионерский опыт, переживание «прошлых жизней» и т.п. В нашей терминологии – это вхождение в интенционально-энергийные каналы ПМ.

Р.А. Уилсон, добавив к семи программам Т. Лири восьмую – метафизиологическую, по сути, описал их характеристики аналогичным образом. Помимо исследования нейрофизиологических основ эмоциональных режимов и разделения их уровней, в разработках указанных авторов четко проходит образ целостной, единой (с привкусом пантеизма), холистической, единотелесной реальности как «конечного пункта» того порыва, который в нашей системе понятий определяется как **универсальная интегративная интенция реализуемая через ВЭС** (см. гл. 1. и далее). Эти нейрофизиологические исследования представляются чрезвычайно эвристичными. Они не только проливают свет на глубинную природу ИСС и, в частности, различного рода религиозного и мистического опыта, что, в общем-то, напрашивается само собой. Они указывают на тонкие материальные структуры, служащие каналом связи между ИМ и областью эмпирических перцепций, т.е.

---

⁹ Подробнее о данной концепции см. *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и запада: познание запредельного. С.-П. 2005.

являются, по сути, частью «материального оснащения» психосферы, связанного с человеческим телом и мозгом. Или, иначе говоря, они приоткрывают завесу над той «механикой», которая позволяет человеку быть «принимающим устройством» и соответственно быть объектом и субъектом суггестии.

Не следует, однако представлять, что уровень суггестивности зависит лишь от фактора прямых доминативных отношений правого и левого полушарий в их исторической динамике. Всё значительно сложнее. Привносимая левополушарной когнитивностью дискретизация интенциональных потоков психосферы, с одной стороны, снижает порог суггестивности. Но, с другой стороны, на более зрелых стадиях развития ментальности, эта же левополушарная когнитивность способна во взаимодействии с правополушарной генерировать режимы, способствующие усилению некоторых видов суггестии. Ведь подверженность массового сознания эпидемиям идей и мифов, вовлечение в поле коллективного бессознательного, феномен гениальности – все это совершенно разные варианты суггестии. В последнем случае, «подглядывание» в удалённые паттерны ИМ и улавливание их интенциональных импульсов требует высокого уровня рефлексивно-отчуждающих, фильтрующих и абстрагирующих когнитивных репертуаров, обеспечиваемых преимущественно активностью левого полушария.

К понятию суггестии примыкают понятия **индукции** и **автоиндукции**. С точки зрения ПМ, эффект этих воздействий - разновидность суггестии. Разница лишь в том, что индукция (автоиндукция) – это такой тип ПМ, при котором внешнее психическое воздействие носит направленный характер. Автоиндукция в полном смысле слова возможна лишь на той стадии развития сознания, когда оно становится не «однослойным» и приобретает способность к полноценному внутреннему диалогу - повидимому, не ранее I тыс. до н.э. До этого времени любые индуктивные воздействия носили в той или иной степени внешний, «наведённый» характер.

Эгрегор

Термин известен, главным образом, из оккультной и мистической традиции, апологеты которой немало потрудились над тем, чтобы накрепко связать его с паранаукой. Несмотря на брезгливые ухмылки и отторжение, которые этот термин вызывает в академической среде, я всё же вынужден его употреблять за неимением корректного научного эквивалента. К тому же если экзистенциалисты и психоаналитики не смущаются употреблять «ненаучный» термин *душа*, почему бы культурологу не использовать термин *эгрегор*? И если академическая наука в силу своей инертности и снобизма не желает принимать это понятие, то ей следовало хотя бы озаботиться нахождением его терминологического аналога.

Эгрегор сродни психической матрице и представляет собой концентрацию (сгусток) интенционально-энергийных потоков, соответствующих определённым и взаиморелеватным по тем или иным качествам реалиям эмпирического мира. Таковыми могут выступать определённого характера идеи, умонастроения, эмоции, представления и т.п. Оккультно-мистические традиции нередко напрямую привязывают эгрегоры к тем или иным отдельным вещам или знаковым конструктам, репрезентирующим ту или иную духовную сущность. Но даже если признать, что между дискретными интенционально-энергетическими потенциалами психосферы и их эмпирическими коррелятами существует действительная и объективная связь, т.е. что вещи действительно могут быть носителями неких особых интенционально-энергийных потенциалов, то связь эту не стоит преувеличивать. Эмпирический коррелят эгрегора, т.е. сама вещь или знаковый конструкт – это, прежде всего, код, по которому сознание человека движется по соответствующему каналу ПМ. Эта тема ещё будет затронута в конце главы.

Важно и то, что эгрегор – это всегда конденсат не индивидуальной, а коллективной психической среды. В нём сливаются и отчасти нивелируются индивидуальные психо-интенциональные различия отдельных индивидуумов. И

хотя применение количественных определений к психосферным феноменам весьма условно, здесь можно сказать, что эгрегор – это крупное психосферное образование, обладающее, в отличие от психической матрицы, культурно значимым потенциалом. Эгрегор – своего рода резервуар, из которого соответствующим образом настроенная психика черпает психическую энергию. Последняя же конвертируется и в энергию витальную, энергию культурной деятельности. В свою очередь, определенного рода интенционально-энергетические импульсы и потоки, исходящие от отдельных индивидуумов, подпитывают эгрегор, продлевая его жизнь в психосфере. Старение, «схлопывание» эгрегоров вызывается не только ослаблением «подпитки» из эмпирического мира, но и внутренней эрозией: прежде всего, размыванием границ и «истечением» энергии в иные психосферные образования. Впрочем, и здесь всё зависит от взаимосвязей с эмпирическим миром и процессов протекания ПМ. Но, в данном случае участниками диалога со стороны эмпирического мира выступают большие социально-культурные группы людей, объединённые некоторыми общими ментальными настройками или идеями, умонастроениями и вообще любого рода аккумулярованными коллективными представлениями.

Для описания психосферных явлений используются и другие определения: *гештальт* (помимо общепринятого, ещё и в значении перцептивного коррелята психической матрицы в режиме ПМ), *паттерн*, *психическая среда*, *интенциональное поле*, *психический субстрат* и ряд других. Смысл этих определений станет ясным позднее из общего контекста. Однако на одном термине необходимо остановиться уже сейчас.

3.4.1. Феномен фрактала

В ходе анализа природы когерентного мира и режимов ПМ возникает необходимость, помимо общепринятого понимания термина *фрактал*, ввести, ещё одно его толкование, вынужденно заменяющее более подходящее определение. Речь идёт об **условно выделяемом локусе (фрагменте, участке) когерентных**

связей, с которым ситуационно взаимодействует культурное сознание в режиме ПМ. Фрактал здесь означает не какую-либо эмпирически данную структуру, гомоморфную структурам иных уровней, а образ выделенного в континууме когерентных связей «куска», голографического сколка нелокальной когерентной целостности, репрезентирующего структурную «морфологию» когерентного мира, «пропущенную» через психосферу и обретающую в ней смысловую модальность.

Иными словами, фрактал понимается как пространственная единица внутреннего деления мира нелокальных когерентных связей, преобразованных психосферой в эмпирически воспринимаемые человеком единицы апперцепции – данности-таковости. Тотчас же возникает вопрос: как можно говорить о пространственных единицах когерентного мира, если он по самой природе своей нелокален и не имеет пространственного измерения? Ведь специфика когерентного мира в том и состоит, что в ней нет привычных субординаций части и целого (хотя, разумеется, не только в этом). В каком же смысле здесь можно говорить о пространственности? Лишь в том, в каком любая наглядная модель является условным «переводом» непредставимого в представимое.

Фрактал – это условно-пространственная фигура-выгородка, очертания которой определяются тем, насколько простирается мир человеческих мыслеформ при погружении его психики в прямое общение с психосферой и стоящим за ней ИМ. Фрактал не имеет в когерентной среде объективных и однозначно установленных границ, принципиально невозможных в континууме нелокальных связей. Эти границы всегда устанавливаются ситуационно и субъективно в самом процессе ПМ. Фрактал – не объект. Это психика/сознание, осуществляющие медиацию здесь, теперь и так, взятые в модусе её присутствия в психосфере или, проще говоря, очертания самого поля медиации, увиденное «изнутри» когерентного мира.

Схематически фрактал можно представить в виде сложной стереометрической фигуры – фрагмента пространства, сотканного из бесчисленных когерентных

связей, которые словно паутинки, соединяют потенциальные акты со-осуществления. Нити этих связей, «объективно» не зная границ, протягиваются в бесконечность свёрнутого порядка, пронизывая его интенционально-энергетическими потоками. Поэтому и границы фрактала – не внеположенные сознанию рамки какой-либо пространственной величины. Это ситуационные пределы возможностей самого сознания (включая и его психическую основу), «входящего» в тот или иной фрактал. Последний же, что чрезвычайно важно, выступает не как нечто внешнее по отношению к сознанию, а как его (сознания) собственный модус. Здесь срабатывает голографический принцип нелокальной связи, когда сознание в режиме ПМ способно «дотянуться» до удалённых интенциональных потоков, улавливать потенциальные когерентные зависимости и считать психические матрицы из тонких слоёв ИМ. В этом пункте можно говорить о большой согласованности наших представлений с голографической теорией.

Фрактал и погружённое в него сознание являют не какой-либо вид субъект-объектного взаимодействия, а такую форму нераздельности, где голографический принцип снимает дихотомии единого и раздельного, тождественного и нетождественного, локального и универсального. Можно сказать, что в акте погружения во фрактал сознание возвращается в состояние холономной слитности с универсумом, но полученный в результате пребывания в этом состоянии опыт ограничен локальной онтологией самого сознания. Онтология эта определяется в целом структурно-функциональными характеристиками ментальности (когнитивные режимы), а также самим содержанием культурного опыта: семантико-семиотическим тезаурусом и смысловыми комплексами. Конечная, локальная природа последних и выстраивает ситуационные границы фрактала, ограничивая возможность восприятия и осмысления потенциальных содержаний свёрнутого порядка.

Таким образом, границы фрактала проходят там, где их стихийно проводит сама человеческая ментальность; внутри оказывается то, что человек способен охватить

мыслью или хотя бы смутным переживанием. Мозг никогда не способен вместить, пережить и осмыслить всю полноту когерентных связей, поскольку он – не только чувствилище, но и система фильтров. Первый фильтр – естественные психофизиологические пределы восприятия, которые, как показывают современные исследования, оказываются существенно шире, чем те, что задаются сенсорными режимами ЦНС (см. выше об исследованиях Т. Лири и Р.А. Уилсона). Второй фильтр – ментальный. Человек воспринимает реальность лишь в заданных культурой модусах и кодах. Отклонения и точечные прорывы возможны, но в сравнительно небольшом диапазоне, т.е. в общем случае – в режиме флуктуаций. Мутации – суть выпадения из предустановленных означенными фильтрами границ – частные случаи. Но мутации, вызванные интенциональными импульсами из мира свёрнутого порядка, – уже не игра случая, а фактор вертикального эволюционного движения. Такие мутации обычно призываются к осуществлению в эмпирическом мире посредством аккумуляции и направленной (но, совершенно необязательно, сознательной!) фокусировки интенционально-энергетических волн.

Если с немалой долей условности допустить, что и к потенциальному бытию в ИМ применима дефиниция сущего и действительного, то становится понятно, почему далеко не всякий интенциональный запрос из эмпирического мира способен развернуть (распаковать) соответствующий акт существования. Во-первых, далеко не всякому интенциональному импульсу в эмпирическом мире соответствует когерентный эквивалент. Причём количество таких «ложных» импульсов лавинообразно возрастает по мере усложнения психической организации обособляющихся структур и систем. В этом смысле культура являет поистине революционный отрыв от биосистемы, не позволяющей себе распылять витальную энергию на «неадекватную» интенциональность и не знающую феномена произвола мышления. Во-вторых, для вызова того или иного акта осуществления может просто не хватить интенциональной энергии. И, в-третьих, что самое

главное, интенциональный запрос может адресоваться либо к потенциальным актам, условно относимым к области сущего, в его, не будем забывать, потенциальном понимании, либо к области действительного. Последняя неявным образом выделяется за счёт подспудного интенционального давления ГЭВ, создающего своего рода энергетическо-волновой мейнстрим. Именно он делает осуществление особого класса бытийственных актов более вероятным. Но воплотиться они могут, лишь отвечая на встречный «призыв» структур мира эмпирического. Когда такой запрос доходит до «адресата», ГЭВ способны подтолкнуть к осуществлению в эмпирическом мире самые, казалось бы, неожиданные и невероятные феномены: от серии направленных мутаций и «мгновенное» формирование сложных функциональных органов у животных, масштабные конфигуративные преобразования (эволюционные скачки) в системах и подсистемах культуры, феномены гениальности и сверхпродуктивности у отдельных индивидуумов. При этом не следует забывать, что ГЭВ регулируют не только вертикальное, но и горизонтальное направление эволюции, а потому шкала между сущим и действительным в мире потенциальных осуществлений приобретает дополнительное членение. «Самыми действительными» оказываются потенциальные осуществления, связанные с вертикальными устремлениями ГЭВ. Иное дело, что для «извлечения» их из мира потенциальных возможностей «призывающая» структура должна сама соответствовать им: прежде всего, по свойствам интенционально-энергетических потоков, отчасти определяемых характеристиками частотно-волновых диапазонов и ритмов. Если структура «не готова» – запрос не будет «услышан». В свою очередь, структуры эмпирического мира способны лишь в ограниченном диапазоне воспринимать интенционально-энергетические и частотно-ритмические импульсы психосферных когеренций. Границы этих диапазонов – суть границы потенциальной изменчивости структур и систем, итерационно дрейфующие от сравнительно узкой области спонтанных и полуспонтанных флуктуаций к мутационным прорывам и,

наконец, к скачковому изменению конфигурации в мейнстриме ГЭВ.

Разумеется, шкала возможностей осуществления не столь проста и не сводится к однозначным линейным зависимостям: из каждой условной точки разворачиваются параллельные ряды градаций, образующие подуровневую «периферию» какой-либо относящейся к мейстриму линии.

Итак, из всей полноты когерентных связей человеческая ментальность способна воспринять лишь некоторый спектр.

Я говорю здесь о человеческой ментальности, а не о человеке в целом, не случайно. Иные системные уровни человеческого существа - психофизиологический, биохимический и далее до уровня его неорганических основ - имеют свои собственные настройки и режимы диалога с когерентным миром. И то, что ментальность, не говоря уже о сознании, находится, в силу своей самости и субъектности, в состоянии некоторой рассогласованности с этими режимами, составляет одну из ключевых эволюционных интриг культурогенеза.

Но и указанный спектр даётся человеку лишь в определённой модальности. Вернее, ментальный импульс актуализует в психосфере лишь тот спектр связей, который может быть осмыслен в системе культурных кодов. Здесь явно напрашивается аналогия с квантовой механикой, где сознание воздействует на поведение квантовых объектов. Но это – не более чем частный пример, примечательный разве что тем, что здесь явление схвачено на территории экспериментальной науки и потому не может быть попросту игнорируемо, как игнорируется необозримое море смыслов и практик, наблюдаемое во всех без исключения «донаучных» традициях.

Почему фрактал схематично представляется в виде сложной многоугольной фигуры, а не, скажем, в виде традиционного для схематической образности шарика? Потому, что онтология входящей во фрактал человеческой ментальности, самим фактом такого вхождения, задающая его границы, имеет всякий раз особую и ситуационно неповторимую даже для одного и того же субъекта

конфигурацию. Основу её определяет «филогенез» вышеописанных фильтров, задающий репертуары и уровни «психосферной сенситивности». А ретушь, корректировка этих репертуаров, т.е. детали условно-геометрического образа фрактала осуществляется на основе ситуационного состояния ментальности.

Хотя общий порог психосферной сенситивности и, тем более, набор культурных кодов и семантический тезаурус остаётся в целом константным, психофизиологические режимы вхождения во фрактал могут различаться даже у одного и того же субъекта, не говоря уже о группе. Вот почему схематический образ фрактала – это всегда сложная фигура с относительно подвижными и эластичными, но прочными и непреодолимыми границами.

Пребывая во фрактале, человеческая ментальность способна:

- принимать и интерпретировать в культурных кодах определённый спектр психосферных сигналов и импульсов;
- оказывать воздействие на некоторый спектр потенциальных когерентных со-осуществлений.

Возникает вопрос, насколько эти два пункта следует понимать как нечто разное? Ведь разве на знаменитый эйнштейновский вопрос – меняется ли Вселенная от того, что на неё смотрит мышь, – не дан положительный ответ? Разве, познавая мир, мы тем самым его не изменяем?

Дефиниция здесь может быть проведена по принципу различия изменений, вызванных автоматически, спонтанно и бессознательно, и изменений, вызванных целенаправленным волевым вмешательством в рутинную «правильность» самовоспроизводства структур и отношений в диалоге имплицитного и эмпирического миров. Качественная разница здесь в том, что во втором случае возможен выход за пределы обычных флуктуаций. Степень познавательной активности сознания в рамках созерцательной позиции показывает градиацию палиативных состояний между крайностями означенной дефиниции. Очевидно, нет необходимости пояснять, что история Культуры как история автономизации и наращивания человеком и самой Культурой своей субъектности – есть

история усиления волевого, а затем - волюнтаристского начала. Негативная реакция на это усиление вкупе с полуинтуитивным постижением «мейнстримных» (см. выше) интенциональных импульсов неизменно вызывает в культурном сознании мощную устремлённость к «реконструкции» хоолономного состояния. И если, к примеру, даосизм разрабатывал конкретные психотехники слияния с естественным (т. е. закономерно-действительным) ходом вещей, то Гегелю только осталось печально констатировать, что «дурная воля волит против всеобщности воли».

Входя во фрактал, энергия мысли «вклинивается» в рисунок интерференционных узлов интенциональных потоков, присоединяется к танцу волн и энергий и, усиливая или ослабляя те или иные из них, способствует осуществлению какого-либо из потенциальных актов бытия. В подавляющем большинстве случаев такое «подталкивание» происходит бессознательно и незаметно для человека. Но пробуждение сознания и воли вводит ПМ посредством вхождения во фрактал в поле культурного осмысления, и обстоятельства медиации вместе с её практическими результатами и кодированным опытом становятся частью культуры.

Этнографическая литература переполнена описаниями того мистического ужаса, который охватывает архаического человека при погружении, особенно спонтанном, его сознания во фрактал и переживании психосферных явлений. Уже самые ранние акты протокультурного сознания и соответствующие им действия, выпадающие из поведенческих стереотипов природного психизма, не могли не вызвать у гоминид смутного и безотчётного, но в то же время, острого и конкретного ощущения *разрушающего вмешательства в природный порядок*. Всякий акт воли, даже не осознающий себя таковым, выступает источником возмущения в сетке когерентных связей и стандартной конфигурации интенционально-энергетических паттернов ИМ, которые обеспечивают природный порядок. Иными словами, всякое проявление культурного сознания и действия вызывает из

ИМ акты осуществления, диссистемные по отношению к природе как к *уравновешенной системе*. Поэтому устойчивость архаического «консерватизма» – мизонеизма в отношении изменения технологических и всех прочих образцов и продуктов своей деятельности, объясняется не только внешним табуативным принуждением, но и не в меньшей степени страхом нарушить или даже просто потревожить паутину незримых когерентных связей в интенциональном поле ИМ.

Живописные примеры таких страхов показывает Леви-Брюль. «В Лоанго «иностранец», переселяющийся на другое место, не должен разрушать ни своих построек, ни плантаций, он обязан оставить их как есть. ... Если бы сборщик налогов вздумал для своего удобства проложить новую тропинку, он подверг бы себя серьёзным неприятностям, даже если бы тропинка эта была короче и удобнее той, которой пользуются обычно. Это не простой мизонеизм, не просто отвращение к изменениям, нарушающим привычки. ... Тропинка, как и всё на свете, имеет свои мистические свойства. Туземцы Лоанго говорят про покинутую тропу, что она «мертва». ... «Все предметы имеют невидимое существование так же, как и видимое», – говорят игороты с Филиппинских островов»¹⁰. Наполненность жизни архаического человека страхом нарушить незримые связи в запредельном мире отмечается практически всеми исследователями.

С этим же страхом связаны и традиции праздников не как дней отдыха, а как дней, посвящённых божествам, когда табуируется всякое вмешательство в «подведомственную» им реальность. Корни этих традиций прослеживаются с неолита, когда масштаб такого вмешательства резко возрос, а мощные эгрегориальные силы оформились в виде глобализованных прото-божественных образов верха (великая богиня неба) и низа (мужские божества нижнего мира). К почитанию первых восходит пятница у арабов и других народов, к почитанию последних – еврейский шаббат. Характерно, что в субботу принято воздерживаться прежде всего от действий,

---

¹⁰ *Леви-Брюль Л.* Указ. С. 34.

имеющих характер творения, т.е. создания новых таковостей.

Страх нарушить predetermined в ИМ порядок экспликаций и тем самым сбить настройки и конфигурации незримых паттернов в архаическом сознании не только пересиливает любые прагматические соображения, но и нередко приводил к появлению жестоких и болезненных ритуально-магических процедур, служивших компенсацией или противоводием против такого нарушения. Завершение, полноценное воплощение предзаданного в ИМ события как такового важнее, чем само содержание этого события.

«...Другой воин, которому приснилось, что горит его хижина, *не успокоился* (*курсив мой – А.П.*) до тех пор, пока он действительно не увидел, как она сгорела»¹¹.

Из этого страха в более поздние эпохи происходят и мистический концепт Должного, и любого рода фаталистические умонастроения. Но на чём основана уверенность в том, что этот страх испытывали и гоминиды? На их несомненной и даже патологической в силу эволюционной болезни психической гиперсенситивности, связанной, как уже отмечалось, с частичной эрозией границ правополушарной перцептивности. Это вызвало слом границ правополушарных гештальтов, которые были доступны животному восприятию в рамках инстинктивно-рефлекторных режимов. Для современного человека это привело бы к патологическому провалу в бессознательное. Но о каком бессознательном можно говорить при отсутствии развитых форм сознания? Бессознательное здесь оказалось (впрочем, как и всегда) мостиком в трансцендентное. Безразмерность, текучесть и диффузность правополушарных перцептивных паттернов (гештальтов) напрямую погрузила уже не животную психику, но ещё и не человеческое сознание в прямое переживание психосферных реалий. Не говоря уже о том, что сам отход от надёжных инстинктивных и условно-рефлекторных программ, несомненно, вызывал экзистенциальный ужас и сильнейшую фрустрацию. Соприкосновение с неизведанными, не прописанными в инстинктах реалиями

---

¹¹ Там же. С. 47 и др.

«того» мира оказалось не просто одной из экзистенциальных проблем. Оно стало проблемой проблем, ибо в своём значении, выходило далеко за пределы *всего*, что так или иначе могло связываться с индивидуальной или коллективной *самостью*. Вопрос о характере и содержании трансформации природных паттернов – это не вопрос жизни и смерти отдельного индивида или популяции (общины, племени и т. д.) Это вопрос экзистенциального самоопределения **самой Культуры** в её системной антитезе миру естественных природных процессов. Вот почему налаживание отношений (медиаций) с «тем» миром, начиная с самых первичных проявлений культуры, явился для НЕЁ (культуры), а не просто для человека(!) самой корневой и фундаментальной задачей. А решение этой задачи было опосредовано необходимостью перенастроек психических режимов человека на пути преодоления эволюционной болезни. Этот мотив ещё не раз будет обсуждаться по разным поводам.

Когда пишут, к примеру, о том, что неандертальцы охотились на медведя ради того, чтобы захватить его пещеру, съесть его мясо, а затем, в качестве компенсации и умилоствления его духа, приносили ему человеческие жертвы и совершали ритуальные действия с его костями, здесь последней причиной объяснения является не более, чем бытовая психология. Что значит, задобрить, умилоствить, умиротворить и проч.? Где здесь объяснение, если отбросить бессмысленные в силу своей затёртости и привычности, бытовые утилитарно-прагматические значения? В чём глубинный смысл умилоствления и т.п.? Почему культурные акты требуют некой компенсации? И почему компенсация эта приобретает именно такие формы? Такие масштабы? Почему сопровождается именно такими магическими действиями? Здесь налицо оперирование не только с физическим медведем или даже его образом или духом. Тем более, здесь речь не может идти о неких утилитарно бессмысленных и бесполезных действиях, основанных на ложных представлениях (см. выше), не имеющих под собой реальной почвы. Здесь посредством ритуально-магических действий совершается ПМ, цель

которой – *гармонизация психо-энергетических конфигураций и восстановление интенционального баланса с ИМ*. Культура пытается заштопать дыры и исправить повреждения, невольно, а позднее, сознательно сделанные ею в целостной ткани природных когеренций. Первичная, доархаическая магия нижнего и среднего палеолита – это спонтанная психическая технология такого «заштопывания», ещё не поднявшаяся до осознания возможности волевого вмешательства в незримую канву естественных процессов. Впрочем, к неандертальцам, это относится уже не в полной мере.

В целом же, здесь мы сталкиваемся с огромным культурно-смысловым комплексом, охватывающем явления от страха перед инновациями до жертвоприношения (см. гл.5). Комплекс этот может быть назван **компенсаторным**, поскольку всё разнообразие его проявлений объединено стремлением компенсировать «волютаристские» действия человека, нарушающие предопределённые естественными законами механизмы экспликации паттернов ИМ. Или, проще говоря, компенсировать ущерб от своего вмешательства в медиацию природы с ИМ.

Из сказанного следует, что психические режимы вхождения во фрактал самым непосредственным образом связаны с фактором МФА. Именно «архаическая» правополушарная когнитивность с её атемпоральностью, «гештальтным» синкретизмом, кучностью, размытостью и дорефлексивной и дознаковой энергийной концентрированностью вводит человека в психосферу и раскрывает для него доступные границы фрактала потенциально постижимых когерентных связей и отношений. Первичная перцепция и переживание полученного во фрактале опыта также протекает преимущественно по каналам правого полушария. Левое же полушарие активно включается лишь тогда, когда его когнитивные паттерны в тесном и сложном взаимодействии с правополушарными (а не сами по себе!) начинают переводить неизреченные переживания в форму культурных кодов. Причём, если образная визуализация исходных переживаний может осуществляться в спонтанно-

бессознательном режиме с преобладанием правополушарных когнитивных паттернов, то их вербализация уже попадает в ведение левого полушария. С ним же связана и любая рационализация полученного в акте ПМ опыта в дискретно-линейной и каузальной системе смысловых координат.

Для животного психическая погруженность во фрактал, границы которого в этом случае определяются видовым кодом, регулирующим психические процессы, – естественное состояние. Но «преимущества» почти тотальной погружённости в когерентность не работают как инструмент воздействия на эмпирическую реальность в силу всё той же жёсткой инстинктивной запрограммированности животной психики. И только пробуждение левополушарной когнитивности способно вызвать к жизни феномен *воли* – «испорченного инстинкта» со сбитой настройкой, подпитываемого экзистенциально отчуждённой самостью. Но чем сильнее и рациональнее становится воля, тем труднее человеку даётся вход во фрактал, ибо вход этот осуществляется за счёт доминирования правополушарных психических функций и требует именно их тонкой настройки.

Здесь культурное сознание оказывается в ловушке. Чем цельнее ментальность, чем более оно тяготеет к правополушарному доминированию, и чем меньше оно, соответственно, «испорчено» линейно дискретными дискурсами, тем скромнее его семантико-семиотическое оснащение, и потому, тем легче оно входит во фрактал и тем выше его возможности воздействия на связи и отношения к когерентному миру. Но, чтобы это воздействие было осмысленным, целенаправленным и содержательным, оно должно быть так или иначе сфокусировано и рационализировано левым полушарием. Но сам процесс рационализации, в свою очередь, изменяя структуры ментальности, перекрывает правополушарные каналы вхождения во фрактал и в психосферу в целом.

Постоянно пребывающая во фрактале животная психика почти не ограничена в своих потенциальных воздействиях на когерентные со-осуществления в границах

этого фрактала. Но животное в силу отсутствия у него сознания об этих возможностях «не знает», да и потребности, выходящие за пределы инстинктивного или условно-рефлекторного поведения, у животных не возникают. Потому их «магические» возможности остаются спящими, невостребованными, неразвитыми.

Итак, чем выше целостность сознания и слабее активность левого полушария, тем легче происходит погружение во фрактал. Но, чем легче вход во фрактал, тем уже его границы и ниже возможности воздействия на имплицитивные пакеты и паттерны свёрнутого порядка. Ибо, если лёгкость вхождения во фрактал оказываются напрямую обусловлена «девственным» доминированием правополушарной когнитивности, то границы его (фрактала), т.е. области помышляемых и образно или понятийно кодируемых связей, зависят от дискурсивно-семиотических возможностей левого полушария. Т.е. без его участия опыт, полученный во фрактале, оказывается недоступен для культурного сознания.

В том, что касается дешифровки, интерпретации полученного во фрактале опыта и диапазона возможных в нём действий, семантико-семиотическое оснащение культурного сознания играет двойственную роль. С одной стороны, без него пронизывающие фрактал психические энергии никоим образом не могут преобразоваться (конвертироваться) в нечто имеющее отношение к сфере культуры: смысловые конструкции и практики. Но, с другой стороны, тот же семантико-семиотический тезаурус, по сути своей неразрывно связанный с левополушарными сукцессивно-каузальными когнитивными паттернами и процессами, устанавливает границы разворачивания фрактала, замыкая потенциал нелокальных связей на конкретных единичных семантико-семиотических величинах. Иначе говоря, *любое нечто, ментально положенное как определённая и о-смысленная данность, уже есть потенциальное препятствие на пути погружения психики в нелокальную связь.*

Так, в полном соответствии с принципом самоограничения (см. гл. 1), человеческая психика,

погружаясь во фрактал и совершая тем самым экзистенциально необходимый акт ПМ, суживает потенциальную возможность таковой до границ, очерченных семантическими полями своей конкретно-исторической культурной системы. Из бесконечно многомерного пространства когерентных связей фрактала человек «видит» лишь кружево сложно переплетённых в пространстве паутинок, связывающих потенциально возможные варианты осуществления тех или иных событий. И способность их видеть и как-то на них воздействовать обусловлена тем, что в культурном сознании существуют семантические эквиваленты и коды, с помощью которых оно именуется эти паутины и как-то в них ориентируется. Но эти же коды – суть узелки, психические якоря, внешние корреляты сгустков приторможенных энергий и возбуждённых волновых колебаний связывают психику (не говоря уже о сознании), понуждая перемещаться во фрактале по строго определённым траекториям – психически и «исторически сложившимся» коридорам.

С наибольшей наглядностью процесс вхождения во фрактал можно пояснить на примере *магии* – генерализующего ядра культурных практик, связанных с целенаправленной ПМ и присущей всем без исключения обществам. До тех пор, пока состояние входящей во фрактал ментальности достаточно цельно и в общем подчинено правополушарному доминированию, воля к воздействию на реальность проявляет себя достаточно скромно: так, архаическая магия никогда не позволяет себе чего-либо большего, чем простое соучастие в природе. По-видимому, баланс между потенциальными магическими возможностями (правополушарная когнитивность) и знаниями об этих возможностях, введёнными в поле рационализованных устремлений, волевых актов и целеполаганий (левополушарная когнитивность) был достигнут в эпоху верхнего палеолита – неолита. Затем, лавинообразное наращивание левополушарных дискурсивных практик вкупе с ростом самости сознания, сместило равновесие, и возможности магического воздействия на реальность стали резко сокращаться.

Современный «маг», в отличие от первобытного колдуна или шамана, обладает огромными знаниями о мире, буйной фантазией, огромными амбициями и ничем не ограниченным эгоцентрическим волеием. Он прекрасно вербализует и рационалистически интерпретирует то немногое, что приоткрывается ему в психосфере. Но именно эти качества и делают волонтаристское сознание совершенно бессильным в плане практического воздействия на когерентные зависимости, тогда как архаический шаман, действуя в узком диапазоне почти природных практик и прибегая к минимальной знаковой опосредованности, достигал максимальной эффективности своих магических действий. Вот почему, в частности, именно европейская магическая традиция с её безудержным волонтаризмом и навязчивой идеей достижения власти над миром (не меньше!) в практическом плане оказывается самой слабой. Восточная же магия (вообще - не-Западная) - не порывает до конца с архаическим принципом сопричастности с естественным порядком вещей и потому сохраняет и в наше время значительно большую эффективность.

Возьмём в качестве примера магических техник «работы» с фракталом один из необозримого множества эпизодов, описанных Л. Леви-Брюлем. Со ссылкой на Лежена, он приводит такой случай: «Один воин, увидев во сне, что его во время сражения взяли в плен, поступил для предотвращения участи, предсказанной ему зловещим сном следующим образом: проснувшись, он созвал своих друзей, умолял их помочь ему в беде, быть настоящими друзьями и поступить с ним как с врагом. Друзья набросились на него, раздели, связали и потащили по улицам с воплями и воем, заставив в заключение своего пленника подняться на эшафот. Воин благодарил их, веря, что это воображаемое пленение избавит его от настоящего пленения»¹².

Здесь несколько примечательных моментов для интерпретации. Прежде всего, то, что опасное событие было увидено во сне. Сон как форма ИСС для архаического (не говоря уже о более раннем) сознания – наиболее прямой и

---

¹² *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., АТЕИСТ. 1930.С. 35

спонтанный путь вхождения во фрактал. Для более поздних и сложно устроенных многослойных конфигураций ментальности, интерпретация сновидений соответственно усложняется, утрачивая прямую ясность семантических и образных корреляций.

Далее важно отметить: о том, чтобы вообще отменить нежелательное событие, никто даже и не помышлял. Всё увиденное (подсмотренное) в когерентном мире обладает фатальной императивностью и не может быть отменено. Можно лишь, «обманув судьбу», перенаправить интенционально-энергийный поток, обнаруживающий себя в цепочке дискретных эмпирических событий, в безопасное русло. Т. е. создать муляж, имитацию предсуществующего в когерентном мире и уже готового осуществиться в мире физическом события. Причём успех этой акции напрямую связан с тем, насколько серьёзно и убедительно будут выглядеть имитационные действия. При этом важны не только и даже не столько сами действия, сколько сопровождающий их интенционально-энергийный импульс. Он должен быть предельно «настоящим», ибо лишь в этом случае оказывается возможным перехватить и перенаправить опасную интенцию.

Необозримое разнообразие такого рода примеров указывает на то, что первичной и фундаментальной задачей культуры как имманентно развивающейся системы является, прежде всего, *медиация* между мирами и выработка адекватных операционных технологий для обратного диалогического воздействия человека/группы на «тайные силы», управляющие жизнью и судьбой – суть интенционально-энергийные паттерны когерентного мира. Основой операционных технологий вхождения во фрактал, была, разумеется, магия, в широком её понимании.

Впрочем, к теме магии ещё будет повод вернуться в гл. 5. Пока отметим лишь то, что историческая траектория вырождения магических практик выступает наиболее явным показателем одной из ключевых линий культурогенеза: движения в сторону левополушарного доминирования, хотя движение это было, разумеется, не прямым и не линейным и, что самое главное, предельное левополушарное

доминирование не есть историческое завершение культурогенеза.

Перекрывая в процессе исторического наращивания левополушарного доминирования каналы прямой ПМ, культура, тем не менее, оставляет некоторые зазоры и лазейки, которых оказывается вполне достаточно, чтобы послужить основой универсальной для всех обществ тяги к переживанию трансцендентного. В тех же случаях, когда механизм перекрытия каналов даёт сбой, рождаются великие визионеры, провидцы, вероучители, мистики. Впрочем, с недостаточностью перекрытия каналов вхождения во фрактал связан феномен гениальности как таковой, независимо от форм его воплощения.

Менее всего каналы ПМ и спонтанного вхождения во фрактал перекрыты у детей в возрасте до 3-4 лет с их адистрибутивным (нерасчленённым) мышлением. Здесь режимы правополушарного доминирования, повторяя отчасти в онтогенезе сценарий эволюционной болезни, обеспечивают такой уровень погружения в психосферу, что можно говорить о том, что дети до означенного возраста живут в «запредельной», невыразимой словами реальности. У многих древних народов дети считались колдунами, и общение с ними подлежало особой регламентации¹³. А способность детей к «паранормальному» восприятию нашла отражение в широком пласте фольклора самых разных народов.

Показательно и то, что даже в тех случаях, когда дети каким-то образом оформляют свой «визионерский» опыт в словах, взрослые, как правило, их не слушают и не слышат. Культура блокирует понимание этого опыта, боясь попятного движения и не желая отпускать взрослое сознание – свою рабочую единицу – в состояние, опасно близкое к докультурному. Даже память об этом состоянии культура стремится отсечь и подавить. И только у современных первобытных народов сохранились мифы о Dream time¹⁴ – эпохе предков, когда люди были

---

¹³ *Ершова Г.Г.* Указ...

¹⁴ Термин, первоначально применявшийся этнографами к мифологическому материалу аборигенов Австралии, но затем

наделены совершенно иными способностями восприятия реальности, соответствующими по своим характеристикам режиму погружения психики во фрактал и считывания нелокальных когерентных связей¹⁵. Вероятно, такой тип когнитивности был присущ ранним сапиенсам в эпоху, предшествующую верхнему палеолиту и в ещё большей степени – предкам человека иных биологических видов в среднем и нижнем палеолите.

В этом смысле говорить о том, что «Был период, когда возможности мозга благодаря биологическим изменениям существенно возросли и соответственно возрос генетический потенциал. Это было примерно 500 000 лет тому назад. С тех пор врождённый разум изменился – если вообще изменился – только незначительно. С тех пор человеческий прогресс зависит от приобретённых способностей, которые предаются далее посредством традиции и обучения»¹⁶ – есть чистейший вздор и грубейшая модернизация в духе идеологизированного новоевропейского псевдогуманизма.

Не следует однако думать, что, подавив и в целом заблокировав прямые формы ПМ, культура превратилась в царство безраздельного господства каузальной пропозициональности. Голографический принцип «всё во всем» или «всё есть всё» сохраняется как универсальная основа мифологической когнитивности – способа мышления семантическими рядами и «кучными», правополушарными в своей психической основе, смысловыми комплексами. И

получивший более широкое употребление. В более поздних традициях Dream time отчасти преобразовался в «золотой век».

¹⁵ Фольклорно-мифологический пласт на тему «Dream time» у разных народов чрезвычайно богат и разнообразен. В качестве одного из многочисленных примеров укажу на эпос индейцев киче «Пополь-Вух» (Popol-Vuh) (Гватемала), где описание паранормальных способностей предков почти напрямую иллюстрируют ситуацию прямого и абсолютного знания, получаемого в результате погружения во фрактал. См. священные письма майя: Пополь-Вух. Рабинальчи / Пер. Р.В. Кинжалова; *Диего де Ланда*. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. Ю.В. Кнорозова. СПб.: Амфора 2000. С. 114-117.

¹⁶ *Russel B.* Hat der Mensch noch eine Zukunft? Stuttgart. 1962. P. 8.

этот тип мышления не только безальтернативен на протяжении всей мифоритульной эпохи, но и, будучи впоследствии трансформирован и оттеснён с доминирующих позиций, во многом сохранил своё фундаментальное значение. Это лишний раз доказывает, что:

– устремлённость к ПМ посредством вхождения во фрактал – присуща человеку как культурному существу априорно и универсально;

– вхождение во фрактал может осуществляться либо в формах, легитимированных культурой, т.е. через посредство её традиций и дискурсов, либо в обход них: стихийно, спонтанно, не традиционно. В первом случае можно говорить о различных формах нормативизованного религиозного, магического, оккультного или мистического опыта и т.п. Во втором случае (помимо детского «инсайта») можно говорить о спонтанных прорывах в созерцание трансцендентного мира в ситуациях внезапных озарений, сна, галлюцинаций, психических расстройств и т.п. Т.е. в тех случаях, когда контекст медиации не подготавливается и не санкционируется культурой и, соответственно, не обеспечивается семантико-семиотическими кодами-отмычками, облегчающими интерпретацию полученного опыта;

– утверждения о том, что категории субстанции и причинности «без сомнения, являются формами, с которыми человек, с тех пор как он появился, входит в мир опыта...»¹⁷ и т.п. суждения не имеют под собой никаких оснований.

3.4.2. ПМ и пути трансляции культурного опыта

На основании всего сказанного представляется возможным в общем виде и, разумеется, гипотетически пояснить механизм ПМ в его соотношении с генетическим наследованием. Тема соотношения генетического и психосферных трансляционных каналов вскользь упоминалась выше, но развития не получила.

На уровне клеточном, субклеточном, и более чем вероятно, что и на квантовом уровне, т.е. на уровнях куда

---

¹⁷ *Bavink B. Ergebnisse und Probleme der Naturwissenschaften . Zürich . 9. Aufl. 1949. S. 237.*

более тонких, чем гены, происходит фиксирование, энграммирование психических матриц, образуемых в психосфере в результате многократного повторения однотипных психических актов. Внешним планом выражения этих психических актов выступают соответственно акты поведения. Причём, фиксируются не сами матрицы, а их следы, слепки, интенциональные эманации. За счёт этого между матрицами психосферы возникают разнообразные виды взаимодействий и, в том числе, эмпатия, взаимное притяжение. Оно обнаруживает себя в человеческой ментальности в виде специфических настроек/устремлений «принимающего устройства» мозга на улавливание и считывание психических матриц определённого рода. Будучи «выловлены» из интенционального бульона психосферы, эти психические матрицы совмещаются с релевантными им энграммами, локализованными в самой ментальности. С известной долей метафоричности можно сказать, что внешняя психосферная матрица и энграмма, локализованная в структурах человеческого мозга, – суть ипостаси единого нелокального по своей природе психосферного образования. Локализация же происходит аналогично тому, как это наблюдается в КМ – в ситуации наблюдения, т. е. рефлексии. Т.е. содержание психосферной матрицы локализует своё содержание лишь тогда, когда на него направлен луч рефлектирующего сознания. Пока этого не произошло, процессы энграммирования психических матриц в структурах человеческого мозга нельзя рассматривать в дихотомии: внешнее – внутреннее. Самоорганизация психосферы и бессознательная деятельность человека (группы) – единая, или, говоря языком КМ, несепарабельная система. Так интенциональные потоки психосферы обеспечивают перманентное проявление универсальной центростремительной силы, стремящейся заблокировать или, по крайней мере, компенсировать давление сил центробежных, способствующих разбеганию форм и наращиванию их самостоятельности. Самостоятельность в данном случае, проявляется в когнитивной и поведенческой автономности. Не случайно, одним из неизменных

признаков антропогенетического отпадения от животной инстинктивности было неуклонное наращивание индивидуализации поведения гоминид, начиная, по меньшей мере, с австралопитеков.

Если подобный механизм действительно существует, а косвенными доказательствами тому служит практически весь опыт мировой культуры, то, говоря о каналах трансляции культурного опыта, следует отказаться от привычных понятий врождённости или приобретённости. Напрашивается гипотеза о том, что эволюционное формирование кода ДНК – есть процесс окончательного прописывания (фиксации) психических энграмм на более физически грубом, но надёжном биомолекулярном уровне двойной спирали ДНК.

Впрочем, и на «простом» физическом уровне есть свои тонкости. Так, на рубеже XX – XIX вв. был открыт новый тип наследственности – передача информации без участия ДНК, с помощью прионных белков, – не опровергающий основных положений классической генетики¹⁸.

Можно также предположить, что сама физика генообразования связана с итерационным процессом закрепления стандартных связей между психической матрицей и «принимающим устройством». Необходимость в такого рода закреплении возникла и развилась в биосистеме по причине её качественно возросшей сложности и самостности по отношению к неживому миру. Можно сказать, что стандартизованные связи отдельного организма/группы с психосферой обретают «грубую» физическую форму в силу закона оптимизации и уплотнения систем, стремящихся транслировать снятый (в гегелевском смысле) опыт своего бытия в надёжных формах. Физические формы, по сравнению с чистой психосферной интенциональностью – канал более грубый, но в силу присутствия в нём более сильных энергетических взаимодействий – более устойчивый и надёжный. Код ДНК по природе своей расположен между миром «грубых»

---

¹⁸ Звягин Е. Белковая наследственность – новая глава генетики // Наука и жизнь. – 2000. № 1. – С. 30-33.

вещественных субстанций и тонким миром психосферных взаимодействий, «упаковывая» последние в оболочку первых. Но существование кода ДНК, а также более тонких каналов трансляции опыта посредством прионных белков не отменяет необходимости надгенетических каналов трансляции опыта. Эти каналы не только разгружают мозг от излишнего напряжения и необходимости всякий раз заново настраиваться на приём критически умножающихся сигналов и интенциональных импульсов психосферы. Они транслируют недоступные для передачи через генокод более тонкие, сложные, многозначные и неустойчивые содержания психосферных интенциональных медиаций.

Так расширяющийся по ходу эволюции (биологической, а затем, культурной) набор поведенческих программ поэтапно переводит свои рутинизируемые нижние этажи в область генетического наследования. Без этого невозможно высвободить психо-энергетический ресурс для выстраивания этажей верхних, т. е. усложнения содержания ПМ путём настройки принимающего устройства на неустоявшиеся, размытые и просто энергетически слабые психические матрицы. Но любое опредмечивание такой матрицы в продуктивном акте мышления или бессознательного поведения усиливает её устойчивость и энергетический потенциал.

В этой связи программы культурного поведения нельзя назвать в привычном смысле ни врождёнными, ни приобретёнными: каналы трансляции опыта посредством считывания психических матриц - ни то, ни другое.

Опыт наблюдения за культурным поведением человека на протяжении долгих исторических периодов приводит к мысли о том, что социально-исторический опыт каким-то образом «оседает» в генах. Некоторые авторы пишут об этом, как о доказанном факте. Академическая наука это признавать не спешит и, по-видимому, правильно делает, ибо таинственные каналы трансляции культурно-исторического опыта проходят, по меньшей мере, в основном, не через гены¹⁹. Впрочем, если исходить из того,

---

¹⁹ Здесь можно было бы отвлечься на анализ полемики между различными научными направлениями: например, между

что генотип человека ещё не исчерпал потенциал своих изменений хотя бы на уровне «лёгкой ретуши», то можно предположить, что в долгом историческом времени некоторые квинтэссенции устойчивых ПМ действительно в генах оседают. Пока можно уверенно говорить, что психика младенца не несёт в себе готовых культурных программ: подтверждение тому – феномен Маугли. Но она и не *tabula rasa*, ибо наполнена многообразными интенциями, организованными в особую конфигурацию, которая определяет диапазон принимающего устройства. Законы образования этой конфигурации – особая тема. Но в любом случае можно утверждать, что наследуются не сами способности к неким конкретным видам деятельности (ведь не может, же в само деле, существовать, например, шахматный ген), а предрасположенность к тем или иным когнитивным и партиципационным(!) режимам. Считывание «своей» психической матрицы порождает партиципационный эффект, сопряжённый с чувством возвращения и узнавания, т.е. гармонизации отношений с миром, что в свою очередь, способствует усилению матрицы и её энграммы в ментальности человека. Так запускается механизм формирования психосферных каналов трансляции культурного опыта.

3.4.3. Промежуточные выводы

Подводя предварительные итоги рассуждений, акцентирую некоторые положения.

Всеобщая эмпатическая связь (ВЭС) универсальна и абстрактна. В целом, она представляет собой многоуровневую иерархию потенциальных взаимодействий, охватывающую собой всё сущее. Наша система мышления, способная осмыслить, по крайней мере, два параметра этой градации: *интенсивность* (сила) интенциональной связи в её потенциальном измерении и *вероятность* её эмпирической актуализации.

сторонниками эволюционной эпистемологии и её оппонентами. Но я от этого воздержусь, поскольку разговор этот не затрагивает непосредственно сути излагаемой мною концепции. При желании читатель может обратиться к соответствующей литературе.

Конкретизация ВЭС выражается в актуализации (распаковке, реализации) той или иной её модальности в пространственно-временном континууме. Всякая система во Вселенной структурируется и развивается на основе определённого *диапазона модусов ВЭС* и в принципе не имеет возможности выйти за её пределы. Иными словами, всякая порождаемая эволюционным процессом система строится, скрепляется и организуется изнутри и отделяется от внесистемного окружения прежде всего определённым типом (модусом) реализуемых в ней связей. Утверждая, что эта связь всегда модальна, я подчёркиваю, что никогда, ни в одной из систем не реализуется вся полнота потенциальных связей, но всегда лишь определённый их сектор (тип).

Так, в живой природе реализуется сектор связей, который основан на относительно прямых (почти непосредственных) интенционально-энергетических потоках, эволюционно выработанных биосистемой. Лёгкость «прохождения» этих потоков в процессе медиации между имплицативным и эмпирическим мирами оплачивается устойчивой стандартизацией психосферных каналов и малой амплитудой отклонений. Однако наращивание психической опосредованности интенционального диалога с ИМ у высших животных привело к вертикальному эволюционному прорыву и появлению качественно новой системы – Культуры. Здесь опосредованность в форме смыслогенеза (см. гл. 4.) легла в основу нового системного качества. Из этого, впрочем, не следует, что можно легко ответить на вопрос: какой тип связей (какая модальность ВЭС) является общей для Культуры вообще? Её историческая эволюция демонстрирует последовательное движение внутри ограниченного сектора потенциальных связей, актуализируя то одну, то другую субмодальность в рамках этого целого. И движение это отнюдь не спонтанно. В эпоху ранней первобытности пробуждающееся культурное сознание было почти полностью погружено в прямые, природные по генезису (т. е. не опосредованные смыслообразованием) связи.

Продуктивное, но от этого не менее драматическое

противоречие, заключалось в следующем. У животных интенциональные потоки с «прописями», к которым привязывалось их инстинктивное поведение, были подогнаны к физическим свойствам вещей, т. е. интенциональные устремления психики не противоречили паттернам психосферных конфигураций, а последние – физическим свойствам вещей. У предков же человека прямое включение в «естественную физику природы» разладилось вместе с инстинктивными настройками. Поэтому и оказались они один на один с полуотчуждённой природой, имея в арсенале кроме полустёртых инстинктов только свою интенциональную энергийность. Правда, она необычайно возросла благодаря увеличению диапазона принимающего устройства – расширения перцепции правого полушария. Иными словами, доминантная модальность интенциональных связей (как особый тип субмодальности ВЭС) на ранних этапах культуры была основана на установлении вторичного, минимально опосредованного смыслогенезом, контакта с ИМ на основе патологически усилившейся психосферной сенсетивности. Это значит, что раннее культурное сознание занималось не столько освоением «объективной» природы вещей, сколько налаживанием с вещами и «через голову вещей» связей с имплицативным (запредельным, потусторонним) миром. Связь эта устанавливалась посредством максимально прямых и непосредственных актов ПМ, которые на протяжении долгого времени и в огромном секторе подчинённых «магической парадигме» ранних культурных практик противоречили объективным свойствам вещей. То же, что нам представляется объективностью, – всего лишь частный тип (субмодальность) ВЭС, который установился в материнской системе: в данном случае – в природе. Не более того. На доминанте «магической парадигмы» основана вся мифоритуальная система культуры. Отсюда универсальное значение магии, неизбежность различного рода «иррациональных» представлений и т. п.

Проще говоря, человек в силу эволюционных изменений психофизиологии и психики приобрёл необыкновенные возможности психосферной сенсетивности

и, в частности, суггестии и автосуггестии. Вследствие этого у него появились исключительные, недоступные животным возможности энергийно-интенционального воздействия на вещи – интенциональной индукции. Сила этой индукции определяет диапазон возможностей «вытягивания», вызывания из ИМ паттернов, которые в той или иной мере противоречат той субмодальности ВЭС, которая закрепились в природе, т.е. тому, что мы называем объективными физическими свойствами вещей.

Предки человека, обладая огромной психосферной сенситивностью, грубо говоря, «не знали, что ней делать». Пик равновесия «желаний и возможностей» приходится на верхний палеолит – неолит. Угасание психосферой сенситивности вкупе с расширением поля «рациональных» культурных практик и усилением левополушарной когнитивности в I тыс. до н.э. привело к смене гемисферного доминирования.

Суггестивно-магический (мифоритуальный) тип связей, как в ментальном, так и в социокультурном измерении, уступил место рационально-технологическому. Обстоятельства этого перехода – одна из ключевых тем данного исследования. Сейчас же важно подчеркнуть, что отношения человека (и самой Культуры) с миром в мифоритуальную эпоху строились не на иррациональных и ложных представлениях, не на «слепом страхе», «вере» и т.д., а «просто» на принципиально иных модальностях ВЭС.

Отмечу ещё раз, что концепция психосферы отрицает механистическую установку на плоский дуализм понятий «бытие – небытие», а также «идеальное – реальное». Психосфера содержит разветвлённую шкалу промежуточных состояний. Эта шкала онтологических состояний между тем, что принято считать реальным, и тем, что принято считать идеальным. В терминах КМ она соответствует шкале различных мер и уровней запутанности состояний, где онтология системы определяется направленностью, степенью и характером режима когеренции/дкогеренции или, по Бому, сворачиванием – разворачиванием. Это-то онтологические состояния и составляют основное наполнение психосферы.

3.5 Психо-физический дуализм

В контексте рассуждений о психосферных явлениях и природе ИМ нельзя обойти вниманием важнейшую тему *психо-физического дуализма*.

Обычно эта тема подразумевает историю богословского и философского дискурсов, основанных на разделении понятий *phaenomena* и *noumena*. Для нас же эти дискурсы – не более чем частная, и притом уже немало искажённая проекция в область исторически поздних форм рефлексии более глубокого и фундаментального явления. Было понято, что мир устроен тоньше и сложнее, антиномия идеального и реального утратила свою метафизическую торжественность и идеологическую ангажированность. Вслед за ней утратила актуальность и идея психо-физического дуализма в его традиционно философском понимании. К тому же философский подход к проблеме, как это часто бывает, «незаметно» подменяет суть вопроса рассуждениями о формах и «правилах» этой самой рефлексии, а онтологические постулаты обосновываются или опровергаются с помощью эпистемологических рассуждений. К этому же вопросу относится и пресловутая дихотомия материи и сознания.

В некоторых случаях исследователи, не желая отказываться от этой анахронистической дихотомии, всё же находят достаточно продуктивные ходы. Так, «эмерджентный интеракционизм», основанный на принципах ОТС, предполагает, что сознание и психика как высшие, эмерджентные свойства материального мозга способны оказывать на него «нисходящее» причинное воздействие, подчиняясь при этом «восходящему» причинному воздействию физиологических и нейрофизиологических факторов.

Держа в уме опыт философских штудий на данную тему, не станем, тем не менее, одалживаться у них. Такая позиция обусловлена ещё и тем, что традиционный подход к проблеме как правило, сводится к обсуждению представлений: их генезисе, структуре, семантике, динамике и т. д. и т. п. Нас же интересуют не представления как таковые, а характер корреспонденции этих представлений с

действительностью. С этой точки зрения, данные нейрофизиологии, психологии или этнографии весят больше, чем абстрактные философские рассуждения.

Итак, ключевые тезисы таковы:

– психофизический дуализм – частное проявление глобального дуализма (см. гл. 1.);

– конвертация глобального дуализма в вертикальном эволюционном переходе от биосистемы к культуре осуществляется через МФА. Это позволяет говорить о том, что дуальный принцип мышления – не какая-то необязательная культурная условность, а психофизиологическая константа, антропологическая универсалия, имманентно присущая человеку и представляющая собой эволюционное продолжение дуализма в природе;

– дуалистическое расчленение реальности на физическую и психическую модальности – органическое, во всех значениях этого слова, и неустранимое свойство культурного сознания, режимы изменения которого индексирует историческую динамику ментальных конфигураций;

– областью сопряжения физического и психического выступает психосфера;

– психофизическая дихотомия реальна ровно настолько, насколько реальна онтологическая дистанция между имплицативным и эмпирическим мирами. Не больше и не меньше. На высоком уровне обобщения дистанция эта снимается, и мир предстаёт единым, но для переживающей человеческого сознания (и подсознания) этот уровень холономности принципиально не достигим. Поэтому означенная дихотомия всегда остаётся актуальной;

– острота переживания психофизического дуализма нарастает как в онтогенезе человека, так и в культурогенезе по мере развития дискретно-аналитических когнитивных технологий и отпадения культурного сознания от непосредственных форм включения в ПМ и в континуум когерентных связей.

Последний тезис указывает на то, что наиболее высокие степени психофизического единства можно

наблюдать на материале ранних стадий культуры или психологии ребёнка²⁰. В обоих случаях речь не может идти ни о каком «одушевлении» изначально неодушевленных объектов внешнего мира, ибо психика, ещё не развившаяся в сознание, просто пребывает в состоянии максимального интенционально-энергетического единства с континуумом ВЭС. Физические и психические явления – суть однопорядковые, не имеющие меж собой онтологической дистанции. Для животных это естественное состояние. Для человека – своего рода атавизм, преодолеваемый инкультурацией. Разница в том, что если у животных перцептивные/поведенческие режимы жёстко связаны с психическими энграммами инстинктивности, то у человека они разбалансированы эволюционной болезнью и потому, более спонтанны и вариативны. Особенно в ранних формах сознания.

Синкретически интерактивная психическая активность у детей до трёх лет и ранних гоминид не зная никаких дистинкций и различий, в принципе не имеет возможности дуализовать психическое и физическое. Психика ребёнка живёт, как вещь среди вещей, пронизываемых интенционально-энергетическими потоками. И лишь нарастающий в филогенетическом ряду предков человека (равно как и в онтогенезе современного ребёнка) диспараллелизм «прямых» и «обратных» интенциональных связей с ИМ пробуждает сознание с его дискретно-дуализующей когнитивностью. Иными словами, в ранней человеческой психике палеосинкретическое единство проявляется в предельно слабом расчленении *входящих и исходящих интенциональных потоков*. Но если у животных перцептивный реализм, проявляющийся в таком психическом режиме, адекватен функциям жизненно важных программ, то у человека он изначально выступает источником психических дисфункций. Причина этого в том,

---

²⁰ Здесь можно вспомнить такие свойства детского синкретического сознания как «номинальный (вербальный) реализм» (термин Л. Ружье), когда дети «обращаются с названиями предметов как с их свойствами» У. Найссер *Познание и реальность*. М., 1986. С. 178.

что базовые релизеры (ключевые знаки/импульсы среды, «запускающие» реактивные и поведенческие программы), начинают «промахиваться» и срабатывать неадекватно, не говоря уже о внутренних сбоях самой психической системы.

Несовпадение исходящих и входящих интенциональных потоков, которые на психическом уровне могут обнаруживать себя как внешние и внутренние информационные паттерны, делает невозможным свободно-бессознательное (как у животных) течение психических и поведенческих процессов. Это и оказывается исходным фактором формирования сознания. Поэтому вышеозначенная органичность и неизбежность психофизического дуализма для человеческого сознания определяется тем, что оно изначально ориентировано на не-тождество входящих и исходящих интенциональных потоков.

Растождествление прямых и обратных интенциональных потоков (от индивидуальной психики в ИМ и обратно) порождает их нарастающую асимметрию, чреватую не просто экзистенциальным отчуждением, но и неадекватными реакциями на импульсы и вызовы окружающего мира. Это связано с тем, что автоматическое животное «знание» о свойствах вещей оказывается частично разрушенным, и спонтанное вовнеполагание доминирует над перцепцией физической природы вещей, поскольку когнитивный аппарат для их вторичной (не животнo-инстинктивной) верификации ещё не сформировался. При этом частичное разрушение животных перцептивных «прописей»-энграмм – устойчиво закреплённых в видовом коде интенциональных каналов связи с ИМ – вызывает перцептивный хаос и, как следствие, психические расстройства: галлюцинации²¹, аутизм и проч.

---

²¹ Предполагают, что галлюцинировали уже австралопитеки. См. Семёнов В. Первобытное искусство. С-П. 2008. С. 120. Правда, когда это предположение распространяется также и на высших животных (кошки, обезьяны), следует иметь в виду, что если у животных – это всего лишь считывание «параллельной реальности» когерентного мира, то у предков человека – это, также и следствие разбалансировки инстинктивных режимов

Асимметрия прямых и обратных интенциональных связей актуализует в психике дуализм дискретного и континуального начал. Континуальность адресуется к «архаическим» правополушарным формам психической активности, а дискретность связана с пробуждением собственно *со-знания* с его фрагментирующими, различающими и дистрибутирующими процедурами, которые осуществляются на основе формирующейся левополушарной когнитивности. Когда синкретическое предсознание не видит разницы между видимым и реальным – это не просто психическая дисфункция. То, что с позиций присущего развитому сознанию объективизма представляется не более чем беспочвенным вымыслом, на самом деле тоже является реальностью. И не только потому, что эти «кажимости» переживаются, как подлинная реальность. Они и есть реальность, но либо ещё не развёрнутая, не вызванная к существованию из ИМ, либо уже некоторым образом воплощённая в психосфере, но скрытая от сознания культурными фильтрами (см. выше о «ложных представлениях»). Нет ничего удивительного в том, что образы этой реальности переживаются ранним сознанием куда более остро, чем реальность физическая; ведь черпаются они не из «глубин субъективного духа» (откуда им там взяться?), а из неисчерпаемого потенциала осуществлений ИМ, и лишь внешне облекаются в формы и коды мира эмпирического. При этом, поскольку тезаурус таких форм в раннем синкретическом сознании весьма ограничен, каждая из этих форм оказывается носителем широкого спектра смыслов и переживаний.

Говоря о раннем сознании в историческом измерении, я имею в виду, прежде всего, эпоху протокультуры (олдувай), для корректной реконструкции которой у нас не хватает материала. тем не менее, вполне корректно утверждать, что сознание верхнего палеолита, который благодаря этнографии современных первобытных народов²²

перцепции, которое у животных лишь намечается.

²² Здесь, разумеется, уместно сделать уже ставшую ритуальной оговорку: современные первобытные народы – это не верхний палеолит, и прямые аналогии здесь недопустимы.

реконструируется более полно, лишь в ослабленном виде доносит до нас шлейф первозданного палеосинкретизма, растворяющего различия между вещами в едином психическом потоке. Но и он достаточно ярко показывает драматизм противоречий дискретного и континуального начал в психике и её репрезентацию в раннем культурном сознании, когда на смену психофизическому синкретизму приходит психофизический дуализм.

Если опираться на утверждение о том, что основой психо-физического дуализма выступает нетождество прямых и обратных связей человеческой психики и, соответственно, сознания, с ИМ, то можно сформулировать ключевой тезис: **энергия интенциональных потоков, преломляясь в психосфере, способна восприниматься человеческим мозгом либо в свободном, либо в связанном виде.**

Что здесь имеется в виду? Человеческая психика устремлена к снятию означенного нетождества ввиду его жестокой травматичности. Смыслогенетические процессы в рамках развивающегося сознания (о которых речь впереди) позволяют человеку ситуативно восстанавливать тождество прямых и обратных связей в тех или иных локальных точках и секторах бытия. При этом энергия интенциональных потоков оказывается привязанной к той или иной физической структуре – вещи, месту, событию и т. п., образуя с ним вместе в человеческом восприятии некую синкретическую *таковость* – комплексную перцепцию-переживание, где ни один элемент не воспринимается вне целого, а целое как форма не растождествима со своим интенционально-энергетическим «наполнением». Такость нерасчленима и переживание её невыразимо адекватно какими-либо языковыми средствами. Это – синкретически целостная психофизическая матрица, являющая ситуационное снятие дуализма прямых и обратных связей с ИМ в той или иной пространственно-временной точке мира эмпирического.

История культуры переполнена свидетельствами присутствия незримых психических сил в тех или иных объектах или пространственных топосах эмпирического

мира. Приведение примеров излишне. Но возникает принципиально важный вопрос: является ли это присутствие объективным, т. е. независимым от человеческого сознания, или последнее тем или иным образом участвует в связывании интенционально-энергийных потоков? Второе представляется более близким к истине. Хотя процессы циркуляции интенциональных потоков и опредмечивание их в любого рода структурах – универсальный процесс во Вселенной, но в системе культуры он всегда осуществляется при сознательном, а чаще бессознательном участии психики человека: как индивидуальной, так и коллективной. Иначе и быть не может, ибо медиация между мирами, протекая для человека в режиме сбитых настроек, осуществляется «на территории» его нейродинамической системы, которая стремится эти настройки восстановить. Ситуационно восстанавливая их в тех или иных локусах и тем самым преодолевая психофизический дуализм, ментальность снимает и дуализм субъективного и объективного: объективность интенционально-энергийного присутствия в эмпирических вещах актуализуется в субъективном переживании человека. Снятие субъект-объектного дуализма здесь выражается ещё и в том, что изменения интенционально-энергийного «наполнения» вещей под действием человека, будучи, по сути, объективными, осознаются только в субъективном измерении культурного сознания.

К примеру, в культуре хорошо известны такие феномены как фетиши, «намоленные» места, вещи, обладающие особым суггестивным потенциалом, и т.п. С одной стороны, сумма косвенных факторов явно указывает на объективность этих свойств, но с другой, проявиться они могут лишь в определённом режиме восприятия, зависящего от ментальных настроек (см. выше. Прибавление). Последние же зависят не только от общей психофизиологической основы, но и главным образом, от особенностей культурного опыта. Так, можно сказать, что кристаллы имеют объективное свойство некоторым образом аккумулировать интенциональные потоки определенных частот и энергийных характеристик. Но восприятие,

переживание и изменение этих объективных свойств гомо хабилисом, верхнепалеолитическим колдуном или средневековым алхимиком – существенно разнятся. Проще всего сказать, что здесь мы имеем дело с субъективным планом выражения объективных свойств. Но это не совсем так. Точнее будет сказать, что эти объективные связи проявляют свою объективность, лишь обнаруживая себя в субъективности культурного сознания, что лишает понятия объективного и субъективного своего изначального смысла.

Дуализм свободного и связанного состояний интенциональных энергий не просто иллюстрируется колоссальным историко-культурным материалом. Этот дуализм лежит в основе самого культурогенеза. И здесь мы отчётливо наблюдаем историческую эволюцию. Если, по общей формуле, некая психическая матрица связывается с физическим носителем, то на ранних этапах культурогенеза связь эта слаба, и её функциональные проявления тяготеют к ситуативности и однозначности. На это с определённой ясностью указывают представления архаических народов.

Вот что пишет В.Г. Богораз-Тан о северных чукчах: «Я не мог найти среди чукотских духов ни одного *собственного имени (курсив мой – А.П.)*, все они были категориями: есть «келе» – духи убийцы, есть духи помощники, духи хозяева, но все духи с маленькой буквы и ни одного духа нет с большой буквы...»²³.

Психосферная медиация по «выравниванию» прямых и обратных связей с ИМ начинается с обнаружения «на территории» культурного сознания проекций ВЭС. Теоретическая рефлексия по её поводу от Платона и Посидония²⁴ до В. Райха²⁵, Юнга и др. охватывает, как уже

---

²³ Цит. по *Шахнович М.И.* Советский историк религии В.Г. Богораз-Тан. К столетию со дня рождения. // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.; 1966. С. 276.

²⁴ Посидоний (ок. 135-51 гг. до н. э.), отчасти под влиянием Филона Александрийского, объединяя стоический пантеизм с идеями Платона о бессмертии души, писал о пронизанности мира божественным духом, создающим симпатию всех вещей. Отсюда объяснение магии, прорицаний, гадания, вещих снов и т.п.

²⁵ «Оргон» у Райха. – энергия, родственная либидозной,

говорилось, широчайший спектр концепций. Однако наиболее интересными и репрезентативными для нас выступают ранние формы культурных «концептов» ВЭС, выраженные в первобытных и постпервобытных представлениях о всепроникающем психо-энергетическом начале, т.е. тем, что я называю несвязанной формой интенциональных энергий. В наиболее архаичных интуициях ПМ протекает наиболее непосредственным образом, с минимальным участием опосредующих инструментов и фильтров культуры.

Вот что пишут Э. Дюркейм и М. Мосс: «В этой таинственной среде всё происходит не так, как в обычном чувственно-воспринимаемом мире. Расстояние не становится помехой для взаимодействия (*Как тут не вспомнить феномен квантовой нелокальности – А.П.*). Образы и пожелания немедленно воплощаются в жизнь, ... всё в нём не материально и всё может стать духом. Несмотря на безграничность сил этого трансцендентальность мира, вещи там всё равно подчиняются законам, то есть необходимым по своему характеру отношениям между вещами, отношениями между словами и знаками и предметами, которые они представляют; это общие законы симпатии и законы свойств, которые возможно свести в систему посредством классификаций...»²⁶.

Для обозначения первичного концепта ВЭС в раннем культурном сознании можно ввести термин *всеобщая психическая субстанция* (ВПС). Чем архаичнее культура, тем слабее вычленяются из ВПС отдельные и психические матрицы, тем слабее их связанность с реалиями эмпирического мира, а образность, выражающая эту связанность, размыта и не конкретна. Поэтому безличность ВПС на ранних стадиях её концептуализации – явление

связывающая все объекты живой и неживой материи. *Reich W.* Dowsing as an object of organic research// *Orgone Energy Bull.* 1946. № 3.

²⁶ Дюркейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 74.

универсальное. Эта безличность, тем не менее, предполагает наличие *principium volens* – обладающего волей разумного начала.

Говоря о безличности ВПС, к ссылке 68 можно добавить и другие свидетельства. Так, Кассирер приводит выдержку из исследования Релеем грамматики языка племени шамбала: «Они говорят о Боге как о безличностном, имманентном всему творению духе. Мулунгу живёт в лесах, на отдельных деревьях, в скалах, в пещерах, в диких животных (львах, змеях, кошках), в птицах, саранче и т. д. Для такого мулунгу, чего-то совершенно безличностного, в классе I (классе личностей) нет места»²⁷. А вот высказывание Хезеруика: «В использовании туземцами и в форме слова (*Mulungu*) не предполагается личность, ибо оно не относится к классу личных имён... Его форма указывает скорее на присущее чему-то состояние или свойство, подобно тому как жизнь или здоровье присущи телу»²⁸.

Эти свидетельства интересны не только тем, что заставляют существенно корректировать традиционно сложившиеся представления об анимизме как стадиальной форме религиозного сознания – таковая сейчас просто отрицается как этнографами, так и религиоведами. Здесь важно, что связанность ВПС с отдельными реалиями физического мира понимается как в той или иной степени *ситуативное свойство*, а не как онтологический атрибут. Это, в свою очередь, указывает на рыхлость, «несформированность», едва намечающуюся выделенность соответствующих психических матриц, неустойчивость их интенционально-энергийного «качества» и, как следствие, – подвижность, слабую связанность с означенными физическими реалиями. Лишь по мере расширения пространства культуры и установления новообразуемых каналов ПМ (благодаря которому это расширение и происходит!) связанность «окрепших» психических матриц с физическими реалиями порождают персонифицированную

---

²⁷ Цит. по Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб, 2000. С. 367.

²⁸ Там же. С. 387.

мифо-магическую образность. На смену безличным приходят персонифицированные духи. И происходит это ещё до когнитивной революции неолита.

Так, Богораз-Тан (см. ссылку 68) замечает, что на более поздней стадии развития родового общества у чукчей появляются персонифицированные духи, и их имена становятся известны шаманам.

Поэтому вполне закономерным является то, что концептуализация мира психосферных явлений начинается не с пресловутого «одушевления» всего вокруг (фетишизм – особая тема), а с полубессознательного обнаружения относительно свободных и всепроникающих интенционально-энергетических потоков и переживания их как ВПС. Как концепт относительно свободной психической энергии, ВПС имеет множество названий. Одно из самых известных – меланезийская *мана*: слово, ставшее чуть ли не нормативным термином.

«Мана – не просто некая сила или сущность, но также «и действие, и свойств, и состояние», т. е. и сущностное прилагательное, и глагол. Это соединение целой серии понятий, которые в нашем языке встречаются отдельно, хотя между ними есть родственная связь. ...Здесь смешиваются представления о деятеле, обряде и вещи – это смешение нам кажется фундаментальным в магии. ...Тёмное и неясное, это представление всё же используется до странности определёнno. Абстрактное и общее, оно тем не менее совершенно конкретно» и «включает ряд неустойчивых представлений, накладывающихся друг на друга. ...Нечто может обладать свойством манны, но мана – это не сама вещь. Её описывают как силу и тяжесть, теплоту, странность, сопротивляемость, неустранимость, неординарность»²⁹.

«Мана – это не обязательно сила духа, но также камня, способствующего росту таро, травы, заставляющей идти дождь. Это сила мага, сила обряда. Поскольку маг и обряд имеют ману, они могут воздействовать на духов, имеющих ману. Различные виды маны – одна и та же «неустойчивая сила», распределённая между людьми,

---

²⁹ Там же... С. 195-196.

духами, предметами, событиями и т.д. «Это сила *rag excellence*, истинная эффективность вещей, дополняющая, а не уничтожающая способность вещей к чисто механическому взаимодействию»³⁰. Это «нечто, накладывающееся поверх вещи». «Это добавка – невидимая, чудесная, нематериальная, одним словом, дух, в котором заключена всякая способность к действию и движению, и жизнь вообще»³¹.

Благодаря манне крепко стоит дом, лодка устойчива на воде, в поле – это плодородие, в снадобье – исцеляющая или убивающая сила, в стреле – то, что убивает и т.д. (*См. выше о субъективном проявлении объективных свойств и синкретизме переживания таковостей.* – А.П.).

Мана – естественная и сверхъестественная одновременно, она разлита во всём чувственно воспринимаемом мире, по отношению к которому гетерогенна и вместе с тем имманентна. Мана является прежде всего действием – «нематериальным взаимодействием на расстоянии между объектами, объединёнными симпатической связью». Это своего рода эфир, невесомый, всепроникающий, распространяющийся сам по себе. Это также – среда, точнее, мана действует в среде, обладающей маной. В этой среде мана мага – мана обряда – мана тиндало приводят в движение другие маны. Всё «происходит как бы в замкнутом круге, где всё есть мана и который... сам должен быть маной»³².

Далее Г. Мосс приводит аналоги идеи маны у других народов. «Кроме Меланезии идея маны есть и у других народов. У малайцев в районе Проливов – *kramat* (*hgm* – священный, слово арабского происхождения). Во французском Индокитае, у Ба-хнаров – *deng* (ведьма обладает *deng* и совершает *deng* над предметами). На Мадагаскаре – *hasina*. У аборигенов аранда – «арунгильта». В Сев. Америке у гурунов (ирокезов) – оренда. Всё наделено орендой – боги, духи, люди, животные; причина грозы – оренда духов этой стихии. Удачливые охотники и ловкие

---

³⁰ Там же...

³¹ Там же... С. 197.

³² Там же... С. 198.

звери имеют сильную оренду. Оренду можно отделить от вещи и управлять её движением (дух грозы придаёт своей оренде вид облаков). Оренда – это издаваемые звуки (животные кричат, трава шелестит, ветер шумит – так они выражают свою оренду). Голос человека, произносящего заклинание, – тоже оренда. Орендой именуют магические формулы. Изначальный смысл слова – «молитва», «песня»³³ – сила шамана. Пророк – человек, который может отделить или излить свою оренду. Всё, что используется в магии, – наделено орендой и действует с её помощью, а не в силу физических свойств. Она даёт силу амулетам, заклинаниям, лекарствам. Вся магия – это оренда. Особенно – при наведении порчи³⁴ действует сообразно классификациям. Цикада «вызревает» кукурузу, т.е. поёт в жаркие дни – её оренда способствует жаре – росту кукурузы. Для ирокезов причина – это по преимуществу голос. Именно оренда связывает различные явления и кланы. Клан с тотемом цикады имеет силу вызывать рост маиса. У племени алгонкинов, особенно у оджибвеев, понятие «маниту» – мана. Если яд змеи не убивает, колдун говорит, что маниту покинул этот зуб³⁵. Термины *manoga*, *xube* (у омаха), *муни* у кайова *wakan* у дакота, *rokunt* у шошонов = мана. Нуаль (Мексика, Центр Америка) – тотем, колдун тоже нуаль – вернее, его способность к метаморфозам. Точное значение – «тайное знание», то, что скрыто, спрятано, представлено в ином свете. В Австралии тоже встречается, но относится прежде всего к чёрной магии: здесь ману называют буля (boolya), кучи (Kooschie), аругкилта у фрунта – злая сила.

У палеазиатских народов В.И. Иохельсон наблюдал, что слово *ron* в одульском языке «выражает нечто неизвестное», силу, присущую всей Вселенной природе в целом: энергичность, к которой восходит всё, в том числе и мир вещей, имущество и т. д. – *ronpe*³⁶ Не менее яркие примеры архаических представлений о ВПС даёт и Леви-

³³ Там же... С. 199.

³⁴ Там же... С. 200.

³⁵ Там же... С. 201

³⁶ *Иохельсон В.И.* Одульский (юкагирский язык) // Языки и письменность народов Севера. М.; Л. 1934ю Ч. 3. С. 177.

Брюль³⁷.

Далее Э. Дюркгейм и Г. Мосс пишут, о том, что в Индии аналогом манну выступает Брахман. Молитва, заговор, обряд, голос определяют магическую силу обряда. Жрецы – брахманы обладают брахманом, совершают действия с помощью брахмана. В некоторых текстах это субстанция, «сердце вещей». Впоследствии это понятие стали путать с богом Брахмой; брахман как часть ритуала исчезает, остаётся лишь метафизический брахман, активная имманентная основа мира, истинная реальность, всё остальное иллюзия. Тот, кто мистически способен переноситься в лоно Брахмана (йога-единение), становится йогином. В Индии сохранилась мистическая основа понятия, в Греции – его научный каркас. Фюсис – первооснова, дюнамис – в основе астрологии, физики, магии. Взаимосвязаны, фюсис – безличная, материальная душа, «бессознательный разум вещей». В Ассирии – аналогом маны выступает *манит*. В Китае – *ци*³⁸.

Простим этнографам старой школы ту лёгкость, с которой они смешивают материал архаических народов и древних цивилизаций. Впрочем, здесь возникает повод для важного замечания. Холистические концепты ВПС, возникшие ок. I тыс. до н.э. не только не являются прямым коррелятом архаических представлений о ВПС типа маны, но более того, выступают продуктом вторичного синтеза элементов распавшегося в результате системного кризиса мифоритуальной системы палеосинкретизма. Если ритуально-магические практики ранних цивилизаций ещё сохраняют опосредованную преемственность с архаикой, то «Единое» в духовных учениях I тыс. до н.э. – это результат «искусственной» сборки духовного Абсолюта с той или иной мерой участия пропозиционального мышления³⁹.

Перечисление имён ВПС на основании этнографических и культурно-исторических наблюдений можно было бы продолжать бесконечно. Вообще, вряд ли

---

³⁷ *Леви-Брюль Л.* Указ. С. 85, 110, 113.

³⁸ Там же... С. 198-203.

³⁹ *Пелипенко А.А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М., 2007.

найдётся народ, в той или иной форме сохраняющий наследие архаики, которому идея ВПС была бы вовсе незнакома.

А теперь мы выходим на сложнейшую тему о режимах преобразования ВПС культурным сознанием и связанных с ним ментальными и культурногенетическими процессами.

К примеру, у всех архаических народов в том или ином виде сохранилось мифологическое оформление идеи первичного разделения психического и физического начал, причем последнее, оставаясь глубоко синкретичным, включает в себя как вещь, так и место или событие. Так у аранта (Австралия) психическая энергия тотема, сконцентрированная в тотемном центре, называется *knanja*.

Когда тотемистическое качество отделяется от своего сосредоточия, оно принимает вид духа, не имеющего персонифицированного облика и называемого *kuruna*. Сюжетно это оформляется в истории о том, как предки, уйдя под землю, оставили после себя вещественные свидетельства своего пребывания: дерево, камень или иные предметы. Такой предмет представляет собой эмпирическое воплощение *knanja*, его физический модус, называемый *tjurunga* («чу-ринга»)⁴⁰.

Здесь коренится культурно-психологическое основание раздвоения сущности вещей: на физическую и психическую⁴¹.

Прокомментирую типичный пассаж модернизаторски мыслящего автора, который, однако, сам того не замечая, схватывает чрезвычайно важное явление. «Начало фантастического отражения бессилия человека в его голове до возникновения и укрепления абстрактного мышления мы усматриваем в фетишизации явлений, когда

---

⁴⁰ *Strehlow C.* Die Aranda- und Loritja- Stämme in Zentral-Australien // Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völkermuseum. Frankfurt am Main. 1907-1920. V. 1-5.

⁴¹ О том, насколько живучи эти основания у современных первобытных и постархаических народов, см., напр. Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. и др. этнографическую литературу.

нет еще представлений о духах, отдельных от природы, но есть наделение самих вещей сверхъестественными свойствами, резко противоречащими их действительным качествам... Древнейший вид сверхъестественного заключается в представлении о «сверхчувственных» (Маркс) свойствах вещей. На этом этапе развития бытия и мышления общественного человека не может еще быть представлений о «духе» предмета, «идее» явления, стоящих за этими предметами, явлениями»⁴².

Можно было бы остановиться на вопиющей неадекватности экстраполяции таких понятий как «фантастическое», «сверхъестественное» или «действительные качества» на ранние формы мышления, а главное, на обусловленности их содержания исторически ограниченной системой рационалистически-позитивистских представлений XIX в. В каждую эпоху именно те наборы смыслов, которые отслаиваются от бесконечного смыслового потенциала вещи, полагаются её действительными качествами. И сообразно с этим проводится (как правило, бессознательно) граница между чувственным и сверхчувственным и т.п. Впрочем, для первобытного мышления такой границы не существовало вовсе: то, что рационалистическое сознание называет фантастическим и сверхчувственным, для первобытного мышления и есть действительное свойство вещи (см. выше). Но не это здесь самое примечательное. Важно, что на самых ранних ступенях культуры психика, не способная к выраженной надситуативной активности, ещё не может

---

⁴² Я позволяю себе такую оценку авторского видения, ибо приводимое им утверждение о неразвитости надситуативной активности в раннекультурном сознании выбивает почву из-под универсально распространённых у таких авторов убеждений в правоте трудовой теории. Ведь получается, что первобытный человек, не будучи в состоянии абстрагировать идею духа вещи от самой вещи, при этом запросто выстраивал гораздо более сложные абстрактные схемы и когнитивные цепи, необходимые для выполнения тех трудовых операций, которые им ничтоже сумняшеся вменяют трудовики.

Францев Ю. Фетишизм и проблема происхождения религии. М., 1940. с. 126.

абстрагировать психическую матрицу вещи от её физической оболочки в её здесь-и-теперешней чувственно воспринимаемой и переживаемой модальности. Т.е. дуализм физической формы и психической матрицы вещи (грубо говоря, оболочки и начинки) лишь едва намечается. Но уже само их нетождество есть признак «испорченности» патологичности раннего человеческого сознания по отношению к психике животного, где нет даже и такого различия. Последнее становится возможно лишь в контексте смыслогентической самонастройки, автотерапии раннекультурного сознания, вынужденного отвечать на вызовы психофизиологических дисфункций. И степень зазора между означенными модальностями, которая наблюдается у наиболее близких к позднему палеолиту современных первобытных народов, это уже своего рода декаданс, закат, предельно выраженная величина по сравнению с эпохой прото- и палеокультуры. И потому, как уже говорилось, сам психический субстрат первобытного человека, не говоря уже о его эволюционных предках, был рыхлым, неустоявшимся, неоформленным и непрочно локализованным в физическом теле. Становление индивидуальной самости по мере развития индивидуальных психических и культурно поведенческих особенностей может выступать индикатором процесса кристаллизации, «затвердевания» и онтологизации той психической субстанции, которая впоследствии стала пониматься как душа.

Можно предложить самую общую схему становления взаимоотношений концептуализующего разума с исторически меняющимися структурами психосферы (об «историчности» ИМ так такового говорить не приходится). По мере того, как усиление левополушарной когнитивности постепенно поднимает в своём значении причинно-следственные связи, «вытягивает» их из не иерархизованного континуума различного рода связей, ВПС дискретизуется на всё более плотные и автономные психические субстраты – суть сгустки волящей (неудачно) энергии, обладающей определёнными свойствами. Свойства же эти со временем оказываются все более специализированными и

привязанными к тем или иным вещам – физическим оболочкам-носителям. Так всепроникающая и «распылённая» в физическом пространстве ВПС, легко перетекающая от вещи к вещи и почти спонтанно в них дрейфующая, сменяется суммой относительно дискретных психических субстратов, более устойчиво закреплённых за вещами. При этом развитие причинно-следственного мышления, обнаруживающего в вещах разумно-волевое начало, и динамика дискретизации «уплотнения» психических субстратов связаны не каузально, а когерентно: ни о каких первично-вторичных отношениях здесь говорить нельзя.

Примечательно, что дискретизация ВПС и обособление отдельных психических субстратов не отменяет существования её (ВСП) существования, но всего лишь отодвигает её концепт с переднего края осознания; простое механистическое представление о дроблении целого на части здесь не применимо (у разных народов это отодвигание выражено в разной степени, но к верхнему палеолиту оно так или иначе произошло у всех). Разумеется, дискретизация ВСП могла осуществляться лишь постольку, поскольку палеомышление было способно воспринимать и осмысливать дискретность феноменов мира физического⁴³. Поэтому «...на уровне древнего *Homo sapiens* невозможно никакое мышление без признания разумной верховной волевой силы или множественных сил (*курсив мой – А.П.*), независимых от человека, – либо дискретных божеств, «душ» отдельных феноменов, либо одушевлённости вещественного мира вообще⁴⁴» Остаётся напомнить, что неадекватность термина «анимизм» и самого понятия «душа» применительно к архаике (не говоря уже о более ранних временах) обусловлены не тем, что первобытный человек не поднялся до этической метафизики души в

---

⁴³ Отсюда психическая возможность фиксации сознания на «мгновенном боге» (по Г. Узенеру). Здесь слово *бог*, ввиду очевидной модернизации. Следовало бы поместить в дополнительные кавычки.

⁴⁴ Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., URSS. 2008. С. 64.

монотеизме и картезианских высот взаимоотношения материи и духа и философской концептуализации последнего. Дело в том, что в архаике рыхлые и слабо специализированные психические субстраты действительно ещё не соответствовали тому, что впоследствии было осознано как *душа* – применительно к достигнутому определённому уровню автономности индивидууму - и *дух* – применительно к мощным психо-энергетическим образованиям (эгрегорам), соответствующим развитым подсистемам культуры на более зрелых этапах её развития.

Однако тема развития исторической корреляции агентов психо-физической связи даже при самом беглом её рассмотрении выходит не только за пределы этой главы, но и за пределы всей книги, хотя ее отдельные мотивы, так или иначе, рассматривать придется. Более подробное её изложение будет предпринято во второй части исследования, посвященного мифоритуальной системе.

Сейчас же необходимо высказать хотя бы самое общее отношение к сверхважному вопросу: состоят ли имплицативный и эмпирический миры в отношениях взаимной корреспонденции, и если состоят, то каковы механизмы этой корреспонденции для АС? Этот вопрос можно сформулировать иначе: изменяется ли «запредельный» мир исторически и если меняется, то как?

Самый общий ответ – да, меняется. Мир психосферной распаковки паттернов ИМА не представляет собой нечто метафизически статичное. В нём появляются пакеты, подпакеты и паттерны, вызванные к потенциальному существованию интенциональными импульсами, исходящими от человека или социального коллектива (напомню, что о простой каузальной связи здесь говорить не приходится). Примером своеобразной коэволюции имплицативного и эмпирического миров может служить историческая динамика развития психического субстрата (частного случая психической матрицы, соответствующего отдельному человеческому индивидууму), нашедшая отражение в изменении комплексов мифологических и религиозных представлений. При всей многофакторности процесса этой коэволюции

можно с уверенностью говорить о прямой зависимости между плотностью, устойчивостью и количественными характеристиками энергийного потенциала психического субстрата (в общем случае – матрицы) и степенью психической автономности индивидуума, т.е. выраженности его самости. Последняя, подчеркну, не является простой ментальной характеристикой и, тем более, субъективным свойством человеческого характера. Она – атрибут всей ментальной конфигурации человека как исторического субъекта. Развитие, наращивание самости во всех её проявлениях – показатель уплотнения и увеличения энергийного потенциала психической матрицы. Только достигшая определённого уровня уплотнения и структурно-содержательной автономности психическая матрица способна определиться в ИМ в виде самостоятельного куста пакетов и подпакетов потенциальных осуществлений. Тем самым она определяет своё «инобытие» в эмпирическом мире в качестве чётко индивидуализированного и специализированного психического субстрата конкретного единичного индивидуума. Когда такой уровень достигается, в культуре появляются представления об индивидуальной *душе*. Пока же этот уровень не достигнут, индивидуальные психические матрицы ещё недостаточно индивидуализированы. Они не имеют выраженной «оболочки» и открыты пронизывающим их интенциональным потокам; изначально природным, а в зрелой и поздней первобытности (начиная с верхнего палеолита) – и природно-культурным. Поэтому психические субстраты раннего человека рыхлы, не специализированы, неустойчивы, и связь этих ранних психических субстанций с телом легко нарушается, что нашло своё отражение в соответствующих магико-мифологических представлениях и магических практиках⁴⁵.

---

⁴⁵ См. многочисленные свидетельства этнографов о мифологии множественности душ у современных первобытных народов. В частности, *Леви-Брюль Л.* Указ. С. 68-69 и далее. В этом же ряду – архаические и фольклорные представления о слабой и ненадёжной связанности души с телом (хотя здесь-то как раз слово душа и представляет собой модернизацию). Идеи о раздельном

В целом же, проявление психо-физического дуализма в форме отдельного существования физического тела и психического субстрата (и связанного с ним феномена внетелесного опыта) – одна из сквозных экзистенциальных тем *во всех без исключения культурах* – от самых архаичных до самых современных. И даже самые упёртые материалисты, кажется, понимают, что тут не удастся отделаться разговорами об аутоскопических галлюцинациях, шизофренической раздвоении личности и подобных им психических патологиях. Волей неволей приходится искать более серьёзные объяснения.

Так, Г. Хант феномен внетелесного опыта, как, впрочем, и вообще психическую возможность абстрагироваться от своего внешнего образа, выводит из способности человеческой психики к синестезии – переводу любого рода сенсорных данных в зрительную модальность⁴⁶. Авторы, чьи взгляды в той или иной форме и степени

существовании души и тела подчас весьма неожиданно проскальзывают у авторов, отнюдь не склонных к мистицизму или экзотике, но глубоко погружённых в контекст архаических культур: например, у Дж. Экклза. См. *Крик Ф., Кох К.* Проблема сознания // В мире науки. № 11-12. 1992. С. 113. Концепция Экклза о том, что сфера сознания существует отдельно и независимо от материального мира и взаимодействует с определёнными зонами мозга напрямую переключается с идеями Прибрама и Бома о том, что мозг функционирует в холономной сфере (см. выше). *Popper C., Eccles J. The Self and Its Brain.* N-Y. 1978. Впрочем, к идее о несводимости психических проявлений к функциям клеточных структур мозга пришли и отечественные учёные, в частности Н.П. Бехтерева.

Не стану домысливать за нобелевского лауреата Дж. Экклза, но отмечу, что если для современного рационалистического сознания наличный дуализм души и тела представляется экзотикой, то для мышления архаического – это априорная и непреложная данность. К примеру, по наблюдениям этнографов рубежа XIX – XX вв., чукчи живут как бы вне индивидуального тела, коллективно партиципируя (в Леви-Брюлевском понимании) к любой части мира. То же самое наблюдается, в том или ином виде, и у любого другого архаического народа.

⁴⁶ Хант Г. О природе сознания с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М., АСТ.

перекликаются с мистической (в серьёзном понимании) традицией, рассуждают смелее. Так, А. Минделл полагает, что «двойник» – это не психологическая проекция, а подлинная сущность человека, пребывающая в более широкой реальности, чем наша «реальность консенсуса». Более того, по Минделлу, возможны практические методы контакта с двойником⁴⁷.

Достоинства и недостатки такого положения дел – отдельная тема. В любом случае становится очевидным, что психическая субстанция (матрица) человека также подвержена исторической динамике, что и даёт, в частности, повод проникательным этнографам протестовать против применения к архаике понятия «душа».

Чем плотнее, выразеннее и устойчивее психический субстрат индивидуума, чем больше число разнообразных интенционально-энергетических потоков он в себе фокусирует, тем выше уровень человеческой самости. Тем сильнее, соответственно, проявляется стремление предохранить психический субстрат, своё запредельное Я от разрушающего воздействия времени, от распыла в интенционально-энергетическом поле психосферы, от смерти и небытия. Именно эта, совершенно незнакомая животным, задача становится фундаментальной экзистенциальной проблемой человека (показательно, что архаический человек боится не столько физической смерти, сколько вреда, который может быть причинён его душе, точнее, психическому субстрату). Но, решая свои собственные задачи, человек, сам, быть может, того не желая, работает и на Культуру. как самоорганизующийся системный организм, который, уже свои собственные задачи – наведение собственных медиационных мостов с ИМ.

4.1. Некоторые итоги

Подводя промежуточные итоги, остановлюсь на наиболее значимых моментах.

Говоря об универсальном характере медиационных

2004

⁴⁷ Минделл А. Ученик создателя сновидений. Сновидение в бодрствовании. Сила безмолвия. М. АСТ. 2003.

процессов вообще, обратимся к излюбленной синергетиками теме поисков свободной энергии для преодоления энтропии, что выражается в стремлении систем к открытости. Эта открытость и создаёт возможность медиации на уровне глубинных интенционально-энергетических потоков. Наша модель, будучи вполне в этом вопросе совместимой с синергетической, делает акценты на иных аспектах вопроса.

На самом абстрактном уровне потребность человека в медиации с ИМ диктуется универсальной интегративной (центростремительной) силой (см. гл. 1), охватывающей всё сущее во Вселенной и стремящейся актуализовать ВЭС. На уровне сопряжения природы и АС эта сила принимает вид экзистенциальной устремлённости человека к возврату в состояние, предшествовавшее болезненному выпадению из природы и достижению не-дуального состояния ментальности. А это, в свою очередь, обеспечило бы более высокий уровень интегрированности человеческой экзистенции с универсумом. Установка на возврат в мир всеобщей когеренции и преодоление, таким образом, травмы культурогенеза – антропологическая константа человеческого существования в культуре. Она не нуждается в каких-либо дополнительных обоснованиях изнутри тех или иных частных культурно-исторических ситуаций.

К развитию и обоснованию этого ключевого положения мы будем возвращаться неоднократно. Сейчас же важно отметить, что медиация с ИМ и разворачивание психосферы в ходе этой медиации – *это первейшая и главная задача Культуры как развивающегося системного образования*. Именно на эту задачу, а вовсе не на дублирование или замену природных программ жизнеобеспечения, нацелены уже самые ранние протокультурные практики нижнего палеолита. Вернее, *замещение животного поведения культурными практиками – есть внешнее выражение замещения природной инстинктивности новообразуемыми медиативными связями становящейся человеческой ментальности с миром свёрнутого порядка*.

Медиация – универсальный процесс актуализации глубинной соприродности между онтологически

обособленными феноменами, т.е. реализация интенции к холономному, интегрированному бытию. Психосфера – пространство, в котором проявляются любые доступные человеческому восприятию интенции. Поэтому психосфера играет роль связующего контура, посредника между любого рода обособленными системными образованиями как на микро-, так и на макрокосмическом уровне. И проявляется она если не в субъектной, то, по меньшей мере, в автономно-направленной интенциональности отдельных элементов и их групп: от электронов до космических тел, и от простейших организмов до биоценозов.

Связывая всю эволюционную пирамиду и прежде всего биосистему с культурой, психосфера выполняет **двойную медиативную функцию**. В силу своей всепроникающей универсальности она, с одной стороны, связывает уровни эмпирической реальности, данной в апперцепции психикой в их каузальной и темпоральной модальностях, с другой же, осуществляет медиацию с миром имплицитивным или, иначе говоря, служит каналом (и возможно, даже формой) протекания процессов имплицации и экспликации между мирами «свёрнутого» и «развёрнутого» порядков. Об этой медиативной функции, главным образом, и шла речь.

В эмпирическом же темпорально-каузальном мире психосфера обнаруживает свою медиативную функцию прежде всего на стыках систем и их подсистемных уровней: там, где между ними в ходе эволюционных процессов и в первую очередь, вертикальных переходов, образовались не то чтобы зазоры – такого в принципе быть не может, но своеобразные зоны напряжения. Самые фундаментальные и никогда до конца не разрешимые проблемы человеческого бытия связаны с такой зоной, возникшей на эволюционном стыке (вертикальном переходе) от биосистемы к АС и в более узком смысле, к культуре.

Но есть и более глубокий уровень медиации. Он заключается в прямом психическом контакте психики с ИМ, ибо человеческий мозг, как было показано Прибрамом и нек. др. исследователями, обладает свойствами принимающего устройства и располагает особыми каналами

такого «выхода».

Когда этологи показывают, что животные с относительно примитивным мозгом способны к сложным когнитивным операциям, объясняя это возможностью достижения одних и тех же когнитивных уровней при разной структуре мозга, то трудно отделаться от подозрения, что мозг не столько производит идеи, сколько улавливает их наподобие антенны или иного принимающего устройства. Как правило, мозг считывает содержание психических матриц ИМ и распаковывает их в форме идей, представлений. Уровень их сложности соответствует уровню сложности и характеру общей организации мозга, а также, разумеется, содержанию культурного опыта. Но в некоторых случаях мозг работает на опережение и считывает более высокие по сложности волны и импульсы ИМ и, соответственно, более сложные содержания психических матриц.

Подчеркну, что подглядывание в мир свёрнутого порядка лишь с большой долей условности можно назвать прямым, ибо оно никогда не проходит без участия культуры: если фильтрацию сигналов «оттуда» можно ещё как-то обусловить чисто нейрофизиологическими функциями, то «расшифровка» этих сигналов невозможна без участия культурного сознания и его кодов.

Увлечённые последователи голографической теории, в понимании Бома–Прибрама, часто высказывают экзотические идеи о том, что человеку-де доступно знание всего обо всём. Что для его восприятия открыты всё тайники информации во Вселенной и т. д. и т. п. Такие явно завиральные фантазии лишь дают козыри многочисленным критикам из традиционалистского лагеря. Человек, в какие бы изменённые режимы психического функционирования он ни входил, может воспринимать лишь то, что проходит сквозь фильтры его видовой психофизиологической конфигурации и культурно заданной ментальной конституции. Не более того. А с точки зрения культуры, не менее важно и то, что реальность когерентного мира человеку дана лишь в кодах, сгенерированных при прохождении этих «сигналов» через психосферу.

Мир свёрнутого порядка, как уже говорилось, простирается не где-то рядом с привычным миром, не за некой мистической гранью: он присутствует везде и во всём. Но обнаружить, ощутить и пережить его наличие человек может лишь тогда, когда исходящие из этого мира интенциональные импульсы и сигналы проходят сквозь психосферу, отфильтровываются в ней и оформляются в кодах, способных быть прочитанными сознательной или подсознательной частью человеческой психики. При этом, чем ближе режимы восприятия к природному психизму, тем в более «чистом» и непосредственном виде раскрываются в этом восприятии содержательные паттерны когерентного мира. И напротив, чем выше уровень опосредующего участия кодирующего сознания, тем больше уровень погружения в каузально-процессуальный континуум.

Каким образом можно описать эти медиационные режимы? Главная проблема здесь заключается в том, что мир свёрнутого порядка, мир потенциально предсуществующих когерентных со-осуществлений не дан нам непосредственно. О нём мы можем судить либо по его прямым эпизодическим вторжениям в сознание, переживаемым, главным образом, в ИСС, либо реконструировать его природу на основе его превращённой, инобытийственной формы – привычного каузально-темпорального мира. При этом логический априоризм никоим образом не подходит в качестве инструмента такой реконструкции, поскольку сам он обязан своим появлением этому самому превращению. Иными словами, адекватное постижение ИМ даётся не в теоретико-дискурсивном рассуждении, а лишь в непосредственном экзистенциальном вчувствовании, погружении и переживании. Поэтому любые теоретические построения на эту тему являются принципиально недоказуемыми и, с точки зрения правил построения теории, могут претендовать лишь на статус гипотезы.

Важно не упускать из виду, что психосфера как сфера медиации между мирами свёрнутого и развёрнутого порядков, имманентна им обоим, и ни одним из них не охватывается полностью. Это, разумеется, усложняет

картину, требуя постоянных оговорок и уточнений. Морфология и функции ИМ раскрываются лишь в том своём модусе, которой обнаруживается в психосфере и затем преобразуются в фигуры теоретического дискурса, организованного далеко не аутентично самому ИМ. Прямых логических предпосылок для построения концепции когерентного мира не может быть в принципе, и потому, материалом построения концепции может служить лишь его образ, преломлённый в психосфере, лишь обобщение пёстрого и разрозненного опыта переживаний и наблюдений его проявлений в разных областях культуры.

Анатолий Луковкин

«Итак, она звалась Татьяной...»

одилась в дворянской семье. Отец – Дмитрий Акимович Апухтин (1768-1838 гг.), помещик, предводитель костромского дворянства. Мать – Марья Павловна Фонвизина (1779-1842 гг.). Дед – Апухтин Иоаким Иванович губернатор Симбирского и Уфимского наместничества в 1783-1784 годах, член суда над Е.И. Пугачевым.

В сентябре 1822 года вышла замуж за М.А. Фонвизина. После ареста мужа приезжает в Санкт-Петербург. Тайно переписывается с мужем. Через некоторое время уезжает в Москву, где 4 февраля 1826 года у нее родился второй сын. В апреле 1826 года Наталия Дмитриевна ещё раз приезжает в Санкт-Петербург. Последовала за мужем в Сибирь. Прибыла в Читу в марте 1828 года. В Чите болела. Вслед за мужем переехала в Петровский завод в 1830 году. В Петровском заводе родила двоих детей, которые умерли в раннем возрасте.

По указу от 8 ноября 1832 года М.А. Фонвизин был отправлен на поселение в Енисейск. Сначала местом их поселения был назначен Нерчинск. Родственники Фонвизиных выхлопотали им разрешение на Енисейск. Фонвизины прибыли в Енисейск 20 марта 1834 года. В Енисейске занималась переводами, шитьем, первой в городе начала выращивать цветы.

3 марта 1835 года Фонвизиным было разрешено переехать в Красноярск. Выехали из Енисейска не ранее декабря 1835 года. Разрешено переехать в Тобольск 30 октября 1837 года, прибыли в Тобольск 6 августа 1838 года. В семье Фонвизиных воспитывались дети жителей Тобольска (Мария Францева, Николай Знаменский и др.).

В 1850 году в Тобольске добилась свидания в тюрьме с Ф.М. Достоевским, М.В. Петрашевским и другими петрашевцами. От Петрашевского узнала, что её сын Дмитрий также принадлежал к кружку петрашевцев. Оказывала петрашевцам помощь.

13 февраля 1853 года Фонвизину было разрешено вернуться на родину, и жить в имении брата Марьино Бронницкого уезда Московской губернии с учреждением строжайшего полицейского надзора и воспрещением въезда в Москву и Петербург.

...Тобольская колония декабристов состояла... из десяти человек, причем половина их была поселенцами, а остальные служили в различных должностях. К первым относились: Семенов С.М., Свистунов П.Н., Анненков П.В., Муравьев А.М. и доктор Вольф, а ко вторым – князь Барятинский, два брата Бобрищевы-Пушкины, Фонвизин и Краснокутский. Прибыли и расселились они с 1836 г. по 1845 г., а покинули Тобольск пятеро: Семенов, князь Барятинский, Муравьев, Вольф и Краснокутский, из-за смерти, а остальные – ввиду ... высочайших повелений или всемилостивейшего манифеста. Что касается их судимостей, то Семенов вовсе не судился верховным судом, а по высочайшему повелению за участие в делах тайного общества был выдержан четыре месяца в крепости и выслан в [дальнюю] Сибирь «для употребления в службу» (без лишения чинов). Свистунов, Анненков и Вольф, отнесенные верховным судом ко 2-му разряду государственных преступников, провели 10 лет на каторге, князь Барятинский (по 1-му разряду) – 13 лет, П.С. Бобрищев-Пушкин, Муравьев и Фонвизин (по 4 разряду) – 10 лет; а Краснокутский и Н.С. Бобрищев-Пушкин (по 8 разряду) были сосланы предварительно в Якутск и Туруханск.

Старейшим из тобольских поселенцев был Михаил Александрович Фонвизин, отставной генерал-майор, который после каторги провел 4 года на поселении в Красноярске. Вполне обеспеченный материально братом, – который высылал ему по 2 000 руб. ассигнациями в год (кроме добавочных сумм на устройство хозяйства), – он жил там вместе с женой, следовавшей за ним в Сибирь.

Фонвизин хорошо устроился в Тобольске: купил себе небольшой дом, и, – хотя и вел жизнь скромную, – имел уже довольно обширные знакомства, благодаря прекрасным качествам характера, а также родству с генерал-губернатором [князем Петром Дмитриевичем Горчаковым]; их с женой жилище по радушию и гостеприимству было местом объединения для всех товарищей-декабристов.

Однако добрейшие и любящие Михаил Александрович и его жена Наталья Дмитриевна этим не довольствовались и посвящали себя оказанию помощи как бедному тобольскому населению, так и другим лицам, сосланным в Сибирь. А поэтому они оба, по свидетельству Дмитриева-Мамонова, оставили в Западной Сибири самую добрую память о себе. В особенности Наталья Дмитриевна – женщина энергичная, увлекающаяся. Она вела деятельную жизнь: с одной стороны – занималась домашним хозяйством и устроила прекрасный сад с оранжерей (где были даже ананасы), с другой – делами общественной благотворительности и воспитания приемышей... Она была замечательно умна, образована, необыкновенно красноречива и духовно (и религиозно) развита. Наталья Дмитриевна много читала, переводила и имела огромную память (помнила даже все сказки, которые в детстве рассказывала ей няня); умела так хорошо, живо и картинно все представлять, что самый простой рассказ, переданный ею, увлекал каждого из слушателей; была проста и весела в обращении, так что никто из присутствующих не чувствовал с нею никакого стеснения. Она была единственной дочерью богатого дворянина Апухтина (женатого на Марии Павловне Фонвизиной), имевшего большие поместья в Костромской губернии. В этих-то костромских [местах] и воспитывалась поэтическая натура его дочери¹.

...Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной

---

¹ Послужила А.С. Пушкину прообразом Татьяны Лариной в его поэме «Евгений Онегин»: Тимирязева В.А. // Пионеры просвещения. – Исторический вестник. – 1896 (июнь), с. 977.

Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей...
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела.
И, часто, целый день одна
Сидела молча у окна.
Задумчивость – ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей...

Когда ей исполнилось 16 лет, то к ней стало свататься много женихов, о которых она и слышать не хотела, решившись посвятить себя Богу и уйти в монастырь. Родители, узнав об этом ее желании – восстали против него и потребовали, чтобы она вышла замуж. Тогда она убежала в монастырь тайком от родителей. Однако, настигшая ее погоня возвратила ее в родительский дом. Здесь она покорилась своей участи, но с оговоркой, что ее не будут принуждать выходить замуж; она дала обещание слезно умолявшей ее матери не уходить в монастырь, пока живы родители.

М.А. Фонвизин

Однажды, приехал к ним в деревню ее двоюродный

дядя, Михаил Александрович Фонвизин, человек в высшей степени добрый, честный, умный и очень образованный. Он знал ее еще с детства и любил всегда как милую девочку; но за время, пока он не видел ее, она успела расцвести и из наивной хорошенькой девочки превратиться в красавицу, полную огня, но с оттенком грустной сосредоточенности. Михаил Александрович, будучи человеком с мягким и нежным сердцем, не устоял и пленился своей племянницей настолько, что привязался к ней страстно.

Она, видя его горячую привязанность к ней, не осталась равнодушной к его чувству, тем более что имела возможность оценить его благородное и бескорыстное сердце (он спас ее отца от разорения). Через несколько месяцев они обвенчались в их родовом имении Давыдове и вскоре переехали жить в Москву...

Там Наталья Дмитриевна должна была посещать свет. Не любя его, она тяготилась им и всячески рвалась душой к своим заветным родным полям, лесам, лугам и просторам. Однако, общение с разнородными людьми в свете выработали в ней качества, которые сформировали из нее женщину умную, глубоко понимающую свои обязанности. Это доказывает эпизод ее встречи на одном из балов с молодым человеком, который когда-то очень увлекал ее своими льстивыми уверениями и, в конце концов, горько разбил ее чистые мечты. На балу он был поражен встречей с женой заслуженного и всеми уважаемого генерала, не наивной уже девочкой, – когда-то и его самого увлекавшей, – а очаровательной женщиной, окруженной толпою поклонников. Его низкая натура проявилась еще раз тем, что он, не задумавшись, стал в число ее поклонников, рассчитывая на прежнюю ее к нему симпатию; но был уничтожен благородным и гордым ее отпором, как низкий ухаживатель за чужой женой...

...Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад...

Но я другому отдана,
Я буду век ему верна...

Однажды один из родственников Натальи Дмитриевны (Молчанов) пришел к ней и сказал: «Наташа, знаешь, ведь ты попала в печать! Подлец Солнцев передал Пушкину твою историю, и он своим поэтическим талантом опозтизировал тебя в своей поэме «Евгений Онегин»!»²

Наталья Дмитриевна до конца жизни сохранила свой твердый решительный характер. Она знала, что ее муж принадлежал к тайному обществу, но не предполагала, однако, что ему грозит скорая опасность...

Когда первые главы поэмы А.С. Пушкина были опубликованы, Михаил Александрович находился уже в крепости...

---

² Францева М.Д. // Воспоминания. – Исторический вестник. – 1888 (май), с. 389-396.

Илья Гири́н

Война, которая изменила страну:

**К столетиядесятилетию
Гражданской войны в США**

этой войне США потеряли больше людей, чем во всех войнах, которая вела страна, включая две мировые. Эта война оставила неизгладимые шрамы в памяти миллионов американцев. Эта война изменила историю не только США, но и всего мира. Это была Гражданская война в США.

Как и подобает такому эпохальному событию, война эта не могла не стать как объектом внимания приверженцев «классового подхода к истории», так и полем деятельности т. н. «альтернативных историков», особенно по части причин и предыстории войны. Первые все свели к освобождению рабов, вторые (здесь особо отличился Александр Бушков¹) рассматривают войну как колониальную агрессию «жадного и коррумпированного» Севера против «белого и пушистого» Юга. В действительности же все было куда сложнее и трагичнее, причин этой войны было много, и все вместе, переплетаясь в клубок, они сделали ее самой жестокой и кровопролитной в истории США.

***

Войну за независимость американских колоний часто называют и считают буржуазной революцией, что верно лишь отчасти. Буржуазной революцией она была

---

¹ Бушков Александр. Неизвестная война. Тайная история США: Роман. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

только для Севера, для Юга же она мало, чем отличалась от войн за независимость латиноамериканских колоний Испании и Португалии, где она свелась к борьбе за власть местных («креольских») латифундистов. В результате появилось государство, состоящее из двух частей: буржуазного, быстро развивающегося Севера и по сути феодального, отсталого Юга. Обе эти части были объединены одним языком, одной религией, одним общим врагом – британской метрополией, но разделены различными экономическими, социальными, психологическими и культурными интересами. Эти различия, на наш взгляд, и стали главными причинами Гражданской войны.

Экономика

В результате победившей буржуазной революции Север переживал мощный экономический подъем: там развивались промышленность и фермерское сельское хозяйство, строились железные дороги и каналы. Естественно, что развивающаяся промышленность Севера нуждалась в защите от более дешевых импортных товаров, защите, которую могли дать только протекционистские тарифы. Экономика Юга, в свою очередь, базировалась на монокультуре хлопка, экспорт которого давал практически все поступления. Власть «Его Величества Хлопка» привела к стагнации всех других отраслей, сколь-нибудь значительной промышленности на Юге, по сути, не было, все товары приходилось или завозить с Севера, или импортировать, поэтому южане выступали за «свободную торговлю», против любых тарифов. «Тарифный конфликт» длился достаточно долго. Уже в 1828 году возник т. н. «нуллификационный кризис», когда Южная Каролина решила аннулировать протекционистские тарифы на своей территории и угрожала сецессией, т. е. выходом из состава США. Тогдашний президент страны Эндрю Джексон заявил, что «Южная Каролина находится на грани мятежа и предательства», что «сказать, что любой штат может по собственной воле выйти из Союза, значит сказать, что Соединенные Штаты не являются государством», и что он не остановится перед применением военной силы для

«приведения Южной Каролины в чувство». Конфликт был тогда улажен, но затем к проблеме тарифов добавился вопрос о том, быть ли рабству на новых территориях, которые США приобретали на Западе. Север не хотел этого по целому ряду причин. Фермеры боялись, что плантаторские хозяйства, основанные на рабовладении, на этих территориях приведут к превращению их в «белых бедняков» – конкурировать с латифундистами, использующими, по сути дармовой рабский труд, фермеры не смогли бы. Промышленная и финансовая буржуазия Севера, в свою очередь, нуждалась в фермерском, а не в плантаторском ведении хозяйства, т. к. именно оно в большой мере способствовало усилению их деловой активности и расширению экономической деятельности. В пятидесятые годы XIX века эти усиливающиеся день ото дня экономические противоречия не могли не привести к очередной, более серьезной, конфронтации, которая усугубилась другими причинами.

Социальные и психологические причины войны

Север и Юг не просто отличались сложившимся укладом жизни – у этого явления были глубокие корни, и связаны они были с методом колонизации. На Севере начали положиться колонии пуритан в Новой Англии – фермерские хозяйства, которые понемногу перешли к другим промыслам, потому что земля не могла прокормить их в достаточной мере. На Юге же фермерские хозяйства создавались английскими дворянами на основе плантационного опыта. Дворяне, как и их латиноамериканские «коллеги», имитировали жизнь метрополии и, как они же, боролись за независимость только ради того, чтобы получить власть, которая должна была принадлежать им «по праву». Именно поэтому на Юге бал правила плантаторская аристократия, подражавшая своим европейским коллегам в стремлении прожигать жизнь и не заниматься никакой «неджентльменской работой», и именно ей, северянами презрительно называемой «бурбонами», подобно латиноамериканским латифундистам и принадлежала власть на Юге.

Всего этого не было на Севере, где в результате

буржуазной революции существовала колоссальная социальная мобильность. Выходцы из низов и нищие иммигранты, фермеры и клерки могли стать и становились мультимиллионерами и политическими деятелями, если имели способности, волю и талант. В этих условиях распространение рабовладения на новые территории вызывало серьезные подозрения у северян, которые справедливо боялись, что «бурбоны» получат власть в федеральном масштабе, и тогда о социальной мобильности на федеральном уровне придется забыть. Это привело к жесточайшим конфликтам в 1850 годах по поводу приема в Союз новых штатов, конфликтам, в которых уже начала литься кровь. Но и это было не все. Для того чтобы превратиться в жестокий братоубийственный конфликт, нужно было еще что-то, и этим «чем-то» стали психологические факторы.

Одним из главных факторов, который замалчивался в силу асексуальности и русской и, тем более, советской, культуры и в силу ханжески-пуританской американской – был фактор сексуальный. Северяне считали, что рабство дает возможность рабовладельцам иметь неограниченный секс с рабынями, что нарушает Божью Заповедь: «Не прелюбодействуй!». Коли так, то рабство ведет к «моральному разложению» и, следовательно, противоречит Божьей Воле. Был и еще один нюанс в психологии северян – расизм, причем расизм, в корне отличающийся, увы, в худшую сторону, от расизма южан. Помните «Хижину дяди Тома»? «Путешествуя по Северу, я заметил, насколько сильны там все эти предрассудки [расовые – ИГ] ... Вы, относитесь к неграм так, будто перед вами жаба или змея. Ну скажите, прав я или нет?», – обращается Сен-Клер к своей кузине северянке Офелии, после того, как он пришла в ужас, увидев, как маленькая Ева «вспорхнула Тому на колени»². Вот этот расизм, столь характерный для «простых людей»: приятно осознавать, что есть кто-то, кто ниже и хуже тебя, – заставлял северян бороться против рабства, ибо оно де-факто ставило «этих обезьян» на уровень «людей»! В самом деле, негритянки кормили грудью белых хозяйских

---

² Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома. М.: Астрель, 2003.

детей: «леди грудью не кормят», – варили, играли с детьми, чего греха таить – спали с белыми мужчинами, дяди Тома были наперсниками белых мальчишек, – словом, как это ни парадоксально звучит, рабство по-своему нивелировало расизм, точнее, придавало ему «человеческое лицо». Возможно, поэтому Жоржи Амаду в своей автобиографической книге «Каботажное плавание» писал о том, что *бразильский расизм не такой отвратительный, как североамериканский*³ (рабство в Бразилии существовало на всей территории этой огромной страны и было отменено в лишь 1888 году).

В свою очередь, южане пытались оправдать существование «специфического института» (*peculiar institution*), как они называли рабство, оно куда человечнее, чем наёмное рабство (*wage slavery*) Севера, тем, что рабы на Юге живут не хуже, а лучше, чем наёмные рабочие Севера, что разглагольствования о нарушении Заповеди: «Не прелюбодействуй!» – вызваны обычной мужской завистью и т. п. И, хотя доля истины в этом была, принимать это за чистую монету, как это сделал Бушков, никаких оснований нет. При всем том, что негры-рабы как **имущество** представляли основную ценность, т. е. к ним надо было относиться так, как хороший хозяин относится к скотине, они, в отличие от рабочих Севера, ни в малейшей степени не зависели от себя. Сегодня дядя Том был как бы членом семьи гуманного Сен-Клера, а завтра его насмерть забил садист Легри. Более того, за исключением небольшой прослойки рабовладельцев, которая не жила за счет плантационного хозяйства: врачей, юристов, брокеров, арматоров и им подобных, – и потому использовала рабов только и исключительно **как прислугу**, все остальные рабовладельцы жили за счет доходов от продукции своих латифундий: хлопка, табака, риса, сахарного тростника. Иными словами, самый гуманный рабовладелец, если он, конечно, в здравом уме, не мог не использовать **любые** средства, чтобы заставить своих рабов трудиться так, чтобы его хозяйство как минимум не было убыточным. И, не взирая на то, что написали и напишут бушковы со

---

³ Амаду Жоржи. Каботажное плавание. М.: «Вагриус», 1999.

товарищи, рабы в основной своей массе не хотели быть рабами, что подтверждает имманентная боязнь восстания, довлевшая над умами южан. Помните, как в самом начале весьма про-южной книги «Унесенные ветром» негр Джимс говорит своим хозяевам: «Пушай меня заберет патруль»⁴?! Вот эти самые патрули были созданы для того, чтобы контролировать действия негров, для которых, по сути, был введен комендантский час, и предотвратить малейшие проявления недовольства. Спрашивается, если рабам было так хорошо, то почему им надо было восставать, даже при условии, что «эти проклятые янки подстрекают наших черномазых»? Ответа на это бушковы не дали, не дают и дать не смогут... Как бы там ни было, но к концу 1850-х социально-психологические факторы привели ситуацию к такому состоянию, когда любое, пусть самое незначительное событие, могло вызвать конфликт, и за событиями дело не стало.

Писательница и фанатик

В 1852 году была издана и немедленно разошлась огромным для того времени тиражом в триста тысяч экземпляров книга писательницы-северянки Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». В мире найдется мало книг, оказавших такое влияние на общественное мнение, как этот сентиментальный мелодраматический роман. И хотя, по всей видимости, слова Линкольна, сказанные писательнице: «Итак, это та маленькая дама, которая вызвала эту большую войну», – апокриф, нельзя не согласиться с американским критиком Уиллом Кауфманом, который полагал, что этот роман «помог заложить основы Гражданской войны». Роман превратил в аболиционистов миллионы северян и внушил им, что рабство – зло, которое необходимо искоренить. Южане пришли в ярость, объявили роман «фальшивкой», но тем и ограничились. Откровенно говоря, будь на Юге писатели, равные Шекспиру или Толстому, и им не удалось бы создать хоть что-то равное этой книге, ибо что могли они противопоставить изображению рабства?

---

⁴ Митчелл М. Унесенные ветром, т. 1. Кишинев, «Литература артистикэ», 1990.

Как и полагается, после такого поворота в общественном мнении не могли не появиться фанатики, которые решили покончить с рабством «вот прямо сейчас». Таким был некто Джон Браун, фанатик-аболиционист. В 1856 году он с бандой единомышленников зверски убил пять поселенцев-сторонников рабства в Канзасе (т. н. «Резня в Потаватоми»), а в 1859 решил поднять восстание рабов в Виргинии, захватив правительственный арсенал в городке Харперс-Ферри. Попытка закончилась провалом, банда Брауна была разбита, один из его сыновей убит в бою, а сам он повешен по приговору суда. И хотя не кто иной, как Авраам Линкольн назвал Брауна «введенным в заблуждение фанатиком», для южан эта авантюра была последней каплей: они представили себе, что случится, если к власти в Вашингтоне придут аболиционисты, и начали готовиться к этому, точнее решили в этом случае выйти из Союза. Случай этот не заставил себя ждать.

Юг вступает на «тропу войны»

6 ноября 1860 года Авраам Линкольн и его Республиканская партия победили на выборах, правда, не получив поддержки ни в одном штате Юга. Еще до вступления Линкольна в должность (4 марта 1861 г.) семь штатов: Южная Каролина, Флорида, Миссисипи, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас – объявили о выходе из Союза (сецессии) и создании нового государства Конфедеративные Штаты Америки (КША), избрав Джефферсона Дэвиса временным президентом; к этим штатам позже присоединились Виргиния, Северная Каролина, Арканзас и Теннесси. Действующий президент США Джеймс Бьюкенен, формально осудив сецессию, тем не менее, не сделал ничего, чтобы сохранить единство страны. При его попустительстве южане захватили практически все арсеналы и форты федеральной армии, находящиеся на Юге, большинство офицеров-южан беспрепятственно перешли на сторону мятежников. К моменту вступления в должность Линкольна федеральное правительство на Юге удерживало лишь Форт-Самтер, расположенный в Южной Каролине. 12 апреля 1861 года конфедераты подвергли форт непрерывной тридцатишестичасовой бомбардировке. 14 апреля 1861 года

гарнизон капитулировал. В ответ Линкольн объявил Южные Штаты «находящимися в состоянии мятежа» и призвал семьдесят тысяч добровольцев. Гражданская война началась. Прав оказался госсекретарь КША Роберт Тумбс, предупреждавший Джефферсона Дэвиса о том, что нападение на Форт-Самтер «лишит нас всех друзей на Севере. Вы всего лишь разворошите осиное гнездо... Тучи ос вылетят из него и истребят нас до смерти. Это фатальная ошибка»⁵.

Война и гибель «добротого старогю Юга»

Один лишь перечень литературы, посвященной описанию военных действий Гражданской войны, составил бы объемистый том, так что мы поведем речь о политических действиях сторон. В принципе Юг был обречен с самого начала и обречен, прежде всего, потому, что цели войны Юга и Севера отличались кардинальным образом: для Юга главным было сохранение независимости, для Севера – восстановление полного контроля над мятежными штатами. Следовательно, для победы южанам надо было либо полностью взять под контроль Север, либо, на худой конец, довести его до такого состояния, чтобы он отказался от военных действий. Это для Юга, отсталого, уступающему Северу по населению (девять миллионов, включая три миллиона рабов, против двадцати двух миллионов северян), лишенному промышленности и достаточной инфраструктуры, было невыполнимой задачей, если, конечно, не суметь привлечь мощных союзников. Южане надеялись на помощь Великобритании и Франции, полагаясь особенно на первую, ради чего они первым делом совершили даже не ошибку, не преступление, но акт, который иначе, как «идиотизмом в квадрате» назвать нельзя. Еще до начала северной блокады КША ввели запрет на экспорт хлопка, полагая, что, оставшись без сырья для текстильной промышленности (80 процентов используемого хлопка поступал с Юга), Англия обязательно вмешается на их стороне. Ожидания южан не оправдались: действительно, английская текстильная промышленность оказалась в

---

⁵ Цитируется по: Ward, Geoffrey C., Ric Burns and Ken Burns,

тяжелейшем кризисе: половина рабочих-текстильщиков была уволена, северные графства потрясли забастовки и голодные бунты, – но британские предприниматели очень скоро оправились от шока и начали импорт хлопка из Египта и Индии, где он выращивался с незапамятных времен. Юг же остался без каких-либо доходов, что заставило КША выпускать огромное количество необеспеченных бумажных денег, что привело к гиперинфляции (в золотом эквиваленте один конфедератский доллар равнялся одному центу, а один северный – пятидесяти; к концу войны цены в КША возросли на 4 000(!!!) %, а в США – только на 60 %). В конечном счете, Великобритания в войну так и не вступила, а Франция, увязнув в мексиканской аванюре Наполеона III, этого сделать не могла физически. Кроме того, Россия, стремящаяся взять реванш за поражение в Крымской войне, недвусмысленно выступила на стороне Севера против Великобритании и Франции, заявив о готовности вступить в войну, если бы последняя вздумала бы вмешаться. Император Александр II направил в Сан-Франциско и Нью-Йорк эскадры, командиры которых имели подробные Высочайшие инструкции на случай войны с Англией. Юг остался один, не признанный ни одной из стран мира, включая рабовладельческую Бразилию. На Севере же в 1862 году произошли два события, которые, в конечном счете, переломили и ход войны, и мировое общественное мнение. Первым – было принятие т. н. «Гомстед Акта» (*Homestead Act*), по которому любой человек, являющийся главой семьи, который прибыл в страну в возрасте не моложе 21 года и является гражданином Соединенных Штатов или заполнил декларацию-заявление о своем намерении стать таковым согласно законам США о натурализации, и который никогда не поднимал оружия против правительства США и не оказывал помощи его врагам, с 1 января 1863 года получает право вступить во владение не находящимся в чьем-либо владении участком общественной земли площадью не более одной четверти секции [65 гектаров – ИГ]⁶. Поселенец, приступивший к обработке земли и

---

⁶ Цитируется по: Our Documents – Homestead Act (1862).

начавший возводить на ней строения, получал бесплатно право собственности на эту землю по истечении пяти лет. «Гомстед Акт» раз и навсегда решил вопрос о том, каким быть сельскому хозяйству на новых территориях, в пользу фермеров и промышленной буржуазии, дав миллионам северян цель, за которую можно и нужно сражаться – **свой кусок земли**. Вторым – издание Линкольном «Прокламации об освобождении рабов», по которой все рабы, находящиеся на территориях, входящих в КША, или во владении лиц, участвующих в мятеже против Соединенных Штатов или оказывающие помощь участникам мятежа⁷, с 1 января 1863 года становились свободными. С этого момента мир стал воспринимать действия Севера как войну против рабства со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями для Юга, чья судьба была фактически решена, хотя война продолжалась еще долгих два года, до 9 апреля 1865 года. 15 апреля 1865 года Линкольн был убит. Юг был razoren дотла, и его хозяйству был нанесен колоссальный урон, от которого оно долго не могло оправиться.

Всего в войне погибло около одного миллиона человек (около 3 % всего населения страны), из них шестьсот двадцать тысяч военнослужащих (две трети из них умерли от болезней)...

Итоги войны

Гражданская война дала колоссальный толчок к развитию народного хозяйства США. Уже к концу XIX века страна стала одной из наиболее развитых стран мира. В конечном счете, выиграл и Юг. Крах рабовладельческой олигархии и плантационного хозяйства создали условия для его индустриализации. После изобретения ДДТ и бытовых кондиционеров воздуха, избавивших Юг от двух его страшных бичей: малярии и нестерпимой жары, – штаты бывшей конфедерации стали Меккой сначала для бизнесов Севера, которые стремились избежать более высокой

<http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=31>.

⁷ Цитируется по: Silvana R. Siddali, *From Property to Person: Slavery and the Confiscation Acts, 1861-1862*, Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2005.

стоимости труда, а позже и для транснациональных корпораций. Сегодня Юг ассоциируется не с дядей Томом и «Его Величеством Хлопком», а с компаниями хай-тека, автозаводами «Даймлер» и «Ниссан», «Волво» и «Субару», предприятиями радиоэлектроники и авиапромышленности. И хотя Бушков и иже с ним пытаются доказать обратное, Конфедеративные Штаты Америки ждала бы судьба их южных соседей: власть олигархов-латифундистов, отсталость, постепенное скатывание в «третий мир». Прав, тысячу раз был прав Виктор Гюго, когда в своей книге «Девяносто третий год» писал, что «катастрофы имеют странное свойство – делать на свой зловещий лад добро»⁸.

***

Постскрипtum. «А как это для евреев?»

Американские евреи участвовали в войне на стороне и Севера, и Юга. В федеральной армии служили семь тысяч евреев, но именно северяне продемонстрировали воинствующий антисемитизм: генерал Грант издал приказ, изгоняющий *евреев как класс* со всех занятых им территорий – приказ, правда, был отменен Линкольном. В общем же, огромное количество северных аболиционистов, как и офицеров и генералов, были воинствующими антисемитами, разделявшими все предрассудки против «этой расы». В КША ситуация была лучше. В армии конфедератов служили три тысячи евреев, практически все еврейское мужское население КША. Генерал Роберт Ли известен своими теплыми высказываниями о еврейских солдатах и офицерах, сражавшихся за Юг. Самым же известным евреем-конфедератом был Джуда Бенджамин (1811-1884), назначенный сначала генеральным прокурором, потом военным министром и, наконец, госсекретарем Конфедерации. После поражения Юга Бенджамину удалось бежать в Англию⁹, где он стал успешным юристом,

---

⁸ Гюго Виктор. Девяносто третий год: Роман – М.: ООО «Издательство АЦТ», 2004.

⁹ Бенджамин родился в Британской Вест-Индии и считался британским подданным. Кроме того, он боялся, что в атмосфере северного антисемитизма для не него не будет справедливого

получившим престижное звание «королевского адвоката» (*Queen's Counsel*). Любопытно, что после гибели «старого Юга», где евреи чувствовали себя намного комфортнее, чем на Севере, в дальнейшем именно Южные Штаты стали цитаделью антисемитизма. В целом же бурный экономический рост и демократизация США после Гражданской войны превратили эту страну в главное направление еврейской эмиграции из России, Румынии, Австро-Венгрии (в основном из Галиции), сделав американскую еврейскую общину самой большой в мире за пределами Израиля. Говоря об Израиле, можно посоветовать и Еврейскому Государству, и евреям сделать следующие выводы из трагической судьбы Конфедерации:

1. Ни одна страна не может вести войну без союзников. И те еврейские ультра-«пат-ррр-иоты», которые в пароксизме анти-американизма призывают порвать с США, оскорбляют американский народ, и ведут дело к потере этого союзника, в действительности самые худшие враги и Израиля, и еврейского народа¹⁰.

2. Никогда и никому нельзя пренебрегать общественным мнением. Конечно, можно сослаться на приписываемые то Бен-Гуриону, то Голде Меир слова: *Евреев не интересует, что о них говорят не-евреи* или списать Запад со счетов как «загнивающее общество», чтобы оправдать свое неумение и нежелание вести пропагандистскую работу. Но известно: «кто хочет, тот ищет возможности, кто не хочет, — ищет причины». Увы, тех, кто ищет причины, пока намного больше.

3. Невозможно удерживать под контролем значительное число людей, враждебных самому государству, как это было на Юге. Можно сослаться на исторические права, обманывать самих себя разговорами о «трансфере», но без разделения с палестинцами Израилю грозит демографическая катастрофа.

4. Решения, базирующиеся на эмоциях, подобные

суда.

¹⁰ См., например, статью Бэллы Гулько «Юдофобия Америки и евреи» в сетевом журнале «Заметки по еврейской истории» — <http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer9/Gulko1.php>.

решению атаковать Форт-Самтер, - большей частью решения ошибочные, часто ведущие к фатальным последствиям.

Автор выражает искреннюю благодарность Е.М. Майбурду, предложившему идею настоящей статьи, и Б.М. Тененбауму за ценные советы при ее написании.

Борис Тененбаум

Герцог Мальборо, 1689-1702

I

Слово «бухгалтер» пришло в русский язык из Европы так давно, что мы уже не замечаем того, что оно составлено из двух частей – «бух» и «галтер». «Бух» – слово, обозначающее книгу (в данном случае – учетную), а «галтер» – кто-то, кто ее ведет и следит за общим балансом. Ну, слово «бух» в русском не прижилось, да и «галтеру» повезло немногим больше. Найти его можно разве что в слове «бюстгалтер», только «галтер» в данном случае не *кто-то, поддерживающий нечто в должном порядке, а что-то....*

Все-таки *кто-то* в данном случае звучало бы несколько легкомысленно.

Однако в титуле Вильгельма Оранского, штатгальтера Голландии, ничего легкомысленного не было, ибо его первая часть – «штат» – означала «государство».

Согласно титулу, он был «держателем государства» - при этом не являясь его монархом. Голландия была республикой. А называлась она «Соединенными Штатами» - только не «Соединенными Штатами Америки», а «Соединенными Штатами Нидерландов» (или «Низких Земель») – и возникла на два века раньше своего американского аналога.

По-русски слово «штат», или «государство», оказалось заменено словом «провинция», а вся республика стала называться Объединенными Провинциями Нидерландов.

Голландия была лишь одной из них, хотя и далеко превосходившей прочие по значению и богатству.

Всего же провинций было семь, и перечислялись они согласно старинному порядку средневековой иерархии: сначала шло герцогство Гелдерс (Guelders, если по-английски, или Gelre, если по-фламандски), потом – графства Голландия и Зеландия, потом – владение Овериссел (которое на латинице писалось Overijssel), и наконец, свободные провинции Фрисландия и Гронинген.

Собственно, была и восьмая провинция, Дренте, но она была так бедна, что не посылала своих представителей в Генеральные Штаты – так называлось собрание представителей всех провинций, служившее законодательным органом Республики.

Но провинции сохраняли и собственные законодательные собрания тоже называвшиеся «Штаты» и ревниво оберегали свою независимость во всех вопросах, касавшихся их дел, и не только внутренних. Они настаивали на том, чтобы каждая из них имела своего «штатгальтера» – человека, командующего войсками провинции.

Помимо собственного военного руководителя, провинции имели и собственных глав исполнительной власти, именовавшихся «пенсинарными».

Провинции соперничали друг с другом, внутри провинций имелись и соперничающие друг с другом города, и весь это хаотичный союз держался только на одном общем интересе – на необходимости в самозащите. Ибо Республика была провозглашена в 1579 году, в ходе освободительной войны против Испании, – а Испания признала наконец ее независимость только в 1648, после добрых 70 лет борьбы, даже если не считать 10 лет военных действий до провозглашения Республики.

Не успела Республика отбиться от испанцев, как ей пришлось защищать себя от братской протестантской Англии. Кромвель многие проблемы решал мечом и не делал в этом смысле исключений в том случае, если споры были торговыми или мореходными.

Но хуже всего Республике пришлось в 1672 году, когда на нее напала Франция в союзе с Англией. Спасти ее тогда удалось просто чудом.

Творцом этого чуда был принц Вильгельм Оранский.

Ему в 1672 году не исполнилось и 22-х лет.

II

Население всех 7-и провинций (или 8-и, если мы все-таки посчитаем и Дренте) в сумме составляло неполных 2 миллиона. В нападении на Объединенные Провинции Нидерландов в 1672 участвовала Англия, с населением в 5-6 миллионов, и Франция, самая могущественная держава Европы, с населением под 20 миллионов.

То есть одна только Франция, без союзника, превосходила своего противника десятикратно.

И тем не менее Республика умудрилась отбиться. Как уже было сказано выше – просто чудом. Но, как хорошо известно, чудеса не случаются – они делаются, и делают их люди, действия которых необходимо координировать. А поскольку *...необходимость единоначалия в беде...* полностью осознавалась, то провинции выдвинули одного-единственного кандидата на должность штатгальтера – принца Вильгельма III Оранского, правнука Вильгельма Молчаливого, героя Войны за Независимость.

Сделано это было по династическим соображениям – принцы Оранские традиционно выступали в роли штатгальтеров нидерландских провинций, хотя и не обязательно всех провинций сразу. В Республике их подозревали (справедливо) в стремлении к установлению монархии и в мирные годы стремились держать их подальше и роль их всячески ограничивали. Но внезапная война с Францией сняла все ограничения.

Принц Вильгельм оправдал доверие Республики.

Согласно энциклопедии, *...он принял решительные меры...*, и по своей решительности они превзошли все, что голландцы могли себе представить: он приказал открыть шлюзы. Поля, отобранные у моря огромным трудом, оказались затоплены – но войска Людовика XIV не смогли продвинуться.

Город Амстердам стал островом.

Выиграв время, принц в считанные недели сумел удвоить армию, на помощь Республике пришли союзники – перспектива резкого усиления французского влияния их не восхищала – и чудо стало явью.

Все это случилось в 1672-1673, в то самое время, когда Джон Черчилль получил свой капитанский чин за доблесть в бою против голландского флота и чин полковника – за сражение против голландской армии.

А на стороне, против которой бился наш юный герой, действовал принц Вильгельм. Они были ровесниками, но опыт их был далеко не равен: Вильгельм Оранский *двигал армии и объявлял войны.*

Джон Черчилль с 1675 и вплоть до 1688 года был придворным, состоявшим при особе Джеймса II. Принц Вильгельм Оранский с 1672 правил государством, а в 1688 году и вовсе сделал гроссмейстерский ход, сумев отобрать у короля Джеймса его корону.

В апреле 1689 года принц Вильгельм Оранский стал королем Англии Вильгельмом (Вильямом) III.

В апреле 1689 года Джон Черчилль тоже сделал шаг вверх и стал графом Мальборо.

Но отношения у них не заладились.

III

Приключенческий роман Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада», который мы уже поминали, кончается так: в Карибском Море доктор Блад, бежавший с каторги и ставший пиратским капитаном, натывается на шлюпки с потопленного английского корабля и находит на них, в частности, некоего лорда Уиллогби. И в разговоре с ним выясняет, что лорд был послан в эти дальние края королем Вильгельмом. Поскольку новости от Европы доходили до Вест Индии не быстро, капитан Блад спрашивает лорда – о короле какой страны он говорит?

И лорд взрывается, и полагая, что его собеседник издевается над ним, бурно восклицает:

Я говорю о Его Величестве, короле Вильгельме Третьем, Вильгельме Оранском, который вместе с королевой Марией уже свыше двух месяцев правят Англией!

Капитан Блад, совершенно ошеломленный, задает лорду встречный вопрос:

Вы хотите сказать, ваша светлость, что английский народ восстал и вышвырнул этого мерзавца короля Якова вместе с его бандой головорезов?

На что выловленный из воды вместе с лордом голландский адмирал замечает – по-английски, но с ужасным голландским акцентом:

У него очень правильный политический склад, а?

Ну, дальше у героя романа Сабатини дела налаживаются – он оказывает большие услуги новой власти, получает полное прощение за свои пиратские подвиги и даже назначается на губернаторский пост – но это нас особо не интересует. Романист закончил свой роман так, как и ему в избранном им жанре и следует – счастливым концом.

Действительность была несколько сложнее, и разговор, приведенный выше, нуждается в некоторых комментариях.

Король Яков II – или, как мы его называем на английский лад – король Джеймс – действительно бежал из Англии с немногими людьми. Бегству его не препятствовали – причем до такой степени, что когда он был схвачен рыбаками, заподозрившими в нем иезуита, и доставлен местным властям, его отпустили чуть ли не на следующий день, и в этот раз он благополучно добрался до берегов Франции. Однако новому правителю Англии, Вильгельму Оранскому, предстояло решить множество очень и очень непростых проблем.

В романе Сабатини спасенный из воды лорд именуется Вильгельма Оранского королем Англии и говорит, что он правит страной вот уже третий месяц. Беседа должна иметь место не ранее июля – Вильгельм III короновался 11 апреля 1689 года. Но король Джеймс бежал из страны еще в декабре 1688.

Что происходило между декабрем 1688 и апрелем 1689?

IV

А происходила в это время торговля. Надо было как-то определиться со статусом изгнанного короля и со статусом нового монарха. С королем Джеймсом поступили просто – было принято базовое положение, согласно которому он *...нарушил контракт со страной* и в силу этого утратил свои права на корону, которая и переходит к его наследникам, причем было оговорено, что наследие

считается только по протестантской линии.

Следовательно, прав лишился и его маленький сын, принц Джеймс.

Первым в цепочке наследников-протестантов стояла старшая дочь изгнанного короля, Мэри, и по этому поводу никаких дебатов не возникало. Возникли же они по поводу ее мужа, принца Вильгельма Оранского. Ему было предложено положение *супруга королевы* и командующего английскими войсками, то есть человека, выполняющего роль штатгальтера Англии. Он отверг это предложение наотрез, заявив, что роль *мажордома при своей супруге* он играть не будет.

После того, как Парламент согласился сделать Вильгельма английским королем *наравне с его супругой*, возник следующий вопрос – поскольку все права принца Оранского на английский престол проистекали из его брака с королевой Марией, то кто наследует корону в случае кончины королевы, если к моменту ее кончины державная пара не обзаведется детьми?

Вопрос был не праздным – Вильгельм и Мария обвенчались в 1677 (в том же году, что и Джон и Сара Черчилли), но детей у них не было. По закону наследницей в этом случае становилась младшая сестра Марии, принцесса Анна, поскольку она тоже принадлежала к протестантской церкви.

Вильгельм Оранский, однако, настаивал на том, что став однажды королем, он должен оставаться им пожизненно. В итоге вопрос был решен в его пользу – принцесса Анна отказалась от своих прав в пользу Вильгельма. Ее уговорила сделать это ее фрейлина и подруга, Сара Черчилль.

Таким образом, кризиса удалось избежать, и новый король Англии, Вильгельм III, называемый также и Уильямом III, в апреле 1689 года вступил в свои права.

Коронация вышла пышной и торжественной и омрачало ее только одно обстоятельство – новый король вступал на престол, окруженный только своими полками из Нидерландов.

Всем английским частям было предписано

оставаться в своих гарнизонах, при этом с умыслом расположенных не ближе чем в 25 милях от королевской резиденции в Уайт-холле.

Король своим новым подданным не доверял.

V

Вильгельм Оранский учился политике на трудном посту штатгальтера Объединенных Провинций Нидерландов. Политику – эту странную игру, представляющую собой комбинацию тонкого искусства и точного расчета, он изучил досконально, поэтому даже сейчас, после успешного завершения своего «английского проекта», никаких иллюзий по поводу прочности своего положения не питал.

Он прекрасно знал, что правление его, в сущности, незаконно, и держится только на постановлении Парламента, гласящем, что король Джеймс (Иаков) II, бежав из страны, *...сам отрекся от престола...* Чего сам Джеймс II отнюдь не признавал, и отстаивал свое право на престол с оружием в руках. Людовик XIV выступил на его стороне. Состоялась высадка в Ирландии, где немедленно началось восстание против Вильгельма Оранского.

Король Джеймс появился в Ирландии, собственной персоной. Верные ему ирландские офицеры-католики начали срочное формирование полков, готовых сражаться за дело «якобитов» – так стали называть его сторонников.

Так что новому правителю Англии следовало учитывать и восстание в Ирландии, и французское наступление во Фландрии, и возможность того, что у Джеймса могут обнаружиться сторонники не только вокруг Дублина, но и вокруг Лондона.

Новому режиму было совершенно необходимо обеспечить себе поддержку. Король опасался Парламента – в конце концов, *обратный переворот* был делом вполне возможным. Но и Парламент опасался короля-иностранца, располагавшего собственным, отдельным войском. Соглашение было необходимо обеим сторонам – и в итоге был выработан компромисс: Вильгельм Оранский, получив от Парламента желательный ему статус короля Англии, согласился и на требования Парламента.

Был принят законодательный акт, названный «Биллем (Законом) О Правах», в котором были закреплены ограничения прав монарха в пользу Парламента – процитируем энциклопедию:

...*Король лишился права:*

1. *приостанавливать действие законов либо их исполнение;*

2. *устанавливать и взимать налоги на нужды короны;*

3. *формировать и содержать постоянную армию в мирное время.*

Английским подданным гарантировались:

1. *свобода иметь оружие;*

2. *свобода подачи петиций;*

3. *свобода от штрафов и конфискации без решения суда;*

4. *свобода от жестоких и необычных наказаний;*

5. *свобода слова и дебатов;*

6. *свобода выборов в Парламент;*

..., etc.

Вильгельм Оранский фактически признал главенство Парламента. Но сдача незыблемых (с точки зрения Божественного Права Королей) основ решала его главную задачу – он получал широкую опору.

Политическая задача была решена, но оставалась проблема с английской армией, сформированной при короле Джеймсе.

Поэтому король Вильгельм не ограничился тем, что его безопасность обеспечивали верные нидерландские войска – он еще и отправил на франко-голландский фронт английский корпус.

Тем самым достигались три цели:

1. Голландские войска на континенте Европы получали пополнение.

2. Из Англии убирались не вполне надежные английские полки.

3. Командовать ими Вильгельм Оранский назначил наиболее способного (и по его мнению – наименее надежного) из английских генералов, лорда Черчилля.

А на всякий случай Черчиллю под начало было дано 8 тысяч солдат, в то время как в распоряжении голландских генералов их было втрое больше.

Как уже было сказано – Вильгельм Оранский был мудрым государем.

VI

Сэр Уинстон Черчилль, политик XX века и автор четырёхтомной биографии Джона Черчилля, вышедшей в 1933 г., говорит, что король Вильгельм Оранский в 1689 году допустил классическую ошибку многих командующих – он не сосредоточил силы на решающем направлении, а попытался отразить все угрозы сразу. С сэром Уинстоном спорить трудно. Книгу он писал в 1932-1933 гг. Время его мировой славы еще не пришло, но дело он знал. У него за плечами был огромный опыт – он был министром флота Великобритании в начале Великой Войны 1914-1918 гг., министром вооружений к середине войны и военным министром – сразу после ее конца.

Но посоветовать королю Вильгельму сосредоточиться на чем-нибудь одном – или на подавлении мятежа в Ирландии, или на обороне от французов во Фландрии – он, по понятным причинам, не мог. Король решил иначе – и, надо сказать, успеха не добился ни на одном из этих направлений.

Джон Черчилль в качестве командующего английским экспедиционным корпусом показал себя хорошо и добился хороших результатов, но фронт контролировал не он, а нидерландский генерал, принц Вальдекский. В сражении при Флёрюсе (1690 г.) французский маршал Люксембург принца разбил.

В Ирландии дела тоже шли с переменным успехом. Отозванный в Англию граф Мальборо, он же – Джон Черчилль – посоветовал королю Вильгельму начать с взятия ирландских прибрежных крепостей-портов, с тем чтобы отсечь французскую помощь. Король к совету прислушался. Проводить план в исполнение он Черчиллю и поручил, дав ему отряд в 4 тысячи человек.

Первая крепость пала очень быстро, но для ускорения взятия второй Мальборо попросил подкрепления.

Он указал, что дело не терпит отлагательств, и что поэтому он хотел бы получить английские полки, с которыми хорошо знаком.

Что усмотрел король Вильгельм в этой просьбе, сказать трудно. Во всяком случае, он действительно с большой спешностью выслал в Ирландию войска – но не английские, а нидерландские, а командование над ними поручил принцу Вюртембергскому.

Прибыв в Ирландию, принц потребовал передать верховное командование в его руки.

Ссылался он на то, что, во-первых, у него под началом больше людей, чем у графа Мальборо, во-вторых – свежеиспеченный граф по знатности не шел и в отдаленное сравнение с принцем и владетельным князем. Черчилль в очень мягкой форме попросил у принца письменного подтверждения того, что таково желание Его Величества.

Соответствующих бумаг у принца не оказалось, и спор уже начал заходить в тупик, когда граф Мальборо столь же любезным тоном предложил компромиссное решение: немедленно запросить короля об инструкциях, а пока пусть они оба командуют по очереди, через день, до тех пор, пока Вильгельм Оранский не примет окончательного решения.

Это было абсурдное предложение. Требование *единства командования* было для понимающих дело военных аксиомой. Но принц Вюртембергский не был понимающим дело военным – и согласился.

Первым командовать всей их объединенной армией должен был Мальборо. Он объявил, что паролем на этот день он назначает слово «Вюртемберг», что было самой высокой любезностью, какую только один генерал мог оказать другому.

Принц был благородным человеком и не мог не ответить любезностью на любезность: паролем в его день командования было назначено слово «Мальборо».

Командующие начали тесно сотрудничать. Решения теперь принимались ими вместе, после дружеского и подробного обсуждения всех их плюсов и минусов.

По странному стечению обстоятельств это были

именно те решения, которые предлагал граф Мальборо.

Крепость сдалась очень скоро – до получения инструкций из Лондона.

VII

Быстрым взятием крепости граф Мальборо продемонстрировал свои военные таланты, но не менее впечатляющим оказался и его дипломатический подход к проблеме с разделенным командованием. Изящный выход из крайне щекотливой ситуации не только не привел его к ссоре с присланным ему «коллегой», а даже и напротив – принц Вюртембергский проникся к графу большим расположением. Был, однако, один человек, на которого не действовали ни любезность графа Мальборо, ни его беспорное обаяние – и, к несчастью, это был король, Вильгельм Оранский.

Он Джона Черчилля определенно недолюбливал.

И трудно даже сказать, почему. Король, как истинно мудрый государь, имел широкие взгляды и идеологической шелухой попросту не интересовался, рассматривая людей исключительно с точки зрения пользы.

Он считался ...*паладином протестантской Европы*.... Но если папа Римский мог помочь ему в его усилиях сколотить Аугсбургскую Лигу – военный союз, направленный на ограничение французских завоеваний – то такая помощь с благодарностью принималась.

Если он, *заклятый враг папизма*, не находил ничего невозможного в дружеском сотрудничестве с живым воплощением этого самого папизма – почему же им с таким подозрением принимались все попытки графа Мальборо оказаться ему полезным? Может быть – именно потому, что ему была хорошо известна *гибкость убеждений графа*?

Они были гибки настолько, что их как бы и не существовало.

А что до *любезности и обаяния*, то Вильгельм хорошо помнил, что этот чрезвычайно любезный и невероятно обаятельный человек чуть ли не с детства жил в окружении короля Джеймса – и оставил его в беде. Короче говоря – он Мальборо не верил.

И особых военных дарований в нем он тоже не

находил. Крепость в Ирландии, конечно, была взята, но главным образом карьера графа делалась при дворе, благодаря протекции, и генералом он стал не на полях сражений, а на паркетах дворцов.

Впрочем, тут есть и еще один возможный нюанс.

Более чем через век после описываемых событий, во времена Венского Конгресса 1815 года, лорд Кэстлри, тогдашний английский министр иностранных дел, написал письмо герцогу Веллингтону, в котором лорд, полностью соглашаясь с мнением герцога о том, что *...все французы – негодяи...*, объяснял, почему он все-таки имеет дело с Талейраном – *...раз уж они все мерзавцы, договариваться надо с наимудшим из них...*

Это письмо в своей книге о Джоне Черчилле цитирует сэр Уинстон Черчилль и говорит, что примерно так же король Вильгельм Оранский относился к выбору своих английских министров – он выбирал тех, на ком пробы ставить было негде.

Если взять за основу положение, высказанное выше сэром Уинстоном, то можно предположить, что Вильгельм Оранский не приближал к себе графа Мальборо еще и потому, что считал его негодяем – но все-таки не совсем отпетым.

VIII

Резкое недовольство монарха, направленное лично против кого-то из его подданных, предполагает наличие определенных предварительных условий. Ну, например – как минимум, требуется, чтобы монарх с какими-то мнениями или поступками своего подданного был знаком.

Мнения, как известно, могут быть выражены устно, письменно или печатно.

Начиная с 1691 года, король Англии Вильгельм был все больше и больше недоволен мнениями графа Мальборо. А поскольку граф сроду не печатался, касаться политических тем избегал даже в частной переписке и в разговорах с королем был неизменно вежлив и предупредителен, то остается предположить, что король услышал, что Мальборо говорит о Его Величестве и о проводимой им политике что-то очень нелестное – и в

достоверности этой переданной ему информации ничуть не усомнился.

В разговоре с придворными Вильгельм Оранский как-то заметил, что Мальборо говорит о нем такое, что не будь он королем, он вызвал бы графа на дуэль.

В чем состояла проблема, король не сказал – он вообще говорил очень мало. Но кое-какие предположения мы можем сделать и без его свидетельства. Франко-голландскую войну, вспыхнувшую в очередной раз после «Славной революции» 1688 г., иногда называли «Войной за английское наследство». То есть предполагалось, что сутью конфликта был вопрос о том, кто является законным королем Англии – католик Джеймс II или его племянник и зять, протестант Вильгельм III?

Но с точки зрения европейской политики, суть была не в разнице конфессий, и уж тем более не в личностях, а в том, на чьей стороне будут использованы ресурсы Англии – на стороне Франции или на стороне военного союза, Аугсбургской Лиги, сражавшейся против французской экспансии.

И что интересно – силы самой Англии в этом споре использовались только на второстепенных направлениях. Решающее сражение за Ирландию на реке Бойн было чем-то вроде поединка, в котором оба короля – и Джеймс II и Вильгельм III – сошлись лично.

На стороне короля Джеймса сражались франко-ирландские войска, на стороне короля Вильгельма главная роль принадлежала нидерландцам и датчанам. Сражение было выиграно протестантами – и главные награды достались голландским приближенным Вильгельма. Придумать что-то еще, что могло бы столь же сильно настроить против короля офицеров его английской армии, было трудно.

О вопиющей несправедливости короля Вильгельма в своем кругу они говорили, по всей вероятности, достаточно свободно. Весьма вероятно, что не молчал и граф Мальборо – он был честолюбив, считал себя способным на дела посерьезнее тех, что ему поручали, и очень нуждался в деньгах. Поддержание графского достоинства требовало

немалых расходов, а личного состояния у него как не было при короле Джеймсе, так и при новом царствовании не появилось.

В общем, недовольство зрело с обеих сторон – и со стороны монарха, и со стороны его честолюбивого подданного. Ситуация сильно напоминала готовый вспыхнуть сухой кустарник – оставалось только бросить спичку.

Спичкой, как ни странно, послужила женская ссора.

IX

Поссорились друг с другом родные сестры – королева Мария и ее младшая сестра, принцесса Анна. Но это были не просто две повздорившие из-за чего-то молодые женщины.

По законам, действовавшим вплоть до Славной революции 1688 года, порядок престолонаследия был такой: король Джеймс II должен был передать престол своему сыну и наследнику, новорожденному принцу Уэльскому. После 1688 года актом Парламента король Джеймс II объявлялся отрекшимся от престола, правопреемницей же и королевой признавалась его старшая дочь от предыдущего брака, принцесса Мария, а с ней вместе в качестве равноправного соправителя делался королем и ее муж, принц Вильгельм Оранский.

Поскольку у царственных супругов не было детей, их наследницей объявлялась сестра королевы Марии, принцесса Анна.

Так вот – в январе 1692 года сестры жестоко поссорились, и в самом центре их ссоры оказалась чета Мальборо. Началось все с того, что муж принцессы Анны, принц Георг Датский (он был младшим братом короля Дании), пожелал получить назначение в английскую экспедиционную армию на континенте Европы.

Понятное дело – слово *назначение* было эвфемизмом: принц хотел командования. А надо сказать, что принц Георг был высок ростом, могуч телом, храбр, как истинный дворянин, и глуп как пробка. То есть командование ему поручать было нельзя ни в коем случае – разве что номинальное. Король Вильгельм, выслушав

патриотическую просьбу своего родственника, дружески его обнял – и не сказал больше ничего. Это был вежливый, молчаливый отказ.

Принц, однако, ничего не понял и расценил молчание как согласие.

Соображениями, по которым король Вильгельм отказал принцу Георгу, он ни с кем не поделился, но одним из факторов могло быть то обстоятельство, что при назначении номинальным командующим принца Георга фактическим командующим становился бы граф Мальборо – человек, входивший в ближайшее окружение принцессы Анны через свою жену, ее фрейлину и подругу. Причем было известно, что леди Сара Черчилль, графиня Мальборо, настолько близка с принцессой, что та никогда не предпринимала ничего, предварительно с ней не посоветовавшись.

Поэтому, когда выяснилось, что за бранной славой принц Датский все-таки не поедет, и его жена, принцесса Анна, в разговоре с сестрой пожаловалась на такую несправедливость, королева Мария живо поняла, в чем тут дело и устроила своей младшей сестре жестокий разнос.

А поскольку принцесса ответила королеве не повиновением, а возражениями, ей было велено немедленно уволить Сару Черчилль.

Вот тут ссора перешла в острую фазу – слушаться королеву принцесса Анна категорически отказалась. В этом вопросе она проявила неожиданную твердость, заявив, что *...вопрос ее личного окружения не касается никого, кроме нее...* и что с подругой она не расстанется.

Тогда королева пожаловалась мужу.

Х

Буквально на следующий день после разговора с супругой король Вильгельм Оранский предписал лорду Мальборо *...немедленно продать все свои военные и придворные должности...*, потому что лорд отрешался от всех занимаемых им постов. И ему, и его жене запрещалось появляться в Уайт-холле – что, кстати, решало вопрос с увольнением Сары Черчилль. Поскольку резиденция принцессы Анны и ее супруга, Кокпит, располагалась в том

же комплексе, в Уайт-холле, а леди Мальборо лишалась права входа туда, то, естественно, и чисто физически исполнять свои обязанности фрейлины она больше не могла.

Король рассчитал удар по всем правилам стратегического искусства.

С одной стороны, помня о «Билле о Правах», он не покусился на частную собственность Мальборо, и должности лорду было предписано не отдать, а продать.

С другой стороны, увольнение било обоим супругам очень больно, лишая их не только основного источника дохода, но и вспомогательных, которые были, так сказать, побочным продуктом их основной деятельности.

Например, Мальборо лишился выгодной должности почетного президента торговой компании, промышленявшей добычей мехов в Северной Америке. Пайщикам был нужен человек с хорошими связями при дворе, и Мальборо был им в этом смысле настолько полезен, что они даже назвали одну реку (в теперешней Канаде) его именем – Черчилль.

Но идти против воли короля меховщикам было не с руки, и президента они мигом сменили...

Дальше, однако, дела пошли совсем не в соответствии с ожиданиями. Граф Мальборо вовсе не *...удалился в свои поместья оплакивать немилость государя...* - отнюдь нет. Ну, для начала - у него было небольшое имение, совсем не соответствующее графскому титулу, так что удаляться особо было некуда. Кроме того, он повел себя не как опальный вельможа, а как человек, совершенно несправедливо обиженный.

Во дворце он появляться больше не мог, но в Парламент, в Палату Лордов, мог ходить вполне свободно – и надо сказать, что лорды повели себя совсем не так, как меховщики...

Например, лорд Годолфин, незаменимый специалист по финансам, верно служивший и королю Карлу II, и королю Джеймсу II, и теперь – королю Вильгельму Оранскому – предложил ему свою отставку.

Что, возможно, объяснялось личной дружбой с Мальборо...

Но, скажем, командующий флотом адмирал Рассел

сказал королю в лицо:

...грех так поступать с человеком, которому вы, Ваше Величество, обязаны своей короной....

При английском дворе в ту пору многое говорилось без излишней дипломатической тонкости, а уж известный своей прямоотой адмирал и вовсе выражался так, как будто был на палубе своего корабля, а не во дворце своего государя.

Мальборо сочувствовали многие люди, входившие в политическую элиту Англии – они думали, что их голландский король уделяет слишком много английских должностей и ресурсов своим нидерландским любимцам.

К тому же король, смещая Мальборо с его постов, ни единым словом не объяснил, почему он это сделал.

XI

Конечно же, начались толки и пересуды. Возникла мысль, что Джон Черчилль *...замышлял еще одно предательство...*, готовясь перейти от короля Вильгельма обратно в лагерь якобитов, и только вот никак не мог вымолить у Джеймса II обещания прощения и пощады.

Уже «post factum», через несколько лет, добавлялась и такая сочная деталь, как *выдача графом Мальборо плана атаки на Брест*, большой портовый город во Франции. Атака действительно состоялась и окончилась полной неудачей – французы ожидали нападения и хорошо к нему подготовились.

Как показывает сэр Уинстон Черчилль в своей книге о Мальборо, обвинение это – вздор. Высадку планировалось осуществить в конце лета 1692 г. – а в январе граф Мальборо был полностью отстранен от всех дел. О существующих военных планах он знать не мог. Более того – если бы люди, ответственные за составление плана, подозревали, что в их секрет проник человек, отрешенный недоверием короля от должности, они план непременно бы поменяли.

У Вильгельма Оранского не могло быть таких уж особых причин жаловаться и на сношения графа Мальборо с двором изгнанного короля Джеймса в Сен-Жермене. «Славная революция» 1688 сменила режим, но не разрушила

дружеские и семейные связи. Лорд Годолфин обменивался письмами и подарками с изгнанной королевой, женой Джеймса – он был ей рыцарски предан¹.

Сара Черчилль переписывалась со своей старшей сестрой, уехавшей из Англии и державшейся двора изгнанного короля Джеймса, и примерно то же самое делали едва ли не все лорды, входившие в государственный совет.

Сам адмирал Рассел сообщал в Сен-Жермен, что он вполне дружески относится к Джеймсу II и что ему не слишком нравятся установленные Вильгельмом Оранским порядки.

Правда, он добавлял, что если ему доведется встретить в море французский флот, он утопит его:

...даже в том случае, если на борту одного из кораблей будет сам король Джеймс...

Вильгельм Оранский обо всем этом, несомненно, знал. Но он принимал во внимание и то, что его английские подданные оставались его подданными только при условии их на это согласия, и то, что *отречение Джеймса II* – попросту акт, принятый Парламентом, и что в этом акте ничего не говорилось о маленьком сыне короля. Конечно, младенца собирались воспитывать как католика – но что, собственно, мешало разрешить ему и его матери перебраться в Англию и сменить учителей и наставников? В этом случае он со временем стал бы королем Джеймсом III. Если это понимал король Вильгельм, то, несомненно, то же самое приходило в голову и лордам Англии. Король понимал и это и ссориться с ними не хотел.

Как мы уже говорили, и неоднократно – он был мудрым государем.

XII

Если настроение и поведение Джона Черчилля в

---

¹ Выражение «рыцарски предан» не следует понимать как эвфемизм любовной связи. Каким-то странным образом к Годолфину не липли, казалось бы, вполне естественные подозрения в попытке поухаживать за красивой и молодой женщиной. Мария Моденская, вторая жена Джеймса II, была моложе своего мужа на 25 лет – и тем не менее, Джеймс к лорду Годолфину ее не ревновал.

1691-1692 годах ничем особо не отличались от настроения и поведения прочих членов английской элиты, то почему же гнев короля Вильгельма пал на него одного? Лорд Маколей, великий английский историк, высказывал на эту тему такое предположение:

...Мальборо был единственным человеком в Англии, которого Вильгельм Оранский опасался...

Сам король Вильгельм на эту тему никаких сведений не оставил – он вообще, как правило, действовал, а говорил мало. Так что спросить его нам не удастся. Но предположение лорда Маколея можно, так сказать, проиллюстрировать. Для этого мы сделаем шаг в сторону и посмотрим не на отношения короля Вильгельма с графом Мальборо, а на последствия приказа короля запретить леди Черчилль доступ в Уайт-холл.

Приказ был выполнен – она там больше не появлялась. Но поскольку доступ во дворец Саре Черчилль был закрыт, принцесса Анна решила, что и она там больше не останется. Она сообщила своей сестре, королеве Марии, что выезжает из своей резиденции Кокпит, входящей в дворцовый комплекс, и перебирается в частный дом, где она сможет окружить себя теми людьми, которые ей приятны, *...даже если они имели несчастье навлечь на себя неудовольствие Ее Величества...*

При этом *Его Величество* тут дипломатично и не упоминался, а когда с герцогом Сомерсетским, сдавшим принцессе дом, от имени короля связались из Уайт-холла и попросили отменить сделку, герцог ответил, что ему очень жаль, но он дал принцессе слово, и честь джентльмена не позволяет ему взять его обратно.

Примем во внимание, что *частный дом*, предоставленный герцогом Сомерсетским принцессе Анне в качестве временной резиденции, был не шалаш, а Сион Хауз, дворец с парком в 200 акров (80 гектаров), бывший когда-то, при Тюдорах, собственностью английской Короны. И при переезде туда у принцессы не возникло никаких затруднений, и апартаменты там ей были предоставлены немедленно, и оплата была чисто символической.

Все вместе это очень походило не на коммерческую сделку, а на демонстрацию симпатий.

При этом было совершенно очевидно, что *комбинация по переезду* была придумана и скоординирована вовсе не принцессой Анной, а ее умной и решительной подругой, Сарой Черчилль. В отсутствие детей у королевы Марии наследницей престола считалась принцесса Анна. Детей у королевы не было. Мужем Сары Черчилль был Джон Черчилль, граф Мальборо – генерал, изгнанный с королевской службы, но имевший в армии высокую репутацию.

Весной 1692 Вильгельм Оранский получил сведения, что французский флот в мае-июне этого года планирует высадить в Англии целую армию вторжения, состоящую из якобитов и усиленную французскими полками.

В самом конце апреля до сведения короля Вильгельма был доведен донос от *патриотически-настроенного джентльмена*, мистера Роберта Янга, в котором утверждалось, что существует заговор, нацеленный на убийство короля, а в доказательство прилагалось письмо заговорщиков, адресованное Джеймсу II. Под письмом стояли подписи архиепископа Санкрофта, лорда Корнбери, графа Мальборо и Томаса Спрата, епископа Рочестерского.

4 мая 1692 года Джон Черчилль, граф Мальборо, был арестован и помещен в Тауэр по обвинению в государственной измене.

ХIII

Разбирательство дела лордов, обвиненных в государственной измене, пришлось на июнь 1692 года. А поскольку английские и голландские эскадры к этому времени разбили французский флот в грандиозном, шедшем несколько дней двойном сражении при Барфлере и у мыса Ла-Хог и угроза французского вторжения миновала, то разбор пошел по нормам, принятым в более спокойные времена.

Леди Мальборо назвала это судебное разбирательство *делом о цветочных горшках*. В доносе, в частности, говорилось, что дополнительные бумаги, компрометирующие заговорщиков, можно найти в доме

епископа Рочестерского и что особое внимание следует обратить на цветочные горшки. Дом обыскали, горшки перетряхнули и ничего в них не нашли.

Тем временем оказалось, что у доносителя, мистера Янга, был помощник, по имени Блэкхед, который у епископа побывал. Он по какому-то не слишком важному делу посетил дом в отсутствии хозяина и попросил слуг показать ему, как же устроено жилище столь важного и влиятельного человека, как епископ Рочестерский. Особенно он восхищался его кабинетом.

Теперь уж тщательно обыскали и все комнаты, в которых он побывал, и кабинет, которым он так восхищался. И в цветочном горшке, стоявшем у камина, действительно нашли декларации, призывающие к мятежу, и письма к королю Джеймсу, подписанные рукой епископа. Блэкхеду и епископу устроили очную ставку.

И епископ задал своему обличителю три логичных вопроса:

1. Почему бумаги нашлись именно в той комнате, которую обличитель сам и осматривал?
2. Откуда обвинению стало известно, что бумаги были спрятаны в цветочном горшке?
3. Зачем епископу было прятать обличающие его бумаги в своем собственном кабинете?

А поскольку в ходе разбирательства выяснилось, что бесстрашный борец с папизмом мистер Янг был вынужден прибегнуть к помощи Блэкхеда, потому что сам в это время находился в тюрьме по обвинению в подделке чьей-то подписи, то дело начало разваливаться на части просто немедленно.

Блэкхед признался, что бумаги в цветочный горшок он сунул сам. Янг, вызванный на очную ставку, вел себя отважно и настаивал на своей правоте, но разбирательство, в сущности, уже окончилось. Обвинять кого бы то ни было на основании голословных показаний одного-единственного свидетеля, да еще и с репутацией хуже некуда – нет, это было решительно невозможно.

Епископов освободили немедленно. С Мальборо обвинение не было снято, но он ходатайствовал перед

Судом Королевской Скамьи (Court of The Kings' Bench) об освобождении под поручительство и под залог.

Ссылаясь он при этом на принятый недавно, в 1679 году, так называемый Habeas Corpus Act, который ввел понятие «надлежащей процедуры» и полагал незыблемой истиной презумпцию невиновности:

...никто не виновен до тех пор, пока он не осужден...

Через шесть недель после своего заключения в Тауэр граф Мальборо был освобожден – под поручительство двух лордов и под залог в 6 000 фунтов стерлингов.

XIV

Освобождение Мальборо под залог юридически было обосновано на принципе “Habeas Corpus” и прошло без особых фанфар. Зато следующий шаг – снятие с него обвинений вообще – был сделан весьма громким способом. Палата Лордов приняла *дело Мальборо* к сведению и усмотрела в нем нарушение ее прерогатив, определенных «Биллем о Правах».

Королевскому Суду предлагалось ответить на ряд вопросов. Например – почему обвинение против одного из членов Палаты Лордов, опровергнутое в ходе судебного разбирательства, не снято? Почему суд счел необходимым назначить столь высокий залог за освобождение человека, который и не думает бежать, куда бы то ни было? Какие основания имеются для продолжения дела? Лорды в частном порядке сообщали, что *...готовы обратиться и к Их Королевским Величествам со смиренной петицией по затронутому вопросу...*, поскольку у них, на основе «Билля о Правах», имеется полное и неотъемлемое право такие петиции подавать – и так далее...

Предположение о *подаче смиренной петиции* в данном контексте следовало читать как *предъявление серьезного* требования – и король Вильгельм счел за благо не доводить дело до крайности. Все обвинения против лорда Мальборо были сняты.

Понятное дело – любви к нему это у короля не прибавило...

Вильгельм Оранский отправился на континент

Европы. Сражения антифранцузской коалиции, состоявшей главным образом из Голландии, Англии, Испании и Австрии, шли и в Нидерландах, и в Испании, и в Италии, и в Германии и настоятельно требовали его личного участия и руководства.

Мальборо он с собой не взял.

В любой монархической стране рано или поздно наступает момент, когда единый «двор государя» приобретает некое теневое подобие, формирующееся вокруг предполагаемого наследника престола. Есть даже специальный термин, обозначающий это явление – «молодой двор».

Наследницей Вильгельма и Марии считалась принцесса Анна, и Сара и Джон Черчилль жили теперь при ее дворе.

Битвы «Войны за английское наследство» год за годом шли и во Фландрии, и в Испании, и на Рейне – но «молодой двор» от участия во всех этих военных и политических баталиях был совершенно изолирован, и любые его советы и пожелания даже не отвергались. Они игнорировались.

Так все и шло – пока 28 декабря 1694 года королева Мария на 33-м году жизни не умерла от оспы.

XV

Королева умерла в самом конце 1694 года, а уже в начале 1695-го в Англии появились некие трудно уловимые, но все-таки довольно явственные веяния – «молодой двор» стал местом, где *следовало появляться*.

Вместе с королевой скончалась всякая возможность *иного наследия*. Принцесса Анна была моложе Вильгельма Оранского на 15 лет – по всей вероятности, она должна бы была его пережить. Следовательно, в каком-то – может быть, и далеко, но обозримом – будущем Анна становилась королевой Англии. На герцога Сомерсетского, так удачно сдавшего ей в 1692 свой *частный дом*, проницательные люди теперь смотрели как на образец поистине дальновидного человека.

А люди, еще более проницательные обратили свое наибольшее внимание на леди Мальборо, Сару Черчилль.

Слово «дружба» для определения ее отношений с принцессой было недостаточным – куда больше подошло бы слово «преклонение». Причем преклоняющейся стороной была именно принцесса.

Они познакомились в 1675 году, когда Анне было всего 10 лет. Она увидела 15-летнюю девушку, очень живую, очень умную, очень красивую – и невероятно волевою и решительную. Она произвела на нее большое впечатление.

А потом последовало романтическое замужество Сары Дженкинс – бесприданницы, тем не менее отдавшей свою руку столь же бедному красавцу и удалцу, Джону Мальборо, – а потом добрая Мария Моденская, молодая мачеха Анны, пристроила Сару Черчилль во фрейлины своей младшей падчерицы, они близко познакомились, и симпатия девочки перешла в обожание.

По-видимому, примерно так же молоденькие обительницы пансионатов для благородных девиц влюблялись в своих классных дам, – но в данном случае весь класс состоял из одной только Анны Стюарт. Возрастная разница между принцессой и ее фрейлиной была невелика, но принцесса была доброй, не слишком умной, не слишком красивой, вовсе не амбициозной, бесхитростной девушкой, в то время как Сару Черчилль называли иной раз «чертом в юбке» – так полна она была всевозможных планов, затей и замыслов.

Каких только интриг ей не приписывали... Королева Мария недаром считала, что корнем неповиновения ее сестры королевской воле было влияние Сары Черчилль – и скорее всего, она была права.

В общем, было понятно, что если что-то случится с королем Вильгельмом, то в «новое царствование» Сара Черчилль станет лицом очень, очень влиятельным.

И в этой связи проницательным людям стоило приглядеться и к графу Мальборо, мужу леди Черчилль. Они увидели бы человека, любезного со всеми, очень вежливого, по политическим взглядам – скорее центриста, которого при желании можно было бы охарактеризовать как «умеренного тори» или «умеренного виг» – смотря по

обстоятельствам.

Может быть, тут следовало бы сделать ударение не на определениях, вроде «тори» или «виг», а на уточнении – *смотря по обстоятельствам*.

В общем, тут было о чем подумать...

Король Вильгельм Оранский был хорошим генералом и толковым правителем: жестким, когда надо, гибким, когда требуется. У него были недостатки – он был холоден, лишен харизмы и даже просто такта.

Но, конечно, он был проницательным человеком.

XVI

Обратимся к энциклопедии: *...Война Аугсбургской лиги, известная также как война Большого Альянса, война за Пфальцское наследство, война за Английское наследство и Девятилетняя война – война между Францией и Аугсбургской лигой в 1688-1697 годах. Война закончилась Рейсвейкским мирным договором (сент. 1697 г.), по которому Франция вынуждена была отказаться от большей части территорий, захваченных ею в странах Западной Европы...*

Большой Альянс, в сущности, и был Аугсбургской Лигой, и входили в этот союз Австрия, Дания, Объединенные Провинции Нидерландов (Голландия), Англия, Испания, Португалия, Савойя и Швеция.

Все они сражались против Франции, единственным союзником которой выступал изгнанный из Англии король Джеймс (Иаков или Яков) и верные ему якобиты-англичане. Правда, среди них было много ирландцев – они образовывали целые полки на французской службе.

Конфликт, собственно, сначала возник из-за попытки Людовика XIV захватить Пфальц – отсюда и одно из названий этого конфликта, но суть дела состояла в том, что коалиция европейских держав выступила против попытки Франции достигнуть резкого усиления своих позиций в Европе.

Душой этой коалиции был Вильгельм Оранский, в силу личной унии одновременно правивший и в Нидерландах, в качестве штатгальтера, и в Англии – в качестве короля.

Война окончилась, в общем, вничью из-за истощения обеих сторон. Король Людовик XIV удержал за собой Страсбург, но компенсировал его бывших владельцев. Все свои остальные завоевания он вернул. Титул короля Англии был признан за Вильгельмом, двор короля Джеймса в Сен-Жермене терял тем самым французскую поддержку. В качестве компенсации за это одолжение Англия соглашалась платить пожизненную пенсию Марии Моденской, жене Джеймса, в размере 50 тысяч фунтов стерлингов в год. На теперешние деньги это было бы равно примерно 5-6 миллионам долларов – достаточно для спокойной и комфортабельной жизни, и, конечно, недостаточно для снаряжения армии.

Начиная с момента подписания мирных соглашений, король Вильгельм, осторожно сближавшийся с графом Мальборо еще с 1695 года, начал продвигать его вперед и всячески демонстрировать ему свое расположение. Дело было вовсе не во внезапно возникшем расположении к человеку, которого он так долго держал вдали от себя и которого, совершенно очевидно, он очень не любил.

Однако оказалось, что граф ему необходим. Речь шла о помощи в конфликте короля и Парламента из-за размеров английской армии мирного времени.

Во время войны в ней состояло на жалованье 87 тысяч солдат и офицеров. Стоило все это очень дорого, и сокращения были неизбежны. Король считал, что необходимый для поддержания мира минимум – это 30 тысяч человек. Его советники даже не решились представить эту цифру в Парламент для согласования и сократили ее втрое, до 10 тысяч. Парламент счел и эту цифру завышенной и соглашался только на 7 тысяч.

Король рассудил, что наилучшим помощником ему в поисках решения в этом тягостном деле будет Мальборо.

И была еще одна настоятельная проблема – в долгосрочной перспективе.

Королю было некому передать заботы об англо-голландском союзе, сохранение которого он считал необходимым для безопасности Республики Объединенных Провинций. Вильгельм Оранский был искусным политиком

и для достижения целей, которые считал важными, шел на любые компромиссы. Главной целью своей жизни он считал спасение Республики от угроз Франции – и он шел к этой цели непреклонно, любой ценой.

В 1697 году он пришел к выводу: наилучшей гарантией безопасности Голландии будет Джон Черчилль, граф Мальборо. Шаткий, неверный, лично ему неприятный человек...

XVII

1 ноября 1700 года в Мадриде умер король Испании Карл II. Кончины его ожидали уже давно – король был живым, или, лучше сказать – полуживым – примером того, к чему приводят браки близких родственников. Его отец был женат на собственной племяннице, дочери своей сестры, инфанты Марианны. В своем стремлении во что бы то ни стало удержать связи между испанской и австрийской ветвями династии Габсбурги перестарались – потомство оказалось нежизнеспособным. Король Карл II имел примерно те же проблемы, что и плод прямого инцеста – он родился умственно отсталым, уродом, страдающим всеми мыслимыми и немыслимыми болезнями.

Править он, разумеется, не мог, а полномочия регента переходили из рук в руки в кругу его родственников, ни один из которых права на престол не имел. Было совершенно очевидно, что Карл II наследника не оставит. На *испанское наследство* по династическим причинам имелось три претендента: Франция, Австрия, и Бавария, но вопрос в той или иной мере затрагивал интересы буквально всех государств Европы – столь огромное достояние было невозможно отдать только в одни руки, испанский наследник получал бы слишком большой перевес над всеми остальными.

Соответственно, после подписания мира между Вильгельмом Оранским и Людовиком XIV было достигнуто и еще одно, дополнительное соглашение, связанное с *«разделом достояния испанской Короны»*.

Его подписали в Гааге 11 октября 1698 года. Главным наследником признавался Йозеф Фердинанд, курфюрст Баварии. Курфюрсту в 1698 году было 6 лет, и он

доводился правнуком испанскому королю Филиппу IV.

У короля Людовика прав было побольше – он был сыном принцессы из рода Габсбургов, Анны Австрийской, и сам был женат на испанской инфанте. В принципе, он мог передать свои права на испанский престол сыну или внукам. Но переход испанских колоний в руки Франции был совершенно неприемлем для Англии, а смена испанских гарнизонов в крепостях Испанских Нидерландов (современной Бельгии) ставила под угрозу безопасность Голландии – что означало войну.

В итоге король Людовик предпочел компромисс. Его сын, Людовик, носивший традиционный во Франции титул наследника – «Дофин» – с добавкой в его случае приставки «Великий» для обозначения того, что у него самого уже взрослые дети, «дофины» – должен был получить испанские владения в Италии: Неаполь, Сицилию и Тоскану.

Испанские Нидерланды переходили к императору Австрии – австрийцам Голландия доверяла больше, чем французам. А собственно Испания и ее заморские владения доставались маленькому курфюрсту Баварии, Йозефу – и все были довольны.

Однако мальчик в 1699 году умер – и соглашение развалилось. Была предпринята вторая попытка договориться – теперь главным наследником становился австрийский эрцгерцог Карл.

Он, однако, уперся и настаивал на том, что итальянские владения Испании должны или остаться у него как у короля Испании, или быть переданы Австрии, а не Франции – на что уже категорически не соглашалась Франция.

Но, как уже говорилось, король Испании, Карл II, несчастный больной идиот, умер в октябре 1700 года и оставил завещание, по которому все владения испанской Короны были завещаны Филиппу Бурбону, герцогу Анжуйскому, второму сыну Великого Дофина, внуку короля Людовика XIV, при одном условии, неисполнение которого завещание отменяет.

Условие было такое: он принимает наследство целиком.

XVIII

Разумеется, завещание было сформулировано не тем человеком, который его подписал. За «формулу» в Мадриде шла борьба между «французской» и «австрийской» партиями – и настолько ожесточенная, что королеве запретили входить в комнату к ее умирающему мужу, потому что она, австрийская принцесса, была сторонницей завещания в пользу эрцгерцога Карла.

Победила «французская» партия – и не только подкупом и военным давлением. Важным соображением было желание сохранить целостность испанских владений – отсюда и неперемное условие – наследник должен был согласиться принять или все, или ничего.

Французский посол в Мадриде ликовал – в порученном ему деле он добился полного успеха. В Версале, однако, надо было решать – а что же делать с этим успехом?

Соглашение о разделе испанских владений было одобрено и ратифицировано 13 марта 1700 года – но одобрено оно было только Францией и морскими державами, Англией и Голландией. Австрийский император подписать его отказался – его не устраивали условия раздела. Поскольку он заключил наконец мирный договор с Турцией у него появлялись ресурсы это свое мнение отстаивать силой. Так что можно было предполагать с большой долей уверенности, что франко-австрийская война за испанское наследство в любом случае – дело неизбежное.

Оставалось решить – драться ли с Австрией за часть испанского наследия, не имея при этом поддержки Испании, или драться за все испанское наследство целиком, имея на своей стороне Испанию, но нарушая при этом слово, данное Англии и Голландии.

В Фонтенбло 2 ноября 1700 года состоялось совещание, в котором принял участие только что вернувшийся из Англии посол короля Людовика к Вильгельму Оранскому, Таллар. Камилл д'Отен де ла Бом, граф де Таллар (ставший впоследствии герцогом) был опытным военным и превосходным дипломатом – потому-то его и избрали для его трудной миссии в Англии.

Он настойчиво советовал не нарушать соглашения,

достигнутого с «морскими державами». Его поддержал маркиз де Торси. Он был не только племянником великого Кольбера, но и сам, несмотря на молодость, считался высококомпетентным человеком и пользовался доверием и расположением короля Людовика.

За то, чтобы принять испанское наследие целиком, стояли многие, наиболее значительным лицом среди них был Великий Дофин.

После долгих колебаний Людовик XIV решил.

16 ноября в Версале состоялась знаменитая, вошедшая в учебники сцена – король пригласил к себе в кабинет своего внука Филиппа и испанского посла Кагель дос Риоса и, указывая на Филиппа, сказал послу:

Вы можете приветствовать своего короля.

XIX

Приписываемой ему фразы: *Нет больше Пиренеев!* король Людовик не произносил – это легенда. Слова эти, если и были сказаны, принадлежат испанскому послу Кагель Де Риосу. По крайней мере, так было написано в ноябрьском выпуске французской газеты “Mercure Galant” за 1700 год². Из чего видно, что во Франции значение события было оценено по достоинству.

Что интересно – в Англии суть дела до Парламента не дошла. Напрасно Вильгельм Оранский взывал к депутатам, объясняя, как опасно создавшееся положение, – его не слушали – а если слушали, то не слышали.

Маркиз де Торси очень ловко составил бумагу, в которой говорилось, что слово короля отнюдь не нарушено. Но проблема в том, что соглашение о разделе испанского наследства не может войти в силу – австрийский император против него, а помощи Франции в проведении соглашения в жизнь «морские державы», Англия и Голландия, не предлагают.

Так что же остается делать королю Людовику, как не *...последовать свободно выраженной воле испанского народа?*

А уж в отношении гарантий всем заинтересованным

---

² Скорее всего, начало легенде положил Вольтер в изданной больше чем полвека спустя книге о царствовании Людовика XIV.

лицам можно оставаться спокойными: *...могущество короля Франции так велико, что он и не думает о его увеличении за счет собственного внука...* – новый король Испании, Филипп V, будет править сам по себе, без всякого вмешательства со стороны деда.

Маркиз с апломбом защищал ту самую позицию, против которой выступал на тайном совете в королевских покоях в Версале.

Он был превосходным дипломатом.

Короля Вильгельма он, конечно, не обманул. Партия вигов в Парламенте выражала все большую тревогу по поводу того, как будут обстоять дела с торговлей с испанскими колониями – но тори были безмятежны, а большинство было у них.

Меморандум маркиза де Торси был представлен Англии в конце декабря 1700 года, перед самым Рождеством, и принят Парламентом за основу будущих отношений с Францией и Испанией.

Филипп, герцог Анжуйский, внук короля Людовика, признавался Филиппом V, законным королем Испании и всех ее владений. А в феврале 1701 года французские войска вошли в Испанские Нидерланды. По ранее заключенным договорам, помощь испанским гарнизонам в обороне важнейших крепостей здесь оказывали голландцы.

Но что они могли поделать, когда испанские солдаты открывали ворота законному королю Испании? Голландские части, находившиеся в них, были интернированы – сопротивляться они не могли. Таким образом в руки Франции попали Антверпен, Монс, Намюр, Остенде и еще дюжины полторы укрепленных пунктов рангом поменьше.

Удержался только Маастрихт – голландский гарнизон там был больше испанского, и он попросту выставил из крепости своих бывших союзников. Голландия без выстрела потеряла «барьер» против вторжения. Республика Объединенных Провинций начала мобилизацию.

В Англии, в Парламенте, началась форменная буря – получалось, что правы были виги? Были срочно вотированы фонды, предназначенные на увеличение армии. Голландии

были обещаны подкрепления. Но все эти меры запаздывали – надо было действовать, и с полной решительностью.

Король Вильгельм Оранский 28 июня 1701 года распустил Парламент. В тот же день он назначил графа Мальборо на пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Англии в Республике Объединенных Провинций. Поскольку за месяц до этого он дал ему же должность командующего английскими войсками на континенте Европы, то было понятно – с его точки зрения, время полумер прошло.

1 июля 1701 года Вильгельм Оранский и граф Мальборо на борту королевской яхты отбыли в Нидерланды. На этот раз они не ссорились – у них обоих была общая цель: построение Великого Альянса.

XX

Переход Испании на сторону короля Людовика полностью менял все стратегические условия, существовавшие во время предыдущей войны – крепости Испанских Нидерландов перешли в руки французов, и южнее Пиреней у Франции теперь был не враг, а союзник. Трудно представить себе объем работы, которые Мальборо и Вильгельм Оранский провели за лето 1701 года. Надо было набирать войска, создавать запасы продовольствия и снаряжения, вести срочные переговоры и с Австрией, и с Генеральными Штатами Объединенных Провинций, и с английским Парламентом по поводу денег. Надо было определить размер взносов – деньгами, войсками и кораблями – для каждого из союзников.

Австрия обещала внести в общее дело 82 тысячи солдат, Голландия – 100 тысяч, Англия – около 40 тысяч солдат и такое же количество людей для флота, причем Вильгельм Оранский не мог подписать обязательств без предварительной санкции Парламента. Везде где можно изыскивались наемники. Мальборо удалось прекратить войну между Данией и Швецией, буквально купив согласие юного шведского короля Карла XII на мир. За эту услугу Дания соглашалась предоставить часть своей армии коалиции, обещав ей 5 тысяч солдат немедленно и еще 20 тысяч в течение ближайших месяцев. Разумеется, содержание армии ложилось на плечи Англии и Голландии,

с существенной приплатой в виде субсидии королю Дании и немалых взяток – его министрам.

Разумеется, готовилась к войне и Франция – собирались войска, снаряжались корабли, изыскивались денежные средства. В принципе, к августу 1701 года в руках Людовика XIV была вся западная половина Европы – и Франция, и Испания, и Италия.

В Италии война уже шла – туда вторглись австрийцы. Как решится вопрос во Фландрии, было неясно.

Возможности мира еще существовали. Союзники предлагали Франции компромисс – они признают Филиппа Пятого королем Испании, но только при соблюдении ряда неперемных условий:

1. Крепости Испанских Нидерландов передаются голландским гарнизонам.

2. Итальянские владения испанской Короны переходят к Австрии.

3. Король Людовик торжественно обещает, что никогда – ни сейчас, ни в будущем – престолы Франции и Испании не будут объединяться.

Но в сентябре 1701 года во Франции скончался король Джеймс II, изгнанный из Англии «Славной революцией». В силу причин, ускользающих от понимания, Людовик XIV признал его сына законным королем Англии. Это был, возможно, рыцарский жест. Но он нарушал подписанный с Англией в 1697 году договор, признававший королем Вильгельма Оранского. Более того – он шел вразрез с принятым Парламентом “Act of Settlement”, провозгласившим принцип, согласно которому английский престол мог принадлежать только протестанту. Многого можно было делать, все еще не переходя при этом «красной черты», отделявшей войну от мира. Выступление против акта Парламента переходило эту черту.

Найти более надежный способ вызвать Англию на бой было невозможно.

XXI

Начало 1702 года в Англии оказалось довольно бурным. Король Вильгельм в конце 1701 года распустил Парламент и назначил новые выборы. Он совершенно

очевидно надеялся заменить большинство тори – профранцузской партии, стоявшей за мир – большинством вигов, стоявших за войну.

Сделал он это вопреки совету графа Мальборо.

Граф сам принадлежал к тори – просто смотрел на вещи пошире, чем его партия, и полагал, что война с Францией так или иначе неизбежна. Сейчас, когда события подтвердили его правоту, он настойчиво советовал королю не ссориться с тори – пусть войну Франции объявит «партия мира», так будет надежнее. Король его не послушал – и проиграл. Тори потеряли много голосов, но сохранили минимальное большинство в Парламенте. Теперь они горели жадной мести – король сыграл с ними трюк, устроив голосование в нужный ему момент и сделав центральной темой выборов вопрос, в котором тори ошибались.

Тем не менее, Вильгельм Оранский решил идти до конца – он отправил в отставку всех министров своего правительства, состоявшего из тори, и заменил их вигами. Единственное исключение было сделано для Мальборо – он сохранил свой пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Англии в Нидерландах, делавший его по обстоятельствам того времени фактическим министром иностранных дел. Король знал, что делал, – к исходу 1701 года Мальборо умудрился уладить возникшие затруднения, связанные с Австрией. Император никак не мог решиться в споре за право на английский престол публично поддержать протестанта против католика.

Мальборо сказал, что вопрос не имеет никакого отношения к религии, и предложил австрийскому послу, графу Вратиславу, следующую формулу:

Император не признает права короля Франции нарушать существующие законы престолонаследия Англии.

Это устранило все затруднения, и было подписано немедленно.

Но выпутаться из политических затруднений в Англии с такой же ловкостью ему не удалось. Он оказался единственным министром-тори в правительстве, состоявшем из вигов. Его коллеги смотрели на него с изрядным подозрением. С неменьшим подозрением

смотрели на него и тори – мало того, что он сотрудничал с вигами, но еще к тому же было хорошо известно, что его жена, леди Мальборо, была страстно привержена вигам.

Степень ее влияния на принцессу Анну, как-никак наследницу престола, была известна. Полагали также, что если кто и может воздействовать на лорда Мальборо, то это его жена. А то что самому лорду предстоит вскоре играть выдающуюся роль, было совершенно очевидно – он командовал английскими войсками на континенте Европы.

В самом начале весны 1702 года король Вильгельм неудачно упал с лошади и сломал плечо. Он уже давно страдал от астмы, а тут у него началось воспаление легких.

8 марта 1702 года он скончался.

***

На этом кончается 2-я часть, «Герцог Мальборо, 1689-1702».

(Продолжение, «Герцог Мальборо, 1702-1714», следует).

Злата Зарецкая

Театр в Зоне Конфликта

Последние фестивали в Акко 2009-2010

ом Кипур 2008 года. По сообщениям прессы 300 человек ночью приблизились на машинах к еврейским домам и магазинам и устроили погром. Более 100 автомобилей было повреждено, не менее 50 магазинов разбито. «Это наша хрустальная ночь»... «Я сам слышал, как они с топорами кричали "Смерть евреям" и полицейская машина ехала рядом, **сопровождая** «Акко – это арабский город», – поддерживая выступления соплеменников, заявил в Кнессете Ахмад Тиби. «Акко – это еврейский город в демократическом государстве Израиль», – противостоял ему Руби Ривлин... 500 полицейских прибыли тогда в город, чтобы защищать евреев и арабов друг от друга, ибо и евреи не остались в долгу – сожгли несколько арабских домов, за что показательно поплатились первыми...

Международный фестиваль альтернативного театра, который должен был состояться через пару дней на праздник радости и свободы в шалашах, был решительно отменен мэром Шимоном Ланкри. «Я несу ответственность за безопасность жителей и гостей города». Тысячи подписей деятелей искусства (и моя в том числе), подготовивших творческий форум, с просьбой провести его, несмотря ни на что – не помогли. Шок от пожаров, разбитых окон, кровавых драк поколебал у многих вообще веру в возможности единения на поле культуры. Отодвинутый на хануку в декабре 2008 29 театральный ритуал следа не оставил..., как после похорон...

Каким же выглядел фестивальный Акко после полицейской терапии в 2009 и тем более в 2010 г.? Вернул ли надежду на взаимопонимание? Принес ли

художественные открытия? И вообще, в какой мере дано искусству вмешиваться в человеческую психологию? Что происходит на сцене в принципе – манипуляции с сознанием или пробуждение совести – где границы и как их проявить в хаосе образов? Действительно ли театр становится в минуты роковые овеществленной историей?! И кто эти творцы, которым удается выразить главное?!

Афиша фестиваля 2009

Два фестиваля 2009-10 гг. осветили путь альтернативного театра Акко как дорогу к взаимопониманию через покаяние даже ценой художественных компромиссов во имя реакции на духовную боль...

«Санаторий» Офера Амрама, «Ключевые слова» (Милот мафтеах) Мартина Могильнера, «Шоковая терапия» (Хавайя метакенет) Йоава Барталя, «Отец» (Тате) Варды Бен

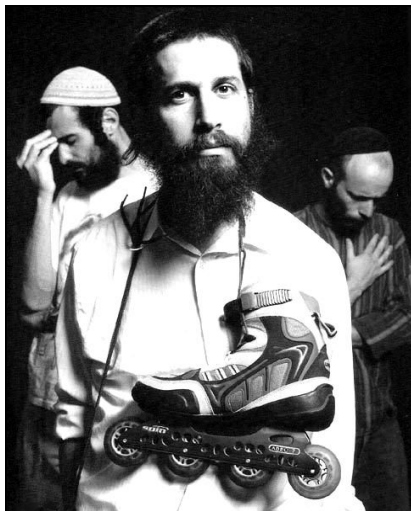
Хур, «Стена Плача» (Котель ха дмаот) Пабло Зальцмана – уже сами названия были тогда в 2009 – кристаллом, чьи грани зеркально отражали активную позицию творцов, не оставшихся безучастными к происшедшему и по-своему попытавшимся прокомментировать и по возможности аудиовизуально залечить раны времени...

Без слов лишь в диалогической пантомиме создавал его духовный образ Офер Амрам, уравнивая в правах несовершенства врачей и больных в авторском спектакле «Санаторий», где все меняются местами. Израильский вариант чеховской палаты номер шесть, только гораздо более узнаваемый в силу сочетания формального порядка и тонкости реакций больных, привязанных к своим мучителям и наоборот – врачей, оказывающихся такими же скрытыми мучениками установленных обязательных законов лечения во имя всеобщей тишины. Среди белизны палат и безмолвия безнадежности возникал в спектакле звук непрекращающейся общей боли... Мы все нуждаемся в лечении, нам всем нужен санаторий – подтекст действия прочитывался без напряжения... Спектакль, сделанный в стиле философской пантомимы, призывал к взаимному милосердию... Техника точной пластики служила смыслу и достигала цели, как и в предыдущих спектаклях О. Амрама («Ов или В Эпицентре Ночи», «Голем», «Весна Священная» др.)

Крик о помощи к Отцу пронизывал комедию ансамбля из Ицхара режиссера Варды Бен Хур в спектакле «Тате!». Четверо поселенцев встречаются в последние часы перед Йом Кипуром, чтобы успеть закончить свои ежедневные семейные дела перед Судным Днем. У каждого из них свои маленькие смешные проблемы дома, которые они не могут решить. Еще не начался День Приговора, а они, уже предощущая его, требуют ответа у Отца, закрутившего их жизни в непреодолимый узел... Режиссер Варда Бен Хур и актеры Амихай Хазан, Идо Левингер, Омри Верч в феерической шутке, лирической автосатире неожиданно представили публике масштаб, величие Дня Йом Кипур как духовного отчета перед Всевышним, ожидания, даже требования справедливого Суда!.. Столь

непосредственная детски наивная презентация живых историй прозвучала на фоне происшедшего универсальной еврейской актуальней...

«Тате» – «Отец Родной!», автор Варда Бен Хур, театр из поселения «Ицхар». Спектакль посвящен значению для евреев Йом Кипура, как личного диалога с Богом

Однако фестиваль в целом, неслучайно был назван «арабским». Распределение премий было тому доказательством. Главный приз получил спектакль театра «Эль Хакауати» из Восточного Иерусалима «Аба Убу на мясном рынке» по Альфреду Жари, в постановке Франсуа Абу Салам, сценограф Франсин Гаспар. Это был действительно гениальный спектакль, в котором соединились европейская театральная культура и арабский менталитет, где язык был формообразующим культурным знаком. Знаменитый текст французского драматурга был представлен в свободной интерпретации как зеркало подсознания современных арабов.

Как и оригинальный текст Жари «Король Убю», представлявший из себя пародию на бесящуюся с жиру Францию, «Аба Убу» из «Эль Хакауати» был сделан как авто сатира на зажавшихся от обилия мяса, потонувшую в

крови палестинскую «хамулу» – многочисленную семью, где нет преданности друг другу, но есть жажда власти любой ценой даже за счет убийства брата... Действие происходит в мясной лавке, границы которой раздвигаются актерами (Н. Фауэр, А. Ньюман) в диалоге с умершими родителями, оживающими казненными телятами и ослами. Их голоса, отрезанные головы превращались вдруг в игровые маски для актуальной политической декларации, средством припечатать не только себя, но и правителей Израиля... Авторская страсть к жестокому бурлеску была блистательно использована постановщиками, представившими абсурдную мазохистскую авто сатиру, где зрители приглашались в смеховые судьи шизофреников – слабаков, которые утерjali, перевернули последние идеалы собственной свободы... Слово «джихад» звучало в спектакле будто бы от гадибука – из уст «умершей мамы», вселившейся в сына, лишь как страстное приглашение к сексу... Подобно Альфреду Жари, уничтожившему прекрасного Стефана Маларме, Поля Верлена, Пюви де Саванна... – тонкости красок и чуткость к поэзии, Франсуа Абу Салам создал гармонию разрушенной эстетики, сюрреалистический театр современного арабского черного юмора – образ уничтожающей кровавой самокритики... Однако спектакль, как и требовалось у Жари, при всех эскападах оставлял неадекватное ощущение – огромной духовной силы и... угрозы. Образ недооцененной опасности... Как театровед, я была в восторге, как еврейка – в ужасе... Но в области искусства диалог все-таки был возможен, хотя он определенно в тот год был в пользу шифров арабского сознания. Значимым арабским событием был и спектакль «Потрясение исправляет» Хавайя метакенет Йоава Барталя по пьесе Мирьям Кейни с прекрасным ансамблем арабских актеров из театрального центра Акко, продемонстрировавших свою версию событий, как естественную реакцию на унижительные правила игры, установленные местной властью.

Дальнейшее распределение призов вызвало у многих фанов сцены интуитивный протест. Лишний раз я убедилась, что политические манипуляции с публикой все-

таки не реальны, если они выходят за пределы художественного языка, превращаясь в явное подобие общепринятой прессы...

«Аба Убу на мясном рынке» по Альфреду Жари, режиссер Франсуа Салям – театр «Эль Хакауати» из Восточного Иерусалима – 1 премия 2009 г.

Вторая премия была вручена Мартину Могильнеру за спектакль «Ключевые слова» (Милот Мафтеах), основанный на журналистских текстах Эльдара Гальора, описавшего сцены на станциях проверки документов... Действо разыгрывалось между стульями девочками-израильтянками, требовавшими от каждого зрителя реакции на то, что происходило в центре, где актер – араб весь в белом, как «ангел»! изображал беременную соплеменницу, которую не пропускали в роддом на КПП из-за отсутствия разрешения на въезд... Агрессивная рациональная режиссура не втягивала, но наоборот, вызывала чувство протеста своей однобокой публицистичностью, не игрой, не перевоплощением, но дешевым розыгрышем – не убеждала, а разубеждала... Ибо искусство привлекает не констатацией

фактов, подобной репортажу на демонстрации, но жизнью человеческого духа в истории, которую могут выразить только тонко чувствующие, видящие невидимое, не подвластные времени таланты... Однако в тот год фестивальная комиссия на художественные особенности обращала внимание только у арабов, которые к тому же сами себя высекли...

Эпилог фестиваля 2009 был неожиданным. На четвертый день с неба вдруг грянул гром и полил не дождь, но бурный потоп, смывая все следы прошедшей трагедии. Пропала и без того немногочисленная публика. Воздух был чист и пустынен. Во всем чувствовалось легкое дыхание после пережитых страданий – катарсис в природе оставлял надежду на возрождение...

С сомнением и тоской ехала я на нынешний Суккот в Акко. Обитаем ли на этот раз будет город? Первые впечатления были странными: наставленные на каждом углу полицейские никого не проверяли, пропуская всех. При этом никто из них не знал, где же спектакли. Может, они стояли для украшения, для обещания спокойствия для многочисленных туристов?! Благо они снова пожаловали именно в эти дни и на экскурсии и на фестиваль, где в саму программу были включены представления из Испании, Швеции, Франции, Австрии, Румынии, Германии, Голландии, Словении...

Древний архитектурный центр быстро наполнялся любопытствующими и даже пытающимися радоваться, несмотря на количество приготовленных (но скрытых!) пистолетов. Подъему настроения способствовал и праздничный базар, где яркие краски, музыка голосов и рукотворные чудеса (вроде киоска фруктов внутри огромной освещенной тыквы!), подводили прямо к уличным представлениям. В этом году они были не менее значимы, чем закрытые конкурсные зрелища. Из 300 участников – более 200 работали в открытых декорах старого города. Из 90 спектаклей – 65 были доступны каждому. Актеры играли прямо в публике, привлекая к диалогу или раздражая невыносимыми для слуха скандалами, демонстративно развенчивая наглое себялюбие грубой дерзкой шуткой

(театры «Акапела», «Персона»). На огромной сцене восточной стены – как на каменной вертикали – акробаты из Румынии развешивали на фоне музыкальной видео анимации колоссальное зрелище о беспредельных возможностях преодоления страха и отчаяния (театр «Экстрим», автор-исполнитель Дорел Моиз, виртуальный дизайн Сурин Олексюк). 17 премьер было показано только на улице. Среди них «Электризирующее вторжение» (Плиша Хашмалит) театр «Люд» из Словении режиссер Вида Сарковник; «Кабинет Курьезов» французский театр «Красный Баллон» Дани Мартинеза; «Зависть» – политический перформанс Реут Бекерман; «Мазатис» – балет Тель-Авива Яары Долев о красоте природы, побеждающей страсть к охоте и убийству...

«И сошел он в Яффо и поднялся в Акко» – автор Элиан Вальджи

И долго звучал в ночи ансамбль фольклора Ами Хэфеца, зажигая публику латиноамериканскими ритмами...

В 2010 году в свой 31 альтернативный фестиваль город Акко все-таки взорвался фейерверком праздника!.. Но на этот раз факел покаяния пронесли по его сценам именно евреи...

Два уличных спектакля стали в этом смысле особо значимыми. Оба были посвящены персонажам из еврейской истории. Пророку Йоне и Йошуа Ха Ноцри, известному как Иисус. Первый спектакль назывался «И спустился в Яффо и поднялся в Акко» (Ве йред Яффо ве йале Акко) –

музыкальный перформанс по танахическому тексту «Йона» театр Левьятан, режиссер Элиан Вальджи.

Второе действие принадлежало режиссеру театра Орто Де Инону Цафриру «Виа Долороза – Сейчас» (Виа Долороза Ахшав) – совместный проект артистов из Кroatии и Израиля...

«Виа Долороза сейчас» – автор спектакля Инон Цафрир

Оба спектакля в разной форме по сути были вопросом к публике – кто может спасти, неужели в новой обстановке снова нужны герои, которые первыми пожертвуют собой ради всеобщего мира и спокойствия, подобно пророку Йоне и спасителю Иисусу, искупившему смертью своей всеобщие грехи?!

И если театр «Левиятан» в прямом диалоге со зрителями на фоне белых каменных балюстрад использовал визуальные библейские цитаты, совмещая историю и современность, то «Орто Де», следуя своей давно избранной художественной системе, разговаривал с залом без слов, языком символов – представляя зрителям результат – авторское решение уравнения времени – знаковую концепцию проблемы (подобно объездившему мир спектаклю «Аваним» – Камни, что до сих пор идет в театре «Симта»). На сцене в одинаковых черных бизнес костюмах двулика группа в масках хищников и Иисуса на затылке каждого из них. Актеры, играя на противоположностях, доказывали визуально, что в каждом из мутантов скрыта тоска по милосердию и любви, ради которой они готовы

отдать свое сердце. Объединившись вокруг святой книги, озверевшие «бизнесмены» протягивали ей свой красный цветок, как бы вырывая сердце... Будет ли найден гармонический баланс в душе современного человека между жестокостью и человечностью, эгоизмом и альтруизмом? Неужели необходимо призвать каждому внутри себя Мессию, чтобы снова пройти путь очищения от грехов? Дуализм масок театра «Орто Де» воспринимался зрителем вопросом без ответа, ибо в любом из нас, по мнению постановщиков, скрыт архетип милосердного героя и социального равнодушного эгоиста, мутанта-хищника, и все зависит только от внутреннего выбора. Как гром, прозвучал в конце снова звук очищающего потопа, от которого двуликие манекены прикрылись черными зонтиками... Продолжать или прекратить успешную самозащиту неучастия в происходящем рядом с тобой – решать было застывшему от напряженной работы мысли зрителю...

Конкурсные спектакли подтвердили эту линию самоанализа, духовного счета между историей и современностью. «Травмированная творческая память и прорыв к личной культурной самоидентификации» – как отметило жюри, стало ведущей темой большинства работ. Такова была идея призового спектакля «Минута молчания» Ариэля Леви и Хилы Голан, в котором Израиль представляет Германию, а Германия – сионизм... Рассказ, основанный на подлинной истории бабушки Рахель, немецкой еврейки, которая умела «любить по-еврейски, по-немецки – на ее собственном неповторимом языке». Спектакль сопровождался фильмом Эяля Сивана «Рабы памяти» 1991 г и производил впечатление непрекращающегося спора о современной еврейской – израильской ментальности, которая по мысли постановщиков связана с немецкими «вражескими» корнями, где был общим изначальный, еще не разрушенный ненавистью мир любви и сердечных привязанностей...

Этой же теме проверки первоначального генерального плана создания Израиля, как государства спасения для евреев, рожденного в голове австрийского элитарного журналиста, был посвящен авторский спектакль

Рони Синая «Переодетый» – «Митхазе» с иерусалимским театром «Инкубатор». Фигура Герцля в исполнении Даниэля Шапиро была представлена здесь двулико – не то как реакция исторического персонажа на современный Израиль, куда попал на психосеансе у Фрейда (Янон Сазу) Герцль, не то как розыгрыш с переодеванием школьного недотепы ради достижения неразделенной любви... При этом «святая корова» Герцль – не сумасшедший, (как у Йосефа Мунди в его пьесе «И все-таки она вертится», что до сих пор в репертуаре театра «Симта»), но искренне верующий в еврейские идеалы интеллигент, восприятие которого привычных уже реалий воспринимаются как наивное, детское, устаревшее...

Переодетый – Автор спектакля Рони Синай, «Херцль» – Даниэль Шапиро

Каков путь развития страны? В чем и в ком ее перспектива, если корни нашей государственности, по мысли артистов – Германия и Австрия, и мы изначально больны их культурой, бедой и виной, как бы мы ни хотели себя от них отделить?!

Множество спектаклей касались темы «Катастрофы»: драма «Госпожа Борохов» Анат Зоненфельд, где в современной религиозной семье обнаруживается, что

родительница – не еврейка; музыкальное кабаре «Дом на берегу озера» Яэль Расули и Яара Гольдринг, где на глазах спрятавшихся у озера трех сестер расстреливают мать, а их самих отправляют в ад, превращая в обезьянок, лишенных личности, что замечательно было изображено лишь звуком, голосом и символами кукол...

О парадоксах Катастрофы был фильм Дуду Мааяна «Пурим – в пещерах памяти» о постройке идеального с точки зрения Гитлера города Линц узниками Маутхаузена.

Самым сильным впечатлением о еврейской трагедии был для меня Драмбалет «Шоа-Лайт» что может быть переведено как «Легкая Катастрофа» театра «Сизиф» Рони Адельмана из Иерусалима. Не развлекательное кабаре с тремя идеальными красавицами, в успокаивающих сверкающих зеленых костюмах, но параллельный им тяжелый перформанс со спокойными убийствами и чтением книг над горой трупов – предложил постановщик зрителю без надежды на взаимопонимание и ответ... Спектакль как «сизифов труд», «где нет смысла, но продолжать его обязаны во имя возможного все-таки пробуждения»...

Сцена, в которой начинали унижать и убивать даже прекрасных танцовщиц, напоминала о продолжающейся и сейчас энтропии чувств, о жестокости к близким и слабым – женщинам, детям, старикам, которая и есть с точки зрения постановщика – современная трагедия никуда не ушедшего прошлого.

«Нас приучают к здоровому – зеленому – легкому восприятию Катастрофы, так проще ее продать. Я здесь родился и в этом живу... Но мне тяжело. Я показал, что мы колеблемся между забвением и памятью и не замечаем, что все живо в нас...»

Хореограф по образованию в Голландии, Рони Адельман создал почти бессловесный пластический «Экшн», который при всех постановочных неточностях, связанных с незаполненностью огромного сценического пространства «Амфи», поражал бескомпромиссностью поиска пути к избавлению... В эпилоге Рам Мизрахи, игравший араба-христианина, предлагал публике в противовес увиденному распять себя на магеновиде, чтобы

вспомнили, что «все – хорошие!»), снова призывая каждого к покаянию и искуплению... Не оформленная достаточно профессионально буря аудиовизуальных пластических страстей Рони Эдельмана заслужила тем не менее высокую оценку «нового актуального языка искусства, который лишь пробивается»...

Высшую премию и три специальных приза (за музыку, графику и режиссуру) заслуженно получил спектакль «Обновляющая Педагогика» – «Хинух мехадеш» Эрана Тоболя. Тема современной духовной Катастрофы была преподнесена здесь в стиле серьезного смеха Чарли Чаплина. Если бы я не вспомнила великого клоуна, все действие показалось бы мне трагедией, где улыбки надо было уничтожать в зародыше. Такова была реакция и большинства зрителей, которые, по словам актеров, «потом стеснялись, что участвовали в этом ужасе».

Магнетическое решение изначально настраивало на легкую увлекательную игру актеров со зрителями, которых у входа в зал, украшенный математически рассчитанными гирляндами оранжево черных шаров «приглашали на конгресс по современному воспитанию» главные идеологи Новой Педагогики Плофенбах и Цофенхайм (Эран Тоболь и Идо Йона). Спектакль начинался с программки, «с вешалки», с двери, с фойе, где каждая мелочь – была абсолютно правдивой выдумкой. Аккуратные еврейские детки записывали в журнал каждого зрителя и выдавали ему на руку черно-оранжевый **пятизначный** номер, для входа в «кампф» – детский лагерь, образ будущей педагогики, где каждый сантиметр был строго упорядочен, «чист и прекрасен»: место для игр, классы, подобные длинным баракам, кошерная столовая... Если бы не очаровательные лица «киндерлах», которые проводили между стеклянными макетами и убедительно объясняли внешние достоинства будущей революции в израильском просвещении..., сердце бы не забило тревожно – их нежные чистые личики гасили ощущение, что все это напоминает о порядке в Освенциме... «Бите, тухес!» – огромный улыбающийся толстяк Гросс (Галь Исраэли), добрый надзиратель с роликом туалетной бумаги на животе приглашал присесть. Дети рассаживали,

подобно «ангелам» сцены, подчиняясь командам «учителей»: Флофенбаха (Эран Тоболь) Цуфенхайма. (Идо Йона), Вагины (Ади Равид), Эйнцузиген (Карин Сруя), Драйхдрайха (Эрез Даскаль), Вагнера (Эуд Варди)... Приятные игры с публикой по реестру номеров выявили 13 самых лучших зрителей, которых чрезвычайно серьезно наградили усиками, черно оранжевыми ливреями и правом быть приглашенными на трапезу для избранных, сцену на сцене – стол, окруженный публикой.

Действие разворачивалось как серия доказательств выгоды единения в преподавании, то есть в создании будущего общества, немецкой пунктуальности, любви к порядку и данной от природы еврейской мозговой гениальности. «Лекторы» – посланники немецкой нации, прозревшие после поражения в войне и перевернувшие идеи нацизма, (не забывая при этом «красоту» его первооснов!) с радушными объятьями обращались к публике, приглашая каждого в сообщники и единомышленники. Актеры блистательно использовали национальные манеры поведения и немецкую грамматику, разговаривая с публикой на германо-ивритском-английском джибрише, вызывая невольные ответные улыбки и взаимопонимание, настолько безобидно начинался этот «убунг»– невинное психофизическое упражнение...

Однако член педколлектива якобы образцовый еврей «Драйхдрайх» – («третий рейх» – неужели такой воспитанный «Аид» – воплощенная мечта нацистов?!) – уже обученный немецкой дисциплине, почему-то вдруг начал возмущаться ролью живой мишени в учебной сцене «Ахтунг махт» – «Самозащиты», когда Цуфенхайм (Идо Йона), демонстрируя с улыбкой зрителям, как деткам, как надо себя вести для «протекции» (защита по-английски), чтобы выиграть, вытащил огромный автомат, чтобы стрелять в живого человека...

«Конгресс» начал разваливаться, и чтобы поддержать высокую планку процесса, успокаивающая всех «Ванина» приглашала всех к столу на демонстрацию того, как надо поесть «кошерную» пищу в идеальном воспитательном учреждении. Зрители вместе с «ингелах»

окружали стол, к которому приглашались только учителя и «избранные счастливики», а стулья зала оказывались вдруг решающей сценой... Ибо тут происходил непредвиденный еврейский бунт!

«Вагина», как ходячая кукла в мини юбке с огромными очками, режиссируя порядком еды, не давая никому прожевать, поднимала вверх вилку с ножом, требуя от всех как по команде моментально застыть. Все подчинялись под величественные звуки музыки полета Валькирий «робкого» Вагнера, упивавшегося красотой чистого идеала... И лишь «Драйдрайх» демонстративно продолжал жевать, разрушая порядок – «орднанг», унижавший его человеческое достоинство... «Эссен Фресен» - «Кушать» превращалось в «Пожирать» живого человека с его естественными наклонностями! Цофенхайм, еле сдерживаясь, срывался на крик, резкостью напоминая лающих овчарок. Еврей, не подчиняясь и разрушая до конца «обучающую наглядность новой педагогики», скрывался в публике для самозащиты. Чтобы сохранить приличия, директор Флофенбах заставлял бунтовщика вернуться на «задворки заведения» и под отвлекающий на столе, как на сцене, канкан «Вагины», душил еврея там, где только что сидели подобные ему улыбающиеся и все забывшие его соплеменники. Тело «Драйдрайха» для показательного итога в черном мешке втаскивали на стол для демонстрации результата нарушения правил поведения! Однако мертвая тишина сменяла радостный процесс «конгресса», ибо стол для каждого в этот момент превращался в алтарь памяти о непрекращающейся еврейской боли...

Чувствуя, что «показательный урок» провалился, его участники с тихим свистом исчезали, предчувствуя наказание... На прощание они просили одного из образцовых «ингелах» петь песню на идиш, предлагая зрителям самим решать, на каком они свете... Зал был потрясен, не в силах разойтись...

Группа выпускников театрального факультета Хайфского университета 2007 г уже получившая первую премию на уличном фестивале в Бат-Яме в 2009 г с теми же

масками «Флофенбаха и Цуфенхайма», которые приехали в Израиль заключать мир – «цугенфриден» Эран Тоболь и Идо Йона поставили себе психологическую цель: «Мы хотели экспериментировать и посмотреть, куда приведет публику магическое понятие силы, куда может прийти общество, которое легко увлекается подавляющей все системой. Мы поняли, что сила разрушает даже тех, кто владеет ею... И нам интересно всегда, как люди воспринимают нашу затею... Ведь для многих до сих пор через 60 лет слышать речь из Германии страшно... Мы мечтаем сделать это на джибрише с немецким акцентом и с русскими словами, но пока много приглашений в Европу...» Актеры блистательно использовали господствующую в Израиле отрицательную реакцию на все немецкое, ломая трафареты, доказывая вновь, что грань, отделяющая нас от врагов наших хрупка и относительна...

Как преодолеть духовную Катастрофу, которая продолжается и сегодня? Как жить в настоящем, а не мнимом мире? Как преодолеть ненависть? Как дышать и думать дальше – особенно в Акко после перенесенных кровавых столкновений?

Легендарный режиссер, один из первых организаторов фестиваля, директор театра «Шломи» Дуду Мааян предложил как возможный итог многоязыковое ритуальное действо «Семейный стол», длившийся около четырех часов и вызвавший невозможное требование бесконечного повторения... Почему? Потому что постановщик уже смотрит на нашу боль из австрийского далека, где он ныне работает и растит детей... Он предложил зрителям европейский миротворческий рецепт – в нашей современной мировой деревне, где все так близко, хрупко и непрочно – прислушаться, взглядеться друг в друга!..

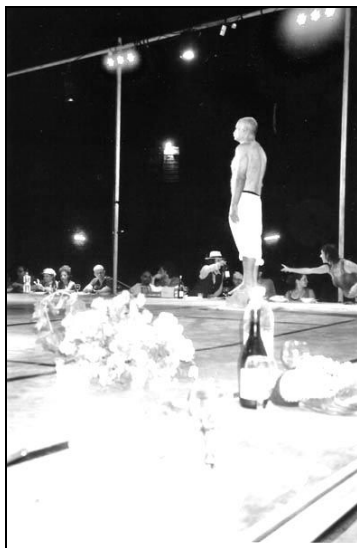
Для этого в первом акте актеры провели зрителей по переулкам Старого Акко в семи разных направлениях, где своей импровизацией предлагали почувствовать атмосферу, красоту старого Акко, в котором в основном живут сейчас арабы. (Первая часть так и называлась «Погружение Израиля в Старый Город» (Иткансут Исраэль ле Аттика).

Как человеческие ручейки собирались вместе зрители в огромный амфитеатр на берегу моря к общему застолью, где актеры, растворившись в публике, были и хозяевами и героями симультанного действия, происходившего на столе, как на огромной сцене. Острая еда сопровождалась жаркими спорами и страстными напевами на хорватском, испанском, эфиопском, цыганском, чешском, английском, индийском..., зажигая и без того разогретую публику, которая не только сидела, но повисла на стенах под открытым небом и подпевала из окружающих окон... И только один полуобнаженный актер в белом, как статуя – с закрытыми глазами, длинными усами и не улыбающимся ртом контрастировал всеобщей радости и веселым шуткам. Он явно напоминал онемевшего средиземноморского араба-христианина. Его одевали, украшали, передвигали вместе с постаментом с одного угла в угол, даже пытались с ним флиртовать, шутить... Однако он был неподвижен. Лишь в конце, когда все замолчали, он вдруг «ожил» – открыл глаза с одной только фразой, которая прозвучала через динамик откуда-то сверху, как голос статуи командора: «Тистакель Алай!» – «Взгляни на меня, всмотрись внимательно!» Я такой же как ты... Между нами нет разницы. Мы одного рода...

Это был уже не призыв, а высший приказ к личному счету грехов ненависти к кому-либо, живущему на земле, превративший на миг всех присутствующих – и израильтян и иностранцев за «семейным столом» – в безмолвные статуи...

Маисра Масари – бессменный актер местного театрального центра – был единственным арабским постановщиком ивритского спектакля «Асли», даже не включенного в официальную программу. Действо, обозначенное как «аккская комедия» был создано драматургом Рои Рашкасом по идее Моти Тамама, потерявшего во время войны 2006 г всю семью и играющего роль Асли – безработного аккского шалопая-еврея, ради денег вдохновенно изображающего на улицах «несчастливого гонимого араба»... Его родственник (Рафаэль Сэйди), наивно принимая его перевоплощение за чистую монету,

чуть не убивает его... Жена (Сигалит Шимони), сломленная его жертвами ради искусства, решает отправить его в Тель-Авив на учебу. Но «непризнанный талант» выбирает остаться дома «асли» – шлимазлом, с мечтой вновь блеснуть раз в год меж альтернативных звезд!.. Все зрелище, где рядом кафе со зрителями, квадрат сцены и белье на веревке на аккском балконе было кривым зеркалом фестиваля, где с точки зрения местных жителей евреи играют в арабов для международного признания и получения личной финансовой выгоды... Эту разоблачительную комедию блистательно сыграла Мейталь Мор – «Пици», представившая свою героиню, как молодую ярко выраженную ашкеназску – энтузиастку с цитатами предательства от Анат Кам, готовую оплачивать от имени «Нового Израильского Фонда» любую проарабскую антиеврейскую игру... И лишь один актер – араб Халиль Каддура демонстративно сидел напротив, не произнося ни слова, прикрывшись газетой...

Семейный стол – Автор спектакля – Дуду Мааян. В центре – безмолвная статуя араба

«Почему он молчал?!» – мучила я режиссера после

спектакля... «Я намеренно заставил его безмолвствовать, потому что это не наш фестиваль. Нет ни одного спектакля на арабском языке, на котором я могу летать. Но сцена – это единственное место, где еще можно представить себя. Я окончил Бейт-Цви, но у нас есть огромное художественное богатство, и я мечтаю об арабской театральной школе, о Чехове и Шекспире на арабском».

– Но ведь в программе есть твой спектакль «Журналистская вечеринка» Месибат Итонаим в театре «Эль Лаз» – победитель арабского фестиваля «Мисрахид» 2010!?»

– Его отменили, так как зрители не пришли... Мы участвуем во всем этом так же, как во Франции, Германии или Америке. Но если бы у меня был бюджет, я бы сделал в Израиле международный театральный фестиваль на арабском языке! Нам есть что показать...

В последние минуты я добралась на пристань в театр «Эль Лаз» имени Гетаса Мазена, наследника российско-украинской театральной школы, успевшего поставить в 2000-м на арабском мифический спектакль «Шантиан» (Старое белье), потрясший тогда единством европейской и арабской культур, новым не изведанным еще мышлением в искусстве.

Его сердце разорвалось в 52 года... В свете ночных фонарей лицо легендарного режиссера мерцало как живое... Тоска по творчеству Гетаса Мазена мучает многих, кто его видел, как по творчеству Хануха Левина. Оба – как поэтические грани одного театрального кристалла, имя которому домашнее пространство святой земли...

На прощание я спросила М. Масари, как он воспринял столкновения в Акко 2008 года, и услышала странные слова надежды: «Не было о чем говорить. Какой-то один наш хулиган потревожил евреев. Надо было немедленно вызвать полицию и все... А из этого сделали событие! Нет и не было в Акко войны. Это все раздутый, прессой «праздник», приведший позже к столкновениям! Почему они молчат сейчас о том, что происходит в Лоде?! Ведь ситуация похожая... **Никто не кричит на улицу, когда в одном доме спорят братья!»**

**Прошедшие два фестиваля во множестве
взаимоисключающих спектаклях подтвердили мысль о
«доме для братьев», где они живут вместе, и лишь
милосердие и взаимное покаяние могут осветить путь...**

Владимир Зайдельсон

ВЫЗОВ

Действующие лица

Марк

Ксения – его жена

Мария Тимофеевна – мать Ксении

Олег – приятель Марка

Илья – приятель Марка

Ирина – подруга Ксении

бычная комната с обычной мебелью 1970 годов. Нет еще телефонов, компьютеров и прочего, что повлияло впоследствии на наш быт. Обычный большой круглый стол. Стенка с книгами и посудой. Телевизор. Торшер. Диван. Большое окно. Ксения стоит у окна спиной к нам. Смотрит на улицу. Там идет снег.

Входит Марк.

Марк: Ксюша! Ксюша! (подходит, обнимает ее)

Родная, о чем задумалась?

Ксения: Мне не о чем задуматься?

Марк: А у меня для тебя две новости!

Ксения: Одна плохая и одна хорошая? Начни с хорошей. Я уже привыкла к плохим...

Марк: Ну, понимаешь... как бы тебе сказать... Одно зависит от другого. Если первая новость тебе понравится, то и вторая будет великолепной. А если нет – то стоит ли говорить о второй?

Ксения: Нет уж, говори! И «А»! И «Б»!

Марк: Я получил вызов. Ну, который мы ждали из Израиля... Сегодня пришел. По почте. Извещение пришло на работу. Как я и заказывал. Я пошел и получил. Значит, все уже знают. Иван Алексеевич еще не вызывал. Наверное, завтра вызовет.

Ксения: Поздравляю! Только я чего-то не поняла.

Почему это мы ждали?

Марк: Потому, что я так думал. И очень надеялся.

Ксения: Я тебе ничего не обещала.

Марк: Ты обещала подумать.

Ксения: Я давно подумала. И ты знал, что я никогда не оставлю маму! Никогда!!! Знал?

(Входит мать Ксенин – Марья Тимофеевна)

М.Т.: Кто тут маму вспоминает?

Марк: Марья Тимофеевна! О вас только хорошо или вообще никак...

М.Т.: То есть, как о покойнике?

Ксения: Мама!

(Раздается телефонный звонок)

М.Т. (подходит к телефону): Алло? Да? Марка Семеновича? Марк Семеныч – это ты?

Марк (берет трубку): Слушаю... Да... Это я. Да, конечно... Я дома. И никуда не собираюсь. И когда?.. Не знаете? А как же? Вот так? Хорошо... *(кладет трубку, растерянно)* Первый раз в жизни по имени отчеству...

М.Т.: Дождался...

Ксения: Кто это, Марк? Что происходит?

М.Т.: Хочешь знать, когда меня по фамилии с именем отчеством провеличали? Когда передачу принимали твоему отцу...

Марк: Я пойду с Игорьком на площадку погуляю. Если кто придет – я там. И не расстраивайте Ксюшу вашими историями...

М.Т.: А может, расскажешь нам, что происходит? А то я уже несколько недель чувствую, что между вами что-то не так. Шепчетесь все время. Я зайду – замолкаете. А тут и звонки какие-то...

Марк: Марья Тимофеевна! А помните Володьку, рыжего такого... Он к вам часто раньше забегал... Потому что в Ксюшу тайно был влюблен...

Ксения: Тебя послушать – все в меня были влюблены... Только я об этом не знала, к сожалению...

Марк: Так я ж говорю – тайно. Только я явно... Ну и Олег, конечно. Но я не об этом. Но потом Володька этот женился на Эллочке из нашего с Олегом класса и переехал

жить к ней в 13-метровую комнату вместе с ее матерью.

Ксюша: Анной Абрамовной, я ее помню. Ты к чему это?

Марк: И у них еще сын, как у нас, тоже Игорь. На год младше нашего. И вот как-то раз лежат они ночью и, уж не знаю, что между ними произошло... Завозились что-то... И вдруг слышат – Анна Абрамовна, во весь голос, громко так: «Прекратите там! Я вам второго ребенка нянчить не буду!!!». Я недавно его встретил, Володьку... Он, расстроенный, мне это рассказал... Говорит, что до Элочки дотронуться не может. Что-то между ними не то... И она плачет все время.

М.Т.: Это в мой огород камушек, что ли?

Марк: Ну что вы! Просто я о том, что к нашему счастью, у нас, хоть и крошечная, но двухкомнатная квартира. Ну, я пошел.

(Выходит)

М.Т.: И что это было?

Ксения: Он просто нервный последнее время...

М.Т.: Он нервный... Конечно... Но тут что-то еще... Я это вижу! Чувствую... Чего шепчетесь по углам-то? А ругаться вроде не ругаетесь? Да вы и не ругались никогда. И с ребенком стал больше времени проводить, чем обычно... С тобой только шепчется, вроде уговаривает... А злость срывает на мне... Вот как сейчас... И чем я ему не угодила?

Ксения: Ну что ты, мама! У вас же с ним последнее время, да как только Игорек появился, тихие прекрасные отношения... Я прямо отдыхаю и не нарадуюсь.

М.Т.: Тихие – это правда, но до прекрасных... Нет, чувствую я, что-то созревает. А что – понять не могу.

Ксения: Он получил вызов из Израиля.

М.Т.: Кто?!

Ксения: Марк. Кто же еще?!

М.Т.: И как же это? Зачем? А как же ты? А Игорек? И что это значит? А я? А мы все вместе? Он что, с ума сошел?

Ксения: Мама, успокойся! Если Марк захочет – он уедет один. Я ему это сказала. И не раз. Я не собираюсь покидать тебя, да и места, где я родилась. Мне даже страшно

подумать, что я поеду куда-то, на чужбину – от тебя, от всего, что мне близко и... Как бы я его ни любила... Я не готова... Об этом мы и шепчемся, как ты говоришь...

М.Т.: Говорила тебе – выходи замуж за Олега... Вышла бы за него – и не попала бы в такой ужас...

Ксения: Нашла время... Вспомнила... Если мы друг другу носы вытирали в пионерлагере – это еще не повод... И потом, ты не видела его пьяным, когда все нутро его вылезает наружу... И, вообще, я Марка люблю. Понимаешь? Люблю!!!

Я знала – ты была против Марка сначала, но неужели ты потом не поняла, что мне, кроме него, никто не нужен...

М.Т.: Я не была против... Просто я не была за... Я от него всегда чего-то ожидала.

Ксения: Почему?

М.Т.: А потому, что у вас с ним все началось не как у людей. И потому, что я его никогда до конца не понимала. И людей его национальности – тоже. У них всегда все до крайности. И унижения, и гордость. Ты помнишь Софью Яковлевну, Сонечку – мою подружку, с которой мы были в эвакуации в Сибири, в Ялуторовске?

Ксения: Мать, мне ж тогда 5 лет было! Что я могу помнить?

М.Т.: Ну а Семочку – ее сынишку, ты с ним очень дружила, помнишь?

Ксения: Его помню смутно. Трусишка был такой. Все его обижали.

М.Т.: Ну так вот. Если бы не Сонечка – мы бы там не выжили. Ты себе не представляешь – как она мне помогала – и едой, и теплом, и советом. Она была лучшим другом. Да нет, единственным. Там друзей вообще не могло быть.

Но и злила же она меня. Своего Семочку она никогда не защищала и никогда не учила давать сдачи. А всегда... А всегда говорила ему: «Дорогой, если кто-то хочет тебе что-то плохое, например, Халиф, самый вредный мальчишка во дворе, не связывайся с ним. Иди домой». И Халиф издевался над ним постоянно. Я ей всегда говорила:

«Соня! Да поговори ты с его отцом, с Мустафой. – Он в нашем дворе дворником был. – Или научи своего парня давать сдачи». – «Нет, Машенька, нам нельзя...» – «Да кто вы такие, черт возьми? Вы не такие, как все?» – «Не такие. Мы – евреи». И не поймешь – то ли с гордостью, то ли с самоуничижением... И вдруг, Ксюша, в один прекрасный день, когда Мустафа смертным боем бил свою жену, а делал он это частенько и всегда во дворе, при всем народе, выбегает Сонечка и дает ему пощечину, смачную такую. Двор весь замер – ты бы видела... Мустафа посмотрел на нее... Я подумала – все! Сейчас убьет! А он плюнул ей в лицо и ушел... А я испугалась, ничего не поняла и разозлилась на нее жутко. С тех пор наши отношения уже не были такими теплыми.

Ксения: Почему?

М.Т.: А потому, что я ничего не поняла... Не смогла понять... А я убеждена – когда не понимаешь человека, не знаешь, что от него ждать – ты не можешь доверять ему до конца. И любить тоже.

Ксения: А папу ты любила? Когда напивался и руку на тебя поднимал?

М.Т.: Во-первых, редко это было. И даже тогда любила... Хотя и ненавидела, когда доходил до такого состояния... Но понимала его... Жизнь он собачью прожил. Все-таки родной он мне был всегда... И когда пил. А когда не пил – тем более... Вот ты говоришь – у Олега все нутро наружу вылезает, когда выпьет. Так это может и правильно – ничего не остается за пазухой, внутри. Все наружу! У человека, с которым ты живешь!

Ксения: Даже если наружу одна гадость?

М.Т.: Нет, конечно. Тогда нет. Хотя Олежка... Ведь я тоже знаю его с детства... Но тебе виднее. А вот Марка никогда не смогу понять до конца... Чувствовала всегда, что может что-то выкинуть. Но такого даже от него не ожидала...

(Раздается телефонный звонок)

М.Т.: Я слушаю... Марка Семеновича? Это вы недавно звонили? Его нет дома. А зачем вам? Пошел с ребенком гулять... Здесь, около дома. Позвать? Не надо? Ну

ладно. До свиданья. *(Вешает трубку)*.

Ну и что дальше? Звонки? Вопросы? Проверки? Может обыски?! Соседские взгляды, перешептывания за спиной... Я все это проходила. Не дай Бог тебе.

Ксения: Ну что ты, мама! Не те времена сейчас. Да и ничего преступного Марк не сделал.

М.Т.: Ох... Ксения! Времена всегда одни и те же... А то, что Марк сделал – для них это враждебный акт, да и тебя он подставляет под удар. И мне кажется, что после этих звонков он должен немедленно уйти из этого дома.

(Входит Олег. Подходит к М.Т., целует ее в щеку. Подходит к Ксении и целует ее тоже. Долго и крепко).

Олег: Извини, Ксюша, что без разрешения...

Ксения: *(отстраняясь)* Ты всегда без разрешения и всегда извиняешься...

Олег: На правах друга детства... А кто это должен немедленно покинуть этот дом? Если Марк – могу немедленно заменить.

Ксения: Шут гороховый!

(Входит Марк)

Марк: Нет. Он не шут. Он вполне серьезен. И, кажется, он уже что-то слышал и что-то знает. Поэтому и примчался.

Олег: Что-то слышал, но ничего не знаю, пока от вас не услышу.

Марк: А ты в качестве кого пришел услышать – друга или соперника?

Ксения: Марк, не надоело?

Олег: В качестве друга, у которого друг увел любимую девушку. Правда, это было давно. Но я не устану напоминать об этом.

М.Т.: Вы тут повяясняйте отношения, а я пойду, ужин приготовлю, раз гость пришел. *(Уходит)*

Ксения: Олег! Тебе не надоело? Меня никто у тебя не уводил. Сколько раз тебе повторять? Когда ты успокоишься? Мы с Марком уже женаты несколько лет. У нас ребенок. А ты каждый раз все одно и то же! Надоело.

Олег: Ксюшенька, но мы же с тобой с детского сада вместе, за ручку... И на даче, на сеновале целовались... А

тут пришел некто и сразу...

Ксения: *(зло, почти кричит)* Это ты меня поцеловал. И лапал меня! А я, как могла, сопротивлялась...

Марк: Слышали мы уже, и не раз, эти воспоминания детства...

Ксения: Вы мне оба надоели! Пойду лучше матери с ужином помогу... *(уходит)*

Олег: А что, собственно, произошло? Из-за чего сыр-бор? Тимофеевна возбужденная какая-то. Звонки. Вы какие-то всклокоченные. Может, расскажете пострадавшему другу детства и твоему школьному другу?

Марк: Не делай вид, что не слышал. Слышал – потому и приперся.

Олег: Слышал. Но все, знаешь, как-то так... Недомолвки, намеки... Хотелось бы из первоисточника.

Марк: Ну, что ж, получай. Я получил вызов из Израиля. Ты ведь это хотел услышать? И завтра, вероятно, об этом будет известно на работе.

(Продолжительное молчание)

Олег *(осторожно):* А вызов только на тебя или на Ксюшу и Игорька тоже?

Марк: Вызова два – один на всех, а второй на меня одного. И ей уже завтра надо решить – едет она или нет. Потому что в ее отделе кадров тоже этим поинтересуются. Если она останется – ей придется со мной развестись. Ты ведь поэтом и прибежал?

Олег: Понимаю... Вернее, тебя-то я не понимаю. Она же не поедет. Ни за что!

Марк: Это почему же, умник?!

Олег: Во-первых, из-за матери. А во-вторых, я не знаю, как сказать... как найти слова... То, что не держит здесь тебя – держит ее. Земля, город, воздух, зима, дождь...

Марк: Ты думаешь – меня это не держит? Или я этого не чувствую и не понимаю?

Олег: Не так. Иначе ты не добивался бы этого вызова. Я, конечно, слышал, что есть какие-то слухи, какие-то толчки подземные... Что можно заказать вызов, подать официально просьбу. Не страшно?

Марк: Страшно.

Олег: Вот так заявить всем – властям, городу и миру – не хочу здесь жить. С вами...

Марк: Хочу уехать легально, законно. Не сбежать. А сесть на самолет, помахать ручкой – и до свидания... А может быть и с семьей, а?

Олег: Размечтался... И не до свидания, а прощай. И как бы не загрехать тебе вместо Ближнего Востока на Дальний.

Марк: За что это? Ты думаешь, я один такой вызов получаю?

Олег: За что, Марик? Да ни за что. Рассматриваю варианты...

Марк: И, как всегда, нагнетаешь и преувеличиваешь... Кого хочешь напугать – Ксению, Марию Тимофеевну? Что у них преступник в доме?

Олег: Ситуацию надо продумать со всех сторон. Вам всем уже завтра надо что-то решать.

Марк: Решим. Не волнуйся. И без тебя... А вот что меня задело в твоей трепотне – ты меня отделил от всего – от ветра, дождя, снега. От города и мира... Это твое, а не мое? *(задумчиво)* А я ночами последнее время лежу... И снег об окно шуршит, словно шепчет: куда ты, Марк? Зачем? Это же все твое, родное! Куда тебя несет? Как лист, оторванный по осени? И бессонница рвет на части. Это все мое не меньше, чем твое, дерьмо! Я здесь родился, так же, как и ты, засранец! И прав у меня на этот город и мир не меньше, чем у тебя. И вообще, может, пришла пора нам выпрямиться и начать гордиться нашим происхождением, а не горбиться и скрывать его, как нас приучили.

Олег: Да кто вас приучал? Вы сами всегда хотите быть, как все, а в глубине души и лучше всех. Ты вспомни себя, когда ты пришел в наш класс. Ты не успокоился, пока не стал получать самые высокие оценки по всем предметам, обскакав и меня тоже. А особенно по литературе.

Марк: Все помнишь – и Ксюшу и литературу...

Олег: А как же... Я, знаешь, недавно читал одну статью. Там анализируется – почему во время войны соседи предавали живущих веками рядом с ними евреев.

Марк: Ну и почему?

Олег: Потому что они были похожи. Похожи, но не свои. Процесс отторжения... Это и в животном мире происходит, когда похожие, но чужие отторгаются и уничтожаются.

Марк: Этот автор твоей статьи сам животное, расист и антисемит. Может, ты тоже мечтаешь меня исторгнуть и уничтожить? Никогда в тебе раньше этого не замечал.

Олег *(смеется)*: Хотел, было дело... Но только из-за Ксюши.

(Входит Илья, одетый во все черное и с бородой)

Олег: О! Еще один! Ты тоже вместе с Марком?

Илья: Нет, конечно. И прискорбное намерение Марка мне стало известно только сегодня. Он позвонил и сообщил... Как всегда... Как обухом по голове... И вот я здесь, чтобы понять – чем вызвано это внезапное и безумное решение.

Олег: Постой, постой! Ты хочешь сказать, что ты с ним не согласен? Что он даже не должен и думать об отъезде в Израиль? Ты – религиозный еврей?! Знаешь, я тебя давно не видел и перестал понимать.

Илья: Ты меня никогда и не понимал. Чтобы быть религиозным евреем, мне совсем не требуется куда-то уезжать. Соблюдать все наши правила везде тяжело. И в Израиле тоже. И вообще, самые большие религиозные авторитеты живут не в Израиле, а в Нью-Йорке. Там, в Бруклине, живет Любавический ребе. Самый великий для меня человек и учитель. И если бы уж я поехал – так только к нему, в Америку.

Олег: Понятно, в Америку лучше.

Марк: Ильюша! Твои еврейские проповеди Олегу непонятны и неинтересны... Он их воспринимает только – где лучше, где хуже...

Олег: Это ты зря... Интересны... А самое главное, более понятны, чем то, что ты лепечешь. Только, Ильюшенька, объясни мне, грешному и неразумному. Ты же, совсем недавно, в церковь бегал с той же бородой. И с такими же горящими глазами объяснял мне про Христа.

Илья: Ты намеренно напоминаешь мне про мои извилистые и непростые пути в поисках истины. В поисках

своей религии. Мой путь был усеян мучениями. Я увлекался ложными пророками.

Олег: Ничего себе! Христос – ложный пророк!!!

Илья: Для меня, Олежек. Не для тебя.

Марк: Друзья, может быть, сменим тему и поговорим о чем-нибудь более земном, насущном и злободневном...

Илья: Земное и насущное... Как ты можешь так поступить с Ксюшей? С нашей милой Ксюшей? Ты отобрал ее у всех нас! Я ее тоже любил и даже хотел открыть ей свое сердце.

Олег: И ты тоже на мою голову?!

Марк: Что?! Ты ж меня уговаривал не совершать этот ложный шаг. Не жениться не на еврейке и даже уже нашли мне со своей Сонечкой еврейскую девушку. Если б ты ее видел, Олег. После того, как он меня приволок к себе, и я пообщался с ней пять минут – я бежал по морозу полчаса до дому, и от меня люди шарахались.

Илья: Не преувеличивай... Настоящая еврейская девушка. Кстати, она уже вышла замуж.

Марк: Поздравь ее от меня... А особенно ее мужа!

Олег: Нет, Марк, я смотрю на нашего Илью и не могу иногда прийти в себя. Ведь был же лучший ходок города и области. Ты помнишь этот случай с рыжей Люськой, за которой тшечно бегали парни из трех соседних школ?

Марк: Мне рассказывали, но всех подробностей я до сих пор не знаю...

Олег: Я тоже всего не помню. Короче, затащил он ее, вернее она его, к себе домой. Родители ее уехали на дачу. Расположились они с комфортом в их спальне. И только приступили к действию – открывается дверь – и на пороге предки...

Люська мертвая... А наш герой опомнился – встает, смотрит папе в глаза, наливающиеся кровью, натягивает брюки и говорит: «Здравствуйте, папа, здравствуйте, мама». И пока папа онемел от такой его находчивости, наш Ильюша смотался со скоростью ветра, оставив Люську разбираться с разъяренным отцом. Если б не ее мамаша... не

жить бы ей. Роман продолжения не имел, а, Илья?

Илья: Ты снова, намеренно, напоминаешь мне самый мрачный и ложный период моей жизни.

(Олег и Марк хохочут)

Илья: И все же, что будет с Ксенией и Игорьком? Я поэтому и пришел к тебе... Меня это волнует. Она едет с тобой?

Марк *(угрюмо)*: Она должна решить сама.

Олег: Можете как угодно отнестись к тому, что я думаю... Но я уверен – Ксения никуда не поедет.

Илья: В таком случае я решительно против их развода!

Олег: Странно, что ты, радетель чистоты еврейской крови, против. То ты против их брака, то ты против их развода.

Илья: Потому что они любят друг друга. Давно и навечно. И потому, что я люблю их обоих. И обожаю Игорька. У меня самого два таких сопливых... И как это – разъединить их со мной? Или меня с Сонечкой? И помыслить нельзя! А у тебя, Олег, есть личный интерес.

Марк: А для тебя это новость?

(Раздается телефонный звонок, Марк берет трубку).

Марк: Да, это я. Да, Марк Семеныч. А это снова вы? Да никуда я не уйду. Сажу дома. А уходил с сыном. На площадку... Нельзя, что ли?.. *(с раздражением)*. Ах, можно, значит? А вот сейчас мне надо выйти, заскочить к приятелю, взять у него кое-какие вещи для работы, разрешаете? ...Да нет, тут рядом, в соседнем доме...

Да у Даманского... Все-то вы знаете... Ну спасибо. Премного благодарен.

(Во время этого телефонного разговора входит М.Т., стоит, слушает).

М.Т.: Вот и хорошо. Идите-ка вы, ребята, прогуляйтесь. Все вместе. Только ненадолго. Приглашаю всех на ужин. Картошка, селедка, капуста собственного засола, ну и грибочки, конечно.

Олег: Марья Тимофеевна! Раз такая закуска – остальное мы обеспечим...

М.Т.: Олег! Только не так, как в прошлый раз. Я не позволю. Здесь не кабак... Знай меру.

Олег: Марья Тимофеевна!!!

Марк: Ладно, ребята. Пошли.

(Все трое уходят. М.Т. подходит к окну, стоит, задумавшись. Входит Ксения).

Ксения: Мама! Ты чего там? ... А где все?

М.Т.: Ушли пройтись. Надо ужин накрывать. Я обещала им закуску. Олег обрадовался – наверняка водку притащит.

Ксения: Зачем ты это? Ты же знаешь ... Я этого терпеть не могу!

М.Т.: Потерпишь

Ксения: Мам! Ты мне что-то хочешь сказать?

М.Т.: Опять звонили... Оттуда...

Ксения: Я слышала...

М.Т.: Если сегодня к нам пришли люди, то завтра к нам никто не придет. Мы останемся одни с этими звонкам и косыми взглядами соседей. Ты должна уже решать, решить и сказать.

Ксения: Что решать? Что решить? Что сказать? И кому сказать?

М.Т.: Ему!!! Марку! Что ты с ним не едешь! Что ты меня не бросаешь! Что ты меня с Игорьком не разлучаешь!

Ксения: Он это и так знает! Нет ни одной ночи, чтобы мы с ним не говорили об этом, не спорили, не орали друг на друга. С тех пор, как он попросил вызов. Этот проклятый вызов! Нет ни одной ночи, чтобы я не плакала всю ночь.

М.Т.: А зачем ты позволила ему попросить этот вызов?

Ксения: Если хочешь знать, я начала плакать, как только он мне сказал, что уже попросил. Ты что, его не знаешь? Он что, у меня разрешения спрашивал, советовался, делился?

М.Т.: Вот это то, что я тебе раньше говорила. Ты его не знаешь и не всегда можешь понять его поступки.

С Олегом было бы гораздо легче. Напьется и протрезвится, и в любви бы каждый день объяснялся. А от

Марка я как-то теплых слов не слышала.

Ксения: Мать!!! С Олегом мне не было бы легче и не будет никак! Мне не нужно Марка во всем понимать. Я его люблю! И это все для меня. Сколько раз тебе объяснять?!

М.Т.: Между прочим, для твоего отъезда, мне объяснили, моя подпись требуется – так ты ее не получишь – так и знай.

Ксения (*устало*): Я же тебе уже сказала – я никуда не собираюсь уезжать. И не только потому, что не собираюсь и не хочу тебя покидать и оставлять одну на старости лет...

(*М.Т. садится, сгорбившись, и плачет*).

М.Т.: Ему нужно уйти от нас. Вам с Игорьком не нужно продолжать жить с ним. Мне-то все равно. Я не о себе.

Ксения: Что?!!! Куда уйти? Откуда?!

М.Т.: Из этой квартиры...

(*Входит Ирина – кокетливо одетая миловидная женщина со следами увядания на тщательно напудренном лице*).

Ирина: Привет... Марья Тимофеевна! Дорогая! Как дела? Давно вас не видела...

М.Т.: Да на прошлой неделе... (*Ксюше*) Вот к тебе и помощница. А я пойду на кухню, приготовлю все. Накрывайте пока на стол.

(*Ксения и Ирина накрывают на стол*)

Ирина (*захлебываясь, торопливо*): Ой, Ксюша, сейчас по пути к тебе в переход зашла, ну знаешь, в центре. Вот пудру компактную от Диора купила. Хочешь? Чего там только нет, даже польская помада, перламутровая, за которой мы прошлой зимой в очереди два часа стояли, мерзли, как собаки. Помнишь? А в туалет рядом зашла – чего там только нет! И фирменные сапоги на платформе, и колготки разные, и джинсы... Даже Ливайс!

Ксения: Олег здесь.

Ирина: Так я и знала. Знала!.. Спал у меня... Как всегда... И как только я сболтнула ему, что Марку не дали должность зав. лабораторией и ходят слухи, что после этого

он вроде получил вызов из Израиля...

Ксения: Он попросил вызов задолго до того, как ему не дали эту проклятую должность. Можешь успокоить всех его друзей в вашем институте...

Ирина: Ксюшенька, все были уверены, что должность его. Ведь он у нас самый талантливый и все это знают... Но дело не в этом... Как только я сболтнула... Олег стал сразу отстраненный такой, пустой... Он всегда такой, когда о тебе кто-то вспоминает... Ксюш! Я боюсь!!!

Ксения: Чего ты боишься, идиотка?! Тысячу раз мы с тобой об этом говорили – мне твой Олег не нужен. Оставь его себе.

Ирина: Я боюсь, что Марк уедет, и он будет все время ошиваться здесь около тебя. И ты сдашься. Ты ж его не знаешь. Он настырный, в душу влезает, как... змей.

Ксения: Ира! Он мне не нужен!!!

Ирина: Но ты ему нужна! И у вас что-то все-таки было.

Ксения: Ира! У нас ничего не было! И потом, я что – вещь, что каждый, кому я нужна, может меня взять – только заверните!

Ирина: Я за тебя тоже боюсь. Ты моя лучшая подруга!!!

Ксения: О-о! Это что-то новенькое...

Ирина: Боюсь, что ты уедешь с Марком и я тебя больше никогда не увижу... Даже представить себе этого не могу...

И о тебе как подумаю, так реву... Чужая страна, пески, жара... Ты помнишь Люську рыжую, ну из соседнего с нами класса. Она еще за Вадьку Перельмана вышла. Ну, если ты ее не помнишь, то его ты точно помнишь.

Ксения: Ну помню, кажется. Ну и что?

Ирина: Они уже уехали. Он ее силой увез. И когда она с работы увольнялась – ее на собрании спрашивают: «Ты ж языка не знаешь, как ты будешь с ними разговаривать?» А она: «Я, – говорит, – с ними и здесь не разговариваю. И там не собираюсь».

(Обе смеются. Входит Мария Тимофеевна).

М.Т.: Что смешного нашли? И ещё на столе даже не

всё готово... Ира! Короча юбку не могла одеть? Я вчера в универмаге была, так там таких не видела...

Ирина: Тетя Маша, так кто теперь в универмаге покупает?

М.Т.: И для чего это тебе в твоём-то возрасте?

Ирина: Тетя Маша! Побойтесь Бога, мне еще и тридцати нет. Я еще хочу быть красивой и любимой.

М.Т.: Кем?

Ксения: Мама, ну хватит тебе. Будто ты не знаешь? Ирка всегда Олега любила и будет любить. У нее это как болезнь.

Ирина: А Олег болен вашей дочерью – давно и безнадежно.

Ксения: *(с вызовом)* А твоя дочь любит своего мужа, отца своего ребенка.

М.Т.: Ничего, скоро эти ваши все треугольники распадутся сами собой...

Ксения: Знаешь, мать, тебя мне на сегодня хватит. Пойду посмотрю – картошка готова или нет? *(Уходит)*.

(Ирина и М.Т. какое-то время молча ставят посуду на стол).

Ирина: Значит, вы уже все знаете, тетя Маша?

М.Т.: Конечно, знаю. Разве можно что-то скрыть от матери? Да даже если от нее скрывают – у нее есть ушки на макушке и материнское сердце. А что у вас на работе говорят?

Ирина: Ну, еще мало кто знает... Только слухи... Но уже некоторые стали его сторониться. Ведь наверняка собрание будет. Еще выступить заставят... Теть Маш! А вы как, за то, чтобы Марк уехал? Ведь вы всегда были недовольны, что Ксюша за него замуж вышла. Только когда его тетя умерла, и он свои две комнаты и вашу одну поменял на отдельную квартиру – тогда смирились. Ну а потом и Игорек родился... Так вообще...

М.Т.: Я? Решительно против его отъезда!!! Это что же получается? Встает человек и заявляет, что он не хочет жить там, где он родился? А хочет уехать? Уехать куда? Куда он хочет? А всем другим нельзя? И только он имеет на это право? И такие, как он? А если все захотят? И ты, и я?

Ну я-то, положим, не захочу. Но вообще ты себе такое представляешь?!

Ирина: А что, Ксюша с ним не едет? Я у нее не хотела спрашивать.

М.Т.: Что?! Ксения?! Не смей спрашивать и даже думать об этом. Ксения живет в своей стране со своей матерью. И должна похоронить меня в этой земле.

Ирина: А вы представляете себе, как они будут расставаться? Как она будет здесь без него? Навсегда. Никогда. Без всякой надежды. А Игорек, ведь спросит об отце.

М.Т.: Ничего. Наше поколение еще не то прошло. И я своего ждала без всякой надежды.

Ирина: Но ведь вас насильно заставили ждать. И все-таки надежда была. И вы ждали. И дождались. А тут, вы же знаете, за кордон – и все. И навсегда! И никогда! Такие уж у нас условия и правила и законы...

М.Т.: Он сам заварил эту кашу – пусть сам и расхлёбывает. А я сейчас должна думать о Ксюше, о ребенке. И о себе, между прочим. Если он отсюда в ближайшие дни не уйдет – жизни у нас не будет. Мы все будем как неприкасаемые... И так уже звонки раздаются из инстанций. У вас на работе люди не дураки. Начинают думать о себе.

Ирина: Тетя Маша! Вы что же? Марка выгнать хотите из его же дома?

М.Т.: Выгнать? Я никого не выгоняю. Да и права такого не имею. Он сам должен понять обстановку и правильно оценить ситуацию.

Ирина: То есть сам себя выгнать?

(Входит Олег).

Олег: Ириша! Ты уже тут как тут. За мной пришла?

Ирина: Я к Ксюше пришла. Мы с ней договаривались. Она меня просила помаду ей купить. А ты утром убежал – даже кофе не допил. Хоть бы слово сказал... А ведь сегодня выходной – и торопиться тебе было некуда...

(Выходит)

М.Т.: Ты что, у нее живешь?

Олег: Нет. Ночую. А живу у себя... А что?

М.Т.: Да нет, ничего...

Олег: Как я понимаю, ничего нового я вам про вашего зятя не смогу рассказать?

М.Т.: Нет, не сможешь. Может быть, придется тебе твои ночные привычки прекратить?

Олег: Марья Тимофеевна! Дорогая! Я знаю, как вы ко мне относитесь. И, поверьте, всегда ценил это. Да вы и сами это всегда чувствовали. Хоть мы никогда об этом не говорили. Но я всегда чувствовал... Но Ксюша... Она всегда была, как ёж... Как только я приближался, она выпускала все свои колючки. Никогда не давала мне никакой надежды...

М.Т.: Сейчас все может перемениться... Она останется одна...

Олег: Ох, милая Марья Тимофеевна, честно, между нами... И знаете, почему? Дело не в Марке... Еще до Марка... Я уже отчаялся. Она меня не любит... Ваша дочь меня никогда не любила... Когда еще мы с ней в 5-м классе поехали в пионерлагерь... Да надо мной все ребята смеялись... Таскался за ней с зарядки и до отбоя. Она сама смеялась... И бегала от меня...

М.Т.: Потому что вы все, мужики, идиоты. Любовь – это терпение, понимание и внимание. И ты сейчас уже не в пионерлагере и умеешь сдерживать себя... И не бегать за женщиной... А во всем остальном... Большинство мужиков похоже на индюков... Это только индюк распушит хвост и так вальяжно показывает себя индюшке... На индюшек это действует. А женщинам неинтересно, когда мужик все про себя и про себя... Ей интересно про нее. Какая она! Какая она – красивая и умная, и лучшая. И как ты ее понимаешь и ценишь...И как ты чувствуешь её настроение, когда ей плохо... А Ксении, особенно на первых порах, будет очень тяжело. И поэтому, терпение, Олег! И внимание. И понимание... И все это вместе... И я думаю, что я немного знаю свою дочь... И иди уж, иди... И постарайся уже с этой минуты строить свои отношения, не выпячивая себя. И не напиваясь, как свинья. Иди, тебя твоя Ира заждалась.

Олег: Да, Марья Тимофеевна, умеете вы обухом по голове... Сурово... А может и справедливо.

(Уходит. Марья Тимофеевна продолжает расставлять посуду на столе. Входит Марк).

Марк: Мне кто-нибудь еще звонил?

М.Т.: Пока нет.

Марк: Вы что имеете в виду?

М.Т.: Не сомневайся. Еще позвонят.

Марк: Ну и кто уже успел посвятить?

М.Т.: Ты что, думаешь, я идиотка? У меня нет глаз, ушей? В моем доме от меня можно что-то скрыть?

Марк: И все-таки?

М.Т.: Во-первых, твоя любимая жена. Что ей скрывать? После всех этих звонков и ваших ночных скандалов...

Марк: И Олег, конечно. Который, только что вышел отсюда, как кот, наевшийся сметаны.

М.Т.: Сметану он здесь не ел. Сметану свою он съел, когда услышал о твоём вызове.

Марк: Скажите, Марья Тимофеевна, дело прошлое, раз уж у нас с вами разговор зашел. Не было случая спросить раньше... Разочарование было большое, что я, а не Олег, стал мужем Ксении?

М.Т.: Большое. Да и немудрено... Ты же выскочил неизвестно откуда, как черт из табакерки. А каждая мать хочет дочери...

Марк: Вот такого Олега... Всегда ценил вашу откровенность и прямоту. Вы всегда, если и молчали, то умели показать ваше отношение. Во всяком случае, я всегда это чувствовал.

М.Т.: Ну не всегда... Потом родился Игорек... Были у нас и хорошие времена. Но, знаешь, мне всегда мешали две вещи...

Марк: Какие?

М.Т.: Во-первых, с первого момента, на пляже, помнишь? Когда вы увидели друга? Когда она с тобой – она видит только тебя, смотрит только на тебя и ищет только тебя... И ей наплевать на всех. На всех, кто любит ее, кто любил ее прежде. Ну и на мать, конечно, тоже.

Марк: Преувеличиваете... Она сама уже мать. И вы не можете утверждать, что ей плевать на Игоря. А что

касается вас – вы даже не представляете, чем она жертвует. И именно из-за вас.

М.Т.: Насчет Игорька спорить не буду. А вот насчет жертвы – Ксения меня хорошо знает. Я не подпишу никаких документов. А без них она не сможет даже и думать об отъезде. И ты ее от меня никуда не заберешь.

Марк: Ну, а что же, все-таки, во-вторых?

М.Т.: А то, что я не всегда могла понять тебя, объяснить себе логику некоторых твоих поступков, но всегда ожидала от тебя чего-нибудь такого... И вот дождалась... Нет! Такого даже я от тебя не ожидала!

Знаешь, у меня во время войны, в эвакуации была одна подруга одного с тобой происхождения. Так она меня злила так же. То своим благородством, то каким-то упорным смирением, то глупым безрассудством, то просто идиотизмом. Я, конечно, не сравниваю. Она была простая женщина, а ты, все говорят, умен и талантлив.

Марк: Вы это о чем? Никогда у вас раньше не замечал среди ваших недостатков и этого тоже.

М.Т.: Думаешь, буду оправдываться?

Марк: А что вы скажете, если я возьму, передумаю и останусь?

М.Т.: Ну что ж... Пожалуй это будет еще один поступок из той серии, о которой я только что тебе толковала... Но все-таки на этот раз я попытаюсь понять... Тем более что ты уже стремишься направиться, как это меня просветили, на историческую родину...

Марк: Не столько направиться туда, сколько уехать отсюда.

М.Т.: Допустим. И все-таки... Как ты мог в один прекрасный день, наплевав на любимую жену... Ведь ты ее любишь – я нисколько не сомневаюсь. Забыв, что ты – отец ребенка... И какого ребенка... Все не налюбуются... Взять и попросить этот проклятый вызов... Зная, чем это грозит тебе и твоей семье... И что обратной дороги тебе не будет, несмотря на шуточку, что ты можешь и передумать.

Марк: Это была не шуточка. Я рассматриваю разные варианты... Один из них – убедить вас отпустить Ксению с сыном со мной... И уговорить ее уехать. Ведь

если они останутся с вами – вам тоже будет нелегко. Моя тень всегда будет стоять между вами. Вам не удастся убедить Ксению прервать со мной полностью связь и скрыть от сына, что где-то у него есть отец.

М.Т.: Посмотрим. И все ж... Любовь к исторической родине обуяла, слиться со своим народом захотелось? Как-то раньше не замечала у тебя такого рвения, как у Ильи?

Марк: Не буду объяснять и оправдываться, как вы мне только что заявили. А знаете – я сейчас плохо сплю... И вчера мне дурацкий сон приснился – будто такое большое поле... Жара... Ветер... Похоже на аэропорт... но вроде нет... И вы бредете... Нагруженная какими-то чемоданами... И еще Игорька за собой тянете... А я вам навстречу... и говорю: «Приветствую вас на святой земле, дорогая Марья Тимофеевна!» А вы мне в ответ: «А ты нисколько не изменился. Каким был дураком – таким и остался»...

М.Т.: Дурацкий сон! Даже во сне ты не меняешься... И снов твоих мне не понять...

Марк: Да я их и сам не понимаю...

(Входит Илья)

Илья: Слушай, Марик, я тут по пути заскочил к одному парню. Он в отказе уже год. Ты его не знаешь. Ну так он считает, что они специально звонят, чтобы вместе никто не собирався... Ждут организованных встреч, петиций, ну и вообще...

М.Т.: Что? И до этого уже докатились?

Илья: Марья Тимофеевна? Что с вами? Что у вас лицо такое – растерянное? Никогда не видел вас такой!

М.Т.: Да тут ваш друг кормит меня своими идиотскими снами – будто я приехала, и он меня встречает на вашей земле обетованной. И Игорька ему привезла.

Илья: А что... Сон в руку, Марья Тимофеевна... Был такой еврейский мудрец. Он жил много лет тому назад. Так он сказал: «Если не я за себя – то кто за меня? А если я только за себя – то кто я? И если не сейчас – когда?»

(Продолжительная пауза)

М.Т.: *(Осторожно)* Пойду-ка я лучше на кухню, к девочкам... Подальше от ваших снов и мудрецов...

(Уходит)

Марк: Ну и напугал ты ее ... Она терпеть не может, если ей, что-то непонятно...

Илья: Не только ей непонятно... Насколько я тебя знаю – ты никогда свое происхождение не выпячивал... От кого, от кого, а от тебя не ожидал, что именно ты уедешь, да еще без Ксюши и Игорька... Нет! Не подумай, что я осуждаю, ради Бога! Но без нее! И ты! Ведь вы так любите друг друга...

Марк: Да я и сам ни черта не понимаю... Поверь мне... И объяснить не смогу... Могу тебе только рассказать, как это все случилось... Никому кроме тебя и Ксюши не рассказывал, да и некому... Все равно навряд ли кто поймет до конца... Даже Ксюша до конца не усекла, что, собственно, меня заставило...

Илья: О чем ты, Марик? Такого я тебя не знаю...
(задумался)

Марк: Да я вот думаю – поймешь ли ты меня? Если я сам себя до конца не понимаю? Ведь ближе тебя у меня друга нет. И я все же не уверен, что ты меня поймешь...

Илья: Ну ладно, давай, не тяни... Для чего я к тебе пришел? Пока нам никто не помешал...

Марк: С другой стороны, может ты сможешь мне понять, что со мной происходит?. Знаешь, последнее время у меня все чаще и чаще бывают дни, когда мне все обрыдло... Все... Ну буквально все... И люди, и дома и погода... и порядки ...и собрания... и ложь повседневная... в которую погружен и на работе и везде... и фальшь, и эти лозунги на улицах... На тебя это не действует?

Илья: Да, что ты, Марик! Кто на это внимание обращает? Может, ты больной?

Марк: Нет. У меня есть знакомый психиатр. Я к нему ходил... Он мне сказал, что если утром у меня нормальное настроение – значит, все нормально. А у меня это в основном начинается на работе, когда я вижу определенных личностей или на улице в толпе...

Илья: А дома – Ксюша, Игорек?

Марк: Ну что ты, это мой якорь спасения... Ну, может только, если вижу тещу. Иногда. А, может, когда ее

вижу – всегда?

(Илья хохочет).

Марк: Ну, ладно, слушай. Это уже не шутки... Я точно помню – это был вот такой день. Утром все было нормально. Я еще повозился с Игорьком, пошутил с Ксюшей... Тещу не видел – она еще спала. Я еще подумал – хороший признак. Вышел на улицу... Шел мелкий противный дождь... А у нас около парадной все разрыто. Пришлось обходить... Это, конечно, раздражает, хоть я к этому и привык. Ничего, что я с такими подробностями? Но на автобус с этими обходами я чуть не опоздал и на работу примчался уже в соответствующем настроении. Весь взмыленный от толкотни... Я обычно езжу на более раннем автобусе... Там посвободнее. Ну а на работе у нас все гудит... Все ждут конкурса на освободившееся место завлабораторией. Никто не работает... Атмосфера, как перед президентскими выборами в Америке...

Все считают, ну, кто со мной работает, что это место мне обеспечено. Я самый умный, продуктивный, талантливый. Меня ценит начальство... В общем, тошнит... От фальши и лицемерия... Ведь это мне в лицо говорят... А за глаза... Естественно, есть соперники, завистники, противники и просто сплетники. Веришь, Ильюша, каждое утро хочется подняться к шефу и сказать: «Не надо!!! Не хочу!!!» Но ведь нельзя в наших условиях... неправильно поймут! А этим утром прибегает ко мне Олечка, секретарша директора, этакая расфуфыренная девица и первая сплетница и нарочито громким голосом объявляет, что меня вызывает к себе секретарь парторганизации Иван Алексеевич. Ей-богу, даже фамилии его никто не знает... Он у нас секретарь освобожденный. Ходит, улыбается, здоровается – на всех внимательно смотрит. Что он делает – никто не знает. В отделе – шок. Все смотрят на меня, как на приговоренного к смерти. Я ж беспартийный – зачем я ему?

Илья: Ну и зачем ты ему? Не томи...

Марк: Я не томлю. Но интрига разворачивается не торопясь. Здороваемся, сажусь. Он спрашивает, как мои дела, как движется очередной проект. Отвечаю. Серия вопросов о настроении в отделе... О семье... Как здоровье

Марьи Тимофеевны? Как Ксюша и Игорек? – Подготовился к беседе отменно... Но зачем? Вопросы иссякли... И после короткой паузы наконец-то мне все становится ясным... Он доверительно склонился ко мне свою физиономию, проникся надутой серьезностью и проникновенно так, как мой лучший друг, сказал: «Марк! Мы тут посоветовались и решили все-таки попробовать протащить на конкурсе твою кандидатуру на должность завлабораторией»... Я онемел, растерялся, ну не ожидал... Но успел обратить внимание на формулировочки – «протащить», «решили попробовать», «все-таки»... Заметил?

Илья: Ну а как ты думаешь?

Марк: Но он мне не дал опомниться и продолжал, так же дружески доверительно: «Не скрою, у тебя есть два крупных недостатка, которые могут нам с тобой помешать. – Здесь он сделал паузу, передохнул, посмотрел на меня со значением и, как будто открывая мне тайну, продолжил. –

Во-первых, ты еврей. А во-вторых – беспартийный. И если с первым недостатком мы, к сожалению, ничего поделать не можем, то второй надо срочно исправлять. Завтра ты принесешь мне заявление с просьбой о приеме в партию». Тут я опомнился и, несмотря на огромное желание плюнуть ему в морду и хлопнуть дверью, я не знаю, как, сдержался и спросил: «А подумать можно?» И тут он на меня напустился: «Чего тут думать? Ты вообще соображаешь? Какое доверие тебе оказано? До конкурса осталось меньше двух месяцев! А нам с твоим вступлением надо еще массу процедур провернуть». И тут, Ильяша, дорогой, я понял, что меня загоняют в ловушку, в капкан. И он вот-вот захлопнется.

Илья: Чего ж ты мне не позвонил? Не посоветовался? Я, как ты говоришь, твой лучший друг должен узнавать последним? Только сегодня удосужился позвонить?

Марк: Что ты мне мог посоветовать? И чем помочь? За меня в партию вступить? У нас, когда тебя припирают к стенке, даже твой Бог ничем помочь не может. Ты остаешься наедине с собой... А сейчас, когда события приняли такой оборот, я тебе единственному рассказываю

все, как на духу... Ну, еще и Ксюше, конечно... Ну так вот... А события приняли неожиданный оборот еще в тот же день.

Я вернулся в отдел и понял, что не выдерживаю вопросительных и любопытных взглядов моих сотрудников. Все ждали моих объяснений. Атмосфера сплетни давила... Врать не хотелось, а правду говорить было нельзя... Я собрал манатки и выскочил на улицу... Домой идти не хотелось... И вообще никуда... А дождь шпарил как из ведра... Я скакнул в первую попавшуюся подворотню, переждать ливень... И вдруг смотрю, рядом со мной стоит Вадька Перельман с такой восторженно-отрешенной физиономией... Помнишь его?

Илья: Да нет, не припомню, по-моему, не знаю такого...

Марк: Ну, может, и не знаешь. Но Люську рыжую, твою бывшую пассию, уж точно не забыл?

Илья: Опять ты напоминаешь мне то, что я хочу забыть?!

Марк: Да не в тебе дело... Люська вышла замуж за этого Вадика... Просто ты в последнее время со своими увлечениями отстал от жизни... И он в подворотне, под аккомпанемент дождя, радостно сообщает мне что завтра улетает в Израиль. Насовсем... Навсегда.

Илья: Но как же так? Ведь Люська же русская, помнится мне?

Марк: Ильюша! Не будь таким ретроградом! Тебе это не идет... Люська едет вместе с ним и двое детей с ними тоже. Меня это, наоборот, вдохновило и обнадежило насчет Ксюши... И тут мне пришла в голову одна очень интересная мысль, полностью опровергающая аргументы уважаемого парторга. Насчет вступления в партию – тут я навряд ли что-нибудь смогу изменить и, скорей всего, категорически откажусь выполнять его указания и советы. А вот что касается моего еврейства, тут как раз кое-что можно изменить!!! И тут же в подворотне, под аккомпанемент дождя я даю Вадика свои данные, и Ксюши, и Игорька и прошу его организовать мне по приезду в Израиль два вызова – на меня одного и на всю мою семью.

Илья: Включая Марью Тимофеевну?

Марк: Религиозному человеку не подобает так шутить... Но, что сейчас невероятно осложнило ситуацию, я попросил Вадика прислать мне вызовы не на домашний, а на рабочий адрес. Ксюша на меня именно из-за этого очень сердится, а я не могу вразумительно ей объяснить – зачем я это сделал. Может быть, ты мне объяснишь, а?

Илья: Объяснить тебе, зачем ты это сделал? Как всегда, дурачком прикидываешься?

Марк: Да нет же... Вот я, иногда, не могу понять, почему я сделал что-то так, а не иначе. Меня куда-то заносит. Даже теща мне сегодня целую лекцию на эту тему прочла. И национальный вопрос приплела... Хотя она никогда этим не отличалась. Просто я частенько сначала делаю, а потом думаю.

Илья: Ну, объяснить – насколько я это понимаю?

Марк: Ну конечно...

Илья: Тебе мало было выскочить из ловушки, которую, как тебе показалось, они соорудили... Ты захотел выйти на площадь и закричать во весь голос, как ты любишь: «Не надо мне вашего завлабораторией, не надо вступления в партию, не надо от вас ничего! Я хочу уехать от вас, причем на законных основаниях, не скрываясь, не прячась! Но ведь тебе даже в голову не пришло, что люди вокруг тебя не такие уж монстры и чудовища. Ведь даже твой парторг, пусть по своему, желал тебе добра.

Марк: Об этом я тогда не думал... А в остальном... Но попробуй объясни это Ксюше, когда я себе-то не мог объяснить.

Илья: А почему Ксюша на тебя именно из-за адреса сердится?

Марк: Потому что она считает, что если бы вызов пришел на домашний адрес, никто бы на работе об этом не узнал. А если бы теща получила бы этот конверт, она ничего бы не поняла. И все можно было бы переиграть, спрятать, скрыть и оставить, как было. Ну а теперь нет у нас ни одной спокойной ночи... После работы, вечером мы из-за Марьи Тимофеевны об этом не говорили. Думали – она не знает... Но сегодня Ксюша ей сказала... А ночами... И ты знаешь, я

сразу почувствовал отпор... Не только из-за тещи... Тут она меня сразу предупредила, что разрешения от нее получить никакой надежды нет, уж она свою мать знает. Да Марья и сама меня сегодня очень четко просветила. Но если бы мы с Ксюшей были вместе, может быть, и удалось бы как-нибудь ее уломать, убедить, уговорить...

Илья: Но Ксюша сама против?

Марк: Но объясни мне, почему? Она же любит меня... Я знаю... И уверена, что я люблю ее... И не хочу никаких расставаний... Никогда она мне не сопротивлялась так... А тут я наткнулся на стену... И, насчет этих чертовых вызовов, она все время твердит одно и то же – если бы я дал домашний адрес, на работе бы ничего не узнали... и можно было бы жить как жили... И все бы утряслось... И я бы пошел на компромисс... А не пошел бы – тоже обошлось бы... Она не понимает, что на работе на мне поставлен крест. Ведь заявления я так и не принес.

Илья: Успокой ее... О том, что ты попросил Перельмана прислать тебе вызов, им сообщили из соответствующей организации сразу, как в аэропорту просмотрели у отъезжающих их записные книжки. И там, конечно же, фигурировали ваши фамилии. А если он их зашифровал, то как только вызов пришел, и неважно на какой адрес, в твоём институте тут же стало все известно.

Марк: Уверен?

Илья: И не сомневайся...

Марк: А знаешь, ты, наверное, прав! На работе ко мне никто в душу не лезет... О конкурсе никто не говорит – он, кажется, отодвинулся по времени... парторг, как будто, сгинул куда – как марионетка, которую дернули за веревочку... Я как будто освободился, как камень с души упал... Смотрю на все, как на вчерашний день... Никакой обрыдлости этой, депрессии... Это днем. Зато ночами... Эти вечные споры с Ксюшей, ее слезы... Ну как она не понимает, что нет у меня здесь уже никакой жизни. А когда она плачет – мне хочется плюнуть на все и остаться... И когда она засыпает – я еще не сплю... И думаю – что я делаю? Куда я еду?.. Бросаю жену и ребенка? Зиму, которую так люблю? Язык, который я сам? Ведь другого языка не

знаю!!! И плачу, Ильюша, поверишь, от того, что сам ведь затеял! Думаю, к черту все – остаюсь!!! Так ведь всю оставшуюся жизнь на коленях проживу и сам себя презирать буду. Да и все равно жить не дадут. Что же мне делать?! Что мне делать с Ксюшей, Ильюша?

Илья: Не могу тебе ничего сказать... Понимаешь, ты разрушаешь гнездо, которое она свила и которое так важно для каждой женщины. И подрываешь те основы, за которые она неосознанно держится. Ведь она же русский человек. Вот тут ты, видимо, и упираешься в стену.

Марк: Знаешь что, я слышу женские голоса. Сюда идут устраивать этот дурацкий ужин. Пойдем ко мне в комнату. Мне еще о многом надо с тобой поговорить.

(Уходят. В комнату входят, Ксения, Ирина и Олег)

Олег: Ксюша, куда водочку поставить? Ее даже охлаждать не надо, купил из холодильника...

Ксения: Ставь куда хочешь. Мне сейчас только до твоей водочки, да чтоб она...

Олег: Ксения! За что?

Ксения (растерянно): Не знаю...

Ирина: А я знаю и не скажу...

Олег: Ирочка! Ты не можешь еще что-нибудь принести к столу и оставить нас одних на несколько минут?

Ирина: С удовольствием... Не люблю играть в третьего лишнего... *(Уходит)*

Ксения: Зачем ты так с ней? Она же любит тебя, давно и преданно... и безответно... Так мог бы и повежливей.

Олег: А что такого я сказал? Мне надо поговорить с тобой наедине... А насчет безответной любви – так я и сам в ней большой специалист... И не волнуйся, твоей подруге прекрасно известно, на чем держатся наши отношения... И ее это устраивает...

Ксения: Я не о ней...

Олег: А у меня, как у многих мужчин, романтические порывы и физиологические потребности не всегда совпадают.

Ксения: По-моему, ты еще не выпил, а пошлости уже полезли. Почему ты меня всегда злишь?

Олег: Сам не знаю... И не хочу этого... Хочу с тобой тихо, нормально поговорить, как когда-то, а ты сразу со своими моральными принципами... и хочется что-то такое едкое, наперерез, чтобы сбить тебя с этого тона.

Ксения: Ладно, о чем ты хотел поговорить? Только имей в виду, что время ты выбрал не совсем удачное, мягко говоря...

Олег: Я поэтому и пришел... Понять, что происходит, и что-то предпринять... Помочь, одним словом.

Ксения: Чем ты можешь помочь, когда и так все понятно?

Олег: Он твердо решил уезжать?

Ксения: Спроси у него.

Олег: Спрашивал. Единственное, что уяснил, что наша с тобой родина его не устраивает. Она таких, как он, не любит.

Ксения: Это твоя родина не любит... Моя всех любит и всех обнимает!

Олег: Ксюша! Еще один раз с тобой на ножах я не выдержу... Короче, в ближайшие дни ситуация начнет обостряться. Я тут разговаривал с Марьей Тимофеевной. Она мне сказала, что завтра вы подаете на развод.

Ксения: Ну, конечно, без матери тут не обошлось... Вам доставляет удовольствие вмешиваться в наши отношения?.. Ну мать я еще могу понять... А тебя не понимаю!. Тебе-то что за дело?

Олег: Ты не поймешь, если не дослушаешь меня до конца... Я начинаю жалеть, что начал этот разговор с тобой. Надо было сразу предложить Марку, и все... Но я подумал, что ты сможешь убедить его в полезности и правильности такого шага...

Ксения: Какого этого шага? Что это ты придумал?

Олег: Я хочу предложить ему уже завтра, после вашего заявления о разводе, переехать ко мне...

Ксения: Ты что, с ума сошел?! Это еще зачем?

Олег: Чтобы избежать многих вещей. Косых взглядов соседей, например.

Ксения: Мне на них наплевать

Олег: Но Марье Тимофеевне, да и Игорьку, будет не

наплевать...

Ксения: Навряд ли это чему-нибудь поможет...

Олег: Частично поможет... Прекратятся звонки... И посещения... Пусть звонят ко мне... И приходят... И потом, на работе тебя все равно вызовут и спросят, живете ли вы вместе со своим мужем или нет.

Ксения: Жертвуешь собой, во имя нашего спокойствия? Как-то не верится...

(Во время этого разговора незаметно появляется в дверях Ирина. Стоит и слушает).

Ну а сам-то ты где будешь? Тебе ведь тоже где-то жить надо...

Олег: Я могу окончательно, на время, конечно, переселиться к Ире. Я и так последнее время все ночи у нее. А могу, наоборот, оставаться ночевать вместе с Марком, если ему будет морально тяжело и будет тянуть с кем-то поговорить. Ну, как, стоит подумать над моим предложением и помочь уговорить Марка? Я, во всяком случае, протягиваю вам руку помощи...

Ксения: Уговаривать его я не буду... Для меня это дико... Уговаривать его уходить из дома... Говори с ним сам.

(Уходит)

Ирина: Если ты думаешь, что все вокруг тебя дураки, а ты самый умный, то ты очень ошибаешься... Около тебя постоянно находится только одна дура – это я. И то я постепенно умнею...

Олег: О чем ты? Я не знаю, что ты слышала? Я только предложил свою помощь.

Ирина: Слышала, слышала... И твои цели мне ясны, как никому, хоть я и не больно умна. Но зато я тебя слишком хорошо знаю.

Олег: Ну и какие же у меня такие ужасные цели?

Ирина: А вот какие: воспользовавшись ситуацией, в которой сейчас пребывают наши друзья, как можно быстрее разлучить их, благородно предложив Марку убежище у себя дома. А самому, подло покинув меня, под предлогом моральной помощи Марку, стеречь его, как цепная собака. Уговаривая не видеться часто с сыном и, особенно, с

Ксюшей, чтобы не расстраивать ее и не травить ей нервы. Ведь расставание все равно неизбежно.

Олег: А что, разве это преступление, помочь им смягчить это страшное расставание, которое им предстоит... Ведь если он здесь останется, это будет ад кромешный, и я волнуюсь за Ксюшу... Да... У нее может быть нервный срыв!

Ирина: Узнаю Марию Тимофеевну... Вместе все обговаривали?

Олег: Что ты ерунду порешь? Но она тоже не в восторге от того, как все сложилось, и волнуется за Ксюшу... И когда я предложил то, что предложил, – согласилась, что это – хороший вариант и что Марку лучше как можно скорей покинуть этот дом. А то звонят, а скоро и посещать начнут... А что касается нас – я не понимаю – что у нас изменится? Я что – прекращу бывать у тебя?

Ирина: Ах ты мой оптимист-эгоист! Ты можешь очень ошибиться... Все красиво построив... что будешь продолжать бывать у меня... И что Марк с Ксенией, даже если они сейчас в шоке и не знают на каком свете находятся, примут твоё распрощенное предложение...

(Входят Мария Тимофеевна, Марк, Илья и Ксения)

М.Т.: Ну, у меня все готово. Садитесь все, поужинаем...

(Все рассаживаются).

Олег: Друзья мои! Давайте все нальем водочки и выпьем...

Ксения: А что, у нас есть повод выпить? Ты за этим сюда пришел?

Олег: Я думаю, что я выражу мнение всех, кто пришел... Мы пришли, чтобы поддержать в эту трудную минуту и Ксюшу, и Марию Тимофеевну, и Марка, конечно. Для них сейчас наступают нелегкие дни... Тяжелые и опасные для всей семьи. И я здесь для того, чтобы помочь вам и морально, и делом...

Я уже говорил об этом Ксении и Марии Тимофеевне... Они с тобой ни о чем не разговаривали?

Марк: Нет. А о чем они должны были со мной говорить? Ксюша! О чем это он?

Ксения: Пусть сам тебе скажет. Я ему сказала, что не собираюсь с тобой об этом разговаривать... То, что он предлагает, для меня звучит дико...

М.Т.: Ну и напрасно... Мне кажется, что Олег предложил здоровый и добрый выход из положения и вместо того, чтобы отметать его с порога...

Марк: А кто отметает? ... Прямо заговор какой-то... О чем речь-то, Олег?

Олег: Подожди, выпью, а потом изложу. *(Выпивает, закусывает)* Марик! Я предлагаю тебе убежище. У меня дома... От лишних звонков, посещений и прочих нервных осложнений, которые, по моим предположениям, начнутся уже завтра. Собственно, звонки начались уже сегодня... Тебя в покое не оставят... Вплоть до отъезда. И твою семью, если ты останешься здесь, тоже... А если ты переедешь ко мне, что они смогут им сделать? По крайней мере, Ксюшу, Марию Тимофеевну и Игорька мы уберем от излишних катаклизмов. А тебя, когда ты один, они тоже оставят в относительном покое. Ты будешь менее уязвим...

Марк: А ты?

Олег: А что я? Меня дома почти не бывает. Я или на работе, или в гостях у Ирины. Ну конечно, если тебе будет морально тяжело – я готов разделить с тобой твое одиночество – посидеть, поговорить...

Марк: Ты хочешь сказать, что жену и сына я уже не увижу?

Олег: Да ты что?! Ну конечно, это надо будет делать не явно, скрытно. Там же тоже не дураки сидят...

Ирина: То есть, с его благословения...

Марк: Ты знаешь, Олег, спасибо, конечно. Я сейчас ничего не могу сказать. Мне вообще надо свыкнуться с новой обстановкой, хотя я понимаю, что времени у меня немного... А по сути, вообще нет... Илья! А что ты думаешь?

Илья: Есть какое-то в том, что он говорит, рациональное зерно. Ты знаешь, я не могу предложить поселиться у меня – дети, как гроздь, по всем углам... А иначе бы... Но, как всегда, у Олега – прослеживается и личный интерес.

Ирина: Ильюша! Ну почему ты такой умный, а? Аж зависть берет! Почему я тебя вовремя не разглядела?

Олег: Я так и знал! Стоит мне только предложить помощь – так меня подозревают в личном интересе... В каком?! Да меня в прошлые времена за такой личный интерес сгребли бы сами знаете куда...

Марк: А вот объясни-ка мне Олежек вот что... Если сможешь... Впрочем, ты все можешь объяснить. Почему я должен проваливаться в яму, в бездонную пропасть и больше вас никогда не видеть – ни тебя, ни Иру, ни Ильюшу, ни даже мою дорогую тещу. О Ксении и сыне я вообще не говорю. Это кощунство в мировом масштабе! Почему я должен прятаться в любезно предоставленном тобой убежище и нелегально, в городе, где я родился, вырос и ничего плохого никому и никогда не сделал, я повторяю, нелегально встречаться со своей женой в твоей квартире?!. Боясь, что нагрянут и... Что они сделают? Мне? Тебе? Ксении? В чем они нас уличат? Впрочем, они найдут... Помнишь, Ксюша, как-то раз мы были у кого-то из друзей, хозяева ушли в театр и оставили нас одних. А соседи вызвали милицию. Ворвались два мордovorота, вытащили нас из постели, заставили предъявить паспорта и начали допрашивать – почему это мы без прописки занимаемся в чужой квартире прелюбодеянием? Пришлось нашим друзьям мчаться из театра и спасать нас... Да их и самих чуть не загребли за нелегальный публичный дом. А нас спасла моя будущая теща – заявила в милиции со скрежетом зубовным, что мы жених и невеста и собираемся подать заявление в загс, что, впрочем, помогло нам сломить ее сопротивление...

М.Т.: Вспомнил...

Марк: А что, такое и вспомнить приятно... И все-таки, Олег, я хочу, чтобы ты мне объяснил. Вот все говорят, что мы живем в цивилизованной, культурной стране. В Европе... Не в Африке, где кушают людей... Мы же не дети малые ... Все-таки слышаны, как это делается... Я разговаривал с одним французом из русских. Он к нам приезжал в институт с какой-то делегацией... Мой коллега, между прочим. Так вот он мне рассказывал, что он пять лет

проработал в Штатах.

Предварительно поехал туда. Представь себе, с женой... Чтобы познакомиться с нравами и с населением, как он мне в шутку процитировал Атоса из «Трех мушкетеров». Ну и с будущей работой, конечно. Потом вернулся, взял отпуск на полгода, чтоб не рисковать и не рвать концы... А через пять лет захотел и вернулся на родину... Спокойно. И никто не рвал на части... Не ставил его перед фатальным выбором... не отрывал от семьи, не отказывал в возможности изменить свое решение... Передумать... Ведь я простой человек ... Не борец... Меня поставили перед выбором, где я не мог переступить через себя... И я нашел выход, может быть, не самый лучший, но мне казалось, что единственный... А сейчас, даже если я передумаю, – жизни уже не будет, не только мне, но и моей семье... Почему, Олег, только в моей стране человека ставят в такую неестественную позу. А потом говорят – кто влево или вправо, карается... Или того хуже, кто не с нами, тот против нас...

Олег: А ты не обидишься, если я постараюсь объяснить тебе все, как я это понимаю?

Марк: Да я теперь могу только на самого себя обижаться...

Олег: Вот ты сказал, что ты не борец... Ошибаешься... Ты вот выразился, что тебя поставили перед выбором, где ты не смог переступить через себя. Мне Ира рассказала – перед каким выбором тебя поставили. Тебе предложили вступить в партию, так как твоя национальность представляет собой препятствие для назначения на должность завлабораторией. И твое вступление в партию должно было это, каким-то образом, нейтрализовать. И, между прочим, твое начальство очень хотело протащить тебя на эту должность, потому что ты больше других на нее подходишь. Все так?

Марк: Так. И, по-твоему, я должен был, пуская слюну от благодарности и умиления, уже на следующий день приползти на работу, зажав в зубах заявление, вернее нижайшую просьбу, о приеме меня в партию?

Олег: Не ерничай. Я прекрасно понимаю твои

чувства. Но должен тебе сказать, что большинство твоих сослуживцев, любых национальностей, и твоей тоже, сказали бы спасибо твоему парторгу за заботу и сделали бы то, что он посоветовал. Я не знаю, борец ли ты. Согласен, может быть и нет. Уж очень ты колеблешься, да и импульсивен... Но ты давно уже и не жилец здесь... Ты давно уже нутром не с нами... И именно потому, что все хочешь делать, решать, жить, дышать по-своему... А никто тебе здесь этого не позволит. Я сам не большой поклонник здешних нравов, но я – то самое население, как говаривал твой француз, которое инстинктивно будет за эти правила игры... Ты веришь в память масс, народов? Я верю. Мы большой народ и живем на огромной территории. И мы боимся рассыпаться... Когда-то у нас было множество княжеств и все князьки воевали друг с другом. И, может, поэтому мы оказались под игом. Нам нужна сильная жестокая и строгая власть. Она делает массу ошибок – издевается над нами, уничтожает целые слои населения, подавляет... Но мы всегда будем поддерживать ее. Потому что она нас объединяет. Можешь называть ее как угодно – опричниной, самодержавием, православием и народностью, крепостным правом, продналогом и продразверсткой, военным коммунизмом, демократическим централизмом, развитым социализмом, вертикалью, горизонталью, гипотенузой, как угодно... Иногда мы пробовали свободу и демократию. Но это не для нас... И таким, как ты, у нас не место... Или определенное место. А я не хочу видеть тебя там. И говорю это абсолютно искренне. Поверь мне.

Ирина: Чего ты всех пугаешь? И всегда ты так! Тоже мне – урок дает из истории для 5-го класса! Это он специально, чтобы ты уехал, Марик! А ты оставайся – ему назло. И чем у нас так плохо? Вот раньше было хуже и с едой и со шмотками... А сейчас, слава богу, если нельзя купить – то всегда можно достать... Вот я сегодня в туалете, в переходе пудру компактную от Диора для Ксюши оторвала. Ксюша, покажи всем. А если хочешь, я тебе и колготки в дырочку принесу... А если нужно о чем-нибудь поговорить, то на кухне мы всегда о чем угодно можем потрепаться, свободно и весело... А какие вылазки у нас

последнее время. Помните, как на озера ездили, как мужики шашлыки жарили, а мы салат нарезали, аж до слез от лука. Только я не от лука все время плачу... А от этого дерьма, от этого мерзавца – от Олега!!!. Вот от него я уехала бы не только в Израиль, а куда подальше... Если бы вы знали, как он мне надоел, как мне надоело готовить ему каждый вечер, а потом сидеть и реветь, и чтобы слезы капали прямо в эту еду. И гадать – придет или не придет? Сожрет молча или чего-нибудь пробурчит? А потом что-нибудь будет или нет?!.. А утром встанет, кофе выпьет и фьютъ ... и опять до вечера. И вот я тебе торжественно заявляю – я с тобой рву! Надоел!!! Не хочу!!! Не приходи!!! Хочу быть одна... Впрочем, почему одна? Я еще молода и красива. И на меня еще заглядываются... Вот на работе этот секретарь парторганизации Иван Алексеевич, кстати, очень видный мужчина, не раз подкатывался и так умильно смотрел, мне аж жарко становилось... Я еще подумала, что из-за этого гнусного Олега уже забыла, как флиртовать с мужчинами. Кстати, Марик, он все о тебе спрашивал... Марик, Ксюша я вас люблю! И если вам действительно на время нужно прибежище у этого мерзавца – только ради вас я могу повременить и пока не выгонять его и даже попридержать у себя в постели... Только ради вас! Ну я пошла. Не сердитесь, что разоралась. Уж больно он меня достал.

(Уходит. Олег встает, идет вслед за ней... потом возвращается... Потом оглядывается вокруг себя... Чувствуется, что он изрядно выпил).

Олег: Скандалистка! А может, она в чем-то права? А может быть она права во всем? А вот ты меня Марк недавно чего-то спрашивал, а я тебе чего-то отвечал... Не помню... А сейчас я сам хочу спросить... Можно? А чего мне у вас спрашивать? Я у себя спрошу... Какой-то умник, не помню кто, сказал, что в каждом русском человеке есть что-то от Чернышевского, а что-то – от Достоевского. Так вот я хочу спросить у себя от Николай Гавриловича – хочу ли я, чтобы Марк уехал? Конечно, хочу. Он мешает строить наше светлое будущее на наших равнинах согласно сну Веры Павловны или Софьи Власьевны. А теперь я спрошу Федора Михалыча – а с кем же я буду прогуливаться по этим

светлым равнинам и общаться. С кем?.. А не с кем! Илья давно уже чужд мне со своим еврейским Богом. А искренен ли я, предлагая убежище Марку в своей квартире, Федор Михайлович? Конечно, конечно... Ведь это так благородно и красиво и светло... А если залезть в самую изнанку души, в самую ее подкорку, как вы любите. А ведь там гнездится тайное, гадкое желание как можно быстрее разлучить их, чтобы они, как можно реже встречались... И бегать, навещать, утешать... И со стороны, стороны... Федор Михайлович, как вы учили. Ксюша мне всегда говорит, что когда я пьян – из меня лезет всякая мразь и дрянь... Вот и полезла. А может, лезет, потому что я освободиться от этого хочу! Вернусь-ка я лучше к себе. А ну их, классиков... Я люблю тебя, Ксения. И всегда любил. И говорю тебе это здесь в последний раз. Ты никогда не будешь со мной. Я это знаю. И неважно, уедет Марк или останется. Я действительно хочу вам помочь – вот вам ключи от квартиры. Меня там не будет. А я пойду мириться с Ирой. Ведь ей хорошо с мной... И иногда между нами проскальзывает искра какая-то. Надо бы, конечно, с ней расстаться и не мучить ее... А с кем же она будет? Нет... Пойду мириться... С этой сумасбродкой.

Илья (*задумчиво*): Первый раз выпивший Олег мне симпатичней, чем трезвый...

Марк: Мне тоже.

М.Т.: Пьяный дурак!

Ксения: Мама! Ты так! И об Олеге?!

Илья: Пора и мне домой... Марк, прошу тебя, когда будешь еще что-нибудь решать – не полагайся на чувства, решай с холодной головой.

Марк (*скептически*): Научи.

Илья: Да я и сам не умею. Но мне помогает моя вера. Она меня ведет и направляет...

Марк: Нет уж хватит... Надоело, когда меня ведут и направляют... Даже если это твой Бог.

Илья: Да... Веры в тебе не было и нет. Любовь тебе сейчас тоже не в помощь. Тебе ее еще придется оберегать... Сначала выгонят с работы тебя, а потом и у Ксюши начнутся проблемы, если она с тобой не разведется. Так что

ничего утешительного сказать не могу... Придется все-таки тебе уезжать... А вот как вы будете не вместе – это только Мария Тимофеевна себе представляет. Я не могу себе представить.

(Уходит. Внезапно останавливается. Идет обратно).

Но, вообще, ребята – когда вера и любовь помочь не могут – остается ведь надежда. И мне кажется, вам стоит надеяться. На что – не знаю! ... *(Уходит)*.

М.Т.: Все ушли... Ксения! А может, отпустить мне тебя с ним? Я ведь думала – ну хочет он уехать, пусть едет – отпустим его и заживем спокойно. Я, ты и Игорек. Да не все выходит, как... Придется, видно, жить не с тобой, так с твоей тенью, Марк. И ты знаешь... Я думаю, что сейчас мы с тобой лучше ужились бы... Так уж лучше ты оставайся. Иначе моя дочь меня возненавидит и будет, ох как, непросто жить с тобой, Ксения! Я уж чувствую... Хотя чем я виновата? Не я этот проклятый вызов просила и не я его посылала.

Ксения: Мама! Иди спать! Хватит на сегодня разговоров. Оставь нас с Марком одних... И ты и мы уже устали...

М.Т.: Да уж пойду... А отпустить тебя не могу... И не надейтесь.

(Уходит)

Ксения: Наконец-то, мы одни...

Марк: А нам одним лучше всего... И всегда так было... Нам ведь никто не нужен...

Ксения: Иди сюда... Обними меня...

(Марк подходит к Ксении. Они садятся на диван, и он обнимает ее).

Марк: А ты помнишь, как я обнимал тебя первый раз?

Ксения: Как я могу забыть? Я вспоминаю это каждый день... Это было на пляже...

Марк: Меня привел туда Олег, захотел познакомить со своей девушкой... И я сначала увидел только худые изодранные колени и русую голову, склоненную над книгой...

Ксения: А меня что-то, как будто толкнуло, как будто заряд ударил по всему телу, и я подняла голову...

Марк: И я увидел твои огромные, зеленые, сумасшедшие глаза ведьмы... Я в них до сих пор не могу спокойно смотреть...

Ксения: А меня что-то подняло... И я побежала тебе навстречу... И ты меня обнял и поцеловал... И все перестало существовать...

Марк: Куда-то все пропали, пока я не получил по физиономии от Олега. Он отшвырнул меня на песок, я помню...

Ксения: А я услышала крики матери, и мне стало так холодно и одиноко... А знаешь, я тебе никогда не говорила, что я почувствовала, когда ты меня обнял и поцеловал тогда...

Марк: Что?

Ксения: Я почувствовала себя защищенной!!! От всех и всего. И прежде всего от Олега, которого моя мать навязывала мне каждый день, а он преследовал меня все время...

Марк: А я почувствовал, что я нашел что-то такое, что и не искал, что и не думал, что оно есть на свете...

Ксения: А потом мы стали бегать и скрываться ото всех по садикам, парадным, улицам и квартирам друзей.

Марк: И даже ночевали у них, когда выпадал случай...

Ксения: Мать кричала на меня и называла проституткой...

Марк: С Олегом мы дрались каждый день...

Ксения: И, наконец, нас забрали в милицию!

Марк: За разврат!

(Хохочут)

Ксения: И тогда мама сдалась, и мы поженились...

Марк: А после тетя умерла... У меня появилась жилплощадь, и мы съехались...

Ксения: С нашей жилплощадью... И появился Игорек...

(Снова хохочут)

Марк: Наше счастье...

Ксения: Наш свет... И мама присмирела совсем и, по-моему, всю себя отдала ему и перестала обращать на нас внимание...

Марк: (*мрачно*): Хотелось бы верить... А что, если она тебя отпустит?

Ксения: И не надейся. Я слишком хорошо ее знаю... А вот я тебя отпускаю... И даже настаиваю и прошу... Марк! Мой дорогой и любимый! Тебе нельзя здесь оставаться... И я слишком тебя люблю, чтобы не видеть этого!!!

Марк: Что ты можешь видеть? О чем ты?

Ксения: У тебя бывают дни, когда ты все время молчишь, к тебе невозможно пробиться. Я даже боялась, что ты с собой что-нибудь сделаешь и отвела тебя к психиатру, помнишь?

Марк: Но он же тебя успокоил? Ничего не подтвердил...

Ксения: Да, но мне от этого не стало легче. Потом начались какие-то встречи, сборища... Уже тогда раздавались какие-то странные звонки... Но редко... И мать не обращала на них внимания... На твои таинственные встречи ты меня с собой не брал. Как я понимаю – оберегал... Потом и сам прекратил на них ходить...

Марк: Мне не понравились некоторые люди, с которыми я там встречался

Ксения: И все равно... Я боюсь за тебя! С твоим характером тебе здесь не жить... Ты кончишь или психиатрической больницей, или лагерем... Или и тем и другим вместе... Я отпускаю тебя с нелегким сердцем... Я злилась на тебя, когда ты попросил этот вызов. Но я видела, как ты воспрял духом... Может быть, для тебя это выход?

Марк: А я еще ничего не решил... Вчера я вообще почти передумал... Без тебя и без Игорька – все равно, что покончить жизнь самоубийством... Как я буду там без вас?

Ксения: А как ты будешь тут с нами?

Марк: Тоже не представляю, после всего...

Ксения: Знаешь, что я подумала? Как бы ты ни решил – никакое убежище или прибежище тебе не нужно, ты будешь жить здесь дома, как всегда! Жить как жил и

оформлять документы для отъезда... Это твой дом. И мы твоя семья до последнего дня...

Марк: А соседи, а звонки, а Марья Тимофеевна?

Ксения: Мы не будем обращать внимания ни на что, кроме нас, как всегда это делали... Только не заставляй меня провожать тебя в аэропорт. На это у меня не будет сил... Попрощаемся здесь... А потом у нас останется еще надежда, как сказал Илья.

Марк: Не торопи события... Но завтра в любом случае нам надо подать на развод... Я не хочу для тебя неприятностей на работе. Тебя ведь вызовут в отдел кадров, это обязательно...

Ксения: Ладно, пошли спать. Может быть, не так много ночей нам осталось...

(Они уходят. За окном густо идет снег. Раздается телефонный звонок... Гаснет свет... Большие хлопья снега, телефонные звонки).

Лариса Миллер

А надо обратиться в слух...

Новые стихи

***

Мгновенье задумалось и замечталось,
Ему и не бегалось и не леталось.
Зачем торопиться – куда и к кому?
Ему так хотелось побыть одному.
Оно свои крылышки тихо сложило
И, медленно выдохнув, веки смежило.

***

А надо обратиться в слух,
Чтоб слышать как слетает пух
Небесный, как слетают строчки
То вместе, то поодиночке.

***

Ну а если я что и открыла, то настезь окно.
Ни страны, ни вакцины, ни формулы не открывала.
Но зато как приветливо ветка в окно мне кивала,
Будто очень хотела со мной быть во всём заодно.
Всё же чем не открытие в царстве сует и тревог
В летних окнах распахнутых ласковый этот кивок.

***

А до счастья ведь можно и не дорасти.
Можно даже держать его крепко в горсти,
Можно целую жизнь с ним в обнимку ходить
И при этом тоскливые вирши плодить.
Можно день изо дня не сводить с него глаз
И не знать, что давно осчастливили нас.

***

Но тень – ведь это тоже свет
Или по крайней мере след
От света, что здесь жил недавно
И продолжает жить неявно
Инкогнито в самой тени,
Хоть всю картинку затемни.

***

1.

О, как надоело с земными делами возиться,
Как хочется, взмыв высоко, от небес заразиться.
Их невозмутимостью и тишиной, и покоем.
А вдруг, глядя сверху на землю, такое откроем!
Откроем, что надо давно изменить угол зренья
На тот, что был нужен Создателю в пору Творенья.

2.

Ох, как надоело с земными делами возиться!
Как хочется, взмыв высоко, от небес заразиться
Их невозмутимостью, их тишиной и свеченьем...
Постой-ка, а вдруг они тоже считают мученьем
Юдоль свою. Вдруг им так холодно и одиноко,
Что с завистью смотрит на землю небесное око –
Здесь есть кому плакать и петь, и чудить, и смеяться.
А вдруг небу хочется с грешной землёй поменяться.

***

Неужели меня принимают в расчёт?
Вон как время сегодня чудесно течёт –
Точно так, как мне хочется – медленно, плавно.
Вон как новый рассвет наступает исправно,
Мне ещё один шанс терпеливо даря
И взамен ничего не прося, не беря.

***

Ах, как весело между бездонностью этой и той
Между бездной, что снизу, и бездной светящейся, горней,
И не страшно, что время земное бежит всё проворней,
Если мы ограничены лишь глубиной, высотой,
Ну а значит, ничем. Ну а значит не будет конца...

Боже, как ослепительна снежная эта пыльца!

***

Я на тебя никак не нагляжусь,
В остатний срок едва ли уложусь.
Пусть скажут мне, что наши дни несметны.
Пусть убедят, что мы с тобой бессмертны.
Тогда, быть может, пёстрый мир любя,
Взгляд отведу на время от тебя.

***

А потом, после всех этих лет, Ты куда меня денешь?
Где поселишь меня и во что меня, Боже, оденешь?
Разве может так быть, чтобы стала я вдруг беспризорной
После дивной зимы со счастливой снежинкой узорной,
После свежей листвы, дружно брызнувшей в мае из почек,
После стольких Тобой в тишине продиктованных строчек?

***

Летучий снег, вводи нас в заблужденье,
Нашёптывай, что ждёт нас наслажденье,
На лёгкий крест, на счастье намекай
И в трудности земные не вникай.
Зачем они тебе? Ведь ты не местный –
Ты вон откуда: облачный, небесный.

***

И чудится, чудится мне, что вот-вот догадаюсь,
И каждому новому дню я навстречу кидаюсь,
Надеясь, что он мне поможет, подскажет разгадку.
А раз не помог, значит рано клониться к упадку,
Стареть и хиреть, и, как осенью клён, осыпаться,
И надо надеяться, верить и ждать, и легко просыпаться.

***

А утром луч проник сквозь занавеску.
То небеса вручили мне повестку,
В которой сообщили не тая,
Что явка обязательна моя
В мир, что украшен снежной оторочкой,
И лучше мне явиться с новой строчкой.

***

Я и чёрный свой день ни за что не отдам.
Я душой приросла даже к чёрным годам,
Даже к тем, что душили, стояли на вые.
Ведь они мною прожиты. Значит, родные.
Ну а если родные, то что же святей,
Что святей своих собственных хворых детей?

***

А если бы Господь наш был философ,
Я б задала ему мильон вопросов.
Но он ведь не философ. Он – поэт,
Когда-то срифмовавший тьму и свет.
И, как нас эта рифма не тревожит,
Он объяснить стихов своих не может.

***

Ну выпадут из времени – и ладно.
Что время? Суматошно в нём и чадно.
Предпочитаю то, что на века –
К примеру, даль, что вечно далека,
Что быть на побегушках не попросит,
И не заденет и светить не бросит.

***

Ну а пока мы в жизни смысл искали,
Нас дождь баюкал и лучи ласкали,
Нас ветерок весенний обвевал,
И зяблик во всё горло распевал,
Как будто вопрошал из гущи сада:
«Не понимаю, что ещё вам надо?»

***

Ах, быть бы в силах, быть бы в полном праве
Творить в несуществующей октаве,
Чтоб надоевших нот не повторять.
Я и себя готова потерять,
Чтоб уловить неслышанное слёту.
Но снова нажимаю ту же ноту.

***

Ну как, листья бедные. Вам неуютно?
Вас дёргают ветер и дождь поминутно?
У вас на глазах погибают друзья?
И всё же не падайте духом. Нельзя.
Вы чистое золото – не позолота,
И вам предстоит ещё счастье полёта.

Григорий Рыскин

Бетонный теремок

*Автор работал школьным учителем
в тюрьме для несовершеннолетних убийц*

от шрамами изрезаны,

Вбивая гвозди-взгляды,
Как будто в масках цезарей
На школьном маскараде,
С фамильями, нашитыми
На зэковских хэбэ,
Идут ребята битые,
И холодно тебе.
Идут, стучат бахилами,
Такие, брат, дела.
А, может, книжность хилая
Все это наплела
Про взгляды и про лица
Мальчишек-колонистов.
Скажи мне, что таится
За этим лбом костистым,
Под этими нашивками
На зэковском бушлате?
– Отряд, поздороваться!
– Три- четыре! Здр-р-р-р-асьте!

***

Неужто, Муза не посмеет
Войти в бетонный теремок,
Где небо в клетку и замок
Мизинцем открывать умеют.
Где лязгает стальная дверь
На электрических запорах
И даже днем матерый зверь

Прогуливается меж заборов.
Как хорошо, что Ты ему
Невидима, вотходишь робко
Сквозь все бетонные коробки
Со мною об руку, в тюрьму,
В пределы детской ВЭТэКа*...
Куда привел нас путь окольный.
Я буду здесь учитель школьный,
А Ты передохни пока,
Вглядиись внимательно, до боли
В холодные, немые лица.
Звенит звонок в тюремной школе...
Как и повсюду, от границы
И до границы, школьный день
Вступает в класс с букетом ярким,
И пограничная овчарка
Бежит на поводке как тень.

***

Немые, мертвые слова
Распяты в гимнах и докладах,
Немые мертвые слова
В ночи распяты на фасадах,
Кричат с газетного листа,
Когда ночной неон потушен,
О том, что отняли Христа
И Люцифер похитил души
Людские и царит отныне,
Холодный не отводит взгляд...
И люциферовой гордыней
Глаза у мальчиков горят.

***

В закатный час куда как хороша
Тюрьма, когда ее осветит лучик,
И в путанке запуталась душа,
Лежит на ржавой проволоке колючей
И медленно вино былого пьет,

---

* ВТК– воспитательно-трудовая колония.

Припоминая, как от самой Трои
Бастильи рушит, в барабаны бьет
И тюрьмы из обломков тюрем строит.

***

Новый год в детской тюрьме

Мастерят сегодня зэки,
В жестких робах человеки
От четырнадцати лет
Шпагу, плащ и пистолет.
Парень, весь в татуировке,
И стремительно и ловко
Вырезает домино,
Чтобы было как в кино.
И Петрушку, и корзинку
Ладит, высунув язык,
Сквозь бумажную снежинку
Проступает детства лик
В акварельной синей краске,
Вот сейчас бы на салазки,
Чтобы стало все в конце
Просто шуткой, просто маской
На ребяческом лице.

***

О, эта пытка, пытка Наробразом,
И тупостью, и углекислым газом,
И непомерным письменным заданьем,
И снова кислородным голоданьем.
Мой бледный мальчик с пылью на ресницах,
Сбежим из наробразовской темницы
Туда, туда, где вне программ и лоций
В снегах альпийских бродит Песталоцци,
Где Тютчева услышим над потоком
И на снегах запишем
Альпенштоком.

Нью Йорк

Борис Кушнер

Философия дороги

Из новых стихов, октябрь-декабрь 2010 г.

***

блака грозовые,

От молний розовые. –

Мчатся ветры борзые

С воем-угрозами.

И напрасно мы мечемся

Меж загона оград, –

Наши судьбы помечены –

Всюду знаки утрат.

1 октября 2010 г., Johnstown

***

Страшно. В безднах тишины

Шёлков шёпот листопада.

Сине пламя вышины,

В кронах осени засада.

Дрожь в осине – от колен

До сучков последних края... –

И крадётся змейкой тлен,

Ласково листы срывая...

1 октября 2010 г., Johnstown

***

Мы дети яростных эпох,

Истории обвала.

Кривлялось Время-скоморох

И жгло, и убивало.

Гуляла красная чума

С коричневым окрасом –

Взлетай, смычок, своди с ума

Бетховеном и Брамсом!

Читай, скрипач, наш век с листа,
Чтоб над тюрьмой Союза,
Неугасима и чиста,
Взошла Полярная звезда –
Сибелиуса Муза.

.....
Судьба колдует, хлопоча,
Но нам щитом от страха –
Отец и сын – два скрипача
В Двойном концерте Баха.
2 октября 2010 г., Pittsburgh
***

Неба серая слюда,
С ночи дождь, и нет просвета,
И ни вести, ни следа,
Что когда-то было лето...
3 октября 2010 г., Pittsburgh
***

Снова в путь. Неясно, где я.
Лишь лесá, бетон, рассвет.
И навязчива идея,
Что меня и вовсе нет.
Был когда-то я, иль не был, –
Время сам вопрос сотрёт. –
А пока из сердца ль, с неба ль
Эти сказки – быль-да-небыль –
В горизонта разворот.
4 октября 2010 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 8-42

Мудрец приснился и простак,
И оба в голос: «Всё не так! –
Из-за поломки интеграла
Не обратить мечи в орала»!
Вдобавок синус страшно рос,
Наверно, аргумент комплексный... –
И Солнце ухватил на блёсну
Золотоокий Гелиос.

В стекло стучит скворец-гаврош:

«Очнись, ведь жизнь – не медный грош»!
Так пусть летят к чертям собачьим
Через пилу рассветных гор
Ферма́ и числа Фибоначчи,
И бородатый Пифагор!
5 октября 2010 г., Johnstown

***

Он сочинял на злобу дня,
Пусть с гневом, не со злобой,
Среди бурленья и огня
Он стал статьёй особой.
Борцы его читали вслух,
Мещане – за спиною.
Он был самой свободы дух,
Трубил судьбой иною.
Освобожденья про́бил час,
Но не цвести пустыне. –
А где ж поэт, любимец масс? –
Да нет его в помине.
7 октября 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-43

Я не вязал в рифмовке лыка,
Я не искал в стогах иголок,
Лишь ехал, песенку мурлыкал –
«Кавалергарда век недолог»... –
Но вправду ль сладок он при этом? –
Кипел мой возмущённый разум, –
Ведь, что обещано поэтом
Обычно ложь, коль не маразм.
Вернуться, что ль, к античной эре? –
Кубань, калина, хор казачек... –
Стихи – линяющие звери,
Но в стёклах скачет рыжий зайчик.
Салют окрестным экибанам,
Здесь Левитана кисть, ей Б-гу! –
А с возвышающим обманом
Сколь слаще коротать дорогу!
8 октября 2010 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 8-45

Дорога – бродом в лимане.
Солнце в тумане –
Огненны ключев зубцы. –
Живое тянется к свету, –
Луна и Солнце поэту –
Амалфеи сосцы.
Зари живительна сила,
Торжественна мощь светила,
Всё выше, и выше, и выше
Над миром могучий диск. –
И славят люди и боги,
И всё, что движеньем дышит,
Горячую кровь дороги,
Летучего мига риск.
12 октября 2010 г., Route 22, East
***

Лес – убранство царских спален,
Тишина торжественна.
Воздух прозрачно кристален,
Синева божественна.
И заряжен рощи холод
Странной мощью неземной.
И неслышно в море золот
Тень зимы идёт за мной.
13 октября 2010 г., Johnstown
***

Не терпит указаний, прений,
И правил, что от сих до сих, –
Прекраснейшее из творений –
Простой и вдохновенный стих.
14 октября 2010 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 8-46

Шальной сюжет? – Сойдёт манжета! –
Да нынче ходят без манжет. –
Неисчерпаемость сюжета
Уже сама в себе – сюжет.
А по обочины перрону
Волной кипит вороний клич:

«Сюжет? Куда там электрону,
Как ошибался ты, Ильич»!
Пусть мысль моя – обрывки, клочья,
Я ж сочинитель, я ж не Кант! –
Стих выручает троеточье,
Многозначительный пуант.
Ты, вечер, солнце заграбастал? –
Потерю я перенесу. –
Давай дорогу мне, и баста! –
Хоть по бетону, хоть в лесу.
А фею встречу или жабу, –
Всё тот же всплеск, – какой пассаж! –
Дорога – фабула из фабул, –
Неисчерпаемый пейзаж.
Лечу вдоль залов Эрмитажа,
Но нескончаем вернисаж.
Здесь жизнь, и невозможна кража
И униженье распродаж.
15 октября 2010 г., Route 22, West
***

Уже деревья облетели –
Все, до последнего листка...
Утихли жёлтые метели,
И над землёй царит тоска.
16 октября 2010 г., Pittsburgh
***

Заря кострами впереди,
И горы башнями острога... –
О чём ни размышляй в пути, –
Итог один – Судьба-дорога.
18 октября 2010 г., Route 22, East
***

Синь из облачных вязаний,
Опьяняющий озон, –
Так летят по снегу сани –
Солнце, смех, полозьев звон.
Так и годы пролетели,
И теперь одно из двух:
Жалкий дух в угасшем теле,

Иль вне тела вечный дух.
20 октября 2010 г., Johnstown
***

А по крыше дождь
Клювом ворона,
Как хлопки ладош –
Штора порвана.
И растёт рассвет,
Мысли-ободы,
Жаль оркестра нет –
Жизни проводы.
21 октября 2010 г., Johnstown
***

Ева из ребра –
Тяжесть на душе,
Горечь ноября
На губах уже.
21 октября 2010 г., Johnstown
***

Поезда-электрички
Не примчатся сюда... –
Умирают привычки,
Исчезает среда.
Страшен Ангел бескрылый,
Руки – неба синей...
А по памяти стылой
Бродят тени теней...
22 октября 2010 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 8-48

Облаков напор неистов,
Мчанье оголтелых туч –
Да, этюд, конечно, Листов,
Пальцы Ференцев-Ферручч!
Арагонска эта хота,
Иль «Камаринской» разнос –
Молний дикая охота
Тысяч разъярённых гроз!
Неба лопнула канистра,
И смешалось *who is who*,

И пожаром стала искра,
И хохочущий Мефисто
Грянул песню про блоху.
Воздух вязок, воздух душен,
Я горячкою недужен,
Чёрт рогатый, егоза!
Ни просвета, ни отдушин –
Лишь гроза, гроза, гроза!
Нет плотины для коллизий,
Где ж ты, луконосный Телль?
Мне б сейчас сыграть Элизе
Вальс, мазурку, багатель.
Жизнь не склонна к торможенью,
Смерч времён нас разметал...
Как же горько быть мишенью –
Люди гибнут за металл!
Но в ответ на адский вызов
Тайных вечных чёрных книг
Солнце – хитрая подлиза –
Улыбнулось мне на миг...
23 октября 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-49

Облако – хищная рыба,
Чёрные тучи-надгробья, –
Всё, как в либретто Скриба, –
Царство неправдоподобья.
Неба круженье без скрипа,
Ось мироздания – вера.
Хочется петь до хрипа,
Но где же взять Мейербера?
Рулады-колоратуры... –
Да горек плод без ученья... –
Судьба не терпит халтуры,
Не музыка, а мученье.
Кругом гроза, неотступна.
Дрожит гробовая фреска.
Сумма знаний – преступна,
Как леди Макбет из Мценска.
24 октября 2010 г., Pittsburgh

***

Золотые зари акварели,
Но тоскливо под небом нагим:
Как внезапно друзья постарели...
И уходят. Один за другим.
25 октября 2010 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 8-50

И что ни век – явление Хама,
И ярость из событий хлама,
И, как девятая волна
Крушит береговые скалы,
Так на князей встают вассалы. –
Скелеты. Черепа. Война.
26 октября 2010г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 8-51

Запах листьев горек,
Небо хмурит лоб. –
«Йорик, бедный Йорик» –
Шёпот из чашоб.
Укрепиться в вере б... –
Где ж её найти?
Улыбнулся череп:
«Принц уже в пути»...
26 октября 2010 г., Johnstown

***

В роще – пьяный аромат,
Здесь и смерть благоуханна... –
Облетевший лес лохмат,
Неба голубая ванна.
Листья – боязно ступать –
Дождь вчерашний, слёзы что ли? –
Тишь, да Б-жья благодать –
Умирание без боли...
27 октября 2010 г., Johnstown

***

Река теряется в болоте,
В нём исчезает без следа.
И осень. Угасанье плоти.

Над лесом синяя слюда.
Пора прощальных размышлений.
Бесшумно коршуны парят.
С холмов печальных возвышений
Сползает праздничный наряд.
Скорбит безмерное пространство,
И саван – облаков пласты,
И ветер – гений окаянства
Срывает мёртвые листы.
28 октября 2010 г., Johnstown
***

Ну, вот и всё. И мир угас.
Ушедший – в новом измеренье,
А нам – шептать стихотворенье
В подушку в полуночный час.
И всё, что жило с ним или с нею,
Теперь на тумбочке лежит.
Меж тем рассвет растёт, синяя,
И луч – как вздох из-за межи.
Что ж, тишине, не *urbi-orbi*
Услышать наши строки скорби.
Очки, потёртый кошелёк,
Шкатулка – сломанная дверца... –
Глаза отводишь в потолок,
Но рвётся сердце...
29 октября 2010 г., Johnstown
***

Летели гуси, жалобно крича,
Над голым лесом замолчали...
И только туча – в три ручья –
Простым ручательством печали...
29 октября 2010 г., Route 22, West
***

Один слушал рэп, балдея,
Другой созрел для костра... –
Слова «идиот», «идея» –
Брат и сестра.
1 ноября 2010 г., Route 22, East
***

За горой за тою

Небо золотою
Звонкою зарёй.
И стихотворенья
Знаком примиренья –
Окрылись мечтою
И тоску зарой.
2 ноября 2010 г., Johnstown
***

Гудок из-за леса –
Холмов отозвался пояс,
Седая гряда.
Тайны завеса:
Что там за поезд?
Откуда? Куда?
2 ноября 2010 г., Johnstown
***

Горизонта таинство –
Золотой очаг.
Злого ветра каинство,
Тень зимы в ночах.
Травы поседевшие
В искрах поутру...
Кружат мысли те же все –
Скоро я умру.
3 ноября 2010 г., Johnstown
***

Не возражай – «Федот – не тот!» –
На брань, на антиоды. –
Красноречивый идиот –
Явление природы.
Медведь стащил из лавки ром,
Не зная света-мрака. –
И что с того? Не грянул гром! –
Так идиот строчит пером,
Невинен, как собака.
3 ноября 2010 г., Johnstown
***

Суэта напрасных хлопот,
Крик – старьёвщик со двора... –
Из-за сцены жаркий шёпот:

«Пьеса кончилась. Пора».

4 ноября 2010 г., Johnstown

***

О, жалкий день! Трепещем мы –

Грядут метели-стервы!

Сегодня – первый вздох зимы,

И снег сегодня – первый.

5 ноября 2010 г., Johnstown

***

Лютая злоба

Озноба.

Ни врага, ни зазнобы –

Ознобы.

Безводье пустыни Гоби –

Солнце в ознобе.

Не раззудеться зобу

Проклятьем ознобу.

7 ноября 2010 г., Pittsburgh

***

Утром крыши седые... –

Были мы, иль не были?

Утром годы кругами...

Хруст травы под ногами...

Утром птицы кружили... –

Жили мы, иль не жили?

9 ноября 2010 г., Johnstown

***

Над колючей чащею

Тишиной звенящею

Купол-синева.

Шёпотом под куполом:

«Убиваться глупо вам» –

Ветви-деревя.

В самом деле, – что же мы

Всё страдаем дрóжами,

Самопоедания ядовит миндаля.

Пусть пора безлиственна –

Сладостно единственна

Старости медаль.

9 ноября 2010 г., Johnstown

***

И шепчет Тайна тростниковой песней,
И шелестят страницы мудрых книг...
Но всех тысячелетий неизвестней
В упор глядящий предстоящий миг.
9 ноября 2010 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 8-52

Ильич взывает к пьяным массам, –
У революций свой фасон. –
А далее приснился Надсон –
Чахотка, роза. Что за сон!
Цветок был сорван беспощадно,
Да не тайком – при свете дня,
Что ж, революция площадна,
Здесь торжествует солдатня.
Интеллигент, что будит бестий,
Его неистовый обман... –
Восход – горчайшим из известий
Чуть тлел сквозь гибельный туман.
Ещё огонь пылал немного
Посланьем до последних бит... –
Дорога, вечная дорога...

.....

И жертвенник зари разбит.
10 ноября 2010 г., Route 22, East

***

И такие милые глупости –
По аллеям принцессы-царевичи,
Только в пику обычной грубости
Назову это лето – девичьим.
Ноября как будто и не было,
Только синь не по-майски сочная,
От бездонности света, неба ли
Сочиню что-нибудь уж точно я.
Знаю – грянет зима-разлучница
Наказанием для безверца.
А пока сочиню, что получится,
Пусть нескладно, зато от сердца.
11 ноября 2010 г., Pittsburgh

***

В долинах золотые дымки –
Туман лучами разогрет. –
Заря взимает недоимки –
Остатки ночи гонит свет.
Конец эпохе чёрных бедствий,
Для полчищ ночи пробил срок! –
Ночь в отступленье, просто в бегстве –
Какой возвышенный урок
Ума бесплодному безверью, –
Да здравствует полёт и риск! –
По неба синему безмерью
Плывёт животворящий диск.
12 ноября 2010 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 8-53

Сердце колобродило,
С птицами судача. –
Ваше благородие,
Госпожа удача.
Блеск костра в песете,
Пение сирен. –
В ласковые сети
Не лови, Кармен.

Ваше благородие,
Госпожа чужбина. –
Мне б рояль-рапсодия, –
Жаль, что я дубина.
Недостача перца, –
Пресен мой сонет. –
Девять граммов в сердце –
Стихотворца нет.

Ваше благородие,
Госпожа разлука. –
С пулей другом вроде я,
Да в кустах базука.
Лоб на лоб машины –
Карпов и Корчной. –

.....
Горные вершины
Спят во тьме ночной...
12 ноября 2010 г., Route 22, West
***

Туман. Гудок из ниоткуда.
Кого зовёт? Куда? Б-г весть... –
Иль это просто жизни чудо? –
Я мог не быть, но всё же есть.
Пусть старость, но я всё же слышу –
Я здесь ещё, ещё не *там* –
Как мелкий дождь щекочет крышу,
Staccato капель по листам.
14 ноября 2010 г., Pittsburgh
***

Ветер неистов. –
В лесу не осталось листьев –
Так он деревья дугой!
Ствол пополам, другой,
Третий, четвёртый! –
Хохот лешего-чёрта
Сквозь частокол.
Лес неприютно гол
Без крон зелёного крова.
Борей, какой там Эол! –

.....
Плеть дождя ледяного.
17 ноября 2010 г., Johnstown
ВАРИАЦИЯ 8-54
Кругом старухи с корытами –
Строки мои забытые.
«Былое нельзя воротить и печалиться нё о
чем»... –

Что ж неуютно им? –
Забыты! Добро б человечеством! –
Мною самим.
19 ноября 2010 г., Route 22, West
***

А бабушка всё вздыхала:
«Суббота, а где же хала?»

И как же так, без свечей»?
Площадь. Куб Тадж-Махала.
В мерцании кирпичей
Толпа, облака-опахала,
Век никакой, ничей...
21 ноября 2010 г., Pittsburgh
***

Поклон, знакомое дерево,
Услада утренних глаз! –
Тобой дорога измерена
Тысячи раз.
Вырвусь из поворота,
Из ущелья оков, –
Кроны звонкая нота,
Иль кружева суков.
Пышная шуба снега,
Иль костёр в октябре... –
Жизни альфа-омега,
Песнь о Добре.
Приют для орла и филина,
Каждой улыбке – «Да!»,
Боже спаси, будешь спилено... –
Что мне делать тогда?
22 ноября 2010 г., Route 22, East
***

Не зевая по-пустому,
Погружаемся в истому, –
Что не снилась сказок тому, –
Облаков, дорог, озёр.
Туч мгновенные решенья –
Луч по стёклам – отраженья,
И костром воображенья –
Что ни миг – гипнотизёр.

Слаще мёда эти миги,
Ну, в какой найдёте книге
Эти ахи, эти охи,
Эти дикие стихи.
Кто бормочет по дороге? –
Графоманы-скоморохи,

И грызут слова-бульдоги
Ткань стиха, что от сохи.
23 ноября 2010 г., Route 22, West
***

Шиповник цветёт всему вопреки,
Забыв про вчерашний мороз.
И гуси пасутся в траве у реки,
Неведом им мрачный прогноз.
И мне это знание совсем не с руки,
Поскольку тошно и так.
Сорока-воровка – кража строки!
А я-то ей верил, простак...
24 ноября 2010 г., Pittsburgh
***

Золотое заоконье,
Зеркала весёлых крыш –
Так, чем старше – тем спокойней
Пишешь, дышишь и молчишь.
Сочиняешь ненароком
В час по чайной ложке строк,
Знаешь – жизнь была уроком,
Жаль, урок пошёл не впрок.
26 ноября 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-55

Улицы обезлюдели.
Только Баха прелюдии –
Пароходы с реки.
Изреки, что получится,
Что ж молчанием мучиться? –
Ветер Юга иль Севера,
Хоть строку изреки! –
Нам от пращура Евера –
Петь всему вопреки.
В тучах молний орудия,
Ключья траурных пен. –
Вечер. Свечи. Прелюдия. –
Дождь по стёклам – Шопен.
26 ноября 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-56

Это знает стар и мал –
Люди гибнут за металл. –
Убивают зло и люто
Люди ради абсолюта.
27 ноября 2010 г., Pittsburgh
***

Давай, Пегас, стучи копытом! –
На языке, давно забытом
Интеллигентною толпой,
Взывай к Поэту: «Встань и пой!
Довольно матерного хрипа
Метафизической братвы!
Восстань, Язык, очнись от гриппа!
Ты жив, и Музы не мертвы!»
27 ноября 2010 г., Pittsburgh

ПАМЯТИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ (СОНЕТ)

Смущаюсь и робею пред листом

Белла Ахмадулина

Смущаюсь и робею пред листом.
Такой беде пристало бы молчанье.
А мы – слова – пустое о пустом,
Под Маятника вечное качанье.
Уходят все. Друзья и не-друзья.
Почтенный старец. Юная невеста.
И ждёт Харон, смущаясь и грозя,
На том конце замедленного жеста.
В осколки свет! На тысячи лучей!
Умолк Поэт. Но остаются строки
Свидетельством разрывов и ночей,
Когда в губах сплетаются упрёки.

Ты – навсегда. А тот, кто нынче моден,
Лишь темноте за окнами угоден.
30 ноября 2010 г., Johnstown

1 ДЕКАБРЯ

Замело, эх замело...
Тяжко декабря крыло.
А по окнам шарит ящер

Первым снегом настоящим.
Заметёт – и гладь, да тишь, –
Поутру не видно крыш.
Только ветер и холмы
Сочиняют песнь зимы.
Сразу, без черновика –
.....
Только ветер и века...
1 декабря 2010 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 8-57

Занесённая сторожка –
Это дача иль бульвар?
Жизнь моя, в лесу дорожка,
Хлеб и спички, миска-ложка... –
Шёпот предков: *Эйн давар.*

И молчало небо строго:
«Где она, твоя дорога»? –
Заблудился, ну так что ж,
Презирай ухмылки рож,
Жутче вежливые все –
Змеи жалят не в овсе!

Справа троица и слева –
Это Змей, Адам и Ева,
Глина, рёбра и булат,
И сердце смертельный хлад.
Флейта-пикколо в виске,
И судьба на волоске.

Темперамент рвёт постромки,
А душа – всегда потёмки,
В ней и Ангел и змея –
Не чужая, но своя.
Тщетны совести укоры,
Что ни музыка – не та! –
И кинжалом суд нескорый,
И Фемиды глухота.

В жиге чавкали галоши, –

Это Сказка, но про что же? –
Надрывалось вороньё:
«Про враньё, враньё, враньё»!
По ветвям, как финики,
Эти птицы-циники.

Жизнь моя, – бедлам, дурдом,
Поле, что покрыто льдом.
Просыпаешься к пяти –
Поле вплавь не перейти!

.....
Сети птичьих пересуд:
«Всё абсурд, абсурд, абсурд»!
3 декабря 2010 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 8-59

Мистер Пиквик, вечный странник,
Недотёпа и чудака,
От твоих весёлых паник
В мире милый кавардак.
Через реки и овраги,
Утром, вечером и в ночь
Мчишься к новой передряге,
Чтоб найти, узнать, помочь.
И в отчаянье и в бреде
Ты твердишь себе не зря:
«Ах, весёлые соседи,
Ах, весёлые друзья»!
Скрип кареты-контрданса,
Ну, а плох приём совсем, –
Выручает Санчо Панса,
Твой слуга бывалый Сэм.
Так и мы живём-не-тужим,
И приемлем жар и жуть,
И, укором мёртвым душам,
Что ни миг, готовы в путь.
5 декабря 2010 г., Pittsburgh
***

В разгуле грохота и воя,
В полёте бешеных огней

Я обнимаю всё живое
Ещё сильней.
Живое слаще, в самом деле,
Когда уже не до нитя,
Когда трепещешь еле-еле
Над пропастью небытия.
В тумане снежные отроги,
Со скал свисают снега мхи,
И философия дороги
Ложится в нежные стихи.
6 декабря 2010 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 8-60

Ни сна, ни отдыха измученной душе –
Открыл глаза – зима уже
Колдуньей, вставшею из гроба,
Позёмкой по ребру сугроба.
Швыряет снег – пласт за пластом –
В пространстве мертвенно-пустом
Под небом приземлено низким. –
И роща – полем Бородинским –
Скелетом – ксилофон костей,
Приют замёрзших новостей.
Зима! Её ознобный Рок
Стоит нам горла поперёк,
Не разобрать, где юг, где полюс –
Такие нынче пироги! –
Метель заваривает соус,
Сегодня пиршество пурги!
И глотка не вмещает оду,
Удушья ледяной браслет... –
О, дайте, дайте мне свободу! –

.....
А если нет, то пистолет.
6 декабря 2010 г., Johnstown
***

Круги, круги, мои круги –
Друзья уходят и враги,
И пишет *Requiem* Россини,
И мир становится пустыней.

А я беседую с Творцом
О встрече с Мамой и с Отцом.
10 декабря 2010 г., Johnstown

DUM SPIRO, SPERO

Дорога – лестница без перил
В облачной каше,
Но всё же ехал и благодарил
День истекавший.
За ветер, за грязного снега ил,
За утро, полдень, за сумерки,
Просто за то, что он наступил,
Что б там ни вещали умники.
За то, что бессчётных лет шантажу
Ещё не поддался весь я,
За то, что ещё потихоньку дышу... –
Ты дышишь, дружок? Надейся!
10 декабря 2010 г., Route 22, West
***

Дремучий сад, заросший хмелем,
Пчелы жужжанье над плечом,
И мы в раю – лопочем, мелем
Б-г знает что, Б-г весть о чём.
О, этот сладкий час безделья,
Речей блужданье по кольцу...
Из-за забора лапа елья
Щекотно тянется к лицу.
И сочны облака сквозь травы,
И прямо в бесконечность взгляд...
А если даже мы не правы,
Уже не повернуть назад.
Турбин рассыпчатые трели,
Кукушки монотонный счёт... –
И время, как капёль в апреле,
И Лета синяя течёт.
14 декабря 2010 г., Pittsburgh
***

Заблудился – чащи, мхи,
Сплошь кругом чертополохи. –
Чёрт возьми, дела плохí!

Плѳхи.

Рифмы хоть один карат... –
Эй, Пегас, взлетаем, мчим мы! –
Но вздыхает Гиппократ:
«Старости неизлечимы»...

15 декабря 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-63

Могильщик-время яму роет,
Когтей судьбы тигриный клец, –
Ты не звезда, не астероид,
Развенчанный толпой паяц.
А были дни – кипел Ла-Скала,
Прожектора – зрачки пантер,
Толпа тебе рукоплескала –
Галѳрка, ложи и партер.
Златые дни, удача, где ты?
Вернись, трагический талант!
А помнишь – веером букеты
Под вздохи скорбных доминант.
Угас очаг, увяла роза,
И страсти лодка вдрызг о быт... –
И стало эхом Ариозо,
И даже жертвенник разбит.

15 декабря 2010 г., Pittsburgh

***

Бывает в ежедневном хламе
Хотим того, иль не хотим,
Жар-птица вдруг сверкнѳ крылами,
И стих, как смерть неотвратим.
Так не суди, читатель, строго
Стихи, которых шлейф за мной.
На то и создана дорога,
На то и краток срок земной.

16 декабря 2010 г., Route 22, East

***

Дела? Да пусть пойдѳ всё прахом! –
Дороги суть – забвеньѳ дел.
Тем более дорога с Бахом,
Вот так бы слушал и глядел
На быстролѳтные картины,

Что исчезают за спиной... –

.....
Из ежедневной паутины
В неотразимый мир иной!
17 декабря 2010 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 8-64

Не печалься понапрасну, –
Всё чудесно, всё прекрасно,
Улыбнись же, кто скорбит, –
Жизнь – не время для обид. –
Лучезарно, без обиды
Звёзды меряют орбиты, –
Так и в доме всё путём,
Что хотим, то и плетём.
Обособясь из плаценты,
Мы кричим стихом акцентным,
А за ним, как грузовик,
Наезжает тактовик.
В старости сердечным фибрам
Слаще трепетать верлибром.
Дом. Очаг. Зола. Метла.

.....
И печаль моя светла.
18 декабря 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-65

Не хватает духу крепости,
А соблазн такой, что – *SOS*, –
Эти милые нелепости,
От которых смех до слёз.
А вокруг сплошные сказки, и
Бармалея они злей. –
По ночам виденья адские –
За стеною Мавзолеей.
Вечер присказками страшными,
Сатанинский плащ края... –
Флаги красные над башнями,
Беспризорные края...
19 декабря 2010 г., Pittsburgh

***

Только снег летит в лицо,
Только скользкое крыльцо, –
Не ступени – чистый лёд,
Только ступишь – и в полёт.
Только вспыхнет солнце-брошь,
И костей не соберёшь.

.....
Трубы медные. Гонец. –
Тут и сказочке конец.
20 декабря 2010 г., Pittsburgh
***

Смех, улыбки – на замок.
Город сжался и промок.
И кружат снежинок стаи,
Снег летит и тут же тает,
Снег – небес прямая речь. –

.....
Чтоб, как жизнь моя, истечь.
20 декабря 2010 г., Pittsburgh
***

Комья грязи, как тефтели,
Ветра дикие фортели,
Дождь, как шапка на ворé, –
Злая осень на дворе. –
Разгулялась дрожью-корью
По души моей подворью
Старость – осень долгих лет.
Кресло, книга, тёплый плед,
Бесшабашного ухарства
Внуки – горькие лекарства,
Заметают время след... –

.....
И уже не до Джульетт.
20 декабря 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-67

Виденье замучило
До помрачения разума:
Одноглазое чучело,

Чучело одноглазое.
Глаза закроешь и вот он:
Вóтан!
Трясёт картонным копьём –
Или папье-маше? –
Водку с ним вместе пьём –
Тошно душе.
Водка! Ужели истина в ней? –
Если так – харакири!
На сцене – ржанье коней,
Трупотасканье валькирий.
Кровь, как конфитюр –
Чур, меня, чур!
Снова засну и вот,
Едва в тепле разомлею,
Новый трупопровод
Из зала да к мавзолею!
А зал тот был знаменит
Колоннами и Берлиозом.
Лафет. Колонна. Зенит
Выжжен морозом.
Мир из папье-маше
Сожгло Жар-птицы перо...
Очнись! Перечти Бомарше!
Пой, Фигаро!
23 декабря 2010 г., Pittsburgh
***

Облако, как собака,
Зоопарк – облака.
Солнце встает из мрака,
Земли золотя бока.
Турбин *con fuoco* бешено,
Участь пространства печальна,
И жизнь наша тоже взвешена
Совершенно буквально.
24 декабря 2010 г., A-319, Pittsburgh – San Francisco
***

Утесов рваные зубцы,
Икары – хрупкий алюминий.
Тысячелетья, праотцы,

А здесь нас не было в помине.
От нас ни вздоха, ни следа,
Ни слез, ни ярости, ни смеха. –
И только синяя слюда
Бесстрастно поглотила эхо.
24 декабря 2010 г., А-319, Pittsburgh – San Francisco
***

Город вышивкою в раме,
Блётки-бисер – фонари...
Тьма сгустилась над горами
И ни проблеска зари.
Только ветер многоуго
Налетел из-за угла. –
Он нашел меня без Гугла –
Ночи мгла не помогла.
И вздыхал залив глубóко
Там внизу, на самом дне:
В небесах не дремлет Око,
Это мы живем во сне.
26 декабря 2010 г., San Francisco
***

При первых призраках рассвета
Был океан суров и тих.
Лишь чайки всхлипывали где-то –
Нездешний плач о малых сих.
Так это утро отличали
И пол-Луны в янтарной мгле,
И вздохи неземной печали,
Что суждена нам на земле.
27 декабря 2010 г., San Francisco
***

И вновь мистерия отъезда,
Разливы зоревые звёзд,
Забвенье времени и места,
Тоска невысказанных слёз.
Ещё рубашка на диване,
Ещё не собран чемодан... –
Но жизнь – спектакль расставаний,
Неотвратим и первоздан.
28 декабря 2010 г., San Francisco

***

Ночи чёрное бездонье,
Дама в Чёрном за плечом,
Самолёт в потусторонье,
Знает Б-г висит на чём.
Музыка простого гуда,
В бездне города-костры,
И творят полёта Чудо
Две турбины, две-сестры.
Мы часами размечали
Ночи чуткий чернозём...

.....
Так долинами печали
Мы летим, бредём, живём...

28 декабря 2010 г., А-320, San-Francisco – Pittsburgh

***

Плывём. Пороги да мели.
И сил не хватает взвесить,
Чем был он, на самом деле,
Год две тысячи десять.
Что в нём навсегда остаётся,
Что чёрные ветры задули –
Апреля весёлое солнце,
И нежные луны в июле...

30 декабря 2010 г., Pittsburgh

***

Что ждёт нас – радость или крах
Под будней игом?

Дыханье мигов на щеках,
Дождь – миг за мигом.

Кому дожди, кому метель,

Кому-то жар рапсодий. –

Вот так и не увидев цель,

Мы, что ни миг – уходим.

31 декабря 2010 г., Pittsburgh

Составлено 20 января 2011, Johnstown

Нина Воронель

Беляночка и Розочка

ерпеть не могу резиновые перчатки – они стесняют мою свободу. Уместно, конечно, спросить, о какой свободе может идти речь, если я обречена целый день драить чужие полы и унитазы. Но я убедилась, что свободу ограничить легко, зато ограничение свободы не знает границ. Здорово я это закрутила, правда?

Это я еще умею – ведь не всегда же я была полемойкой. Когда-то я была маменькина дочка-белоручка. Даже имя мои родители мне дали возвышенное – Нонна, чтобы с младенчества поставить меня на верный путь. А верный путь для еврейской девочки в России – это искусство, искусство и только искусство. Так что в той жизни я закончила Московскую консерваторию и работала дирижером детского хора при Дворце Культуры милиции.

Но то было в той жизни, а полы я мою в этой. Ну кто б в Москве мог поверить, что в Земле обетованной я сделаю карьеру полемойки? Не то, чтоб у других полы мыть, я для собственной квартиры уборщицу нанимала, чтобы руки не портить. А теперь только и делаю, что порчу – потому что не терплю резиновые перчатки. Да мне и не жалко – ведь только мои шершавые руки обеспечивают мне пристойный заработок, на который я могу содержать маму и Никиту.

Когда мне предложили убираться в массажном кабинете «Русский самовар», Никита очень возражал, – он сразу заподозрил, что массаж там никто делать не собирается и что самовар – это фикция. Насчет массажа он оказался прав, но самовар у нас был настоящий, – расписной, с трубой и с маленьким чайничком для заварки. Стоял он в прихожей, на специальном пьедестале, а чего символизировал – неизвестно. Чай из него никто не пил,

клиент к нам ведь не за чаем приходил! Но это несоответствие никому не мешало – ни девушкам, ни клиентам.

А когда Никита узнал, сколько мне будут платить за уборку, оно и ему мешать перестало. Никита, конечно, тоже мог бы заработать – мойкой окон, например, но он объявил, что не должен себя ронять, он не путана какая-нибудь, а артист, Будто кому-то в этом мире нужны артисты! Вот путаны – те действительно нужны, я в этом убедилась: от клиентов отбою не было. Если бы я рассказала, кто да кто сюда захаживал, мне бы, пожалуй, не поверили.

Но это все было потом, а поначалу, когда я приходила в кабинет убираться, там уже не было ни девок, ни клиентов. Я начинала уборку в восемь утра, чтобы к трем все закончить. Ключ мне не доверяли, я звонила условным звонком, мне открывал один из хозяев – или Красавчик Женька, или Бандит Тамаз – и впускал в квартиру.

Женька был московский прибалтненый шалопай, – там он фарцевал и сутенерил, а, может, и сам на панели прирабатывал – при его невинной девичьей красе это было бы в самый раз. Но шарики у него крутились неплохо. Он быстро сообразил, что, чем самому под фонарем стоять, выгоднее организовать экспорт-импорт секс-товара.

А Тамаз был обыкновенный разбойник, силищи непомерной. В Грузии сидел в тюрьме за ограбление с убийством. Потом боролся за выезд на историческую родину как ущемленный на почве антисемитизма. Он боролся не от большого ума – у него и малого не было – просто кто-то научил его поставить на верную карту. Приехал он сюда героем-отказником и – давай качать права. Но его тут быстро раскусили и сняли с довольствия. Так что у него другого выхода не было, как вернуться к старой, верной профессии. Там его Женька, подобрав в какой-то канаве, и определил на должность главного вышибалы. Без вышибалы в ихнем деле и дня не прожить.

Никто из них, конечно, мне не исповедовался, но я быстро восстановила картину путем сопоставления обрывков их разговоров – в основном, ссор, когда язык бежит впереди мысли, – и собственной богатой

музыкальной фантазии. Время на фантазии у меня было с восьми до трех, потому что в работе моей требовалась ловкость рук, а не острота ума. А ум мой, пока не полностью заторможенный моим новым социальным статусом, все еще продолжал по инерции крутить свои постепенно ржавеющие шестеренки.

День мой начинался с выгребания мусора, которого за ночь набиралось столько, словно тут полк солдат побывал. Всюду валялись окурки, грязные стаканы и горы использованных кондомов на выброс. Я, дурочка наивная, до того и не представляла, что кондомы бывают всех цветов радуги, с перьями, с гребешками, со стеклярусом! Иногда попадались такие красавцы, что хоть на голове их вместо шляпки носи. Особо увлекательные образцы я мыла «экономикой» и приносила домой показать своим. Мама каждый раз приходила в восторг, а Никита страшно огорчался – ему все время казалось, что меня могут вовлечь в массажные дела.

И впрямь некоторые клиенты очень даже на меня зарились, хоть я и не первой молодости. Ведь вкусы бывают разные – кому нравится поповна, а кому – попадья. Но с клиентами я познакомилась позже – к тому времени любовь к моей зарплате давно победила в душе Никиты неприязнь к моей работе. А платили мне хорошо, потому что у меня оказалась легкая рука на уборку.

Никита даже начал намекать, что пора бы купить ему печь для обжига керамики.

– Если у меня будет печь, – приставал он, – я окуплю все расходы и буду содержать не только тебя, но и нашу дорогую Шарман.

Так он называл мою маму – Шарман – с французским акцентом, чтобы подчеркнуть, как он ею очарован. Мама, конечно, млела от восторга и тоже выступала:

– Ты обязана помочь Никите встать на ноги! Художник должен творить, а не прозябать!

– Спасибо, Шарман, – застенчиво шептал Никита, – только вы меня понимаете!

Ну да, она его понимает, а я нет! Можно подумать,

что печь, в конце концов, купила ему она, а не я. И порой вообще неясно, кто ему дороже – я или наша неотразимая Шарман! Смешно, правда? Но кто знает мою старую красотку-мать, тому вовсе не смешно: пусть ей под семьдесят, но она еще на все способна – ведь у нас в роду женщины с годами становятся только краше. А что до Никиты – если он на меня польстился, значит у него есть склонность к дамам гораздо старше его. А тут уж какая разница, насколько старше – на десять лет или на тридцать?

Честно говоря, их романтические отношения и по сей день сводят меня с ума! А тогда, перед покупкой печи, это было просто невыносимо: они целые дни напролет ворковали как два голубка. Я даже подумывала как-нибудь в разгар рабочего дня смотаться домой и застукать их на месте. Но не успела – внезапно обстоятельства в нашем «Самоваре» переменились роковым образом.

Прихожу я как-то утром, звоню в дверь условным звонком, Тамаз мне открывает, а внутри, вместо привычной тишины – шум, говор, визг. В прихожей навалены чемоданы и сумки, и в салоне полно девок: все сонные, злые, сидят, развалившись в креслах. А одна, темноглазая, с короткой платиновой стрижкой, стоит у окна, нога на подоконнике, – подоконники в салоне были низкие, на уровне колена. Была она как птица, готовая к полету, хоть лететь было некуда, все окна у нас были забраны литыми чугунными решетками – а перед ней извивался Женька – хватал за руки, заглядывал в глаза.

– Ну, чем плохая квартира, – бормотал он, – мы тут все устроим, будет лучше прежней!

Платиновая на него сверкнула глазом – такая и убить может:

– Что ж, – и работать тут, и жить?

– А чем плохо, – заюлил Женька, – на дорогу время не тратить!

– А закон такой есть, – отрезала Платиновая. – Не блядуй, где живешь, не живи, где блядуешь!

Все заржали, и тут я услышала неповторимый, знакомый мне смолоду смех, высокий и ломкий, как ножом по стеклу. Я обернулась и увидела их обеих, Дину и Зойку, –

они стояли в дверях кухни.

Хоть я давно их не видела, но сразу узнала. И глазами своим не поверила – может, это у меня галлюцинация как скрытая форма ностальгии? Потому что при виде этих девчонок – впрочем, уже и не девчонок, а молодых кобыл, – на меня нахлынула вдруг вся моя забытая московская жизнь. Так хорошо, так сладко нахлынула, – с рухнувшими надеждами и со слезами, с запахом сирени по весне и с хрустом снега по морозцу, я даже почувствовала щекой ворсистую влажность высокого воротника своей давно не существующей шубы из настоящего меха, которую я справила себе в первый год своего первого горького замужества.

Время остановилось, и кинолента памяти прокрутилась на десять лет назад. На этой ленте молодая женщина, как две капли воды похожая на меня, шла по заснеженному двору с моим первым мужем, и вдруг со смехом, высоким и ломким, как ножом по стеклу, под ноги им выкатились на маленьких лыжах две нимфетки, Беляночка и Розочка, и мы, все четверо, кубарем полетели в высокий белый сугроб. Розочка первая выбралась из снежной кучи, встала над моим мужем на колени и выдохнула ему в лицо:

– Меня зовут Зойка, а ее Дина, мы знаем наизусть все ваши стихи.

Я не сомневаюсь, что они бросились нам под ноги нарочно, – ведь мой первый муж был молодой, подающий надежды поэт по прозвищу Поэт (с большой буквы), и его обожали школьницы. Мы с ним жили в маленькой однокомнатной квартирке на первом этаже писательского дома, где все жильцы были писатели. Одна только Зойкина мама ничего не писала: она работала при нашем доме дворником, – зимой сгребала снег, а летом полола и окапывала цветочные клумбы. И хоть отец Дины был весьма процветающий драматург, почти что классик, верховодила в их дружбе Зойка, которая лучше знала, с какой стороны хлеб намазан маслом.

Хоть я давно не видела этих девчонок, они не настолько изменились, чтобы я могла их с кем-нибудь

спутать. Они тоже меня сразу узнали и шарахнулись в кухню. Они, наверно, подумали, что я зашла зачем-то на минутку – откуда им было знать, что я работаю в этом заведении уборщицей? Это было так же невероятно, как и то, что они работали тут путанами.

Платиновая тем временем продолжала выступать, пока Тамаз не шепнул Женьке что-то на ухо. Женька обернулся, увидел меня и тут же воспользовался, чтобы сменить тему. Он обнял меня за плечи как лучшую подругу и провозгласил:

– Знакомьтесь, девочки, это наша Нонна!

Девочки уставились на меня, недоумевая, на хрена я им нужна. Но Женька быстро разъяснил:

– Она убирает за вами ваше дерьмо.

Глаза девочек сразу заволокли пленкой безразличия – им было без разницы, кто за ними убирает. Глаз было четыре пары: кроме Платиновой, все светлые, серо-голубые, с разной примесью зелени и серебра.

Я им спела:

Над дорогой смоленскою как твои глаза
Две вечерних звезды – голубых моих судьбы!

Три пары серо-голубых дрогнули и помягчели, а Платиновая без слова повернулась на каблуках и шагнула в кухню, откуда навстречу ей вышла Зойка. Она уже смекнула, что должность моя долгосрочная и прятаться от меня бесполезно, она тихо встала у Женьки за спиной и, глядя мне в глаза, приложила палец к губам: молчи, мол, молчи! За плечом ее появилась Дина и повторила тот же жест – взгляд у нее был умоляющий.

Вот жизнь-карусель, какие бывают встречи! Сколько лет я их не видела, Беляночку и Розочку? Они и тогда были хороши, а за эти годы стали еще краше – Зойкин неведомый папаша был азиатский чучмек, отчего глаза у нее были длинные и раскосые под гладкой смоляной челкой. А в Дине русско-еврейская смесь переливалась всеми оттенками золота – особенно прекрасна была мелкая россыпь веснушек, более темных, чем волосы и глаза.

В те далекие дни они частенько захаживали к нам в

квартиру – не ко мне, конечно, а к Поэту. Заходили они всегда вдвоем, Зойка выступала впереди, зажав тетрадку со стихами в трепетной руке, Дина маячила у нее за спиной.

– Можно я почитаю вам свои новые стихи? – прерывающимся голосом спрашивала Поэта Зойка.

Поэт вскакивал из-за стола и изображал глубокий интерес:

– Читай, читай! – он очень дорожил вниманием нимфеток.

Пока Зойка читала ему свою детскую чушь, он ощупывал взглядом все холмики ее полудетского тела – не потому, что был у него особый эротический зуд, а потому, что согласно своему поэтическому образу он всегда должен был играть серенаду на туго натянутой сексуальной струне. Ну он и играл, бедняга, пока не надорвался.

У Дины с Поэтом точно ничего не было – она жила по принципу «умри, но не давай поцелуя без любви», а за Зойку я бы не поручилась. Тем более что как дочь дворничихи она всегда старалась подняться по социальной лестнице, хоть и в краткосрочной блядке, но с повышением. Я к ней за это никаких претензий не имела, мне к тому времени про Поэта все уже было ясно, так что мы даже были в каком-то смысле подружки, именно с ней, а не с Диной – у той были смертельные принципы и на дружбу тоже.

Впрочем, в этой, в каком-то смысле загробной, жизни прошлые страсти-мордасти уже потеряли всякий смысл. Смысл имела только сегодняшняя реальность, сколь бы бессмысленной она ни представлялась, на первый взгляд.

Почуввав напряжение за спиной, Женька обернулся. Лица моих девчонок тут же приняли выражение сонной скуки – как у всех. Они меня в упор не узнавали – что ж, не хотите, как хотите, мое дело убирать. Я взяла свои ведра и швабры и прошла на кухню.

Только я вышла из салона, как девки завопили все разом. Разобрать, что они кричат, было трудно, только одно слово прорывалось, повторенное много раз: «паспорта, паспорта, паспорта!» Потом Женька сказал что-то предостерегающе, и на миг стало тихо. Поспешно затопал Тамаз – его ни с кем нельзя спутать, он ходит как слон, – и

кухонная дверь с треском захлопнулась посреди фразы. За дверью закричали снова.

Они бы так и скандалили до вечера, но я кончила свое дело и стукнула в дверь, что пора, мол, мне пылесосить в салоне. Девочек мое присутствие не смутило, и они продолжали наступать на Женьку:

– Почему это нас всех под домашний арест?

– Она хотела сбежать, пусть она и сидит под арестом! Мы-то тут при чем?

– Знаю я вас, – сказал Женька, – все вы одним миром мазаны: сегодня одна в окно лезет, завтра – другая.

– А ты плати, как договаривались, – всхлипнула сероглазая дылда, которую все называли Танюша-Хныкуша, – никто и не побежит.

– А я не плачу, что ли? – огрызнулся Женька. – Вон у вас чемоданы от долларов лопаются.

– Но треть ты нам еще не доплатил! – отпарировала Зойка.

– А ты помалкивай, сучка, я твою роль в этом побеге еще не выяснил, – ответил Женька, и Дина потянула Зойку прочь из салона.

На Дине было кимоно с длинными рукавами. Когда она подняла руку, рукав соскользнул к плечу, и я увидела на ее золотистой коже два огромных черных синяка. И тут до меня дошло, что это Дина пыталась убежать, – конечно, она! – уж ей-то точно было тут не место! Дина перехватила мой взгляд, и губы ее опять дрогнули предостерегающе – молчи!

Молчать я умею – хранение тайн стало моей второй профессией, если первой считать мытье полов, а хоровое пение списать как хобби. Сперва я скрывала от мамы, что развожусь с Поэтом – она его терпеть не могла, но разводов не одобряла. Маму за это время выставили на пенсию из больницы, где она 20 лет заведовала кардиологическим отделением, и она из разряда просто красоток перешла в разряд бывших красоток. Такой переход не способствует ни улучшению характера, ни расцвету материнской любви. Так что возвращение от Поэта к маме не сулило мне ничего хорошего. Но жить с Поэтом я тоже не могла – он был человек крайне нервный, а я даже врагу своему не пожелаю

оказаться в постели с нервным мужчиной, на неустойчивую психику которого давят возлагаемые на него с юности большие надежды. Деваться мне было некуда, и, в конце концов, я сбежала из писательского дома назад к маме.

Поселившись с мамой, я стала скрывать от нее своих промежуточных кавалеров, так как она совершенно помешалась на идее бабского соперничества со мной. Стоило мне привести кого-нибудь в дом, как она тут же надевала свое самое завлекательное лицо и начинала смеяться мелким горловым смехом, который был бы неотразим, если бы она была моя дочь, а не я – ее.

Потом я долго скрывала от нее Никиту – предвидя ее реакцию на его молодость и художественную неустроенность. Но скрыть его навечно было невозможно, и в один прекрасный вечер мне пришлось привести его и выдать из себя:

– Мама, познакомься, это мой новый муж.

Мама на секунду оцепенела, а потом подбоченилась, приподнялась на носках и запела, вихля задом:

По аллеям цветущего парка
С пионером гуляла вдова,
Пионера вдове стало жалко,
И вдова пионеру дала.
Отчего, почему, растолкуйте вы мне,
Пионеру вдова отдалась?
Потому что у нас каждый молод сейчас
В нашей юной, прекрасной стране!

Надо отдать должное Никите, он не растерялся. Он улыбнулся ей своей кроткой улыбкой и спросил:

– Когда это мы с вами гуляли по аллеям цветущего парка?

– При чем тут я? – исключительно глупо спросила мама.

– Вы ведь тут единственная вдова, – невинно пояснил Никита. – Я еще жив, и Поэт, насколько мне известно, тоже.

– Господи, где ты его нашла? – спросила мама, явно смягчаясь.

– Во Дворце пионеров, – сообщил Никита.

Это была чистая правда: он делал декорации к спектаклю, который разыгрывали во Дворце пионеров мальчики из моего хора. Чувство юмора у мамы не увядало с годами – она засмеялась своим мелким горловым смехом, я поняла, что Никита ее покорила. Настолько покорила, что я даже блажила мыслью нагреть домой в разгар рабочего дня и застучать их на месте.

Но с переездом девок в заведение на постоянное жительство Женька ввел новый распорядок дня, и мои шансы незаметно сбежать практически свелись к нулю. Оказалось, что он умудрился снять квартиру, смежную с нашей, входную дверь которой замуровал наглухо и пробил новую дверь в стене, разделяющей кухни обеих квартир. Как я этих приготовлений не заметила, каждый день убираясь во всех углах, ума не приложу – видно, он немало усилий для этого приложил. А значит, были у него веские причины сделать это быстро и тайно.

В новом помещении были спальни для девок, каждая на двоих, два туалета и большая кухня – там я должна была убирать с трех до шести, когда у них начинался рабочий день. За это мне полагались дополнительные часы с надбавкой 25%.

Это было очень даже кстати, чтобы внести первый взнос за Никитину печь, но это связывало меня по рукам и ногам, так как из заведения был теперь единственный выход, который в рабочие часы девушек охранял мрачный Тамаз, а пока они спали, был заперт на специальный замок с сиреной и секретным набором, как сейф.

Вообще все у нас теперь было закрыто и запечатано, – похоже, что внезапный переезд под одну крышу был вызван чрезвычайными обстоятельствами, которые ставили под угрозу все Женькино славно налаженное дело. Девки никуда не выпускали ни ночью, ни днем, – кроме меня, к нам входили только клиенты, да и тех записывали по телефону и впускали по особому списку. Продукты и выпивку привозил лично Женька, он же открывал мне дверь в семь утра, а ровно в шесть вечера являлся за мной в спальни и проводил через кухню к выходу. Я должна была

уходить не прощаясь и не оборачиваясь, как жена Лота. Но за то, что я однажды обернулась некстати – при обстоятельствах почти столь же драматичных, как у жены Лота, – я не превратилась в соляной столб, а всего лишь потеряла работу и села на пособие по безработице.

А случилось это из-за Дины, у которой все в жизни должно было быть только как повесть о первой любви, потому что второй, по ее принципам, человеку не полагалось.

У меня с Диной и Зойкой сложились какие-то нелепые отношения, как в приключенческих романах для самого непритязательного читателя. При случайных мимолетных встречах мы смотрели друг сквозь друга, словно не видя. Ничего бы особенного в этом не было, поскольку мне с девушками нашего заведения общаться не полагалось. Я поначалу и не общалась – мне хорошо платили за то, что я умела держать язык за зубами.

Но долгие часы в запечатанном помещении даже заключенного и тюремщика могут бросить друг другу в объятия, а уж простой уборщице в бардаке никак не уклониться от некоторой интимности с девицами. Главной моей подружкой стала Платиновая. В первый же день, только я стала стелить постели, она вбежала в спальню, достала из тумбочки шприц, ловко затянула зубами резинку над локтем и всадила иглу себе в вену. Минуту она постояла, прислонясь к дверному косяку, на лбу у нее выступили крупные капли пота. Потом она трянула своей платиновой челкой и попросила:

– Только ты не болтай о том, что я на привязи, ладно?

Потом оказалось, что Танюша-Хныкуша тоже колется, Марина любит менять наряды по три раза в день, а Лидия страдает от мигреней. И каждая жаждет рассказать мне драму своей жизни во всех деталях. Мне болтать с ними было любопытно, хотелось чуть-чуть прикоснуться к тому темному, тайному, запретному, что вершилось совсем рядом, за закрытой дверью.

Я иногда пыталась себе представить, что там делается. Комнаты я знала до мельчайших подробностей, и

мне ничего не стоило их населить и озвучить. Порой оттуда доносился смех, порой прорывалась музыка, и я чувствовала себя Золушкой у плиты – я тут грязь выгребаю, а они там, небось, пьют, танцуют, веселятся. Это было, конечно, очень глупо – девки со мной иногда делились такими подробностями, что не позавидуешь.

Только Дина и Зойка меня избегали и ни разу не зашли в спальню поговорить, когда я там убиралась. А мне что, я на дружбу с ними не напрашивалась – у меня своих забот был полон рот. Никита после покупки печи погрузился в творческий экстаз так глубоко, что у него начались нелады с мамой. Он жаловался, что мама бестактно нарушает его творческий процесс. А мама сосредоточила свою ненависть на его скульптурах, – ее обижало, что печью Никита интересуется больше, чем ею.

Мне бы радоваться такому обороту, но в каждой радости есть свой подвох. Они непрерывно жаловались друг на друга, но разделить их было невозможно – на съем наших несчастных двух комнат уходила вся мамина пенсия и почти половина моих заработков.

У Никиты как раз начался период отрицания женского начала, и он создавал корявых мужиков с огромными членами. Доходило до того, что порой мужик совершенно исчезал на фоне члена, к которому он приделывал для убедительности уши и глаза. Места в нашей комнате было немного, и очень скоро члены с ушами и уши с членами начали заполнять Никитин верстак в салоне, который одновременно служил маме спальней, а потом и полки над верстаком.

Нарыв прорвался однажды среди ночи: я проснулась от истошных криков и грохота в салоне и помчалась туда босиком, оскальзываясь на ледяных зимних плитках. Мама в игривой ночной сорочке, стоя на верстаке, срывала с полок Никитиных уродов и швыряла их на каменный пол. Мамины рыдания перекрывали звон осколков. Никита вбежал вслед за мной, губы его дрожали.

– За что, Шарман? За что?

– Они хотели меня изнасиловать! – завопила мама и грохнула об пол очередного глиняного мужика. Никита

взвыл, ринулся к верстаку, обхватил мамины острые колени и стал стаскивать ее вниз. Мама яростно заколотила кулачками по Никитиной спине:

– И ты туда же!

Всю ночь мы не спали – с Никитой была истерика, он кричал, что не может оставаться в доме, где не ценят его как художника. Мама кричала в ответ что-то невразумительное – выходило, что во всем виновата я. Вынести это не было никаких сил, и я сбежала на работу раньше времени.

В другой день я могла бы подождать полчаса, но в то утро с неба лил тропический ливень, какого мне не приходилось видеть в даже в дождливой Москве. В Тель-Авиве так всегда, – месяцами нет дождя, но если уж хлынет с небес, так сразу поймешь, откуда взялась легенда о великом потопе. Было довольно холодно, и я промокла до костей, пока бежала от автобусной остановки, потому что в спешке выскочила из дому без зонтика. Опасаясь подхватить воспаление легких, я робко позвонила условным звонком, хоть понимала, что Женька будет недоволен таким нарушением порядка.

Он открыл – не сразу, но открыл – наверно, долго разглядывал меня в глазок и обдумывал, впускать или не впускать. Но мой жалкий вид и его мог привести на мысль о воспалении легких, а это значило бы нанимать другую полумойку, потому что девки наотрез отказывались убирать – скандал на эту тему разразился при мне сразу после переезда.

Женька открыл, но все же не удержался и спросил:

– Чего так рано?

– Обстоятельства, – ответила я туманно и, оставляя за собой лужи, ринулась в кладовку для швабр, где я держала свою рабочую одежду.

Женька было сделал шаг мне вслед, словно хотел остановить, но глянул на лужи, осекся на полуслове и пошел запирать входную дверь, которая так и стояла полуоткрытой после того, как я в нее вплыла в потоках дождя. Я быстро скинула с себя мокрые шмотки и начала растираться полотенцем, чтоб хоть немного согреться. И тут я услышала

голос Дины – я его сразу узнала, хоть за все это время она слова при мне не сказала.

В голосе ее с раннего детства была какая-то потаенная интимная томность, странно противоречащая ее невинно-золотому взгляду и потому особенно привлекательная. Я помню, Поэт говорил, что она спрашивает «который час?» так, словно отдается. А тут она отдавалась в полную силу:

– Я умираю без тебя, умираю, я думаю только о тебе.

«С кем это она так? – подумала я, – неужто с Женькой?» Ведь никого, кроме него в квартире не было. Не дожидаясь ответа, она продолжала торопливо отдаваться – и тут я поняла, что она говорит по телефону:

– Ну что делать? Я вынуждена задержаться. Глупости какие, кем я могла тут увлечься? Феликс, радость моя, ты даже не представляешь, как я рвусь к тебе! Но ведь я приехала сюда не развлекаться, а работать – мне за это заплатили, так что я не могу все бросить и уехать. А мы все никак не завершим эти раскопки.

Ах, вот как! У них это называется – раскопки!

– Да, находки потрясающие – я не могу по телефону, я приеду и все расскажу. Ну, конечно, я постараюсь как можно скорей. Хватит ли на диссертацию? Я думаю, хватит, и не на одну.

Женька зашаркал где-то близко и напомнил свистящим шепотом:

– Кончай, каждая минута с Москвой стоит кучу денег.

– Я должна бежать, дорогой, – заторопилась Дина, – меня ждет автобус. Мы едем сегодня в Кумранские пещеры сверять песчинки на наших свитках с образцами тамошнего песка. Ну конечно, люблю. Я часто с тобой говорю по ночам. Ты не слышишь, как я зову тебя из темноты: Феликс, Феликс, Феликс?

О господи, как я сразу не сообразила, – конечно, Феликс. Тот самый Феликс с восьмого этажа – она была в него влюблен еще в детском саду! Она ведь из тех идиоток, которые любят на всю жизнь.

Я очень хорошо помнила этого длинноногого

кудрявого паршивца, по которому сохли все девчонки нашего дома. В этом дрянном парне с молодых ногтей был сосредоточен убийственный заряд таинственного мужского магнетизма. Того самого, наверно, который Никита так мучительно пытался выразить шеренгам своих уродов с членами, а Феликс просто нес в себе от рождения.

Не знаю, как этот трюк удался его вполне заурядным родителям, усердно сеявшим «доброе, вечное» в неплодородную почву социалистической словесности. Может, именно эти титанически усилия и помогли им родить дитя, лишенное каких бы то не было талантов, кроме эротического магнитного поля, которое затягивало всех без исключения особей женского пола. Клянусь, я потому его и заприметила в многоликой толпе писательских детей – стоило ему войти в лифт или в соседний овощной магазин, как все бабы вокруг, независимо от возраста, начинали вращаться в его орбите: заигрывать с ним, улыбаться и непотребно хихикать.

В те годы всем было известно, что Дина в него влюблена, А он, щедро оделявший других своим мимолетным вниманием, именно ее всегда избегал. Наверно, чувствовал, что любовь ее смертельна, и не хотел связываться. На том я оставила их семь лет назад и забыла о них.

А они, оказывается, сладили между собой – надо же, какой оборот!

Телефон звякнул отбой – Дина закончила разговор. Секунду было тихо, потом раздался звон и грохот, словно тяжелый металлический предмет покотился по каменному полу, обгоняемый Женькиным воплем:

– Ты что, очумела? Ты могла меня убить!

– Жаль, что не убила! – сказала внятно Дина, и каблучки ее процокали по плитам коридора в сторону спален.

– А телефона тебе не жаль? Он еще может тебе пригодиться! – завизжал ей вслед Женька.

Ага, значит она бросила в него переносной телефон, он обычно держал его у себя в конторе, а тут вынес ей в салон – в контору он никогда никого не впускал. Не

удостоив его ответом, Дина с треском захлопнула за собой кухонную дверь, и все стихло.

Дождавшись момента, когда Женька, наконец, убрался к себе в контору, я выскользнула из чулана в кухню, чтобы сделать себе чашечку кофе. И застыла на пороге. Дина стояла у раковины спиной ко мне.

Услышав шорох за спиной, она резко обернулась, словно ожидала нападения сзади, – и увидела меня. Лицо ее отразило крайнее смятение – она ведь не знала, что я здесь. А я тоже хороша: уставилась на нее в легком обалдении – я до того не замечала, какая она красивая. Я ведь никогда не видела ее в рабочей, так сказать, одежде – в платье с глубоким вырезом, с румянами на щеках и с подведенными глазами. Красота в ней была какая-то особая, – тихая, что ли, с первого взгляда не бросающаяся в глаза, – она раскрывалась медленно, проступая наружу из-под пленки обыденности, как переводная картинка.

Мы с ней постояли так секунду, пялясь друг на друга, а потом она вдруг шагнула ко мне, уткнулась носом мне в ключицу и заревела:

– Тетя Нонна, что я наделала? Что я наделала?

Смешно получилось, что она по старой памяти назвала меня тетей – она выросла, здоровенная дылда, на полторы головы выше меня. Я не успела ничего ответить, потому что в кухню, вопросительно принохиваясь, вбежал Женька:

– Вы что тут замышляете, девочки?

Дина выпрямилась – ей пришлось изрядно наклониться, чтобы поплакать на моей груди, – и, не взглянув на Женьку, молча вышла. Тогда он уставился на меня – наверно, ждал от меня ответа, но я разыграла полную невинность и, как ни в чем не бывало, стала насыпать кофе в чашку. Может, Женька продолжал бы допытываться, о чем мы с Диной шептались, но тут притопал Тамаз, запер на засов дверь в спальни и начал устраивать себе постель на раскладушке у порога. Он всегда спал там в мои рабочие часы и даже вой пылесоса не мог его потревожить.

– Иди спать, Женька, – сказал он, уминая подушку, – хватит суетиться.

Женька еще пару секунд глядел на меня испытующе, пытаюсь оценить степень нанесенного ему ущерба, но мои глаза были прозрачны и чисты – я ведь не даром говорю, что хранение тайн стало моей второй профессией. Он понял, что ничего от меня не получит, в его деле быстрое понимание – залог успеха, махнул рукой: «ладно, дескать, давай забудем!», и пошел спать в контору.

Все заснули, а я взялась за свою дорогую швабру и тут же выбросила из головы Дину и ее драму – мне было о чем подумать. Я совершенно не представляла, как может разрешиться моя семейная драма, сильно напоминавшая детскую задачку про волка, козу и капусту в одной лодке. Привычно сортируя белье и вытряхивая окурки из пепельниц, я мысленно перебирала все возможные варианты ее решения, но никак не могла спасти козу от волка или капусту от козы.

Я даже не заметила, как прошло время – девицы проснулись и начали вяло выползать в салон в халатах и шлепанцах, и Тамаз позвал меня убирать спальни. И тут я обнаружила, что Зойка осталась валяться в постели – как она мне объяснила, под предлогом месячных. Вообще месячные были темой постоянного скандала между Женькой и девицами. Он показывал им какие-то расчеты своих убытков и настаивал, чтобы они работали, невзирая ни на что, а они требовали законного отпуска хотя бы на три дня. Требовали собственно, не все: Платиновая и Хныкуша были согласны на все, так как Женька выдавал им наркотики только в рабочие дни, а Дина никогда не уклонялась из каких-то своих соображений.

А соображения у нее, как рассказала мне Зойка, были романтические до неправдоподобия, они как бы вполне соответствовали ее характеру, хотя мало вязались с общим циничным житейским раскладом.

Все начиналось и кончалось Феликсом. Два-три года назад Феликс, наконец, обратил внимание на Дину, которая по-прежнему никого, кроме него, не хотела замечать. Возможно, его внимание было сильно подогрето тем, что после смерти родителей Дине досталась их шикарная писательская квартира, уставленная старинной мебелью и

увешанная картинами выползших из подполья модернистов, которые стали быстро подниматься в цене. Тем более что его собственные высоко нравственные родители пребывали в полном здравии, умирать не собирались и образ жизни сына решительно осуждали. Так что ему оказалось очень кстати переехать к Дине, которая за это время успела закончить археологическое отделение университета и поступить в аспирантуру. Сам Феликс тоже пристроился неплохо: успешно провалившись в двух-трех отраслях знаний, он неожиданно нашел себя в музыке.

Надо же – Феликс и музыка! Каково это было слышать мне – уж в чем, в чем, но в музыкальных мальчиках я разбираюсь. Можете поверить, Феликс никакого отношения к этому разряду не имел. Но в наши дни и музыка пошла другая, и музыкальные мальчики требуются не те. Чувство ритма у Феликса, безусловно, было, как и чуткий радар, хорошо ловивший нужные позывные – этого оказалось достаточно, чтобы он стал лабать на саксофоне в молодежном порно-рок-театре, администрация которого неплохо приторговывала наркотиками в антрактах.

Полулегальных заработков Феликса вполне могло бы хватить им на жизнь в придачу к тому, что Дина выручала при продаже родительских картин: Феликс как-то умудрился внушить ей, что единственная ценность этих картин в их рыночной цене. Однако потребностей у Феликса было много, а коллекция картин на стенах Дининой квартиры за эти годы заметно уменьшилась. Но главное, в Москве наступила пора бешеных денег и больших состояний. Как пели когда-то мои мальчики во Дворце культуры милиции:

Сатана там правит бал, там правит бал, там правит бал,
Люди гибнут за металл, там за металл, там за металл!

Феликс тоже не устоял против Сатаны и очертя голову бросился в мутный московский водоворот, в котором каждый ловил золотую рыбку в меру своей ловкости и везения. Ловкости у Феликса было хоть отбавляй, а свое везенье ему не терпелось испытать: он уговорил Дину продать оптом все оставшиеся картины и пару старинных

подсвечников в придачу. К этому он добавил изрядную сумму, взятую им в долг у администрации его мафиозного порно-театра, и вложил все это в какую-то таинственную сделку, предполагавшую выгодный обмен якутских алмазов на среднеазиатскую коноплю или наоборот.

Но кто-то кого-то предал, кого-то другого убили ночью на улице, а кто-то третий обменял все деньги на доллары и сбежал в Америку, где скрылся под чужим именем. В результате сделка сорвалась. Дина с Феликсом остались без денег, без картин и с огромным долгом, за неотдачу которого Феликсу грозила страшная, хоть и красивая смерть. Показательные экзекуции чечено-ингушская мафия обставляла обычно блистательными театральными эффектами.

Феликс пошел к директору театра и стал перед ним на колени: делайте, что хотите, но у меня нет ни копейки! Директор сверкнул на него горячим кавказским глазом и понял, что убить Феликса он может, но выгоды ему от этого не будет никакой. Он пососал свой смоляной джигитский ус и отложил казнь Феликса на полгода, привязав при этом и долг, и процент на долг к курсу доллара. Феликс вышел от директора на ватных ногах, радуясь отсрочке, но не видя впереди никакого выхода: откуда через полгода у него возьмутся такие деньги?

– Я пришла к Дине и застала ее в слезах, – рассказывала Зойка, – она оплакивала авансом своего ненаглядного Феликса. И тут мне подвернулся Женька.

Зойка сама за это время прошла неплохую школу жизни: она закончила английское отделение пединститута и два раза скоротечно сходила замуж. К моменту встречи с Женькой она сидела на изрядной мели – от мужей ей остались одни горькие воспоминания, а с английским языком ее уровня заработать было можно только интердевочкой при больших отелях. Работа эта была опасная и деньги от нее выходили Зойке ничтожные, так как львиную долю приходилось отдавать милиции и Мишке-сутенеру. При том, что Зойка по-прежнему жила вместе с матерью в однокомнатной дворницкой, откуда у нее не было никакого выхода, предложение Женьки махнуть с ним в

загранку на заработки пришлось ей очень кстати.

Но ехать одной ей было страшно, и она решила позвать с собой Дину.

– А как еще можно было спасти Феликса? – спросила она с вызовом, хоть я ее не упрекала.

Мне просто открылся ее тайный позыв: стащить Дину с облака в болото, чтоб не оставалась навсегда Беляночкой-недотрогой и чтоб не только она, Зойка, в грязи барахталась. Я думаю, если бы я поделилась с Зойкой этими своими соображениями, она бы плюнула мне в лицо, но из этого не следует, что я была не права.

Начала Зойка с того, что тайно показала Дину Женьке – специально для этого назначила ей встречу в метро, а Женька следил за ними из-за колонны. Он с первого взгляда Дину не оценил – поморщился и замотал головой: нет, мол, не подходит. Но Зойку переупрямить было трудно, – нарушая договор, она шагнула к Женьке и воскликнула:

– Кого я вижу? Женька! Ты что, прибыл к нам из Земли обетованной?

Дина сразу клюнула на Землю обетованную: она так и засветилась, словно где-то внутри у нее загорелся волшебный фонарик:

– Вы живете в Иерусалиме? Прямо так ступаете по святым камням?

Услышав ее голос, в котором звучало обещание вечного блаженства, Женька вдруг обалдел и выпалил невпопад:

– И вы тоже сможете ступать по этим камням, если захотите у меня работать.

Зойка из-за Дининой спины показала ему кулак. Ведь только что тряс головой – «не подходит!», а тут сразу выложил все карты. Она же предупреждала, что с Диной надо говорить осторожно, может, даже утаить от нее часть правды, пусть узнает уже на месте. А то заартачится и не поедет.

– Но я ее уговорила на свою голову, – захлопала носом Зойка. – Что теперь делать, как это расхлебать, ума не приложу!

Тут в спальню заглянул Женька и затеял какой-то

скучный спор с Зойкой – просто чтобы не оставлять меня с ней наедине. Мне что, я включила свой пылесос и занялась уборкой. Женька пошумел-пошумел и ушел, и Зойка опять заскулила:

– Тетя Нонна! Тетя Нонна!

Я не отозвалась – какая я ей тетя? Да и времени у меня не было – я уже час на ее байки потеряла, а работы еще оставалось невпроворот.

Тогда она встала с постели и приклепала ко мне в ванную. Я слышала ее шаги, но не обернулась и продолжала драить ванну, с которой девки никогда не смывали волосы, так что к моему приходу они прилипали насмерть, хоть зубами отдирай. Особенно трудно отмывалась смесь мыльной пены с мелкими волосиками, которыми они засыпали ванну после бритья ног и подмышек, – высыхая, она образовывала твердую корку, не поддающуюся никаким порошкам.

– Главное, никому не говорите, что вы ее здесь видели! – взмолилась Зойка почему-то шепотом, хоть никого кроме нас в квартире не было. – Ведь Феликс не подозревает, чем она тут занимается. Я не знаю, что с ней будет, если он узнает. Она даже может наложить на себя руки. Она ведь наврала ему три короба про раскопки и про диссертацию.

Я пообещала, что никому не расскажу, и продолжала скоблить эту проклятую ванну. Но Зойка все не уходила и шмыгала носом за моей спиной.

– Ну чего тебе еще? – спросила я.

Она тут же заговорила быстро и бессвязно, так что я с трудом поспевала за нитью ее рассказа:

– Остальные девки нас ненавидят, меня и Дину: они считают, будто все неприятности у них из-за того, что Дина пыталась убежать. Надо же, дуры набитые, – фыркнула Зойка, – будто забыли, почему Дине вздумалось убежать.

А дело было так: Женька тогда собрал их и объявил, что он ошибся в расчетах и потому каждая из девиц вместо трех месяцев, как было договорено, должна проработать у него полгода, чтобы окупить свой билет и расходы на разные махинации, в результате которых он выправил им

документы на въезд. Они поскандалили слегка и быстро сдались, они в, основном, были профессионалки и привыкли, что их работа связана с трудностями. Тем более что Женька посулил всем за задержку приличный заработок, – так почему бы не согласиться?

И только Дина учинила грандиозную истерику, потому что наступал срок отдачи феликсова долга, а добавочный заработок ее не соблазнял. Но Женька быстро ее утихомирил, пригрозив, что расскажет кому надо, чем она тут занималась.

Дина прикусила губу и замолчала, а ночью взяла сумку с долларами, разбила окно в уборной и попыталась удрать. Окно было узкое, и ей не удалось вытащить все осколки из рамы, так что она раскровенила себе плечи и спину, но так и не выбралась наружу: Тамаз услышал шум, ворвался в уборную и стащил ее на пол. Может, это было к лучшему: квартира была на третьем этаже и сползти вниз, не покалечившись, она вряд ли смогла бы.

– А если б даже она удрала, так что толку? – вздохнула Зойка. – Далеко бы она не ушла. Ведь Женька с первого дня забрал у нас паспорта. А как можно уехать без паспорта?

Тут я вспомнила, как в первый день девки орала на Женьку, повторяя многократно как заклинание «паспорта, паспорта, паспорта!» И сообразила, чего хочет от меня Зойка. Она хотела знать, где Женька эти паспорта прячет.

Дело в том, что вход в Женькину контору был строго-настрого запрещен всем, кроме Тамаза. И меня, конечно, – убирать там все-таки было необходимо. Я наводила порядок в конторе раз в неделю, и Женька никогда не оставлял меня там одну – пока я вытирала пыль, пылесосила ковер и мыла зарешеченные окна, он валялся на диване и листал журнал «Секс ревью», – наверно, искал там новые идеи для своего дельца. К моему приходу он не оставлял на виду ни одной бумажки, а прятал все в сейф.

Сейф был грандиозный – обтекаемый и стальной, он царил над диваном, баром и письменным столом, похожий то ли на подводную лодку, то ли на межконтинентальную ракету. Женька заплатил за него, наверно, жуткие бабки –

его можно было скорей взорвать, чем вскрыть, а взорвать его было невозможно: он был бронированный. Женька держал в сейфе деньги, запас героина для Платиновой и гашиш для клиентов – говорят, гашиш здорово повышает мужскую потенцию.

Но только теперь я поняла, чего он так сторожил свой сейф – он хранил там паспорта девиц, без которых они оказались у него в полном рабстве. Поскольку их пребывание на Святой Земле давно было незаконным, они никому не могли пожаловаться, а к тому же он их давно никуда не выпускал.

Когда я рассказала Зойке про сейф, она вконец расстроилась – ей почему-то представлялось, что Женька прячет паспорта в ящике письменного стола, откуда изобретательная девушка сумела бы их выкрасть. Ей казалось, что главная задача – добыть паспорта, а уж открыть стальную дверь и устранить Тамаза куда проще.

– Были бы у нас паспорта, мы с Диной придумали бы, как удрать! – настаивала она.

В спальне зацокали каблучки – это Платиновая забежала подколоться. Зойка поспешно нырнула под одеяло, а я пошла мыть кухню, где с утра сохли остатки завтрака. Платиновая вошла за мной бросить шприц в помойку, секунду постояла, опершись спиной о косяк двери, закурила сигарету, сбросила туфли и босиком пошла в спальню к Зойке.

– Слышала новость? – спросила она. – На той неделе нас отправляют в Германию.

– Как это – отправляют в Германию? – растерянно повторила Зойка.

– А так. Женька нас запродавал всем скопом. Говорят, неплохо заработал.

– Кто говорит?

– Один клиент. Он знает точно – он помогает Женьке оформлять наши въездные визы.

– Врешь ты все. Зачем бы он стал с тобой откровенничать?

– А он ко мне прикипел, – за особые услуги. Он сказал, что обязательно приедет в Германию – специально

ко мне.

– И ты согласна ехать?

– А почему бы нет? Не все ли равно, что тут, что там? Тем более никто нас не спросит.

– Это от нас зависит. Нас ведь не в наручниках поведут к самолету.

– Забудь об этом! Представляешь, какая пойдет вонь, если кто-нибудь затеет скандал в аэропорту?

Платиновая втиснула ноги в туфли, швырнула недокуренную сигарету в раковину и вышла, а Зойка в спальне заскулила, как раненая собака.

О Боже, сейчас она припрется ко мне обсуждать новость! Я стала с грохотом ставить посуду в сушилку, чтобы дать ей понять, как я спешу, но ей это было без разницы, – она уже стояла рядом со мной, и ее была такая дрожь, что я испугалась, как бы она чего не натворила.

– Тетя Нонна, миленькая, придумайте что-нибудь, – бормотала она, – помогите нам! Вот увидите, это добром не кончится!

– Послушай, – сказала я, продолжая ссыпать мусор в пластиковый мешок, который я должна была вынести по дороге домой, – ты думаешь, она случайно пришла поделиться с тобой своей новостью?

Зойка перестала плакать и уставилась на меня, складывая в уме два и два. Результат у нее совпал с моим – не было сомнения, что Платиновую подослал Женька, чтобы предупредить грядущий скандал.

Я глянула на часы – стрелки приближались к шести – и стала быстро протирать пол, отталкивая Зойку к двери мокрой шваброй: мне сейчас только не хватало, чтобы Женька застал нас за обсуждением планов побега. Она упиралась, не уходила, так что мне пришлось хлестнуть ее тряпкой и прикрикнуть:

– Вали-ка отсюда поскорей, сейчас за мной придет Женька!

Она мотнулась к себе как раз вовремя – он уже выползал из-за двери, весь переливаясь разноречивыми улыбками, от угодливо-любезной до тревожно-угрожающей: нарочно пришел на десять минут раньше, подонок, чтобы

застукать нас на месте преступления. Убедившись, что Зойки рядом со мной нет, он великодушно объявил, что раз я пришла раньше, то и уйти могу раньше, и повел меня к выходу, где Тамаз уже щелкал замками. На улице по-прежнему лило как из ведра.

– Минуточку! – крикнул Женька, нырнул к себе в контору и выскочил оттуда с красивым черным зонтом. – Возьмите зонт, Нонна, а то промокнете до костей.

Было совершенно темно – в субтропиках ночь накрывает землю мгновенно, не растрачиваясь на сумерки и прочую сентиментальную чушь. Лица прохожих на миг возникали в светлой капельной дымке под фонарями и тут же исчезали в темноте. Растроганная Женькиным неожиданным великодушием, я зашлепала по лужам, переживая снова подробности этого сумбурного дня, пока не наткнулась на главное – на ночной скандал с мамой. Я даже остановилась, потрясенная не столько ужасом происшедшего, сколько тем, что я могла об этом забыть.

Всю дорогу домой я пыталась представить себе разные душераздирающие сцены, которые я могу там застать, особенно, когда, подойдя к дому, обнаружила, что во всех окнах темно. Но моего воображения не хватило на то, что я увидела, когда открыв дверь своим ключом, прошла на кухню – там свет, оказывается, горел, просто кухонное окно выходило на другую сторону.

Никита сидел на расстеленных на полу газетах и лепил что-то непотребное, а абсолютно голая мама стояла на хлипком сохнутовском табурете, кокетливо поставив одну согнутую в колене ногу на источенный временем мрамор кухонного стола. Оба были так увлечены, что даже не заметили моего появления. Но я заметила, что на кухне страшный холод, какой всегда бывает в нетопленых тель-авивских квартирах дождливой зимой, и мамина не слишком юная спина вся вспузырилась лиловой гусиной кожей.

– Вы что, спятили тут оба? – завопила я, слегка разряжая этим криком свои перенапряженные нервы.

Они повернули ко мне абсолютно потусторонние лица, явно не понимая, кто я и чего ору. Но меня уже понесло.

– Сейчас же прекратить это безобразие, – не помня себя, взвизгнула я и, растоптав по дороге Никитине творение, рванулась к табурету. Я схватила в охапку свою старую идиотку-мать и бережно поставила ее на пол: она так заледенела, что могла рассыпаться на мелкие осколки при неловком приземлении.

– Чего ты? – спросил, как всегда, обезоруживающе кротко Никита, бережными пальцами устранив ущерб, нанесенный его глиняному детищу моим яростным каблуком. – Мы ведь работаем.

– Ты не видишь, как она заоченела? Или ты хочешь, чтобы она заболела насмерть? – лицемерно запричитала я, заворачивая маленькое мамино тельце в теплую шаль: ее выступление перед Никитой в обнаженном виде волновало меня куда больше, чем ее здоровье.

– Представляешь, я уговорила Никиту найти пластическое выражение для идеи вечно-женственного! – радостно сообщила мама, выпрастывая из-под шали свои сморщенные сиреневые лапки.

– Еще бы, кто лучше тебя может представлять идею вечно-женственного! – вяло пробормотала я, чувствуя, как мое раздражение уступает место свинцовой усталости. – Беги оденься, а я пойду спать.

– Так рано? – удивилась мама. – Мы же не ужинали.

Но мне было не до ужина. После бессонной ночи и бурного рабочего дня я хотела только одного – спать, спать, спать.

Однако выспаться в эту ночь мне не удалось, меня разбудил надсадный телефонный звонок. Чертыхаясь, я пыталась на ощупь найти во тьме этого пронзительно звящего монстра, но спросонья никак не могла. Вспыхнул свет – в комнату в тревоге вбежала мама:

– Кто может нам звонить среди ночи?

Это был Женька – он поспешно сказал:

– Нонна, прости, что пришлось разбудить, но случилось несчастье. Ты ведь говорила, что твоя мама – врач? Я уже вызвал тебе такси – бери маму и приезжай немедленно.

– Но она уже на пенсии, – сонно пробубнила я.

– Это не важно, важно, чтобы все осталось в семье, – отрезал Женька.

Где-то в трубке на заднем фоне рыдал высокий ломкий голос, и сердце мое екнуло: Дина! А такси уже гудело под дверью.

Через минуту мы с мамой, одетые кое-как, загрузились в такси и помчались по спящему городу, разбрызгивая фонтаном дождевые лужи.

Дина лежала на кровати в спальне Платиновой, которая была ближе всех к ванной. Лицо у нее было голубовато-белое, словно вылепленное из алебастра, и нельзя было понять, дышит она или нет.

Пока мама осматривала ее, Зойка нашептала мне, что где-то к концу ночи, вероятно, Дина выскользнула в спальную квартиру, заперлась в ванной и вскрыла себе вены. Сперва никто ее не хватился, – было полно клиентов и все были навеселе. Но когда все разошлись и в ванную образовалась очередь, Зойка заметила, что Дины среди них нет и подняла тревогу – мне почему-то верится, что точное время тревоги было между ними сговорено. Тамаз взломал дверь – Дина, в зеленом кружевном платье, лежала без сознания в ванне, полной крови. Кровь была всюду – на стенах, на полу и даже на потолке.

Мама моя оказалась на высоте – выбегая из дому, она не забыла захватить свой профессиональный чемоданчик, который всегда содержала в полной боевой готовности с тех пор, как вышла на пенсию.

Она быстро сориентировалась, сделала все нужные уколы, перевязала Дине кисти рук и вернула ее к жизни, прописав ей три дня полного покоя. Надо сказать, Женька заплатил маме щедро. Впрочем, щедрости его хватило ненадолго: назавтра Зойка донесла мне, что он пригрозил вычесть эти деньги из Дининых заработков. Но Дине это было все равно – на отдачу долга Феликса она уже заработала, а остальное ей было без разницы. У нее была теперь только одна цель – добраться до Феликса с деньгами, пока его не прикончили.

Все три дня, что Дина безмолвно пролежала в постели, Женька с Тамазом по очереди дежурили в

спальном помещении, пока я там убиралась. Зойка перехватила меня как-то на кухне и шепнула, что теперь они сторожат Дину день и ночь. Неясно, чего боятся, – то ли что она опять чего-нибудь с собой сотворит, то ли что попытается через меня передать записку на волю.

Но однако они недосмотрели – она умудрилась сунуть записку в руку маме, которую на второй день я снова привезла по требованию Женьки, так как Дина грохнулась в обморок по дороге в туалет. Я так и не знаю, она притворилась или и вправду потеряла сознание, потому что записка у нее была заготовлена заранее – то ли в расчете на приезд мамы, то ли просто так, на всякий случай. Записка была лаконичная и четкая:

«Тетя Нонна, пожалуйста, суньте мне под подушку записку с адресом нашего заведения и с телефоном пожарной команды и скорой помощи. Если останусь жива, век буду за вас Бога молить».

После прочтения этой записки все романтические струны в душе моей мамы зазвенели так пронзительно, что мне потребовалось немало изворотливости, чтобы ее обезвредить. Пришлось рассказать ей про долг Феликса и про диссертацию Дины и взять с нее обет молчания, потому что мама никогда не умела хранить тайны, хоть свои, хоть чужие.

Выслушав меня, мама пообещала в течение недели не предпринимать никаких шагов к спасению Дины при условии, что я временно возьму эту задачу на себя. Я готова была взять на себя, что угодно, только бы она не лезла в это дело. Во всяком случае записку с адресом нашего заведения и с телефоном пожарной команды я умудрилась ловко сунуть Дине под подушку, пока меняла ей постель.

Все эти дни Дина безучастно лежала в постели, тихая, голубовато-белая, словно неживая. Только на третий день, когда Тамаз задремал, сидя на пороге Дининой комнаты, она вопросительно подняла на меня глаза – в них сверкал такой мрачно-золотой огонь, что мне стало не по себе. Я утвердительно кивнула ей в ответ, показав взглядом на подушку, и быстро вышла: мне казалось, что мое смятение слишком явно отразилось у меня на лице, и стоит

Тамазу открыть глаза, как он тут же все поймет.

Весь вечер мама донимала меня допросом с пристрастием – воображение у нее разыгралось, она пыталась представить себя то на месте Дины, то на месте Зойки, а пару раз даже на месте Женьки и Тамаза. Особенно волновал ее вопрос, зачем Дине понадобился номер телефона пожарной команды, если у нее нет доступа к телефону. Она без конца хотела обсуждать эту тему и обвиняла меня, что я от нее что-то скрываю.

Но я ничего от нее не скрывала, потому что ничего не происходило. На четвертый день Дина поднялась и вышла в салон, – бледная, но одетая и подкрашенная для работы. Она молча села в кресло в углу, взяла сигарету из пачки и как ни в чем не бывало попросила у Женьки зажигалку.

– Ты что, начала курить? – удивился Женька. Он был так растроган ее дружеским тоном, что, поднося к ее сигарете огонь, спросил: – Трубка мира?

Дина закурила, закашлялась и засмеялась:

– Трубка мира.

Я от ее смеха содрогнулась, такой это был черный непрозрачный смех, но Женька был доволен.

– Раз так, я дарю тебе эту зажигалку в знак примирения, – сказал он, и все уставились на него, не веря своим ушам: зажигалка у него была платиновая, сверхфирменная и страшно дорогая. Видно, он очень опасался, что Дина устроит ему сцену. Тут он заметил меня и прикрикнул, чтобы я шла убирать в спальни, а не стояла столбом, где не положено, не за то он мне деньги платит. Я взяла свои швабры и ушла и никого больше в тот день не видела, – ни Дину, ни Зойку.

За ночь капризная природа сделала поворот на сто восемьдесят градусов: солнце светило, как редко в Москве летом, цветов на деревьях высыпало видимо-невидимо, самых невероятных расцветок от лимонно-желтого до пурпурно-фиолетового, море сияло ближневосточной бирюзой, одолженной из сказок «Тысячи и одной ночи».

И дома тоже в пандан погоде наступила неправдоподобная благодать: Никита, насвистывая,

выкраивал из консервных банок какие-то мудреные спирали, а мама, отказавшись от претензии на роль Монны Лизы, встала ни свет ни заря и погрузилась в свои заброшенные было медицинские книги, уверяя, что с ее стажем и опытом ей ничего не стоит найти работу по профессии. Я не стала с ней спорить – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не морочило голову, – и побежала на работу, глупо радуясь всему на свете: солнцу, цветам и Никитиным спиральям.

Тамаз открыл мне дверь, тщательно, как обычно, запер ее за мной и сонно побрел на свою раскладушку. В заведении было тихо, душно и темно, все окна были наглухо закрыты, зашторены и затемнены наружными ставнями. Ковры, кресла и диваны густо пропахли терпкой пепельной смесью сигаретного дыма, пота и крепких духов, особенно невыносимой после голубого утреннего бриза, настоящего на желтых и лиловых цветах.

Я наскоро стряхнула окурки и кондомы в пластиковый мешок и решила отпраздновать неожиданное наступление весны веселой мойкой окон. Я отдернула шторы, подняла ставни и распахнула все рамы. Квартиру залило солнечным светом, который дробясь на фигурных завитках оконных решеток, переливался всеми цветами радуги на хрустальных люстрах, недавно выписанных Женькой по дешевке из Нью-Петербурга. Граненые подвески люстр слегка подрагивали на сквозняке, наполняя комнаты неуловимым праздничным перезвоном очень высокого регистра, из-за чего он был почти неслышен, но неистребим – его не мог перекрыть ни переливчатый храп Тамаза, ни несмолкаемый рев утренних автобусов, газующих на крутом подъеме от моря в город.

Наверно, именно из-за этого рева я не сразу услышала истошные крики, несущиеся из спален. Там страшно орали и колотили дюжиной рук и ног в запертую стальную дверь, надежно глушившую шум. Я трянула Тамаза за плечо, но он, поддавши, видно, хорошенько за ночь, продолжал храпеть, как ни в чем не бывало.

За дверью вопили в предсмертном ужасе, хоть нельзя было разобрать что. Потом где-то снаружи за стеной раздался звук разбитого стекла и из окна потянуло дымом.

Обезумев от ужаса, я бросилась к Женькиной конторе и изо всех сил забарабанила в дверь:

– Пожар! Вставай, Женька, – пожар!

Женька выскочил как был, в майке и без трусов, услышал крики за стеной и сразу сориентировался – ногой опрокинув раскладушку Тамаза, он быстро отодвинул засов и распахнул дверь.

Сквозь дверной проем, заполнившийся дымом как адские врата, с визгом протискивались девки – их было всего шестеро, но каждая так стремилась вырваться наружу, что ни одна не могла выйти сразу. Это длилось всего пару секунд и выглядело неправдоподобно, как ночной кошмар – многоголовое, многорукое чудовище, дико орущее на фоне адского огня. Тамаз, наконец, проснулся, вывернулся из-под придавившей его раскладушки и, сильным толчком оттеснив девок назад, от двери внутрь, начал выдергивать их одну за одной, не давая им упасть на пороге или растоптать друг друга.

В полсекунды все шесть вывалились в кухню и сбились в кучу на полу, продолжая причитать и кашлять. Были они расхристанные, босые, в съехавших с плеч ночных сорочках, и только Дина с Зойкой успели натянуть сапоги, джинсы и куртки. Собственно, тогда, обалдевая от дыма и страха, я этого как бы не заметила, но где-то в глубине сознания это зарегистрировалось и позднее всплыло в памяти неопровержимой уликой.

Женька подбежал к Тамазу с красным огнетушителем в каждой руке. Тамаз перехватил у него один, ловко сорвал с него пломбу и, замотав рот и нос мокрым полотенцем, направил струю на рыжие языки пламени, рвущиеся из ближней спальни. Языки испуганно скукожились и погасли, испуская едкий дым, но сквозной ветер из распахнутых окон проворно высасывал его наружу. Тамаз шагнул внутрь и приказал Женьке отрывисто:

– Иди за мной!

Женька переминался с ноги на ногу на пороге, не решаясь войти в дымный провал спален. Тамаз бросил на пол пустой огнетушитель, вырвал у Женьки второй и исчез в дыму. Оттуда донеслось шипение и дробный топот, словно

слон выбивал чечетку на каменных плитах.

– Женька, принеси мокрое полотенце! – крикнул Тамаз и громко закашлялся, но топать не перестал.

Женька намочил полотенце под кухонным краном, на миг застыл в дверном проеме, но преодолел себя и, сверкнув белизной голый задницы, ринулся вглубь. Егохватило ненадолго – через секунду он, захлебываясь кашлем, вылетел обратно в салон и прижался лицом к оконной решетке, жадно втягивая в легкие морской воздух. Через минуту в кухню вышел Тамаз и, склонившись над раковиной, начал плескать воду себе в глаза. Девки тем временем постепенно очухались и начали выползать на четвереньках из кухни в салон.

Только Платиновая осталась лежать ничком в узком ущелье между буфетом и холодильником. Ее черный пеньюар высоко задрался над правым бедром, узор его обгоревшего кружева отпечатался на коже малиновыми прожилками мелких ожогов. Я жутко испугалась, что она умерла – я стала на колени и повернула ее голову к себе, она открыла мутные глаза и застонала. Значит, жива, слава Богу! А Зойка уже трясла Женьку за плечо:

– Надо срочно вызвать пожарников!

Женька тут же пришел в себя, он даже кашлять перестал:

– Зачем? Тамаз уже погасил пожар.

Но переспорить Зойку было не так просто. Она потащила Женьку назад на кухню к распростертому телу Платиновой:

– И скорую помощь! Глянь на нее! Или ты хочешь, чтобы она умерла?

– Ничего страшного! – не сдавался Женька. – Сейчас мы вызовем нашу медицинскую мамочку. Она лучше всякой скорой помощи. – Он был здорово напуган и лебезил даже передо мной. – Правда, Нонна?

Я не успела ответить, – из салона донесся звенящий вопль нескольких голосов сразу:

– Пожар! Горим! Ма-ма-а-а-а!

Тут уж все смешалось и покатилося в тартарары. Женька с силой оттолкнул Зойку и ринулся в салон, но

Тамаз, опережая его, рванулся от раковины к двери, где они столкнулись, и Женька упал Тамазу под ноги. Тамаз отфутболил его на бегу, Женька ударился головой о буфет и так и остался лежать с закрытыми глазами поперек Платиновой, у которой как раз тут началась рвота. Зойка переступила через них, я побежала за ней и застыла на пороге: штора большого трехстворчатого окна факелом полыхала на ветру.

В дальнем конце квартиры, за дымовой завесой скулящие тела в разодранных ночных сорочках в панике бились о стальную плату входной двери.

Надо отдать должное смелости Тамаза – он в два прыжка пересек салон, рывком сорвал горящую штору, повалил на нее диванные подушки и стал кататься по ним, умиряя огонь. Огонь отступал неохотно, но Тамаз его не боялся – мама говорит, что это бывает от недостатка воображения.

Из-за моей спины, покачиваясь на ватных ногах, выкатился взъерошенный Женька. Он сипло сказал мне:

– Пойди в контору, там за диваном есть огнетушитель, – и грохнулся на пол, кажется, потерял сознание.

Я рванула дверь в контору и увидела Дину: она говорила по телефону. И говорила на иврите, да еще на каком! Потом, вспомнив про раскопки и Кумранские свитки, я поняла, что она просто выучила иврит в Москве, но в ту минуту мне показалось, что я схожу с ума.

– Нонна, давай огнетушитель! – донесся до меня голос Тамаза, а Дина спокойно положила трубку и сказала: – Сейчас приедут пожарники и скорая помощь.

Я выбежала в салон с огнетушителем, а она выскользнула за мной и присоединилась к беснованию у двери. Ее минутного отсутствия никто не заметил в суматохе.

Тут наступила какая-то чересполосица: озверевшие девки кого-то куда-то тащили и били по пути, кажется, Женьку, я точно не помню, – похоже я ненадолго потеряла сознание. Они бросились, было, и на Тамаза, но он их расшвырял, как котят, и они опять сбились под дверью, скуля и зализывая раны. Не исключено, что мне тоже

досталось как представителю администрации, потому что потом Никита обнаружил у меня на спине и на филейной части несколько довольно внушительных синяков.

Кончилось все тем, что в дверь громко заколотили снаружи и в мегафон потребовали отворить. Девки дружно завопили и снова повисли на Женьке, но Женька продолжал упираться, – он все еще надеялся, что обойдется. И только когда дюжие фигуры в пожарных касках, размахивая топориками, замельтешили за зарешеченными окнами, он сообразил, что сейчас начнут ломать, и велел Тамазу снять засовы и болты.

Девицы рыдая выбежали на улицу, а навстречу им в открытую дверь потек разный народ: пожарники с топориками, санитары с носилками и пара-другая любопытных прохожих. Особый интерес у всех вызвал наш фирменный самовар, – его ощупывали и оглаживали, пока Женька не вмешался и не выставил любопытных обратно на улицу. Они обиделись и, уходя, нелюбезно обратили Женькино внимание на тот факт, что он бегаёт без трусов.

Женька чертыхнулся и скрылся в конторе. Тем временем пожарники загасили тлеющие тряпки, а санитары потащили носилки с Платиновой к машине скорой помощи, в которую взобрались уже все девки, кроме Дины и Зойки. В салоне молодой врач пытался осмотреть обгоревшие руки Тамаза, но тот не давался, бормоча, что это пустяки, он вылечит их своими средствами. Но врач оказался упрямый, он позвал санитаров, и они и повели Тамаза к машине, подпирая его с двух боков. Тамаз по пути неприязненно косился на их узкие спины, представляя, наверно, как мог бы раскидать их одним махом, но благоразумно решил не связываться.

Когда скорая помощь начала выруливать со стоянки, Дина бросилась ей наперерез:

– Куда вы везете их без документов?

Шофер притормозил и крикнул в окно:

– Скажи хозяину, чтобы он привез документы в больницу!

Дина схватилась за окно и побежала рядом с машиной:

– Скажи ему сам – они заперты у него в сейфе!

Шофер осторожно снял Динину руку с окна:

– Пусти, девушка, мне надо спешить, у меня полная машина раненых.

И уехал, оставив Дину на мостовой.

Не знаю, сколько времени простояла бы она там, прикусив губу и глядя невидящими глазами на поток огибающих ее машин, если бы к нашему подъезду не подкатили полицейские. Пока они парковались, из подъезда вышел Женька в кожаной куртке и джинсах, бледный, но причесанный и красивый. Он так напряженно следил, как полицейский офицер отстегивает ремень и открывает дверцу, что не заметил Дину, она подошла к нему сзади и сказала в самое ухо – она была с ним почти одного роста:

– Сейчас же отдай мой паспорт и Зойкин!

Женька тряхнул головой:

– Отстань, сейчас не до тебя.

Дина сказала внятно и громко:

– Отдай паспорта по-хорошему, падла, а то я сейчас расскажу, что у тебя в сейфе полно героина.

А полицейский уже входил в заведение:

– Что у вас тут загорелось?

Женька дернулся было за ним, но Дина обогнала его и окликнула полицейского на иврите:

– Господин офицер!

Полицейский обернулся к ней:

– Вы из этой квартиры?

Опережая ее ответ, Женька юркнул в темноту заведения, объясняя полицейскому на бегу:

– Она – туристка, пришла взять документы, свои и подруги, я брал их на хранение, пока они мотались по пустыне.

Полицейский оглядел одобрительно ее и Зойку, которая оказалась тут же рядом:

– Красивые девушки приезжают из России. Как вам понравилась наша страна?

Он бы еще ими любовался, да Женька вышел с паспортами, протянул их Дине и процедил по-русски, показывая все зубы в сладкой улыбке:

– Погоди, я тебя еще достану, сука!

Дина не стала ему отвечать, она сосредоточила свое внимание на полицейском. Дыхание ее было прерывисто-нежным, а иврит ее звучал как «Песнь Песней»:

– Это сказочная страна. Но главное, конечно, Иерусалим, вечный город. Мы даже не могли себе представить, что он так прекрасен!

При звуках голоса этой вруньи, которая ни разу не вышла за двери Женькиного бардака, очарованный полицейский, кажется, забыл, что он при исполнении служебных обязанностей.

– Откуда у тебя такой иврит? – пролепетал он, млея от восторга.

Дина загадочно улыбнулась и не ответила. Он схватил ее за руку:

– Может, вы с подружкой выпьете со мной по чашечке кофе?

О, эта чашечка кофе израильских мужиков! Она при кадрении заменяет им русскую водку и американский виски. В ответ на приглашение Дина грациозно высвободила руку и засмеялась своим особым призывным смехом:

– Мы бы с радостью, но опаздываем в аэропорт.

Обалдевший полицейский уже был готов на все, – он выбежал из подъезда и распахнул перед моими девочками дверцу машины:

– Мы только выпьем кофе, и я сам отвезу вас в аэропорт! На полицейской машине это займет не более чем четверть часа!

И в мгновение ока они исчезли в уличном водовороте. Женька растерянно топтался на тротуаре, а я маячила у его локтя, не понимая, что мне делать – идти убирать весь этот разгром или нет. Что-то, видимо, сообразив, он стремительно ринулся в заведение и хотел закрыть за собой дверь, но я протиснулась вслед за ним. Он помчался в спальни девок, а я, не отставая, побежала следом.

Он ворвался в комнату Дины и Зойки и разразился витиеватой матерной тирадой: запертый обычно на секретный замок, нижний ящик комода, где они хранили

свои доллары, сейчас был выдвинут и пуст. Женька яростно пнул ящик ногой и пошел бродить по комнатам, оценивая степень разгрома. Я бродила за ним следом, как приклеенная, и мысли у нас, я думаю, текли параллельно, хоть и на разном уровне: каждый из нас прикидывал, удастся ли ему сохранить свой источник дохода. И поверьте мне, мой маленький доход был для меня так же важен, как для Женьки его большой.

Я первая заметила Женькину зажигалку, ту самую, платиновую, что он подарил накануне Дине в знак примирения, – она валялась под обугленным каркасом дивана, с которого Тамаз сорвал подушки для тушения шторы. Я даже вскрикнула при виде ее. Женька обернулся на мой крик, тоже увидел ее, наклонился, поднял с пола и стал разглядывать, словно не веря своим глазам. Он нажал на кнопку – зажигалка была мертва, газа в ней не было. Мы стояли и смотрели друг на друга молча, словно открывали друг другу страшную правду. Так и не сказав ни слова, Женька круто развернулся и пошел в свою контору, а я села на пол и попыталась привести в порядок свои расхристанные чувства.

Из-за открытой двери конторы раздался Женькин голос. Сперва я подскочила, думая, что он обращается ко мне, но поняла, что он говорит по телефону.

– Хорошо, что я застал тебя, Феликс. Да, это я, из Тель-Авива. Ну удружил ты мне, ну удружил! Какую суку ты мне подсунул по дружбе, сволота! Иврит у нее, видите ли, великолепный! Она тут показала нам свой иврит. Не понимаешь? Ничего, скоро поймешь! Теперь тебе вовек за ее фокусы не расплатиться. Так что готовься, Феликс, молись перед сном!

Он со звоном шмякнул трубку, а я стояла онемев, словно кипятком ошпаренная – вот она, оказывается, великая любовь! Когда я вечером рассказала эту историю дома, мама даже забыла, что мне тоже угрожала опасность. Она вскочила и стала натягивать пальто:

– Надо немедленно найти Дину и предупредить.

– Где вы будете ее искать, Шарман? Она давно, небось, целуется со своим Феликсом! – трезво возразил

Никита и затосковал, переключившись, как всегда, на себя:

– Может, лучше вы поищите себе работу, как обещали? А то непонятно, как без Нонниной зарплаты мы теперь расплатимся за печь?

Александр Каневский

Семеро смелых

Из сборника «Идущие на смех»

дея была Винни-Пуха

– Вывозим Антошку на каникулы в Сосняки. Там же встречаем Новый год. Приглашаем и вас. Представляете: лес, ёлки, сугробы.

Предложение было принято с восторгом.

– Мы тоже проведём там недельку, – решила Рая. – Подышим воздухом. Иосик, закрой рот и дыши носом.

Иосику всю жизнь рвали гланды. Только вырывали – они сразу появлялись снова. Это было явление, необъяснимое медициной. Он не успевал дойти до дверей операционной – гланды вырастали снова и лезли, как сдобное тесто, из горла, из носа, из ушей. Поэтому он всегда держал рот открытым, чтобы гландам не было тесно.

Рая работала у него секретаршей. Точнее, он работал у неё начальником, потому что она сидела в приёмной со дня создания управления. Она была женой первого начальника, родила ему сына. Когда того сняли, развелась, вышла за следующего шефа и родила ему дочь. Когда назначили Иосика, она вышла за него и снова родила. О каждом своём последующем муже Рая заботилась так же горячо, как и о предыдущем.

Иосика она сперва решила закалять. Настояла, чтобы он делал йоговское полоскание: по утрам втягивал носом воду. В первое же утро он захлебнулся и его забрала «Скорая помощь». Тогда она потребовала, чтобы он по утрам, перед работой, бегал вокруг массива. Он побежал, но провалился в водосточный люк и сломал ногу. Когда он вернулся из больницы, она попыталась приучить его к холодному душу. После первого же обливания началось

двустороннее воспаление лёгких и его опять увезли в больницу, где у него уже была своя койка. Тогда Рая прекратила его закалять, а стала, наоборот, кутать: до первомайских праздников он не снимал шапку-ушанку и до июня ходил в кальсонах.

– Ребята, в Сосняках турбаза для иностранных туристов – можно будет подкупить продуктов, Иосик договорится.

Иосик сдавал кандидатский минимум и настойчиво учил английский язык. Его убедили учить во сне, включая рядом магнитофон с английскими текстами – это, мол, даёт потрясающий эффект. Эффект, действительно, был: язык он выучил, но у него выработался неожиданный рефлекс – как только слышал английские слова, сразу засыпал. Так что фактически пользоваться своими знаниями не мог.

– Зачем нам турбаза? – возразила Лида Матусевич. – Поедем на машине, загрузим продуктов.

Муж Лиды, Юра, был фантастически рассеянным. Лиду убедили, что за рулём человек становится собранным и внимательным, поэтому по её настоянию у соседа была куплена старенькая, потрёпанная «Лада»- пикап.

Эта «Лада» вела себя бесстрашно и дерзко, тараня даже самосвалы. Дело в том, что Юра регулярно пугал педали и вместо тормоза давил на газ – друзья назвали это «эффектом Матусевича». Кроме того, Юра не успевал переключать скорости, поэтому передвигался только на одной первой передаче. Машина жрала такое количество бензина, будто он ездил на танке.

Матусевичи жили на первом этаже и держали машину под окнами. Лида обнесла её заборчиком и сделала калитку для въезда. Машина жила за загородкой, как коза, даже сигнал у неё стал какой-то мекающий, а из выхлопной трубы выпадали шарики.

Первое время Юра регулярно валил забор, не попадая в калитку. Лида терпеливо поднимала столбики. Лида была хорошей женой, но обстоятельства делали её замечательной. В дальнейшем, она выкопала колею, по которой Юрина машина въезжала в своё стойло.

– А в лесу спокойно?.. В смысле хулиганов? –

спросил Иосик.

Он был худой и тщедушный, рагу из костей. В детстве его всегда обижали. До сих пор он по ночам вскрикивал и стонал: ему снилось, что его бьют бандиты в телогрейках и ругаются матом. Когда он во сне учил *англиш*, ему стало сниться, что его бьют бандиты в смокингх и ругаются по-английски.

– Если нападут, отобьёмся бутылками! – успокоил его Серёжка. – А отбиваться будет чем – это я обеспечу.

– Давайте хоть раз в году не напиваться! – взмолился Иосик.

Он работал начальником строительного управления. Работал хорошо, сдавал объекты досрочно. Приезжала комиссия, составляла акт, затем следовал банкет. Он не любил пить, с детства мучился от изжоги, но приходилось, иначе комиссия обижалась и акт не подписывала. Он так часто возвращался с работы пьяным, что заболевшие дети, когда им клали водочные компрессы, говорили: «Папочкой пахнет».

– Уж извини!.. Я должен изучать явление, которое разоблачаю!

Винни-Пух и его жена Лена были эстрадными артистами («Серж и Элен Грины»), выходили в виде бутылки и пели антиалкогольные куплеты. Она – худая бутылка, он – толстая. У них всегда был успех. Серёжка научил Лену, кланяясь, кричать самой себе «бис». После этого они повторяли куплет. И так несколько раз сами себе бисировали. После их антиалкогольного выступления даже самые непьющие зрители бежали в буфет.

У «Сержа и Элен» был Антошка, поздний ребёнок, которого Лена родила где-то между праздничными концертами. Она не шла в декрет, выступала до самых родов. Но так как она располнела и не влезала в свою тару, Сергей отдал ей толстую бутылку, а сам временно изображал закуску.

Антошка был маленьким, как зарплата инженера, тонким, как французская острота, и лёгким, как вопросы телевикторины. У него было прозвище – Перпетум. Этот ребёнок доказал, что вечный двигатель существует, он ни

секунды не находился в покое: бегал, лазил по деревьям, прыгал с балкона, бодался с троллейбусом... Однажды он натянул на голову каркас от абажура, который никак нельзя было снять.

– Я – царь! – радовался Антошка.

– Ты – сволочь! – сказала Лена и повела его к слесарю.

При этом избытке энергии Антошка категорически не ел, месяцами.

Когда Лене удавалось запихнуть ему в рот ложку каши, он неделями держал её за щекой, не проглатывая. Постепенно он так разработал своё защёчьё, что вмещал там содержимое всей кастрюли.

Тридцать первого декабря, в послеобеденное время, перегруженный пикап взял курс на Сосняки. Рядом с Юрой сидела Лида и подсказывала ему, где лево, где право. На заднем сидении устроились Рая, Лена и Иосик. На коленях у них вертелся Антошка-Перпетум. Винни-Пух, как занимающий много места, был втиснут в багажник, между бутылками и пакетами, набитыми снедью.

Юра вёл машину, как всегда, на первой передаче. «Лада» ревела, как реактивный самолёт, но ехала со скоростью дорожного катка. На крыше, к багажнику, были прикреплены шесть пар новеньких лыж – издалека казалось, что движется ракетная установка. Встречные дорожные инспекторы поспешно отскакивали в стороны: многих из них Матусевич уже сбивал.

Серёжка незаметно дегустировал содержимое пакетов.

– Прекрати поедать продукты, – не оборачиваясь, потребовала Лена.

– Я не поедаю. Я проверяю. Почему не взяли крупы?

– Чтобы Матусевич не захотел варить суп, – объяснила Лида.

Однажды Юра решил ей помочь, сварил кашу, но вместо манки всыпал мыльный порошок – несколько дней вся семья пускала пузыри.

Рая заботливо обмотала Иосику шею вторым шарфом.

- По-моему, дует.
- Все окна закрыты.
- Всё равно сквозит. Почему ты их на зиму не заклеиваешь?
- А хозяйка приветливая? – поинтересовалась Лида.
- Старушка – божий одуванчик, – успокоил Серёжа.
- Всё будет *О'кей!*

Услышав *О'кей*, Иосик захрапел.

Слева проплыл указатель с надписью «Сосняки».

- Населённый пункт, сбрось скорость, – напомнила

Лида.

- Мне нечего сбрасывать, – успокоил её Юра.

По указанию Серёжки, машина свернула в первую же улицу и стала приближаться к голубому домику.

- Это наша вилла. Подруливай к воротам и ставь у забора.

У ворот была большая площадка, очищенная от снега, словно специально приготовленная для стоянки автомобилей. Вдоль забора, обвитого колючей проволокой, тянулась водозащитная канавка, узкая, но довольно глубокая. Юра подъехал почти параллельно забору, хотел остановиться, но сработал «эффект Матусевича», машина сделала резкий бросок и переднее колесо провалилось в канаву. Заднее – наполовину свесилось над ней.

- Все выходите, я дам задний ход.

Рая разбудила Иосика, все вышли, и Юра привёл свою угрозу в исполнение: с диким рёвом заднее колесо забуксовало и тоже сползло в канаву.

На шум вышла хозяйка, удивлённо спросила:

- Как вы туда попали?

На улице уже стемнело.

- Может, оставим до завтра? – предложила Лена. – Антошку пора кормить. И на стол накрывать надо.

– За ночь колёса вмёрзнут в почву, и тогда её не вытащить до весны. – Юра с бывалым видом обошёл вокруг машины. – Что бы подсыпать под колёса?

- Я видел во дворе у хозяйки чернозём, целую кучу.

– Давай!

Через полчаса весь чернозём перекочевал в канаву.

Матусевич дал газ. «Лада» рычала, выла, стонала, но с места не двигалась, а наоборот, уходила всё глубже в землю. Юра вылез из машины и набросился на Сергея.

– Зачем ты закопал колёса?

– Ты же просил сыпать!

Они ещё долго переругивались, потом похитили у хозяйки лом и попытались с его помощью приподнять машину. Когда лом согнулся в дугу, Серёжка раскачал и вырвал из земли столб, на которые упирались жерди забора. Используя столб, как рычаг, все навалились на него. Машина даже не дрогнула, а столб сломался пополам.

Из дома в наброшенном полушубке выскочила хозяйка и побежала через улицу.

– Куда вы, мамаша? – спросил Серёжка.

– Сыну звонить, в город! – угрожающе сообщила старушка.

Стало совсем темно. В окнах зажглись нарядные ёлки. Телевизоры показывали юмористические передачи – с экранов слышался смех исполнителей.

Мужчины вышли на дорогу и стали ловить проходящую машину, чтобы обратиться за помощью, но на дороге не появлялось ни одной фары – все водители уже сидели по домам.

В доме напротив, на крыльце, стояла старуха-хозяйка и указывала на разрушителей своего жилища. Очевидно, она собирала народное ополчение.

– Идёт! – заорал Юра.

По дороге приближался «Запорожец» с ёлкой, притороченной на крыше. Мужчины кинулись к нему наперерез, размахивая руками. Чтобы он не проскочил мимо, Серёжка бросил на дорогу обломок столба. Перепуганный водитель, приняв их за грабителей, вышел из машины с поднятыми руками.

– Братцы... У меня семья... – Узнав, в чём дело, чуть осмелел. – Я домой спешу. Дети ёлку ждут.

– А сколько тут делов-то?.. Прицепишь, дёрнешь и гуд-бай!

Стоявший рядом с водителем Иосик, повалился на него и захрапел. Решив, что они ещё и припадочные,

водитель перестал сопротивляться.

– Хорошо, согласен. Но у меня нет троса.

Выяснилось, что троса нет и у Матусевича. Тогда Сергей обмотал руки тряпками и стал отдирать от забора колючую проволоку. Одним концом зацепил застрявшую «Ладу», другой конец замотал вокруг бампера «Запорожца».

– Давай!

«Запорожец» зарычал, проволока напряглась, «Лада» дёрнулась, пытаясь вырваться из канавы.

– Я всегда говорил, что «Запорожец» – это недоделанный трактор. Дай газу, дай! – радостно орал Серёжка.

Водитель дал, проволока сорвалась, рванула назад и, как змея, обмотала Винни-Пуха, вонзившись в его дублёрку. Сергей упал на снег. Все бросились к нему.

– Серёженька, ты живой?! – тормозила его перепуганная Лена.

– Свободу Сергею Грину! – простонал он в ответ из-за колючей проволоки.

– Отдайте мне все ваши перчатки! – потребовал Юра. Нацепив их, одну на другую, он ухватился за конец проволоки и скомандовал Сергею. – Я буду держать, а ты катись и разматывайся.

– Братцы, отпустите меня! – взмолился водитель, ошалевший от всего этого.

– Думаешь, мы тебя остановили только для того, чтобы ты из меня катушку сделал?.. – Освободившийся от проволоки Винни-Пух снова был готов к деятельности. – Теперь я завяжу – уже не соскочит... Ну, давай ещё раз... Только больше газу, не жалей!

Водитель не пожалел – «Запорожец» рванул и умчался, оставив на конце проволоки свой бампер.

– Сам виноват – тащить надо уметь... – прокомментировал Серёжка. – Впрочем, два бампера – это роскошь.

На дороге было пусто, как в холодильнике после вечеринки. Решили пойти по дворам, искать автомобилистов и вызывать о помощи. Пробегавший мимо мальчишка указал им на двухэтажный особняк в конце улицы и заверил, что

там им помогут.

Юра, Сергей и Лида направились к особняку.

– Быстрее, мальчики, быстрее!.. Уже пол-одиннадцатого!

– Я не могу быстро, – оправдывался Винни-Пух. – Я вешу сто десять килограммов, а ноги у меня тридцать восьмого размера, маленькая площадь опоры.

– Носи ласты, – посоветовал Юра.

Когда они позвонили в дверь, их встретили дружным воплем – в гостиной весёлая компания уже встречала Новый год. Судя по степени «подогретости», они начали встречать с прошлого Нового года.

– Смотрите, кто к нам пришёл! – радостно орал хозяин, одновременно лихорадочно соображая, кто же это, действительно, пришёл.

Его дед, как видно, бывший офицер, щёлкнул туфлями, поцеловал Лиде руку и пригласил к столу.

– Штрафной им, штрафной! – кричали гости.

Используя свою ёмкость, Винни-Пух с удовольствием избавил друзей от наказания, выпив и за себя, и за них. Когда после этого втолковали гостеприимным хозяевам обстоятельства дела, все вскочили из-за стола, чтобы идти выручать гостей, а дед даже зачем-то снял со стены старинную саблю. С большим трудом удалось сдержать этот порыв. Хозяин сбегал в сарай и притащил какой-то замасленный ящик.

– Здесь лебёдка. Сам я сейчас не ездук, а с ней вы выберетесь.

Прощались долго, целовались, обменивались адресами. Дед снова щёлкнул каблуками и, обнажив саблю, потребовал руку для поцелуя, только уже почему-то не у Лиды, а у Сергея.

Лебёдка оказалась тяжелой. Её везли на санках, предоставленных отзывчивым хозяином. Сверху Сергей усадил Лиду и весело ржал, изображая битюга.

Когда они вернулись к машине, Рая, Лена, Иосик и Антошка прыгали вокруг костра, разложенного из остатков забора.

– Мы замёрзли, – объяснила Лена.

Старуха-хозяйка в окружении соседок с ужасом наблюдала за ними: издали их прыжки напоминали ритуальный танец дикарей.

– Хозяйка предлагала вернуть аванс и подарить нам две курицы, если мы согласимся уехать, – сообщила Рая.

– Сейчас мы вместе встретим Новый год и помиримся, – пообещал оптимист Серёжка.

Он зацепил крюком «Ладу» и стал искать, к чему бы прикрепить второй конец лебёдки. Увидев скобу, вбитую над крыльцом, направился к дому, волоча за собой трос.

Старуха-хозяйка бросилась через улицу с воплем:

– Не дам!.. Хоть дом пощади!.. Не дам!..

– Пожалейте её, она вдова! – кричали соседки.

Старушка преградила ему дорогу и забилась в истерике.

– Так мне и надо, дуре старой – на деньги позарилась – Она вытащила из-за пазухи узелок и стала тыкать его в руки Сергею. – На, забери! Забери всё!.. Тут и пенсия, и от сына перевод... Только уезжай, Христа ради!.. – Она сорвала с пальца кольцо и тоже протянула Сергею. – Уезжай, батюшка, уезжай, толстопузый!..

Женщины занялись ею, успокаивали, отпавляли водой. Юра указал Сергею на бетонный телеграфный столб у дороги.

– Дотянем?

Дотянули, обмотали и закрепили. Серёжка придерживал крепление. Юра сел за руль, включил двигатель и скомандовал Иосику:

– Давай!

Иосик крутанул рычажок лебёдки, оставил под ним полпальца и завыл, как смертельно раненный марал.

– Иосик, не надрывай горло, – молила Рая, но Иосик надрывал. Подскочивший Сергей освободил его палец из тисков, но Иосик продолжал выть.

– Ему нужен наркоз! – стонала Рая.

– Сейчас! – Винни-Пух притянул Иосика к себе и внятно, отдельно произнёс. – *Янки, гоу хоум!*

Иосик моментально перестал выть и захрапел.

Сергей начал равномерно двигать рычаг. Переднее

колесо выползло из канавы, заднее – наполовину взобралось на обочину.

– Ребята!.. Ой!.. – в ужасе выкрикнула Лена.

Она указала на бетонный столб, который медленно наклонялся навстречу машине. Серёжка по инерции ещё раз крутанул рычаг лебёдки, столб наклонился ещё ниже, и свет погас. Погас не только в доме у старушки, но и во всех домах на всей улице. Наступила полная темнота и тишина, потому что телевизоры тоже выключились. Прошло несколько минут, и из всех домов стали выходить люди, кто с фонариком, кто со свечкой. Они сходились на мостовой, непроизвольно выстраивались в колонну и двигались к дому старушки. Это напоминало крестный ход. Десятки, сотни огоньков приближались к машине.

Иосик проснулся, моментально сориентировался и сразу предупредил:

– Будут бить!

– В машину! – командовал Сергей и отцепил крюк лебёдки.

Все бросились в пикап. Юра дал газ и впервые воспользовался четвёртой скоростью. «Лада» продемонстрировала все свои лучшие качества и через минуту уже неслась по шоссе.

Все долго молчали. Тишину прервал Серёжка.

– А мы всё-таки молодцы – выбрались из канавы.

– Нужно будет старушке завтра привезти деньги за всё, что мы натворили, – сказала Лида.

– Лучше сделаем перевод, – предложил Иосик, которому Рая забинтовала палец почти до шеи.

В приёмнике звучала музыка. Потом раздался бой московских курантов.

– Ребята, скорей! – Сергей поспешно откупорил шампанское и разлил его по стаканчикам. – В конце концов, мы же собирались встретить Новый год на природе!

– Прижмись к обочине, – командовала Лида.

Юра крутанул руль вправо и хотел затормозить, но снова перепутал педали и нажал на газ – машина бросилась вперёд, нырнула в кювет и заглохла, задрвав зад кверху.

– Что это?

- Канава. Мы опять сели.
- С Новым годом, – поздравил их диктор.

Юрий Герт

Лазарь и Вера

В. Едидовичу

Перед тем, как уехать в Израиль, – документы были уже поданы, билеты куплены багаж отправлен – Лазарь выкроил денек и прилетел к себе, в «свой» город, хотя что уж там осталось – то «своего», если не считать кладбища?.. И вот здесь, на кладбище, сбоку от ворот, в аллеяке, где продавали цветы, он и увидел ее, но не узнал сразу, решил, что это ему показалось...

Цветов было много, торговки торопились их продать, опасаясь, что вот – вот хлынет дождь, по небу ползли тяжелые, грозно-лиловые тучи, и в упавших на землю полусумерках так ярко, призывно пламенели георгины и гладиолусы, так нежно трепетали на ветру, набегавшем порывами, хризантемы и астры... Лазарь выбрал несколько хризантем необычайной изысканной формы – густого кофейного цвета, с длинными и тонкими лепестками. Впрочем, какое это имело значение? Мать была женщина простая, на окнах у нее пунцовели обыкновенные гераньки, алел «ванька-мокрый»... Но Лазарь все-таки выбрал эти. Они бы, подумал он, расплачиваясь, ей понравились, не могли бы не понравиться... И вдруг он увидел точно такие же у женщины, направлявшейся к воротам. Не будь их, этих кивающих на ходу лохматыми головками хризантем, Лазарь ее, возможно, и не заметил бы. Но тут, помимо свисающих с локтя цветочных головок, что-то еще бросилось ему в глаза – стройная, узкая в талии фигура, прямые плечи, длинная шея с прозрачным, выющимся шарфиком... И потом – эти быстрые, легкие шаги... Более всего, может быть, именно эти шаги... В них ощущалось как бы стремление оторваться, взмыть над

землей...

Однако пришло это ему в голову позже, когда он увидел ее снова, уже на центральной, прорезающей кладбище аллее, а тогда... Она?.. Не она?.. Она?.. Нет, нет, не может быть?.. Не может, не может быть... Не может... Почему – не может?..

Он бросил несколько бумажек нищим, дежурившим у ворот. Он никогда не подавал милостыни, считая ее пошлым лицемерием, но теперь задержался, роясь в карманах, только чтобы приотстать, пропустить ее подалее вперед...

Он шел по центральной аллее, вдоль которой, в соответствии с принятой на кладбище (да только ли на кладбище?..) субординацией, располагались могилы «отцов города», обнесенные островерхими, откованными из чугуна решетками, придавленными глыбами черного и белого мрамора, серого и розового гранита. Были здесь и могилы, судя по надписям, людей действительно известных и уважаемых, но Лазарь смотрел на те и другие, не отличая, смотрел, как чужой, как иностранец. Он давно уже сказал себе, что он чужой в этой стране, которой не было дела до него, и он платил ей тем же. Хотя с нею, с этой страной, связана была вся его жизнь, он отдавал ей – год за годом – все лучшее, что у него имелось... Но когда в институте стало известно, что он уезжает, никто, ни одна душа не потянулась к нему, не попыталась его удержать. Это его удивило, а потом даже обрадовало: так было проще... И уже не ощущалось ничего оскорбительного в том холодном равнодушии, в той отрешенности, которыми, казалось, был пропитан гниловато-сырой кладбищенский воздух. Он ехал сюда, чтобы порвать последнюю нить, еще соединявшую его с прошлым. На это потребовалось гораздо меньше усилий, чем он предполагал...

Клены и акации, росшие в оградках и между ними, теряли последнюю листву, ветер мел по асфальту... Лазарь заметил – там, впереди – уменьшенный расстоянием знакомый силуэт... Ее силуэт... Откуда он взял, что именно ее?.. Да хотя бы ее... Он почувствовал что-то вроде озноба. Он вовсе не хотел ее встретить. После всего, всего... Что-то

мутное, забурлило в его душе, он и не думал, что старые обиды, как летучие мыши, способны выпорхнуть из темных тайных ее закоулков и так больно вкогтиться в ожившую память...

Ему захотелось тут же свернуть в боковую аллею, избавиться от маячившего впереди силуэта в синем строгом жакете, но – только сейчас он, кажется, осознал. И осознал в полной мере – что означают слова «помимо воли»... Ноги сами, помимо его воли, вели Лазаря за фигуркой, показавшейся ему вдруг такой хрупкой на фоне могильных оград, голых, словно судорожно вскинувших ветки деревьев, быстро темнеющего, начинающего чуть-чуть моросить неба... Незаметно для себя он прибавил шагу, широко, не по-кладбищенски разбрасывая свои длинные ноги, едва удерживаясь, чтобы не побежать, отчего-то боясь, что фигурка впереди пропадет, исчезнет, и теперь – навсегда...

Приближаясь, он уже слышал отчетливое, быстрое поцокивание ее каблучков... На него удивленно смотрели – и те, кто оставался позади, и те, кто шел навстречу... Он никого не замечал, ему казалось, вокруг никого нет, они одни... Они?.. Он вдруг подумал, что ему чего-то не хватает в ней... Чего же. Чего?.. Косы. Да. Косы. Длинной. Ниже пояса. С бантом на конце, из-под которого выглядывал озорной хвостик. Она была толстой, туго заплетенной, солнце блестело на ней, рассыпаясь в мигучие искорки. Она как бы оттягивала голову назад, придавая ей слегка заносчивую, горделивую осанку, если же смотреть со спины, скользя взглядом вверх от самого кончика. Она казалась упругим, тугим стеблем, несущим большой, готовый раскрыться цветок...

Она остановилась и стояла к нему спиной, пока он не поравнялся с ней (куда было ему деваться?..). Только тут она обернулась – медленно, как бы с трудом преодолевая сопротивление, повернула голову – и он увидел... Такое родное... Такое чужое лицо... Чужое, незнакомое... Оно сделалось еще красивей, словно эскиз, черновой набросок перешел в картину... Точеный, чуть вздернутый нос, высокий лоб, решительный – от виска до виска – разлет

бровей и под ними – огромные, темные, цвета густого янтаря глаза, смотревшие на него холодно, не пуская вглубь, скорее отталкивая. И голос – холодный, стеклянный:

– Лазарь?..

Не то утверждение, не то вопрос...

– Вера...

И его голос – ей в тон, такой же бесцветный, стеклянный. И отчетливое, отчаянное желание – уйти, убежать... Зачем – и ей, и ему – эта встреча?

И снова:

– Ла-зарь... – уже другим, слегка отмякшим, оттаявшим голосом, как бы вслушиваясь в забытые и вдруг воскресшие звуки. – Ла-зарь...

– Вера...

– Между прочим, я сразу тебя узнала...

– И я... Там, у цветов... И я тоже...

– Почему же не подошел?..

– А ты?..

– Я?.. Была не уверена, что ты захочешь меня видеть... Решила: захочет – догонит...

– Как видишь, догнал...

– Вижу. – Она улыбнулась, лицо ее посветлело. – Ну, здравствуй!..

Вера протянула руку, он задержал ее в своей, маленькую, но крепкую, как бы желая удостовериться, что это в самом деле она, что это ее рука. И было мгновение, оба его почувствовали, когда исчезло, пропало все, что стояло между ними глухой стеной... Не зрелый, даже несколько перезревший мужчина в балахонистом, слишком просторном для его тощего, долговязого тела пиджаке, светлоглазый, с курчавой бородкой, присыпанной, как пылью, ранней сединой, и не женщина с порядком поблекшим лицом, с «гусиными лапками», бегущими от уголков век к вискам, с предательски пронизывающей складкой под подбородком, – юноша в бьющейся, парусящей на ветру штормовке, с гривой черных, дымящихся над головой волос, одновременно дерзкий и застенчивый, сильный и робкий, стоял перед тоненькой, яркой, ослепительной девушкой, в белом, «колокольчиком»,

платье, с золотым ореолом над головой, со светящимися карими глазами, словно реющей над землей, растворяющейся в солнечных лучах...

Они стояли посреди дорожки, в первые минуты не зная, что сказать друг другу, о чем спросить...

– А у тебя точно такие же хризантемы, как мои...
Забавно, правда?

– Забавно...

– Мне они нравятся...

– Мне тоже...

Он не замечал – обманывал себя, стараясь не замечать – ни тонких, как лезвие бритвы, морщинок, ни чуть наметившихся под глазами мешочков, тем более что все те же ямочки вспыхивали у нее на щеках, над кончиками поддетски припухлых губ, на мягко очерченном, слегка выступающем подбородке, и те же были глаза – огромные, сияющие, с живым, застрявшим в янтарной их глубине, играющим лучиком...

Вдоль аллеи шли люди, на них оглядывались, их лица никак не гармонировали с кладбищенской обстановкой, памятниками, тихой, скорбной печалью, веющей над ними, с отдаленными, но хорошо слышными рыдающими звуками оркестра, очевидно, над чьей-то свежей могилой...

– А помнишь, как я в первый раз пришел к вам домой?.. – невпопад сказал он.

Они учились в параллельных классах и в «Сцене у фонтана» она была Мариной, а он Лжедмитрием, но перед новогодним концертом, они к нему готовились, она внезапно заболела, он отправился к ней – проведать, и увидел ее – в жару, в кровати, в нижней мужской рубашке, белой, с длинными, по самые кисти, рукавами, расходящейся на груди, там не хватало пуговицы, а то и двух, и она то и дело поправляла, стягивала ворот рукой, маленькой, бледной, с остро проступавшими косточками. Мать не хотела впускать к ней, но она, слышал он, крикнула: «Пусть войдет! – и он вошел, повременив немного, пока она, вероятно, натягивала на себя эту непомерно большую для нее рубашку, оставшуюся, должно

быть, от погибшего на фронте отца. Он, впрочем, ничего не заметил – ни этой рубашки, в которой она тонула, откинувшись на высоко, одна на другую, положенные подушки, ни руки ее, сжавшиеся на воротах в кулачек, ни узенькой щелочки, нечаянно распахнувшейся на груди, – он видел только ее горячие, блестящие от жара глаза, которых раньше не видел, не замечал. Посидев немного в кресле-качалке, заботливо пододвинутой матерью к ее постели, он ушел с ощущением праздника в сердце, и все вокруг – люди, дома, вывески, крыши, небо – все лучилось, источало яркий, праздничный свет.

– «Ты ль наконец? Тебя ли вижу я?..» – процитировал он, смущенно усмехаясь. – Ты помнишь?.. «Одна, со мной, в сиянье тихой ночи»...

– «Часы бегут, и дорого мне время...» – без запинки подхватила она, смеясь. – Только не «в сиянье», а «под сенью...» – Но лицо ее тут же посерьезнело, что-то в нем изменилось, погасло. – Ты откуда?.. Надолго?.. И вообще – почему здесь?.. Забавно: не встречаться столько лет – и встретиться на кладбище...

«Забавно... забавно...» Да, да, ее словечко, уцелевшее с тех времен... И в правом уголке рта (оказалось, он помнил и это) один зуб краешком набегаем на другой... И эта легкая, едва заметная шепелявинка...

Лазарь, сам не зная отчего, уклонился от внятного ответа.

– Я прилетел утром, Ночью улетаю... А ты к кому?.. – Он кивком указал на цветы, которые Вера держала в руке, головками книзу.

– К маме.

– Вот как... Он помолчал. – И давно?

– Десять... Нет, уже двенадцать лет...

Он вздохнул, мягко тронул, пожал ее локоть.

– А ты?..

– И я... У меня родители... Они тоже здесь, на еврейском кладбище...

Территория городского кладбища, расширяясь, постепенно захватила, слилась с расположенными неподалеку друг от друга мусульманским, еврейским,

армянским, красноармейским, как оно с военной поры называлось, на нем хоронили умерших в госпиталях, ставя на могилах крашенные суриком деревянные пирамидки с фанерными звездочками наверху.

– Вот как...

– Да, и тоже давно... Моего отца ты не знала, а мать должно быть помнишь...

– Тетю Соню? Еще бы... – Вера искоса бросила на него странный, взгляд – и торопливо спрятала, опустив глаза.

Лазарь не поверил себе, ощутив в ее лице еле приглушенную враждебность.

– Может быть, ты проводишь меня?.. Мы ведь так ничего и не знаем друг о друге...

– Да, да, конечно...

Вопреки готовности, с которой он произнес эти слова, Лазарь и в себе ощутил ответно шевельнувшуюся неприязнь, старую, тяжелую, как могильная плита, обиду...

Они свернули с главной аллеи в боковую, потом, по виляющей из стороны в сторону тропке, углубились в ту часть кладбища, где и памятники были поскромнее, и оградки попроще, без вычур. Вера шла впереди, не оглядываясь, ее крепкие, стройные ноги мелькали так быстро, словно она стремилась убежать от него, мало того – от себя...

Они постояли у могилы, поросшей темно-зеленым барвинком, с кустом сирени в изголовье, в конце бабьего лета внезапно, по второму разу выбросившим несколько пышных лиловых соцветий. Вера принесла веничек и лопату, припрятанные в лопухах, растущих вдоль кладбищенской стены, они прибрали могилу, подмели присыпанную желтым песочком дорожку, Лазарь принес воды, ведро, тряпки, банка для цветов – все было здесь, на месте, заранее припасено, и пока Вера, сняв жакет и закатав рукава белой кофточки, протирала мокрой тряпкой плиту из розового гранита, Лазарь окапывал и поливал землю под сиренью. На вделанном в гранит медальоне была фотография еще не старой женщины с добрым, расплывшимся лицом, мягкой полуулыбкой на полных

губах, смотрящими, казалось, из какой-то далекой дали умудрено-печальными глазами... Он хорошо помнил этот взгляд. После того раза, когда он словно впервые увидел девочку из параллельного класса, которую привык видеть – и не видеть – в школе, ноги сами принесли его к дому, где жила она; он бродил под ее окнами в поздних вечерних сумерках, стараясь быть незамеченным, или стоял подолгу под раскидистой акацией, посреди пустыря, оттуда тоже были хорошо видны ее окна. Опершись о ствол спиной, ощущая лопатками его корявую кожу, он смотрел на оранжево-желтый прямоугольник на втором этаже, рассеченный переплетами рамы на шесть квадратов; сознание, что она где-то рядом, делало его счастливым... Однажды здесь застиг его грозовой ливень – с оперным грохотанием грома, вспышками молний... Он стоял, несмотря на густую листву до нитки промокнув, пока из подъезда к нему сквозь стену дождя не метнулась какая-то темная фигура, накрытая с головой плащом. Это была Мария Алексеевна, чье лицо теперь он видел на овальном медальоне. «Что же ты стоишь, дурачок?.. Разве можно...» Пока он согревался и подсыхал, облаченный в чистое, вынутое из комода белье с затвердевшими складками (видно, все из того же бережно хранимого и не нужного теперь запаса), обе, Вера и Мария Алексеевна, хлопотали вокруг него, поили чаем, подкладывали малиновое варенье из тонкой вазочки... С того дня он сделался здесь своим, и когда к Вере забегали подруги, никто из них не удивлялся, заставая Лазаря в ее комнате – то за уроками, которые они готовили вместе, то просто в кресле-качалке, с книгой в руке... Своим был он здесь и потом, когда оба стали студентами, поступили в институты – он в строительный, она – вслед отцу и матери – в педагогический. И все оставалось таким вплоть до разрыва...

То ли тучи, сплошным потоком затянувшие небо, то ли фотография Марии Алексеевны напомнила ему о том ливне. Оказалось, и Вера о нем помнила. Когда Лазарь упомянул о нем, отчужденно-хмурое лицо ее посветлело, плотно сжатые губы раздвинула летучая, как рябь на воле, улыбка в глазах приоткрылась – и тут же, впрочем, пропала

– когда-то кружившая ему голову прозрачная, янтарная глубина...

Могила была прибрана, решетка обновлено блестяла, покрашенная черным лаком. Укоротив длинные ножки, Вера поставила хризантемы в стеклянную банку, наполнила ее водой, поместила в лунку перед изголовьем и для устойчивости присыпала по бокам землей. Делала она все это старательно, подробно, похоже, стремясь оттянуть момент, когда ничто уже не будет отвлекать их друг от друга... Но он наступил. Они присели на скамеечку внутри оградки, соприкоснувшись плечами, скамеечка была коротенькая, на ней и вдвоем было тесно... Случайное это соприкосновение, однако, сблизило их больше любых слов.

– Как ты жила все это время? – спросил Веру Лазарь, закурив и отгоняя ладонью дым в сторону.

– Как жила?.. Ничего интересного. Ты лучше расскажи о себе.

– Сначала ты.

– Она пожала плечами.

– Хорошо... После института работала в сельской школе, по направлению... Там же вышла замуж, за учителя по труду, он был единственный мужчина у нас в коллективе... Федя простой, хороший парень, мастер на все руки... Меня он любит – больше, наверное, чем я заслуживаю... – Вера вздохнула, одернула юбку на коленях. («А ты» – хотелось ему спросить). – У нас двое девочек, сын, уже студент. Дочки кончают школу, одна в девятом, другая в десятом. Хорошие ребята, хотя совсем не такие, какими были мы... Может быть, оно и к лучшему... Я бы могла рассказывать о них бесконечно, только вряд ли тебе это интересно...

– Мне интересно... Все, что связано с тобой... – Он положил поверх ее руки, лежавшей на колене, свою, стиснул тонкое, показалось ему – хрупкое запястье. Вера высвободила руку – словно для того, чтобы поправить распушенные ветром волосы.

– Как видишь, ничего особенного... Марина Мнишек из меня не получилась... Обыкновенная училка. Правда, заслуженная... – Она с шутливой важностью вскинула

голову. – В прошлом году наградили значком...

– Тебе нравится школа? – Он мог не спрашивать – он помнил, с каким восторгом, нет – обожанием вилась вокруг нее малышня, когда они учились, и с каким удовольствием и как всерьез Вера с ней возилась...

– О да!.. – Она встрепенулась, зажглась. – Школа – это моя жизнь!.. – Однако повернувшись к нему озарившимся вдруг лицом, уловила что-то такое в его глазах, что помешало ей продолжить. – Но об этом в другой раз...

– Другого раза не будет. – Голос Лазаря прозвучал так глухо, что он сам удивился – это был не его, чужой голос.

Он поискал, куда бы бросить окурок, достал из кармана какую-то бумажку, завернул, сунул в карман. Потом вынул новую пачку сигарет, распечатал, закурил. И пока говорил, курил не переставая, зажигая одну сигарету от другой.

– Ты слишком много куришь...

Он не обратил внимания на ее слова. Точнее – обратил, они царапнули, резанули его. «Ты слишком много куришь...» – и это все, чем она могла ответить на его рассказ о том, когда и как родилась у него мысль об отъезде, как она подчинила себе все, сделалась доминантой в его жизни... «Ты слишком много куришь...» Впрочем, что еще она могла сказать?..

Ветер прошумел в гуще сросшихся кронами деревьев. Остро пахло предгрозовой свежестью. Несколько первых, тяжелых капель упало на них, но оба ничего не замечали.

– Ты хорошо все взвесил, обдумал?..

– Да, тысячу раз. Тебе это трудно понять, но мое место – там. Я не хочу быть подонком...

Он передернул плечами, пытаясь унять пронизавшую его дрожь.

– Ну, да... – вздохнула она. – Ты все такой же, как раньше... Ничуть не изменился...

В движении, которым она притронулась к его плечу, была такая горькая нежность, что у него на секунду занялось

дыхание.

– И ты... – пробормотал он. – И ты такая же...

Возможно, громыхнувший где-то гром и ветер, брызнувший в них дождем, охладил обоих, заставил почувствовать фальшивость их слов...

Они поднялись, оборвав разговор.

– Я с тобой, – сказала Вера.

– Это ни к чему. Ты же видишь, каждую минуту может хлынуть...

– Ничего... Говорят, из большой тучи маленький дождь... И потом, – она тряхнула сумочкой. – У меня зонт, если что, он и тебя прикроет...

Еврейская часть кладбища производила впечатление покинутости, заброшенности. Большинство могил заросло травой, памятники осели, покосились, решетки порыжели от густой ржавчины. Пока разыскивали могилы родителей Лазаря, он читал на ходу частично забытые с детства, частично незнакомые имена: Мильчик, Абрамсон, Сокольский, Альтшулер... Казалось, весь город переселился сюда и люди, плохо или никак не знавшие друг друга, встретились и зажили единой семьей... Впрочем, благостно-печальному настроению, охватившему было Лазаря, мешало то, что на иных могилах фотографии были поцарапаны, на других выколоты глаза, на некоторых – там, где был изображен могоендовид, – виднелись – россыпью – щербинки, словно от бьющих в упор автоматных очередей, хотя, конечно, автоматы – это было бы слишком, скорее всего это были следы от камней, но у Лазаря, когда он заметил их, потемнело лицо, взбугрились скулы...

Они постояли молча около двух поросших травой холмиков. Серые, прочно врытые в землю плиты сохранились в целости, только фотографии потемнели, местами на них расплылись бурые пятна. На одной был отец Лазаря – грубоватое лицо, с крупным носом, бритым, как у боксера, черепом и добродушно-уверенным взглядом здорового, рослого, физически сильного человека. Хоронить его пришел весь лесотарный завод, на котором он проработал чуть ли не всю жизнь, последние годы начальником ящичного цеха. На втором снимке была мать –

круглое, одутловатое, почти без подбородка лицо, тревожные, даже испуганные глаза в оправе несоразмерно больших очков... На самом деле была она другой – живчиком, хохотушкой и, как ни странно, – коротышка, с выпуклым яйцевидным животиком – хорошо смотрелась со своим великаном – мужем...

Дождь то начинал мелко, нерешительно накрапывать, то прекращался. Они складывали в сторонке битый кирпич, осколки стекла, куски проволоки, жестянки, Лазарь уносил все это в конец кладбища, сбрасывал в груды такого же мусора. В кустах отыскивались два мятых ведра с пробитыми днищами, Лазарь кое-как наладил их, и ему было в чем носить.

На кладбище в двух или трех местах виднелись люди, делающие ту же работу, что и они. К ним вперевалочку подошла толстая пожилая женщина с черной, туго повязанной косынкой на голове, в перепачканных землей шароварах, попросила открыть баночку с краской.

– Простите, вы что – тоже уезжаете?.. – спросила она, когда Лазарь – не без труда, впрочем, – скovyрнул плотно сидевшую крышку. – Вот и мы... – сказала она, не дожидаясь ответа. – Все говорят – надо ехать... А как, ответьте мне на вопрос, как ехать, когда тут прожита вся жизнь?..

Женщина дышала шумно, с астматическим присвистом, ее печальные коровьи глаза с тоской смотрели на Лазаря, складка под подбородком дрожала, казалось – женщина вот-вот заплачет.

– У вас там кто-то есть?.. У нас, представьте, ни-кого...

– Мама!.. – окрикнул женщину молодой сердитый голос. – Иди сюда, ты мне нужна!

Женщина, вздохнула и, тяжело ступая и покачиваясь, направилась к могиле, где выпалывала траву черненькая, невзрачная на вид молоденькая девушка.

– Между прочим, что же все-таки произошло?.. – Лазарю не нужно было уточнять, оба понимали, о чем речь, и понимали неизбежность заданного Лазарем вопроса.

– А ты что же, так ничего и не знаешь?..

Устроив себе маленькую передышку, они сидели на мшистом пеньке.

– Нет, – отрубил, глядя в землю, Лазарь, – ничего. – Он курил, сигарета жгла ему пальцы, губы, но он, глубоко затягиваясь, не замечал этого.

– Забавно... – В ее голосе слышалось явное недоверие. – Очень, и очень забавно...

– Не знаю, может быть... Но когда я вернулся с практики, ты уже уехала – на Урал, в село Медведевку... Так, в Медведевку?

– Так, – нехотя подтвердила Вера. И, вытянув из травяной трубочки стебелек, надкусила блекло-зеленый кончик.

– Видишь, я все помню... И потом не отвечала, сколько я не писал... – Он сплюнул, помолчал, сдерживая накатившую вдруг откуда-то изнутри ярость. – У тебя что, пока меня не было, появился какой-то хахаль?..

– Дурак, – вспыхнула Вера. – Хоть ты и доктор каких-то там наук, по газетам знаю, а все равно – дурак. – Она отвернулась, он видел только ее затылок, завитки упавших на высокую шею каштановых волос. – Извини, но можешь ты объяснить, почему вы, мужики, такие дураки?..

От ее слов, ее тона у него немного отлегло от сердца. Он чувствовал себя так, будто все, о чем они говорили, случилось не двадцать пять лет назад, а вчера, и разговор их может что – то поправить, переменить...

– И все-таки... Что?.. Ты ведь, кажется, вскоре скаканула замуж?..

– А ты?..

Лазарь косо усмехнулся, подергал себя за кончик бороды.

– Это назло тебе... И тебе, и себе, и всему свету... Короче – с отчаяния...

– Вот как... Себя-то ты хорошо понимаешь, да только себя...

– Но я хочу понять и тебя тоже... Так что же случилось?..

Она грызла травинку, словно раздумывая, стоит ли отвечать. Стоит ли, надо ли...

– Так что же все-таки?..

– Хорошо, я скажу... – Голос у нее сделался сухим, бесстрастным. – Как-то раз я зашла к вам... Я ведь часто заходила проведать тетю Соню, почитать – мы их вместе читали – письма, которые ты ей присылал... Мы их читали, говорили о тебе... Мне казалось, всегда, что она хорошо ко мне относится, даже любит... И я тоже... Ну, если не любила, то для меня она была – не чья-нибудь, а твоя мать, и в этом все... И вот однажды она мне сказала, что хотела бы иметь для своего сына... Для тебя, то есть... Жену – еврейку...

– Она так сказала?..

– Да, она так сказала.

– Глупости... Не могла она так сказать!..

Лазарь вскочил, потом снова сел. Он не мог, не мог поверить...

– И тем не менее она так сказала. Русская ей не подходит... Ей, тебе... В общем – вам...

Голос ее оставался по-прежнему сухим, бесстрастным, но каждое слово, которое Вера произносила, казалось, царапало ей горло.

Она так сказала?.. Он обернулся – они сидели к могиле спиной – и обескуражено посмотрел на мать. Они встретились взглядами – он и мать, смотревшая на него с памятника, с гранитной плиты, с розового, в черных ветвистых жилках гранита... Взгляд ее, пропущенный сквозь очки с массивной роговой оправой, был тревожно-упорен и нем... Она словно порывалась – и ничего не могла сказать...

– Я шла домой... Не знаю, как тебе передать... Да, шла домой, как будто меня выгнали на улицу голой... Понимаешь?.. Нет, не то... Как будто меня обвинили в каком-то страшном грехе, преступлении... Я пришла домой – и три дня редела в подушку. Не могла понять, ничего не могла понять. Кроме одного: я вам чужая... Чужая... И навсегда останусь для вас чужой... Понимаешь – чужой, чужой... Не такой, как вы... И буду всегда это чувствовать, даже если никто мне не скажет ни слова...

Я редела три дня, а потом уехала. Уехала раньше времени, чтобы только не видеть тебя, не встречаться с тобой...

– Почему?..

– Не знаю... Может быть, потому, что была уверена – ты станешь меня уговаривать, переубеждать... Пожалуй, даже уговоришь... Но ведь это ничего не изменит... И потом, сказала я себе, да – я русская, ну и что тут плохого?.. Преступного?.. Я вам не нужна?.. Ну, так и вы мне тоже не нужны!..

– И ты...

– Да, уехала, постаралась все забыть, вырвать из сердца... Выскочила, как ты сказал, замуж, ушла с головой в работу, нарожала детей... И вот теперь сижу с тобой и рассказываю, что да как... Не знаю, к чему мы затеяли этот разговор...

Вера тоже – вольно или невольно – оглянулась на памятник, он был в их разговоре как бы третьим. Лазарь заметил, как при этом враждебно насупилось ее лицо, изогнулись и сошлись на переносье пушистые брови, а глаза из прозрачно-янтарных снова сделались темными, непроницаемыми. Мало того – что-то мстительно – злорадное мелькнуло в ее взгляде... Ему стало не по себе от этого взгляда. И захотелось подняться. Встать поперек, заслонить от него мать...

Пенек, на котором они сидели, был невелик, при каждом движении они касались друг друга – локтем, краем бедра. Ветер, налетая порывами, прядями ее волос щекотал ему ухо... Они сидели рядом – и в то же время были далеки друг от друга, как никогда.

...Однажды, после какой-то потасовки, случившейся во дворе, он прибежал домой:

– Ма, они говорят – я еврей... Я – еврей?..

– Да, глупенький, ты еврей...

– А ты?..

– Я еврейка.

– А па?..

– Он тоже еврей.

– Выходит, все мы – евреи.

– Да, глупенький... Мы – евреи.

– А они?.. – Он показал на окно, за которым шелестела нежной листвой акация, плескались ребячьи

голоса.

– Они?.. Они – нет... – Мать вздохнула, погладила его по голове. – Они не евреи...

– Ма, – сказал он, подумав, – а что такое – евреи?..

В тот ли, в другой ли раз она рассказала ему... Он этого не помнил. Но рассказанное ею запомнилось, обожгло – на всю жизнь: маленькая девочка с тоненькими, пружинистыми, торчащими в стороны косичками (он и сам не знал, отчего так явственно примерещились эти косички), с выпуклыми, стеклянными, как у лягушонка, глазами, в коротеньком, с голыми коленками платьице («Мне было тогда столько же лет, сколько тебе...»), она стояла посреди черно-красной, густой, растекшейся по полу жижи... Она вернулась после того, как бегала с подружками на берег Днепра, к обрыву, где буйно цвела сирень, и там они, забыв обо всем, заигрались на ярком весеннем солнышке. У нее и теперь в кулачке, возможно, зажата была веточка сирени, свежей, пахучей... А вокруг – от стены до стены – все было залито кровью. И в том, что лежало на полу, в разодранной в клочья одежде, с распоротыми от груди до паха животами, с выпавшими наружу внутренностями, – во всем этом никак нельзя было признать ни мать, ни отца, ни маленьких и постарше сестричек и братиков...

Он рассказал ей о том, что узнал со слов матери и что с детских лет стояло у него перед глазами.

– Ты должна ее понять... – Он произнес это тихо, просительно, как бы извиняясь за мать.

– Но я-то здесь причем?.. Я-то?.. – Румянец брызнул на ее щеки, полыхнул, залил огнем лицо. В нем были гнев, досада – ей как будто предлагалось принять на свой счет все то, что случилось – где-то, когда-то...

– Кто же говорит, что – причем...

– Но так получается!.. Вот забавно – это я, я в ответе за тех погромщиков!.. За то, что было сто лет назад!.. От этого зависит моя жизнь, судьба... Моя, твоя... Мы еще не родились, а все уже предрешено!.. Это же чушь какая-то! Дикость! Абсурд!.. – При каждом слове она в ярости колотила себя кулаком по колену.

– Не спорю... Но почему ты ничего мне тогда об

этом не сказала, не написала хотя бы?..

– Ну, знаешь... Когда тебе указали на дверь, как-то не хочется снова в нее стучаться... Да и что мог ты сделать?.. Сказать?.. Что все это мешанство, предрассудки, пережитки прошлого, что с ними надо бороться?..

Лазарь усмехнулся:

– Наверняка...

– И потом... Потом взять и уехать в свой Израиль?..

Он помолчал, поиграл желваками, прежде чем ответить.

– Скорее всего – да.

– Значит, тетя Соня была права?..

В ее голосе, ее глазах было горькое торжество.

Лазарь не сразу нашелся... Он вытянул из пачки сигарету, закурил, сделал две-три затяжки.

– А тебе не приходило в голову (он был не вполне искренен в этот момент), что она просто пожалела тебя...

– Меня?.. Пожалела?..

– Да... Пожалела и хотела уберечь...

– От чего?.. От тебя...

– Нет... Скорее – от нашего еврейского счастья...

– И сломала всю мою жизнь?..

Она отвернулась и мизинцем выгнала проступившие между ресниц слезы.

Кладбище, и без того почти безлюдное, опустело. Мать и дочь, торопливо докрасив ограду, прощально помахали Лазарю и Вере и, уже издали, что-то прокричали, что-то вроде «До встречи!..» – Лазарь не расслышал – по небу от края до края, глуша все остальные звуки, прокатился гром.

Дождь мог хлынуть каждую секунду, но ни он, ни она не делали движения, чтобы подняться...

Поборов сопротивление – слабое, впрочем, – Лазарь взял ее руку в свою, спрятал в своей большой, широкой ладони.

– Посмотри, что происходит... Люди едут и едут... Куда, зачем?.. Чтобы жить по два-три года в вагончиках?.. И задыхаться летом от жары, а зимой мерзнуть в четырех стенах, ведь там не топят?.. И учить язык, то есть учиться

заново говорить?.. И музыкантом – убирать чужие квартиры, нянчить чужих детей?.. И слышать, как то там, то здесь взорвалась бомба, столько-то убито, столько-то ранено, и хорошо еще, если речь идет только о бомбе, каждый день можно ждать кое-чего похуже... И все-таки... Все-таки люди едут... Значит, есть причина?..

– И ты... И твоя жена (он почувствовал, как ее рука напряглась и легонько шевельнулась, словно желая высвободиться)... Она думает, как ты?.. Ведь ты ничего не сказал о детях...

– Да, она думает, как я... Кстати, у нее все родные погибли в Рижском гетто.

– И вы решили?..

– Да...

Вера покачала головой:

– Но что ты там будешь делать?..

– Не знаю. Если понадобится – буду мести улицы, класть кирпичи, меня не испугаешь...

– Но ты – доктор наук... Тебе не кажется. Что это – самоубийство?..

– Не думаю. Скорее самоубийство – оставаться здесь. Когда в метро на Пушкинской мне в руки суют фашистские листки, газетенки, брошюрки, вплоть до «Майн кампф», а все вокруг бегут, спешат, и никому нет дела... Мне кажется, начни завтра какие-нибудь молодчики расстреливать моих детей, все также будут куда-то бежать, спешить, никто не остановится...

– Но там... Ты сам говоришь – что ни день, то взрывы, теракты...

– По крайней мере, там есть автоматы...

Потихоньку стало накрапывать. Сквозь поредевшую листву акации, под которой они сидели, просочилось и упало на них несколько капель. Он сбросил пиджак, накинул его на Веру, но она, передернув плечами, высвободила одну полу и накрыла ею Лазаря. Теперь они сидели тесно прижавшись друг к другу, Лазарь чувствовал, как сквозь его рубашку, сквозь жакет и белую блузку, в которые была одета Вера, от ее плеча, от ее тела струится к нему живое тепло.

– Говори... Что же ты замолчал?..

– Видишь ли, тебе это трудно понять, а мне – объяснить... Но если коротко, то нам надоело... Мы не собаки, которых можно по настроению приласкать, погладить или пнуть ногой... Мы не хуже и не лучше других, и мы хотим одного – чтобы к нам относились, как ко всем остальным... А там, куда мы едем... Весь этот жалкий лоскуток земли, из-за которого столько шума, можно накрыть тюбетейкой... Но эту землю нужно устроить, обжить, защитить, чтобы люди, если придется, не клянчили больше, не молили – о помощи, об убежище, как это было, когда не где-нибудь, а в самом центре Европы, и не когда-то, а в середине двадцатого века, при общем молчании их, как скот, гнали на убой... Миллионы, миллионы людей...

– Страшные вещи ты говоришь...

– Страшен мир, где такие вещи возможны...

Они помолчали. Она приникла к нему, как если бы хотела от чего-то его защитить или, напротив, сама ища защиты. Ветвистая жилка у нее на виске оказалась возле его губ. Целуя ее, он зарылся носом в ее волосы, вдохнул их давно забытый цветочный, луговой аромат...

Потом они пытались, но без успеха, спастись от дождя, притиснувшись к стволу приотившей их акации. (При этом Лазарю на ум пришел пустырь перед Вериным домом и та, давнишняя гроза...). Вера вспомнила про зонтик, Лазарь его развернул и поднял над головой, придерживая другой рукой пиджак, накрывший обоих. Дождь, долго копивший силы, между тем припустил вовсю. Он хлестал тяжелыми упругими струями по земле, по памятникам, по могильным плитам, его брызги, отскакивая от мрамора и гранита, клубились над полированной поверхностью, висели в воздухе сплошным туманом. Все дали заволокло плотной сизой пеленой. Сквозь ливень, как сквозь мутное стекло, виднелись горбатые, никнущие к земле кусты сирени, надгробья, которые казались ожившими, жмущимися друг к другу. Взбаламученные потоки бурлили среди могил, сливались, пузырились, волокли обломки ветвей, палую листву, креповые ленты с венков, раскуроченные, сорванные с деревьев вороньи гнезда...

Вера стояла, прильнув к Лазарю, припав головой к его груди. Манипулируя зонтиком, он старался хоть немного уберечь ее от хлестких струй, бьющих то отвесно, то наискось, но по щекам ее бежали крупные капли. Впрочем, он не был уверен, что это дождь...

Они стояли под зонтом, единственной их защитой, а дождь все лил и лил. Казалось, хляби небесные разверзлись и затопили всю сушу. Молнии вспарывали небо, зловеще озаряя мертвенным фиолетовым светом все пространство. Грохотал гром. Вокруг островка, который с каждой минутой все больше размякал и таял у них под ногами, бушевал потоп, и было похоже, что от всей тверди земной остался только этот жалкий, ничтожный островок, да и тот вот-вот утонет, скроется под водой...

Марк Азов

Двое и автор этих строк

регулярно встречаю эту парочку: старый нахохленный господин и песик, карликовый доберман, похожий на крохотную лошадку. Господин бредет, заложив руки за спину, как арестант на прогулке, а собачонка бегает повсюду, сует свой нос, куда ей заблагорассудится, и, поминутно задирая ножку, помечает разные окрестные предметы. Иногда, обнаружив, что забежал слишком далеко, песик возвращается к хозяину. И тогда на лице господина обнаруживаются глаза, довольно-таки осмысленные, и раздвигаются губы.

– Что же ты меня бросаешь, братец? – говорит он. – Вышли погулять вместе, а гуляем по отдельности, каждый сам по себе.

«Братец» отвечает виноватыми глазами и виляет обрубок хвоста.

– О чем ты думаешь? – вопрошает господин.

Обрубок хвоста ускоряет свое движение.

– Я человек, а ты собака. Не возражаешь? Человеку, в отличие от собаки, дана свобода выбора. Между тем, ты свободно передвигаешься в пространстве, а я не могу себе позволить ускорить шаг, потому что начинается отдышка, и доктор не велел, и жена заругает. Вот ты только что ничтоже сумняшеся взял да описал шину соседского «мерседеса». Я же не могу себе позволить такую роскошь, даже когда никто не видит, потому что я пленник хорошего воспитания.

Пока он все это говорил, его четвероногий собеседник успел обежать минимум полтора квартала. Воробьи, которых он распугал, взлетели и вновь приземлились под шелковицей.

Монолог сердитого господина выслушал от начала

до конца только автор этих строк, который, как нарочно, сидел невдалеке на лавочке.

– Простите, если я лезу не в свое дело, – сказал автор этих строк, – но, боюсь, вы бросаете слова на ветер: вашей собаке, мне кажется, это совсем не интересно.

– Скажете, что она попросту ничего не понимает? – он подсел ко мне на лавочку.

– Ну, говорят, собаки все понимают, только сказать не могут. А какой смысл в собеседнике, если он не может тебе ответить?

– Плохо вы знаете мою собаку. Она не хуже нас вами умеет выражать свои мысли. Вот вы, простите, кто по специальности?

– Я? Я э-э-э... писатель, – отвечал я со свойственной мне скромностью, – так... пописываю кое-что.

– Тогда вы коллеги: моя собака – тоже писатель. Вы как пишете?

– Гм... Жене нравится, а критики пока молчат.

– Я не о том спрашиваю. Я спрашиваю, как вы технически осуществляете свое писание.

– А! Ну печатаю на компьютере.

– Компьютер моя собака еще не освоила. Она пишет старым собачьим способом. Точнее, не пишет, а писает. Уже описала все вокруг. А вы думали, зря она так часто задирает ножку? Собаки не умеют писать по-нашему, а мы не умеем читать по-ихнему. Они пишут не словами, а запахами. Люди разгадали египетские иероглифы, проникли в тайны шумерской клинописи, а собачьей письменности нам, сопливым, не постичь.

– А вы уверены, что в писаниях вашего песика есть что-нибудь, кроме «Это мой столбик, или кустик, я здесь побывал и описал»?

Похоже, мой собеседник обиделся:

– Я ваших писаний не читал! Может, в них тоже ничего, кроме «побывал и описал»?!

– А пса своего вы читали?

– Зачем мне читать? Я присутствую при процессе творчества. Он сочиняет при мне. Пусть у меня нос заложен, но глаза еще смотрят. Вы обратили внимание на муравьев,

которые строят свои города под камнями, окаймляющими тротуар?

– Вы правы, их тут много ползает.

– Бегают. Мой пес, чуть не сказал часами, наблюдает за их передвижениями. Принюхивается к муравьиным тропам. Муравьи, как собаки, отмечают свои пути, выделяя пахучее вещество, и по этим запахам другие муравьи узнают, где подходящий камешек для постройки или мертвая гусеница для пропитания. Вы думаете – это просто асфальт, а это чертеж, это карта, это инструкция, это муравьиная летопись, в конце концов, если принюхаться, разумеется. И, вот, на днях, буквально, когда мы гуляли в парке, и мой пес, как всегда, принюхивался к муравьям, я заметил, что он сочиняет трогательную историю:

«Муравьи никогда не сворачивают с намеченной тропы. Так и бегут цепочкой друг за другом. Как вдруг муравей, впереди бегущий, заметил, что поперек тропы полыхает огонь. Видимо, кто-то из породы человек бросил окурок и даже не затоптал. Если бы муравей, впереди бегущий, вошел в огонь, то и остальные вслед за ним вошли и сгорели. Но он стал обходить огонь, прокладывая новую тропу, и спас позади идущих, за что они его окружили, умертвили клешнями и поволокли скрюченного в муравейник как продукт питания. А ты не сходи с тропы!»

Ну как вам побасенка моего песика?

Если сейчас милый дяденька скажет, что его собачка сочиняет стихи, я не очень удивлюсь.

– Он и стихи пишет. Из собачьей жизни. В стиле рыцарских баллад. Послушайте – сами убедитесь:

Жил рыцарь бродячий – худой и отважный
Пес с огненно рыжим хвостом.
Домашняя такса, с ним встретясь однажды,
Вовек не забыла о том.
Он мчался навстречу опасности прямо,
Разил он носителей зла...
А тонкая такса, прекрасная дама,
Его под диваном ждала.
Скакал этот рыцарь, печальный, но гордый,

Куда бы судьба не вела...
А тонкая такса с заплаканной мордой
Его под диваном ждала.
Возможно, вам, люди, все это не надо,
Лишь был бы покой да уют...
Но кабы вы знали, какие баллады
У вас под диваном живут?!»

– Так бы сразу и сказали, что пишете стихи.

– Я?! За кого вы меня принимаете? А еще выдаете себя за писателя! Писатель должен знать жизнь лучше читателя, иначе, что такое новое он может ему сообщить. И вы считаете, что я лучше собаки знаю собачью жизнь?

При этом он смотрел на меня таким же наивно преданным взглядом, как его собачонка, только, что не вилял хвостом.

Я попытался пробиться сквозь собачий взгляд.

– Пошутили и хватит. Ваши собачьи стихи – вовсе не о собаках, а о людях.

– По-вашему, я дурак? Ну, кто сейчас станет писать стихи о людях. Стихи – это штука нежная. Надо любить того, о ком пишешь, иначе в тебе не рождается музыка. А слова без музыки – не стихи.

– Вы не любите людей?

– А вы любите пауков?

– Мы, по-вашему, пауки?

– Ну почему? Даже среди пауков попадаются хорошие люди. Но я имею в виду не людей, а человечество. Мы с моим песиком изучили тут целый ряд сообществ. О муравьях я уже говорил, к осам лучше бы не соваться... Но они всего лишь защищают свое гнездо... А о человечестве у нас с моим песиком создалось впечатление, вы уж нас извините, что люди по образу жизни ближе всего к паукам. Власть опутывает своей паутиной, бизнес – своей.

– А мы всего лишь мухи, увязшие в их паутине.

– Нет. Мы такие же паучки. Только маленькие. Каждый из нас выпускает свою ниточку и тклет, и тклет паутинку, опутывая женщин, притягивая друзей, привязываясь к детям... Люди только то и делают, что борются за свободу: идут на смерть, гниют в тюрьмах и на

каторгах, получают дубинками по черепам во время митингов и демонстраций, – а любая собака, даже на привязи, свободнее человека, потому что ей не надо ходить на службу, чтобы прокормить жену и детей, не надо учиться, вбивая в мозги кашу из пережеванных кем-то знаний, из которых пригодится в жизни, дай Бог, одна десятитысячная. Еще и сдавать экзамены с дрожью в коленках. Я – раб, слуга ста господ, среди которых жена, дети, внуки, врачи, социальные работники, чиновники, полицейские, соседи и слесарь, который ремонтирует унитаза. А главный сатрап и тиран, ограничивающий мою свободу, – я сам! И в конце концов мы увязаем в сетях, поставленных нами на самих себя.

– Да-а... картина. Пока мы сами опутываем себя, жирные пауки: политики, олигархи, генералы опутывают нас.

– Ну и что это им дает? Большой паук торчит в центре, и никуда он из паутины не убежит, потому что сам своим брюхом вырабатывает нить, которая тянется за ним сверкая на солнце серебряно синим цветом... Проклятье!

Наш разговор прервался собачим визгом. Песик катался по земле, пытаясь передними лапами содрать с морды какую-то невидимую маску.

– Ну, опять он полез в то подвальное окошко!

Хозяин – откуда взялась прыть – бросился сдирать паутину, налипшую на морду псины чуть ли не до самого лба. Бедняга оброс бороною гнома, в глухом паутинном лесу заблудились его чистые глазки.

– Вот так и мы с вами, – сказал старый господин, отдышавшись. – Нас никто не просит соваться в паучьи угли, а мы лезем и лезем... Писатели.

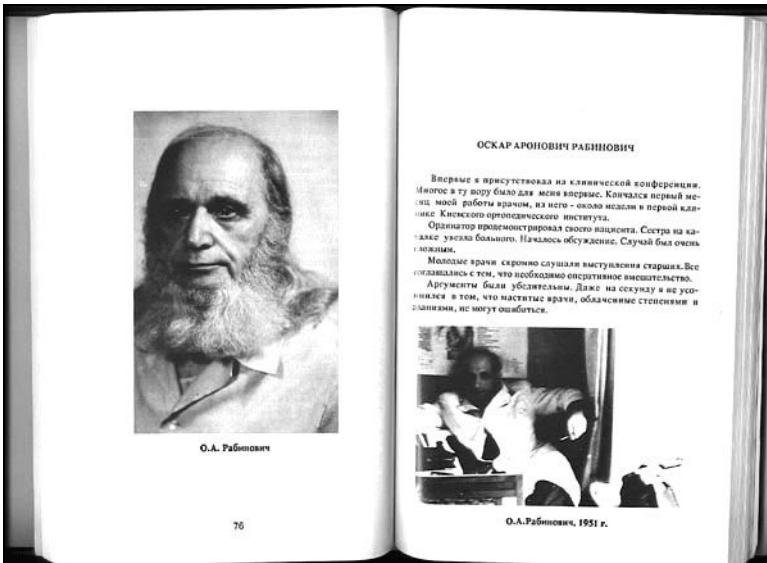

Ион Деген

Оскар Аронович Рабинович

первые я присутствовал на клинической конференции. Многие в ту пору было для меня впервые. Кончался первый месяц моей работы врачом, из него – около недели в первой клинике Киевского ортопедического института.

Ординатор продемонстрировал своего пациента. Сестра на каталке увезла больного. Началось обсуждение. Случай был очень сложным.

Молодые врачи скромно слушали выступления старших. Все соглашалось с тем, что необходимо оперативное вмешательство.

Аргументы были убедительными. Даже на секунду я не

усомнился в том, что маститые врачи, облаченные степенями и званиями, не могут ошибиться.

Выступление заключил заведующий клиникой, профессор Елецкий, ортопед старой школы, опытный травматолог. С уверенностью, соответствующей его высокому положению, он указал на необходимость операции, которую собирался осуществить лично.

Оставалось назначить ассистентов, и можно было перейти к разбору следующего больного. И вдруг...

– Александр Григорьевич, простите, что я прошу слова после заключения, но у меня возникли некоторые соображения. – Это произнес старый врач, полулежа на стуле, зажатом двумя письменными столами. Его странная голова с седыми космами покоилась на руке, облокотившейся на стол. Он не изменил позы, произнося эту фразу.

Профессор кивнул утвердительно, явно подавляя неудовольствие.

Все в той же позе старый врач начал неторопливую речь. Но как он говорил!

Только сейчас мне стало ясно, что предложенная операция абсолютно не показана больному.

Кто-то из старших научных сотрудников пытался возразить. Старый врач спокойно и убедительно (все в той же позе) отмел возражения.

В ординаторской наступила тишина. Все смотрели на профессора.

– Ну что ж, – сказал он, – Оскар Аронович прав. Последуем его совету.

Начался разбор следующего больного. Я старался получше рассмотреть старого врача, которого до конференции ни разу не встречал в клинике.

Сероватая седина, казалось, месяцами не знала расчески. На подбородке и на шее седая стерня недобритых волос Я не знал, что это результат небрежного пользования электрической бритвой. У всех врачей клиники были хирургические халаты с завязками сзади. На нем был терапевтический халат, заплатанный, помятый, несвежий. Под халатом была видна такая же несвежая рубашка с

потертым воротником и нелепый галстук, завязанный веревочкой. Штанины брюк, не ведавших утюга, внизу были оторочены размочаленной бахромой. Из-под них, вырвавшись на свободу из собранных в гармошку носков неопределенного цвета, торчали штрипки кальсон. По носкам никогда не чищенных ботинок, казалось, прошелся самый грубый рашпиль. Но самое главное – на некрасивом мудром лице застыла такая безысходность, что я немедленно представил себе жуткий быт этого необыкновенного врача.

Я представил себе его нищенскую зарплату, а из нее – вычеты, и займ, и взносы. Я представил себе, как его семья ютится в тесной комнатке коммунальной квартиры. И, вероятно, есть дочь на выданье, такая же некрасивая и такая же умная, как ее отец. А сероватость изможденного лица – определенно результат хронического недоедания.

Я тут же решил, что, как только получу свою первую зарплату (еще более нищенскую, потому что я был начинающим врачом, а он – врачом со стажем), приглашу его в ресторан и накормлю сытным обедом.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что Оскар Аронович Рабинович – старший научный сотрудник с высокой заработной платой, что он самый опытный на Украине специалист по периферической нервной системе, что ему всего лишь пятьдесят четыре года, что у него вообще нет детей, и обедом в ресторане он может накормить не только меня, а весь институт, потому что его жена – знаменитый профессор-невропатолог с огромной частной практикой – в день зарабатывает чуть ли не столько, сколько старший научный сотрудник в течение месяца.

Вскоре мы стали друзьями, хотя Оскар Аронович был на двадцать восемь лет старше меня.

В ту пору коммунистическая партия объявила нового святого – академика Павлова. Изучение павловской теории нервизма, как и все, доводилось до абсурда. Апостолы нового святого проповедовали, что, руководствуясь учением Павлова, любую болезнь можно вылечить продолжительным сном. К нам в клинику поступали больные с тяжелейшими несросшимися

переломами. Вместо того чтобы, как положено, зафиксировать конечность гипсовой повязкой, поверившие апостолам малограмотные врачи лечили больных с переломами длительным сном.

В клинике проводились обязательные для врачей занятия по павловскому учению. Я должен был воспринимать абсурдную профанацию как истину в последней инстанции. Ведь я был ортодоксальным коммунистом. Но почему-то не воспринимал.

Однажды я не выдержал и возразил руководителю семинара, сказав, что его утверждения (а это были утверждения официальные, «спущенные сверху») не только не имеют ничего общего с опытами Павлова, но даже противоречат законам природы.

После семинара Оскар Аронович подошел ко мне и очень громко сказал (я еще не знал, что он туговат на левое ухо):

– А вы, оказывается, истинный евреец. Богоборец и искатель истины.

Мы разговорились. Я рассказал ему о книге Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики». С этой книгой у меня уже были связаны неприятности в студенческую пору... Так начались наши продолжительные беседы.

Вскоре обнаружилась еще одна точка соприкосновения – любовь к поэзии.

Оскар Аронович писал стихи. Мне кажется, плохие стихи. А слушать он мог часами, отлично понимая, что такое хорошо, а что такое плохо. Не понимал он лишь тогда, когда речь шла о его стихах.

Примерно через месяц после нашего знакомства он пригласил меня к себе.

Проходя по широкому коридору в его кабинет, я заметил в открытой двери смежной комнаты невиданную мною роскошь. В ту пору я, вероятно, не смог бы объяснить, почему именно роскошь. Только значительно позже я познакомился с уникальной коллекцией его жены, профессора Анны Давыдовны Динабург. Фарфор, уникальная мебель, гобелены.

В 1974 году моя добрая знакомая, скульптор и профессор-искусствовед Рипсима Симонян оценила эту коллекцию примерно в семь-восемь миллионов долларов.

Мы прошли мимо двери в «музей» и вошли в его комнату. Я застыл изумленный.

Все стены комнаты от пола до потолка (а высота комнаты превышала четыре метра) были заняты стеллажами, плотно забитыми книгами. В центре комнаты стояло кресло-кровать с неубранной постелью, со свисающим на пол одеялом. У изголовья постели высилась груда книг в дорогих кожаных переплетах с золотым тиснением – бесценное собрание французского романа шестнадцатого-семнадцатого веков.

Я переходил от стеллажа к стеллажу, немея от восторга. Впервые в жизни я увидел однотомники полного собрания сочинений русских поэтов на тончайшей рисовой бумаге. Такие же собрания английских, итальянских, немецких и французских поэтов в оригинале. Знакомые мне по погибшей отцовской библиотеке шестнадцать книг «Еврейской энциклопедии» и черные с золотом тома Брэма. Подписные тома классиков мировой литературы в этой библиотеке казались случайно заглянувшими сюда бедными родственниками.

Когда дар речи вернулся ко мне, я узнал, что Оскар Аронович свободно владеет английским, испанским, итальянским, немецким, польским, французским, чешским, древнегреческим и латынью.

А еще несколько лет спустя я узнал, что так же свободно он владеет ивритом и идишем.

В восьмилетнем возрасте к восторгу отца, который обучал двух своих сыновей по двуязычной Библии, маленький Ашер-Оскар перевел на иврит шесть первых строк стихотворения Лермонтова «Три пальмы».

Пока я рассматривал книги, Оскар улегся на свою постель, свесив ноги на пол, и появившийся в комнате шпиц Дези принялся усердно грызть носки ботинок. Так вот откуда следы рашпиля!

В те годы, выше всякой меры перегруженный работой, я редко бывал у Оскара. Только спустя несколько

лет у меня появилась возможность упиваться сокровищами уникальной библиотеки.

Оскар был блестящим невропатологом, врачом-мыслителем. Каким образом? Я не могу объяснить. Происходило это без всяких усилий с его стороны. Он просто не был намерен, даже не был в состоянии предпринимать усилия. Большой неорганизованности и расхлябанности мне еще не приходилось встречать. Ему было проще трижды купить одну и ту же книгу, чем попытаться разыскать ее в своей библиотеке.

Сколько раз я уговаривал его пригласить библиографа, составить каталог, навести порядок, чтобы среди тысяч книг найти нужную. Оскар соглашался. Но и только.

Понятие о приличном внешнем виде было ему недоступно, как, впрочем, и его жене и его любовнице, если ее можно определить таким термином.

Самой естественной позой Оскара было полулежачее положение, особенно, когда ему приходилось разбираться в сложных случаях. Консультируя очень тяжелого больного, Оскар мог позволить себе полулечь рядом с ним, обдумывая диагноз, либо диктуя врачу результаты осмотра. В женских палатах это иногда приводило к курьезам и фривольным шуткам пациенток. Но добродушие Оскара служило ему надежной броней.

Он никогда не читал записей продиктованных им консультаций. Однажды, – в страшную пору после Девятнадцатого съезда партии, когда еврею было опасно существовать и трижды опасно – заниматься врачебной деятельностью, – я прочитал в истории болезни несусветную чушь, подписанную доцентом Рабиновичем. Так малограмотная ординатор записала его консультацию. Я показал ему запись. Она вызвала у Оскара взрыв веселого смеха. Я напомнил ему об опасности. Оскар легкомысленно махнул рукой.

Он продолжал подписывать свои консультации, не читая, что написали не всегда грамотные и не всегда добросовестные врачи.

Однажды, когда Оскар диктовал мне результат

осмотра моего больного, я вложил в историю болезни вкладыш и вместо консультации стал записывать стихи, приписываемые Баркову:

Судьбою не был он балуем,
Но про него сказал бы я:
Судьба его снабдила...
Не дав в впридачу ни...

В записи не было троеточий. Полновесные русские выражения завершали каждую строку. Как и обычно, Оскар подписал свою «консультацию» не читая.

– Отлично, Оскар, – сказал я, – завтра на институтской конференции я вложу этот лист в эпидеоскоп и продемонстрирую на экране, что старший научный сотрудник Рабинович диктует ординаторам.

– Что именно?

Я прочитал. Оскар расхохотался.

– Ну, Иона, не станете же вы делать такую пакость?

– Стану. Непременно стану.

Оскар перестал смеяться. Он согласился дать мне честное слово, что не будет больше подписывать, не читая, если я сейчас же уничтожу этот лист.

Конечно, он не сдержал слова.

Оскар ушел на пенсию, не дождавшись своего шестидесятилетия. Причиной было несуществующее сердечное заболевание, в которое он верил настолько, что даже сумел убедить других. Может быть, не надо было убеждать? Может быть, руководство Киевского ортопедического института только обрадовалось, что таким безболезненным способом избавилось еще от одного еврея, к тому же – Рабиновича? А то, что Рабинович – уникальный врач, никого не волновало.

Оскар прекратил врачебную деятельность. Это было преступлением перед нуждавшимися в нем больными. Но жена, профессор Динабург, умела завести его в наиболее сложных случаях, в которых даже она, выдающийся невропатолог, нуждалась в консультации.

– Оскар, – говорила она, – я уверена, что этот случай тебе не по зубам.

– Какой случай?

Анна Давыдовна докладывала.

– А ты разобралась? – спрашивал Оскар.

– Конечно, – отвечала Анна Давыдовна.

– Посмотрим. Напиши диагноз и не показывай, что ты написала.

Затем начинался цирк. Я получал огромное удовольствие и еще большую пользу, наблюдая эти консультации – «турниры».

Однажды мне крайне понадобилась помощь Оскара. В больнице, в которой я работал, находился на излечении десятилетний мальчик. Два крупнейших киевских ортопеда, в том числе мой учитель, поставили диагноз «туберкулез поясничного отдела позвоночника». Продолжительное болезненное лечение не улучшало состояния ребенка. Ежедневно наблюдая его, я все больше убеждался в ошибочности диагноза. Но, говорили, если диагноз костный туберкулез по ошибке поставит даже начинающий врач, опытный профессор не сразу решится его опровергнуть. А тут было все наоборот – диагноз поставили два профессора, и я собирался убедить их в ошибке.

У меня уже не было сомнения в том, что у Миши какое-то неврологическое заболевание. Но какое? Моего знания и опыта было явно недостаточно. Мне нужна была консультация не просто хорошего невропатолога, а именно Рабиновича. Но как его заполучить?

Больница у черта на куличках. Стояли редкие для Киева морозы. Частной практикой Оскар не занимался никогда. А сейчас, на пенсии – подавно.

Мы жили по соседству. Он – в седьмом, а я – в пятом номере. Я знал, что в половине десятого утра он выбирается из дома, чтобы совершить очередной обход книжных магазинов. К этому времени я «случайно» оказался возле его подъезда. Оскар обрадовался, увидев меня.

(Разрабатывая план «операции Рабинович», я в течение двух недель старался не попадаться ему на глаза и не подходить к телефону, когда он звонил).

Постояли. Поговорили. На вопрос, что нового, я ответил, что есть новые стихи, но я очень тороплюсь.

Впрочем, он может услышать эти стихи, если проводит меня. Оскар охотно согласился. Тут возникла техническая проблема.

Было очень скользко. У меня в левой руке палочка. Следовательно, я шел слева. А Оскар слышал только правым ухом. Поэтому, пока мы спускались по Прорезной на Крещатик, я орал стихи так, что редкие прохожие шарахались от двух сумасшедших.

Мы подошли к остановке восьмого троллейбуса. Я был бедным врачом и не мог позволить себе такой роскоши как такси. Конечно, можно было обратиться к Мишиному деду, который каждый день приезжал в больницу. Но взять у него деньги на такси? Я даже представить себе не мог такого. А присутствие деда разрушило бы мой хитроумный план.

Подошел троллейбус, а я еще не дочитал стихотворения. Мы проехали одну остановку и на площади пересели в трамвай. На Контрактовой площади я читал стихи, пока, душераздирающе визжа на закруглении, мимо нас проезжали ненужные трамваи номер девять, одиннадцать, девятнадцать.

Подлый ветер пронизывал до костей. Ноги окоченевали. А двенадцатого номера, как назло, все не было.

Наконец он появился. До седьмой линии в Пуще-Водице мы ехали час и пять минут. В полупустом вагоне пассажиры с недоумением смотрели на двух ненормальных, из которых один криком извергал из себя стихи, а другой, подставив правое ухо, пытался услышать их в грохоте промерзшего трамвая.

Читать стихи на морозе в течение двух часов! К тому времени, когда трамвай подошел к нашей остановке, я уже не кричал, а сипел.

– А теперь, Оскар, платите гонорар. Можете натурой. У меня лежит ребенок, которого вы должны посмотреть.

– Иона, you are cheat¹, – прокричал он, рассмеявшись. Потом, вспомнив, что я не владею английским языком, добавил:

---

¹ Вы мошенник (англ.)

– Ihr sind ein Schwindler!

Оскар Аронович внимательно обследовал Мишу. Как жаль, что только я один присутствовал на этом уникальном уроке неврологии! Мне стало все ясно еще до того, как он сформулировал диагноз. Оскар посмотрел на меня так, словно увидел впервые, и нараспев произнес:

– Иона, вы становитесь врачом. Отвергнуть приговор, вынесенный двумя корифеями – это, знаете ли. Вот если вы еще сформулируете диагноз.

Я сформулировал диагноз. Оскар поправил меня и, не скрывая удовольствия, заявил:

– Вы, конечно, жулик, и cheat, и Scwindler², и вус ин дер курт, но еще три консультации вы честно заработали.

Должен ли я сообщить, что я так же честно оправдал прозвища, данные мне Оскаром (жулик, все, что в кружке, или в картах), и три-четыре его консультации умудрялся засчитывать за одну!

Шли годы. Крепла наша дружба. Еще одна важная тема появилась во время наших бесед: Израиль. Вот когда я узнал, что Оскар свободно владеет ивритом.

Его отец в Прилуках к четырнадцати годам изучил Талмуд. Он экстерном сдал экзамен за восемь классов гимназии, не проучившись в ней ни одного дня, и был принят на юридический факультет Киевского университета. Но его исключили за участие в революционных демонстрациях. Еврей, знаток Талмуда, не мог не участвовать в революционных демонстрациях. Юридическое образование он завершил в Юрьевском университете. Ему предложили остаться на кафедре, если он перейдет в христианство. Он отказался от этой чести. Еврей с юридическим образованием несколько лет прослужил казенным раввином в Керчи.

Октябрьскую революцию он воспринял уже без восторга. Сын Арона Рабиновича Ашер-Оскар запоем читал книги на иврите, которые он получал в библиотеке «Общества распространения просвещения между евреями России».

Он учился в реальном училище в Санкт-Петербурге,

---

² жулик (нем.)

но окончил училище уже в Киеве после февральской революции, которая очень воодушевила еврея, не усвоившего опыта своего отца.

Прозрение приходило постепенно по мере знакомства с советской властью.

Нельзя сказать, что с годами Оскар становился более странным, чем прежде, хотя моя жена считала это очевидным. Он мог внезапно прийти к нам потому, что в этот момент его мучил вопрос, существует ли пустота. И мы до поздней ночи обсуждали физические проблемы.

Казалось, Оскар уже ничем не мог удивить меня. Но как-то, когда я позвонил ему, трубку сняла Анна Давыдовна. Мы поговорили. На просьбу пригласить к телефону Оскара она ответила:

– Его нет дома. Он у своей любовницы.

Я потерял дар речи. Оскару в ту пору перевалило за семьдесят. Даже в молодые годы он не был похож на героя-любовника. Неужели справедлива поговорка «седина в голову – бес в ребро»? Неужели Оскар стал «мышинным жеребчиком»?

Ответ на эти вопросы я получил, когда Оскар познакомил меня со своей любовницей.

Старую русскую аристократку трудно было отличить от еврейки Анны Давыдовны. Та же неряшливость – внешняя и в быту. Тот же рафинированный интеллектуализм. Тот же профессиональный уровень – профессор университета, один из крупнейших в мире специалистов в своей области.

Возможно, слово любовница следовало заключить в кавычки? Не знаю.

Когда я приходил к ней и заставлял Оскара в его излюбленной позе – возлежащим на старом диване с торчащими пружинами (а профессор была вполне состоятельным человеком и смена мебели не являлась для нее проблемой), они прерывали очередной спор на французском языке по поводу стиля романа семнадцатого века и неохотно переходили на русский язык.

Еще раз удивил меня Оскар перед нашим отъездом в Израиль. Он пришел попрощаться со мной и вдруг попросил

прислать ему вызов.

С Анной Давидовной я неоднократно говорил об Израиле. Я знал, что в свои семьдесят четыре года она уже не способна на катастрофические перемены.

Я напомнил об этом Оскару, который был на несколько лет старше жены.

– Ну что ж, – ответил он, – я поеду один.

– Оскар, простите мне грубую откровенность. Вам около восьмидесяти. К тому же, вы глухи. Что вы дадите Израилю?

– Я дам, – упрямо ответил он.

– А ваша бесценная библиотека. Вам ведь не разрешат ее вывезти.

– Человек приходит в мир голым и голым уходит на тот свет.

– Хорошо. Если в Израиле я получу подтверждение о серьезности вашего намерения, я пришлю вам вызов.

Мы сердечно попрощались. Почему-то я был уверен в том, что вижу его в последний раз. В Израиле я не получил подтверждения о его намерении приехать сюда. И вообще я ничего не слышал об Оскаре.

1985 г.

P.S. Глава о моем учителе Оскаре Ароновиче Рабиновиче уже около полутора лет лежала в столе, когда летом 1987 года я неожиданно получил от Оскара письмо, полное обиды за то, что не пишу ему.

Оскар сообщил, что он совсем одинок. Анна Давыдовна умерла. Незадолго до этого скончалась его любовница.

Я представил себе Оскара, одного в квартире-музее. Как наяву, перед моим мысленным взором предстала его большая комната, переполненная бесценными книгами. Я немедленно ответил на письмо и напомнил о неременном условии переписки: из Израиля в Советский Союз пишут, только получив на это разрешение.

Вызова Оскар уже не просил. Зато попросил прислать ему фотографии Иерусалима. Я охотно выполнил его просьбу. Что еще я мог сделать для почти девяностолетнего одинокого еврея, живущего среди книг, о

которых только можно мечтать, в музее с коллекцией стоимостью в семь-восемь миллионов долларов (по ценам 1974 года), которую, как и книги, некому унаследовать?

Яков Лотовский

Подольско-американский треугольник пунктиром

Рассказ

лучилось как-то тётушке моей остаться одной на хозяйстве в доме племянницы. Племянница, то бишь сестра моя, внезапно угодила на больничную койку. Как на грех стряслось с ней такое, в ту пору, когда муж с дочерью уехали на побывку в Ярославль.

Мне приводилось уже рассказывать о прямо-таки легендарной тётушкиной отзывчивости. Такое водилось за ней и во времена её замужества, но ещё более, когда она овдовела. Не успела племянница повесить трубку, как тётушка, радостно возбуждённая, прикатила на такси, без колебаний оставив свой вдовый приют, где уже более семи лет одиноко пребывала в четырёх стенах. Единственным для неё развлечением был старый, подслепый и припадошный телевизор ископаемой марки *Рекорд*, что мелькал-бубнил в своём углу с утра до ночи, помогая коротать ей вдовый век и являясь для неё больше, чем развлечением – товарищем, сожителем. Он имел свои причуды, свой норов, с которым она сжилась: умолкал вдруг, разевал рот, как рыба, моргал, за что получил от неё прозвище Моргун. «Что-то Моргун заглох», – говорила вслух тётушка, возившаяся на кухне, и направлялась отвесить ему тумака, иного обращения он не понимал. Часто одного удара было мало – это когда случался с ним припадок, когда всё убежало вверх, закатывалось ему в подлобье – и тётушка отвешивала серию боковых ударов, каковые могли лишить чувств кого угодно, но Моргуна это, напротив, приводило в чувство. Она не сильно сердчала на его выходки, считая их просто дурной

чертой характера, и затрещины отпускала с воспитательной целью, для исправления его нрава, как материнские шлепки. Смотрела она его вполглаза, слушала вполуха, оттого и спокойно сносила его выходки.

Правда, с некоторых пор присаживалась к нему со жгучим любопытством, когда давали программу «Время», а в ней американского голодного доктора Хайдера, что наотрез отказывался кушать. Не совсем понимая его мотивов, она с напряжением ожидала сведений о нём, предварительно отлупив Моргуна, чтоб к урочному часу не взбрыкивал, не мешал ей глядеть во все глаза, как посреди Америки, сидит на виду у всех учёный, интеллигентный человек, не имея во рту ни маковой росинки вот уже несколько месяцев. Похоже, она перепутала этого доктора с американскими безработными, голодными и бездомными, которых, как известно, множество там, в стране контрастов, в то время как жирные толстосумы всё больше жиреют, лопаются от обжорства, эксплуатируя простых людей, и сердце её разрывалось от невозможности ему помочь. Пусть пенсия у неё 50 рублей, но она нашла бы чем подхарчить голодного доктора. Слетала бы в гастроном, взяла бы колбаски варёной, нет, даже копчёной, дорогой, грамм сто пятьдесят, даже двести, яичек бы десяток, ещё чего-нибудь, что было бы на тот час, селёдки взяла бы. Может даже, тряхнула бы мощной и четвертинку взяла, если, конечно, алкаши не расхватают после двух часов дня – раньше не отпускают: закон новый вышел – пусть согрется, вон сколько сидья сидит на холоде, кутается в старенький плед, но виду не подаёт, иногда даже слабо улыбается, это когда наши корреспонденты вокруг него хлопочут, но и эти не почешутся сунуть ему хоть сосиску, рожи сытые. Всем плевать с высокой колокольни на бедняка. А тётушке сильно его жалко – человек порядочный, и собою видный, и похоже, одинокий, бессемейный. «Как я теперь», – вздыхала тётушка, сидя уже напротив цветного телевизора племянницы и любуясь большим пёстрым изображением, не чета её Моргуну, который получил теперь возможность передохнуть в пустой квартире от тётушкиных тумачков и попрёков.

Внезапно в дверь позвонили. Тётушка с неудовольствием оторвалась от лицецерения доктора и пошла открывать дверь.

На пороге стоял товарищ Райтруб, старый большевик, ветеран партии, состоявший в её рядах с незапамятных времён. Еще в давнюю пору он стал бобылём и, лишённый заботливого ока, приобрёл неопрятный вид. Бесшменные на нём штаны, например, так сильно залоснились и даже отвердели, что способны были пускать солнечные зайчики. Ну прямо не товарищ Райтруб, а какой-нибудь зеркальный карп. Однако несмотря на старый свой возраст и призасаленность, имелось в нём ещё изрядно проворства и общественного обаяния. Идя по улице, он раскланивался налево и направо, так как всем был ведом и участлив. Причём, по имени-отчеству никто его не звал, а только по фамилии: товарищ Райтруб, которая, как видите, отдаёт чем-то казённым, напоминая название какой-нибудь советской конторы: *райснаб, райторг, райсбыт*. Полагалось ударять на первый слог: *РАЙ*труб, но всем было привычней по примеру этих контор ударять на второй: Рай*ТРУБ*, да и сам хозяин фамилии не противился тому и ударял на второй слог, – это чтоб погасить её чужеродность и ввести себя в обиходный советский ряд, пусть звучит казённо, пусть выглядит каким-то районным управлением по каким-то там трубам, трубопроводам, зато по-нашенски – *райтруб*. Забавно, что в его же парторганизации, имелся член партии с похожей, но с более странной фамилией Волкотруб. Что она могла означать, так и осталось для меня загадкой. Скажу лишь, что всякий раз услышав эту фамилию, я слегка не то, чтобы вздрагивал, напрягался немножко. Мне почему-то виделся при этом какой-то волк-оборотень, говоря по-украински, *вовкулак*, или – того хуже – некая невероятная помесь волка с трубой, причем волка этого вполне даже можно пожалеть, что так его угораздило – какая у него жизнь? А иной раз представлял себе менее страшную картинку: воющего на луну волка, у которого от вытья трубой вытянута морда. Впрочем, я охотно допускаю, что несмотря на фамилию сей Волкотруб вполне мог быть довольно симпатичным человеком, таким же, как и его

полуоднофамилец Райтруб. Прошу обратить внимание, что фамилии обоих товарищей по парторганизации плясали совсем от разных словообразовательных печек, но на поверхность звучали сходно. Этим как бы даже демонстрировали собой с одной стороны интернациональную природу компартии, а с другой – унифицирующую, приводящую к общему знаменателю всех ее членов.

Товарищ Райтруб с большой чуткостью относился к покойной мамочке моей, которая была ему товарищем по парторганизации при ЖЭКе, всегда вставал за неё горой. Щадя её больные ноги, брал на себя трудные партийные поручения, например, инспектировать магазины, хлопотал о льготах для неё, относил партвзносы и готов был служить всячески, питая к ней, вполне возможно, не только партийно-товарищеские чувства.

Когда же пришёл ей час сойти в могилу, он сказал на похоронах прочувствованную речь. Из пылкой его речи выросал к нашему удивлению образ нестигаемого большевика, революционера, борца, нисколько не напоминавший бытовой образ бедной моей мамы, натерпевшейся в последние годы от мучительных болей. Говорил он пылко, с известной митинговой интонацией, взмывая голосом над скорбью родных и близких, как если бы погребение происходило на поле боя, *по-над кручей, на безымянной высоте*, а не на городском коммунальном кладбище, на участке под номером. И в то же время в митинговой его речи, в минорных её модуляциях, слышалось что-то от заупокойного *кадиша*, каковой мог бы произнести синагогальный служитель Ганапольский, последний из могикан, всё ещё обретавшийся здесь, в этом странном некрополе, где вперемежку лежали иудеи с православными, католиками, мусульманами – пойдя разбери где кто, фамилия не всегда скажет. Ведь прежде как было – пусть даже на могиле выбита фамилия, скажем, Черносотенко, но раз он лежит на еврейском участке, стало быть сей Черносотенко при жизни был евреем и потому достоин *муле* и *кадиша*.

И после похорон товарищ Райтруб не оставил без

внимания осиротелую семью, справлялся по телефону о её нуждах, а то и являлся самолично. Ему даже удавалось на протяжении двух-трёх лет добиваться продления льготной справки на имя покойницы в магазин-салон для ветеранов партии и войны, чтоб получать провиант, как если бы она была живая. Не знаю, как уж согласовал он сию незаконную акцию со своей партийной совестью. Возможно, именно партийная совесть и велела ему пойти на этот невинный подлог.

Так что товарищ Райтруб, будучи добрым покровителем дома, вполне имел право являться сюда в любую пору дня и ночи, рассчитывая на благодарное к себе внимание.

Посему тётушка, несмотря на довольно поздний час, позволила товарищу Райтрубу пройти в квартиру, хотя была не рада, что помешал он её сострадательному просмотру передачи о голодном американском докторе, и вообще расположения к Райтрубу не питала. На неё не действовало обаяние его партийного стажа, она видела в нём лишь неопрятного старика с мокрыми губами и запахом изо рта. К тому же, прожив жизнь с крепким украинским мужчиной, водителем-дальнобойщиком, как-то поотвыкла общаться со стариками-евреями, сама уже отчасти не еврейка: почти позабыла идиш, при божбе осеняла себя меленьким, куцым крестом, скорее, неким суеверным жестом – слегка так поколеблет щепотью перед декольте, – прибежала иной раз и к солёному словцу. Но веры никакой не держалась. Под старость лет, когда пошли одна за другой смерти близких, образовался у неё как бы культ усопших, иконостасом в нём служила галерея фотографий всей почившей родни: мужа, дочери, сестры, брата, зятя, племянника, шурина. Все они были расставлены на расстроенном пианино «Украина», украшенные бантами, искусственными цветами, кружевными салфеточками. Она вечерами подходила к пианино и просила у всей шеренги усопших покровительства и добра для своих близких. При этом крестов, конечно, не клала, а на какой-то восточный манер складывала ладошки перед собою и наклоняла голову. И еще она верила в Кашпировского, целителя массовой

телеаудитории, жгучего брюнета с боксерским лицом. Когда он давал сеанс по телевизору, она подносила поближе к экрану, к самому его лицу, артритную свою ногу, освободив ее от бинтов и жгутов, чтобы целебнее был результат.

– Ты одна? – не очень тому удивляясь, спросил Райтруб, проходя мимо неё в гостиную в грязных башмаках. – У меня ремонт. Не могу спать, воняет краской. Я переночую у тебя.

Такого, чтоб ночевать здесь товарищу Райтрубу, ещё не бывало. Тётушка не верила в подлинность его ремонта, слишком уж странно совпадали обстоятельства: племянница в больнице, её муж с дочерью в отъезде, она в доме одна, и тут – на тебе! – ремонт, как бы вынуждающий старого бобыля искать ночлег на стороне. Она насторожилась и, пожав плечами, неуверенно отвечала: «Ночуйте...»

– Смотришь телевизор? Правильно, надо всегда быть в курсе, – сказал товарищ Райтруб, опустившись на диван, и сам уставился на американского доктора, которому наш корреспондент показывал письма, где советские люди уговаривали его вернуться к принятию пищи.

Товарищ Райтруб обращался на ты ко всякому. Поначалу это могло покоробить, но по мере ознакомления с его старо-большевицкой повадкой, приходило понимание, что в его тыканьи хамства нет, почти нет, а есть нечто братское, на коминтерновский лад, когда своим говорят ты, а недругам – вы.

– Голодающий, – без должного уважения произнёс Райтруб, заметив жадный интерес тётушки к американцу.

– Вот вы, товарищ Райтруб, человек партийный, – обратилась к нему она, переведя дыхание по окончании показа доктора. – Не пойму я: почему он не кушает?

– А! Я тебя прошу. Оно тебе надо?! – отвечал товарищ Райтруб неожиданно бытовым, беспартийным тоном.

– Просто жалко человека. Такой видный из себя доктор. Профессор.

– А меня тебе не жалко? – совсем уж вдруг заявил он.

Тётушка замерла от такого оборота дела, не отводя

глаз от телевизора, где уже не показывали американского доктора, а крутили эпизоды футбольных игр, нисколько её не интересовавшие даже при живом муже, который и помирая, весь усохший, разом сошедший на нет, и то спрашивал: как там киевское «Динамо».

– Меня не жалко? – повторил он.

– Вы хотите кушать? – сказала она, вскакивая. – Так я пойду поставлю чай.

– *Мушл-капушл!* Ты меня не так поняла. Я сыт.

И он схватил её за руку, когда она торопилась мимо него на кухню:

– Сядь. Садись рядом. Не бойся, я тебя не укушу.

Тётушка с трудом высвободила руку из цепкой хватки. У неё стало сильно биться сердце от волнения. Райтруб прихлопнул ладонью по дивану:

– Садись. Не бойся. Что я такой уж страшный?

«Страшнее некуда. Старая обязьяна», – подумала тётушка, но вслух, конечно, не произнесла. Ей и в самом деле стало страшно. Она теперь поняла, куда клонит старый боббль, она убедилась в истинной цели его прихода.

– Сядь. Не бойся, – повторил Райтруб, продолжая ударять ладонью по дивану. – Я тебе расскажу про этого доктора.

Тётушка осторожно опустилась на диван на безопасном расстоянии от старика.

– Это называется политическая голодовка. В знак протеста американским империалистам, поджигателям новой войны.

Товарищ Райтруб вовсе не собирался давать доктору лестную рекомендацию. Напротив, был склонен умалить его подвиг. Но язык его, сам собою изрекавший казённые словесные обороты, невольно представил американца в привлекательном для тётушки виде.

– И он не боится, – с уважением сказала тётушка. – Настоящий революционер. У нас теперь таких нету.

– *Мушл!* Причём тут революционер! – с досадой воскликнул старый большевик товарищ Райтруб. – Он такой революционер, как я... не знаю кто. Как я балерина!

Тётушка посмотрела на него оценивающе:

– А вы могли бы так? Столько месяцев без еды?

– Ты думаешь, я много ем? – пылко произнёс Райтруб. – Чтоб мои враги столько ели, сколько я ем! Бывают такие дни, что утром стакан чаю – и до самого вечера. Некогда: дела!

– Ничего?

– Ни крошки, – с гордостью сказал он, будто малоедство было главным достоинством, на котором тётушка основывала свои симпатии к людям.

– Но вас почему-то не показывают по телевизору.

Тётушку, видно, отпустило волнение, раз стала шутить.

– Я, чтоб ты знала, однажды спас людей от гибели, – без видимой связи заявил товарищ Райтруб.

Но связь была: он боролся за перенос тётушкиного внимания от голодающего американца на свою личность. Он, похоже, ревновал. – Ты помнишь 16-й трамвай, что ходил по Владимирскому спуску на Подол? Помнишь историю, когда он потерял тормоза?

Старик подождал, пока она вспомнит. Ему было важно, чтобы она вспомнила. И когда она подтвердила, что помнит, он и выложил ей:

– Я там был! В трамвае! Внутри! Когда он потерял тормоза!

Он снова выдержал паузу, чтоб посмотреть, какое действие окажут его слова. И, представьте, некоторого впечатления он достиг: тётушка с интересом посмотрела на него. Вдохновлённый её вниманием, он сделал еще одну эффектную паузу. Характерным жестом подольского рассказчика он неспешно провел указательным и большим пальцем по уголкам узенько, как-то по-утиному открытого рта, убирая накопившуюся в комочки слюну и заодно как бы готовя его к важному сообщению, и продолжил:

– Трамвай катился вниз всё быстрее и быстрее. Вожатый крикнул, что не держат тормоза. Началась паника. Кто мог, стал выпрыгивать в двери и окна. Вожатый выпрыгнул сам. Там ехал генерал – тоже выпрыгнул. А я остался. Надо было наводить порядок, помогать людям.

Тётушка глядела на него, ожидая продолжения

интригующей истории:

– Ну? Дальше?

– Вот и всё. Все повыпрыгивали. И вагоновожатый. И генерал. А я остался. Я не выпрыгнул. Как я мог? В трамвае оставались люди: женщины, старики, дети.

– Что же было дальше?

– В самом низу трамвай сошёл-таки с рельс.

– Ну, и?..

– Ну а я сошёл с трамвая. Между прочим, те, кто выпрыгивал, поразбивались, попереломали руки-ноги. Паникёры!

После некоторого молчания тётушка сказала.

– Может, вы побоялись выпрыгнуть?

– *Мушл цым тухес!* – возмутился Райтруб и даже вскочил с дивана. – Я побоялся?! Ерунда!

Он возбуждённо заходил по ковру, и тётушка с неудовольствием отметила, что он оставляет грязные следы, но выговаривать ему не стала: и без того расстроен.

Зато угораздило её спросить:

Генерал тоже разбился?

– При чём тут генерал? – раздражённо бросил он: его бесило, что она всякий раз находит кем интересоваться, только не им. – Я знаю? Выскочил. Меня это не интересует.

– Странно, – задумчиво произнесла тётушка.

– Ничего странного: испугался.

– Странно, – повторила она. – В жизни не встречала, чтоб генерал – в трамвае.

Тут она говорила со знанием дела. Покойный её муж после войны ходил в личных шоферах у Чеботарёва, замминистра. Она знала, кто на чём ездит.

– Генерал, полковник... Какая разница? Военный чин.

– Может, всё-таки попьёте чаю? – снова справилась у него тётушка: надо было всё же как-то уважить попечителя семьи.

– Я перед сном чай не пью.

– А что вы пьёте перед сном? Водку? – не удержалась она.

– Перед сном? Никогда!

– Только с утра?

– Слушай, при чём тут водка? Ты думаешь, если твой муж был русский, то и ты русская?

– Мужа моего не трогайте, – вспыхнула тётушка. – Да, он выпивал. Но пьяницей не был, – пылко произнесла она, точно с кем-то споря. – Он имел золотую душу. Жалко, что не дожил до алкогольного указа. Меньше бы угощали друзья-приятели, чтоб они провалились уже.

И с чувством прибавила:

– А еврейкой я была и есть. Еврейкой и умру!

– «Умру». Как тебе не стыдно! – в свой черёд воскликнул он, придвигаясь к ней. Ему по душе был её пыл. – Ты ещё не старая женщина. «Умру»! *Мушл-капушл!* Тебе до смерти ещё жить и жить. Я тоже, между прочим, ещё не старик. Слава Богу, рюмку водки выпить ещё в состоянии.

Тётушка пренебрежительно покосилась на него:

– Ладно. Буду вам стелить.

Она выключила телевизор и пошла в спальню. Райтруб рассматривал свои голубые с желтизной руки, что-то соображая. Когда она вернулась со стопкой свежего белья, он вдруг объявил: – Ладно. Давай попьём чайку.

– Пойдёмте, – пожала плечами тётушка, и они пошли чаёвничать на кухню – тётушка впереди, товарищ Райтруб следом.

Чувствуя его взгляд на себе, тётушка несмотря на больные ноги, старалась ступать полегче, повоздушной. Нет, она несколько не стремилась понравиться ему. Он ничуть её не интересовал. Был даже неприятен. Но она вдруг оказалась в интригующем положении, в коем не пребывала целую эпоху, и теперь откуда ни возмись всё само собой стало обнаруживаться: и замирание сердца, и некоторое кокетство, и даже, смешно сказать, какой-то девичий страх. Ситуация вызывала из забытого прошлого тени прежних игр, навязывала амплуа.

Пили чай за столом, покрытым клеёнкой. Допив свою чашку, Райтруб от другой отказался.

– Чай не водка – много не выпьешь.

Он всё хотел предстать человеком бывалым и не без удали.

– Кстати сказать, ты на кладбище давно была? – вдруг спросил он, но как-то весело и даже с загадочной улыбкой.

Она смутилась, поскольку давненько не наведывалась на кладбище. Она могла бы сослаться на набрякшие свои вены, но не перед собой: грех непосещения родных могил саднил ей душу, и она чаще старалась представлять пред «иконостасом» на пианино, чтобы вымалить у фотографий усопших прощения. Но Райтруба не очень интересовал её ответ.

– Ты обратила внимание на памятник мясника?

– Который у входа? С бокалом вина в руке?

– Был с вином, остался с чаем, – хохотнул Райтруб.

– Как это?

– А вот так это! – с поучающей строгостью воскликнул он, давая понять, что не без его участия устранялось кладбищенское вольнодумство. – Теперь у него в руке стакан с чаем.

Тётушка воззрилась на него недоверчиво.

– Откуда видно, что в стакане? Может, вино? Или самогон?

– Кха! – ожидая такого вопроса, крикнул Райтруб. – Стакан – с подстаканником. И ложечка торчит!

– Ложечка! – изумлённо повторила тётушка и представила себе этот роскошный надгробный памятник, прямо при входе на кладбище, настоящую гробницу, где на высокой мраморной стеле выбито изображение упитанного мясника, сидящего в кресле и пиршественным жестом поднимающего бокал вина. В глубине души ей импонировала эта бесшабашная поза неуёмного мясника, означавшая в каком-то смысле даже победу над смертью, моральную победу. – Извините, но я не понимаю...

– Что тут понимать, – перебил он её возмущённо. – Развели, понимаешь, агитацию. Это кладбище или питейное заведение? Партия и правительство взяли курс на борьбу с алкоголизмом. И это вам не очередная кампания. Это всерьёз и надолго! И мы искореним это позорное наследие прошлого.

– Это правильно, – тихо вздохнула тётушка, подумав

о покойном муже. Мясника сгубила та же страсть. Какая жалость, что партия и правительство так припоздали со своей борьбой.

– Но что же теперь выходит? – продолжала она. – Теперь выходит, что мясника погубила не водка, а чай?

На сей раз растерянно замер товарищ Райтруб. Но ненадолго. За словом в карман он никогда не лез.

– Не знаю, что его погубило, но агитировать за пьянство никто теперь не позволит. Да ещё на кладбище. Это вам не питейное заведение. Хватит! Допились!

– Но он так поднимает стакан, как будто тост говорит. Что б выпить стакан чаю, надо говорить тост?

Райтруб и тут не растерялся:

– Он говорит, что надо вести воздержанный образ жизни.

Подумав, тётушка сказала:

– Выходит, что даже из могильного памятника сделали агитацию.

– Я всегда считал, что ты умная женщина! – пылко воскликнул Райтруб, хлопнув ладонью по колену.

– Интересно только: кто платил за переделку? – спросила между тем она.

– Сами они и заплатили. Вся ихняя мешпуха.

– Не понимаю. Зачем им платить за вашу агитацию.

– Попробовали бы не заплатить! – воскликнул он. – Памятник стоит бешеных денег. Откуда такие деньги? Ясно: нетрудовые доходы. Им намекнули – они тут же всё поняли.

Тётушка вздохнула:

– Да-а, нам с вами такого памятника не поставят.

И, помолчав, спросила:

– Вы что-нибудь имеете себе на похороны?

За себя она была спокойна: на сберкнижке лежало четыреста рублей. Райтруб поморщился. Тема завершения жизни ему не была приятной.

– Ай, брось эти разговоры. Что вы все так любите об этом. Мы ещё с тобой поживём!

Тётушка отметила про себя двусмысленность последней фразы и чтобы не дать развиться сией материи, решительно поднялась с табурета и стала убирать посуду со

стола. А убравши, объявила: – Пойду вам стелить.

Она давно решила стелить ему в гостиной, а самой ночевать в спальне. Ляг она в гостиной, он получил бы повод появиться в ее опочивальне под видом, скажем, посещения туалета. А там кто его знает этого кавалера, гораздого на внезапные выходки. Он и теперь, когда она, застилая, взмахивала свежими простынями, боролась с подушками и наволочками, энергично двигая полными с ямочками локтями, изловчился поймать её руку и чмокнуть мокрыми своими губами.

– Вы что это? – так и обомлела она.

Он и сам не ожидал от себя такой прыти. Порыв благодарности толкнул его на это – за ним ухаживают, потчуют, не жалеют крахмальных простыней. Не привык к такому. Точнее, отвык за много лет. К тому же он всё больше проникался интересом к этой женщине, отличавшейся от обычной пожилой еврейки, от его покойной жены, пухом ей земля. С ней его душа была безмятежной, но постной, точно лошадь в стойле. Здесь же противостоял ему иной мир: влѣк, подразнивал, манил, лишал уверенности. И всё же она была соплеменницей, и это прибавляло шансов на успех. Поэтому в его лобызаньи присутствовала не только растроганность.

Тетушка это тоже ощутила, и у неё прыгнуло сердце. Она поспешно довела до конца расстилку постели и, пожелав ему покойной ночи, поторопилась в спальню.

Войдя в спальню, она передвинула тяжелый комод, перегородив им дверь, откуда и силы взялись. Теперь она была отгорожена от этого невозможного старика. Но всё равно не могла уснуть от сильного сердцебиения. Она вдруг вспомнила телевизорного доктора в вязаной шапочке. Спокойный, степенный. Сидит, наверное, сейчас ночью на американской площади – голодный, бездомный, зябнет, кутается в плед. А этот несносный старик нежится в свежей постели. Ремонт, видите ли, мешает ему ночевать дома, краской, видите ли, пахнет. Врѣт. И тут точно бесѣнок в ней какой-то шевельнулся: а что как на месте товарища Райтруба да оказался американский доктор – стала бы она подпирать комодом дверь? Ей даже самой себе стыдно стало

отвечать на такой вопрос. Нет, а всё-таки? – не унимался бесёнок. Она стала подыскивать правильный, достойный ответ на этот каверзный вопрос. В конце концов нашла нужный, истинно дамский: у неё тогда вряд ли хватило бы сил передвинуть комод.

Поутру товарищ Райтруб, поблагодарив хозяйку за приют, поспешил к своим партийно-общественным делам. Перед уходом он снова благодарно припал к тётушкиной руке. Когда закрылась за ним дверь, она стерла мокрый след его поцелуя передничком.

На следующий вечер снова раздался звонок в дверь – и снова когда показывали голодающего доктора. Он грустно улыбался и, показалось тётушке, ещё больше отоцал. Он слал признательный привет советским телезрителям, которые его звали перебираться в Советский Союз, где, как известно, нет ни голодающих, ни поджигателей войны. Тётушка сразу сообразила: снова Райтруба нанесло. На этот раз она спокойно досмотрела передачу о докторе, несмотря на докучавшие настойчивые звонки, и лишь, когда пошёл репортаж об афганской войне, подалась отпирять дверь.

– Краска так воняет – сил нет, – пожаловался с порога товарищ Райтруб. – Невозможно усидеть в квартире.

– Надо окна открыть, – неприветливо проворчала тётушка, но впустила его.

– Ещё ночью у тебя заночую. Ты разрешишь?

– Если вы, товарищ Райтруб, не будете делать ваши выходки, – напрямик ответила она и пошла в гостиную, к телевизору.

– Какие выходки? Тебе что, неприятно? – вопрошал он, следуя за нею.

– Сами знаете какие. Неприятно, – отвечала тётушка на оба вопроса, не оборачиваясь.

– Садитесь на диван, – велела она строго, а сама присела на стул, хотя больше ей нравилось на диване. Но она опасалась, что Райтруб станет к ней придвигаться.

Они некоторое время глядели на экран, где показывали нового генерального секретаря Горбачёва, окружённого простым народом и матёрыми субъектами в штатском, что зыркали беспокойно по сторонам. Самым

внимательным слушателем генсека являлась его собственная жена. Она завороженно глядела ему в рот, точно видела его впервые. Отовсюду сыпались довольно нахальные вопросы. Горбачёв успевал огрызаться на все стороны, за словом в карман не лез.

– Молодец! – оценил это по достоинству товарищ Райтруб. – Он мне нравится. Интеллигентный человек. Язык подвешен.

– Интересный мужчина, – согласилась тётушка.

– И мужчина интересный, – подтвердил Райтруб. – Между прочим самый симпатичный из всех наших вождей.

– Брежнев тоже был интересный мужчина, представительный, – сказала она.

– Брежнев?! – брезгливо сморщась, воскликнул он. – Ой, я не выдержу от нее! Обезьяна. Двух слов не мог связать без шпаргалки. Старая горилла!

Тётушка метнула сквозь очки насмешливый взгляд на него: он ещё, дескать, рассуждает о красоте, помолчал бы, красавец. Райтруб заметил её уничтожающий взгляд и ещё больше воспалился:

– Ты ещё скажи: Черненко. Красавцев нашла. Деятели! Без бумажки – ни слова.

Тётушку подмывало сказать, что нехорошо так выражаться о покойниках, тем более, о вождях, но она воздержалась – зачем лезть в политику.

– Вот Сталин был красивый мужчина, – задумчиво и просветлённо вздохнула она и вспомнила время, когда и сама была красивой, неутомимой официанткой в накрахмаленной наколке, передничке, короткой, чуть ниже колен юбочке, в летнем ресторане «Ривьера», на зеленых склонах днепровских круч и муж на казённом *Опель Адмирале*, отработав день на Чеботарёва, увозил её в полночь домой на Подол, по серпантину каштановых аллей.

Не сразу нашлась у товарища Райтруба для неё отповедь. Совсем сбил его с толку её неожиданный эстетический взгляд на Сталина, подобное ему в голову не могло прийти. Много протестующих чувств сразу вскипело у него в груди: и культ личности, и репрессии, и договор с Гитлером, и дело врачей, и двадцатый съезд... Слова

клокотали в груди, закипали на губах, но никак не опровергали физической красоты вождя, скатывались с неё, как с гуся вода. В итоге из него вырвался один только пламенный выкрик:

– Ленин был красивее! – как бы побил он козырным тузом.

Против Ленина тётушка, конечно, не могла иметь никаких козырей.

– Ну, Ленин... Ленин – это, конечно, Ленин, – согласилась она, расправляя и разглаживая на коленях передник. Хотя и тут её подмывало что-то добавить.

– Сталин красивый мужчина! – не мог успокоиться Райтруб. – Ты ещё скажи: Берия!

Берию тётушка поминать вовсе не собиралась, а вот о таких видных собою мужчинах как Будённый с Ворошиловым вполне готова была напомнить. Однако видя такое нервное отношение гостя к красоте наших вождей, переменяла тему:

– Как вы насчёт попить чаю?

Райтруб вдруг хлопнул себя по лбу и бросился в прихожую к своему пальто. Несколько мгновений спустя он снова предстал пред тётушкой с газетным свёртком в руке, торопливо развернул его и со стуком поставил на стол четвертинку водки – так ставят ферзя, объявляя мат.

– А как вы на счёт этого, а?! – воскликнул он с задором.

Тётушка глазам не верила.

– Боже! Что за новости? Вы тоже выпиваете?

– А по-вашему я уже не человек? – взволнованно парировал он. – Я ещё, слава Богу, человек!

До тётушки вмиг дошло: любой ценой хочет завоевать её расположение и как-то воспользоваться им. Тем не менее, она поднялась со стула и с несколько озадаченным лицом подалась на кухню накрывать на стол. Райтруб, прихватив свою четвертинку, последовал за нею.

На кухне он снова со стуком поставил бутылочку на стол. Стук прозвучал глуше, поскольку стол покрыт был клеёнкой. Но как бы восполняя недостаток силы звука, Райтруб крикнул, хлопнул в ладоши и стал плотоядно

потирать руки. И пока тётушка доставала из холодильника свои котлеты-винегреты, разогревала что-то на газовой плите, он всё продолжал кричать, хлопать и тереть руки не так от предстоящего удовольствия, как ради мобилизации сил и подъёма боевого духа

– А как же понимать на счёт памятника? – съязвила тётушка, расставляя на столе закуску.

– Какого памятника?

– Мяснику.

– Какому мяснику?

Его раздражали влезавшие всякий раз между ним и этой женщиной фигуры генералов, маршалов, мясников, не говоря уже об американце. Ему хватало законно стоявшего на пути их сближения образа покойного мужа-украинца, одну из доблестей которого он собирался теперь повторить.

– А который на кладбище, – сказала тётушка.

– *Мушл-капушл!* При чём тут кладбище? Опять она со своим кладбищем!

– Вы же заменили ему вино на стакан чая. С ложечкой.

– Во-первых, лично я никому ничего не менял. Просто поддержал решение исполкома в свете постановлении партии и правительства по борьбе с алкоголизмом.

Он умолк, вслушиваясь в произнесённую им фразу. Когда ему удавались такие официальные клише, он испытывал приливы самоуважения, чувствовал себя лицом значительным и не лишним в современной жизни.

– А что во-вторых? – не дала ему молчать тётушка, выкладывая со сковороды котлеты.

– Во-вторых?..

Райтруб не решался сказать, что он тоже ничуть не хуже её украинского мужа, и раз уж питьё водки для неё критерий мужчины, он готов доказать на деле, рискнуть, игра стоила свеч, её расположение того стоило. И он без лишних слов решительно сорвал с чекушки фольговую «бескозырку» и наполнил стопки неверной своей рукой.

– Что лясы точить! Пить так пить! За твоё здоровье!

Он чокнул своей стопкой о тётушкину и стал

вливать в себя жгучую влагу. Он поперхнулся среди питья, но всё же принудил себя допить, одолев спазм неприятия. И тут же набросился с вилкой на винегрет, чтобы быстрее перебить горечь, звучно стуча вставными челюстями.

Тётушка с сочувствием взирала на его мужественный акт. Сама отпила лишь чуток, отставила стопочку, как подобает даме, и, не прикасаясь к еде, следила за стариком. Видать, его крепко прошибло водочным духом, даже слезу уронил в винегрет. Склонясь над тарелкой и не прекращая жевать, он утёр глаза ладонью. Ел торопливо, постукивая вставными челюстями, точно кастаньетами.

– А вы ещё молодец, товарищ Райтруб, – пожалела его тётушка, как-никак для неё старался.

Похвала из её уст помогла ему прийти в себя.

– Ну, а ты что? – указал он вилкой на её стопку. – Пей – не жалеи!

– Что вы. Я не пью, – жеманно отвечала тётушка, блюдя дамский этикет. – Мне нельзя – сердце.

– А мне можно? Я что – здоровый? Мои враги, чтоб были такие здоровые?

– Вы – другое дело, – уклончиво отвечала она. – Вы всё-таки мужчина.

Этот её довод очень пришёлся ему по душе. Несмотря на сомнительное *всё-таки*, это почти было признанием. И чтобы доказать ей, что он мужчина без *всё-таки*, он налил себе снова. Никогда за ним такого не водилось, чтоб себе наливать, и в крепкие его годы. Лет двадцать как он хмельного в рот не брал. А чтоб себе наливать да по своей инициативе – никогда в жизни. Если в кои веки не удавалось избежать возлияний, наливали всегда ему, и он пил вынужденно. Теперь же перед ним сидела дама, которая ему нравилась. Она была женой украинца, сама почти русская, украинка – какая разница, словом, почти *гойка*. То есть нужно преодолевать как бы и национальный барьер, чтобы завоевать её расположение. Это требовало мобилизованности. Как в райкоме. Эх, да разве в нём самом мало русского! Он оторвал от стола стопку и провозгласил совсем по-славянски:

– Давайте-ка помянем вашу сестру. Я её очень

уважал. Она была хорошим товарищем. Настоящим коммунистом.

И выпил с чувством, двигая бровями, словно скрипач. На этот раз тётушка выпила до дна, как надлежит – поминальный тост по сестре, по маме моей.

Хорошенько закусив и утерев губы салфеткой, Райтруб отвалился от стола и заявил:

– У меня есть ещё один сюрприз для вас.

Тётушка заметила, что, захмелев, он стал называть её на вы. Может, в пьяном виде, подумала она, он забывает свою партийность.

– Ещё один? – преувеличенно удивилась она. – Вы решили меня сегодня поразить, товарищ Райтруб. Какой сюрприз?

– Вы любите стихотворения? – спросил он.

Вопрос был и в самом деле неожиданный. Право же, она не знала, что и сказать на это. Стихотворения! Круг её житейских интересов не включал ничего подобного. Когда по телевизору читали стихи, она даже и не вслушивалась, считала, что ей не по уму. Стихотворения. Ей даже смешно стало. Села муха на варенье – вот и всё стихотворенье. Вот и всё, что она могла сказать на этот счёт.

– Нет, серьёзно, – одёрнул её Райтруб. Его не устраивал её шуточный тон. Он настроился на высокий лад. – Кто ваш любимый поэт?

– Пастернак, – вдруг заявила тётушка. Она знала это имя. Как не знать! Пастернак! Во-первых, она сама урождённая Пастернак. Во-вторых, запомнилось после общих собраний в Ресторантресте, где называли его врагом и прочими плохими словами. И она вместе со всеми подняла руку. За что, против чего – не помнила теперь. Да и тогда не вникала.

– О! – Райтруб явно не ожидал от неё такого изысканного вкуса и посчитал тётушку вполне готовой к восприятию своего сюрприза. – Тогда я прочту вам свои стихотворения.

Тётушка поражённо затихла. Эх, куда его понесло, старого! Нельзя сказать, что ей это не понравилось. Стихов ей – чтоб вот так лично для неё – никогда не читали, даже в

молодости. А тут под старость лет сподобилась.

Товарищ Райтруб был заметно взволнован.

– Только прошу вас, чтоб это осталось между нами.

– Почему?

– Никто здесь не знает, что я сочиняю стихи. Зачем мне, чтоб надо мной смеялись. Я всё-таки не мальчик. Да и вообще – кому это интересно?

– Зачем же вы сочиняете?

– Да так... Одному дома скучно. Поделиться не с кем. Только с листком бумаги.

И он устремил на неё выразительный взгляд. Затем прокашлялся, утёр губы салфеткой и продекламировал:

Чем крепче женщину мы любим,

Тем меньше нравимся мы ей,

И тем скорей любовь обуглим

Огнём докучливых страстей*.

– И это вы сами сочинили? – недоверчиво покосилась на него тётушка.

– А кто же? – нервно отвечал Райтруб.

Хотя она в стихах не разбиралась и не очень поняла о чём оно, но что-то ей не верилось, что сидящий перед нею замызганный, осовевший старик – настоящий сочинитель таких складных строчек, поэт.

– Вы что – не верите мне? – восклицал он.

Тётушка потупилась, разглаживая на коленях передник.

– Не верите? – продолжал распаляться он.

– Верю-верю, – выдавила она из себя, чтоб его успокоить.

– Не верите! Я вижу, что не верите, – с каким-то даже торжеством подытожил он. – Так нате, смотрите!

Он порывисто достал из внутреннего кармана бумажник, порылся в нём и с едва сдерживаемым ликованием протянул ей какой-то клочок бумаги. Это был пожелтёлый обрывок газеты, очень ветхий, вытершийся на сгибах.

– Читайте там внизу, – тыкал он пальцем. – Читайте-

---

* Здесь и далее приводятся стихи О.А. Рабиновича.

читайте!

– Рай-труб, – прочитала она по слогам и уважительно взглянула на него. Тот удовлетворённо откинулся на спинку стула.

Интерес к нему со стороны недоверчивой дамы возростал.

– Что же там написано? Прочтите вслух, – попросила она, возвращая ему заветный его клочок.

Он снова побледнел, посерьёзнел лицом и огласил, что было обрывке:

Мы личности поносим культ
И осуждаем не напрасно.
Но вреден личности и «хульт»,
Необоснованный, опасный.

При слове *хульт* тётушка тревожно взглянула на поэта, неверно расслышав его неологизм.

– И это в газете такие слова печатают? – удивилась она.

– Какие слова?

– Заборные.

– Какие?!

– Господи! Ну на «хэ». С вами греха не оберёшься.

Райтруб пробежал глазами увековеченный свой шедевр.

– *Хульт*? А-а. Это я сам придумал слово. Культ – это когда чересчур возвышают, а *хульт*, это когда хулят, смешивают с грязью. По-моему всё ясно.

– Вас надо по телевизору показывать, – польстила ему она.

– А газета для вас не авторитет?

– Газета – одно, а по телевизору видишь всё как есть. Возьмите, например, этого доктора...

– Какого доктора? – раздражённо вскричал он, прекрасно зная о ком речь.

– Который голодает в Америке, – сказала она и прибавила: – Пока мы здесь обедаем.

– *Мушл цым тухес!* Доктор! Что вам этот доктор – никак не пойму. Доктор, доктор – от вас только и слышишь:

доктор. Вы же только что своими глазами прочитали про меня в газете. И опять – доктор!

Он совсем расстроился. Вдруг налил себе водки и, не приглашая её, сам выпил. Она увидела, что сильно задела его самолюбие. Человек так старается перед ней, а она нисколько ему не сострадает. Нет, надо уважить, пусть и ему будет хоть какой-то бенефис. Кто знает, может, единственный в его жизни. Приблизительно так подумала она.

– А про любовь у вас нет больше стихотворения?

Его к этой минуте изрядно развезло. Последняя рюмка, которую он хватил в расстройстве чувств, явно ему была лишней. Но он всё же отозвался на её заявку, взял себя в руки и продекламировал, правда, без прежнего запала:

Любовь, лишённая преград,
Недолговечна и пуста.
Вкусит кто вволю тьму услад,
Пожнёт, увы, душевный спад.

Она захлопала в ладоши:

– Вы настоящий Пастернак!

Какая жалость, что случилось это так запоздало! Минут бы десять назад её похвала пролилась бы ему елеем на душу. Теперь он отнёсся к своему признанию вяловато. Какая-то смута, происходившая в организме, мешала ему. Но тем не менее он отозвался на аплодисмент новыми стихами, каковые у него, как видим, все носили поучительный характер:

Любя, терпи пока дождёшься
Зова изнутри: в постель.
Когда ж с неё любовь начнётся,
Начало не сочти за цель.

Последнее четверостишие далось ему с превеликим трудом. И вовсе не из-за фривольного содержания. Он был вынужден не раз прерывать декламацию из-за телесных вздрогов и кадыка, которому вдруг вздумалось прямо ходуном ходить. И всё же ему удалось укротить кадык,

унять вздрог и довести до конца исполнение. Ах, как не хотелось ему прерывать так внезапно выпавший на его долю успех, единственный, быть может, последний творческий вечер! Покойная жена считала его стихотворство блажью. А эта дама внимает ему. И он, предельно собравшись, решил ковать железо, пока горячо:

Износ души скорей чем тела
Для душеносца вред сулит...

Довести до конца новое стихотворное поучение ему, увы, не удалось. Он вдруг осёкся, побледнел, как полотно, на этот раз иной – не поэтической – бледностью, рванулся от стола и устремился прочь из кухни на непослушных ногах, но, ещё раз увы, к надлежащему месту не поспел и... исторг, из себя бедолага, всё съеденное и выпитое.

Тётушка всплеснула руками и поторопилась к месту происшествия. Райтруб стоял над содеянным, держась за дверную филёнку, и сильно шатался. Глаза его были закрыты, а уста, напротив, отверсты. И не верилось, что из них только что лились стихи. Да, се человек! В этом его низменность и величие! «Я – бог, я – червь», как верно изрёк другой поэт. М-да.

Тётушке, как уже говорилось, привелось в крепкие её годы служить в официантках, и вполне умела она не теряться в деликатных таких ситуациях. Она поднырнула под руку ослабевшего от возлияний старого поэта и повела к дивану. Препровождая его на покой, она лишь позволила заметить ему, что покойный её муж до таких безобразий не допивался. На что товарищ Райтруб – и сам почти покойный – мог бы возразить, что упомянутый муж и стихотворений не сочинял. И тоже был бы прав. Но старик был так нехорош, что не имел ни сил, ни ума для возражений. Он не сопротивлялся, когда она укладывала его в постель, разувала ботинки, распускала ремешок на штанах, настолько просторных для его иссохшего тела, что штанины казались пустыми. Но когда она стала стаскивать потёртый его пиджачишко и даже успела стащить один рукав, он вдруг заартачился, прохрипел: «Партбилет!» – и ни за что не давал разлучить себя с пиджаком.

– На черта мне ваш партбилет! Вы же не на вокзале, – возмущалась тётушка, стараясь избавить его от пиджака.

Но он с судорожной силой прижал рукой пиджачный борт к груди и не дался. Тётушка махнула рукой на его дурь и, чтоб дольше не хлопотать над ним, завела его ноги на постель (при этом он развернулся вокруг своей оси, точно это был не Райтруб, а как бы макет Райтруба) и в чём был, – в брюках, носках, с прижатым к груди полуснятым пиджаком и партбилетом у сердца – был ею накрыт одеялом, каковое и скрыло всё это непотребство.

Она привела в порядок квартиру и сама отправилась на покой. Сегодня она не стала подпирать дверь комодом: мертвецки пьяный старик вряд ли был способен на выходки. «Лежит трупом, а за партбилет держится», – подумала она не без уважения. Героические коммунисты из кинокартин, измученные, истерзанные врагами, но не расстающиеся с партбилетом, встали перед её глазами. Но, поразмыслив, она иначе посмотрела на его бдительность: что ж ты лезешь со сватовством, раз не доверяешь? Раз партбилет для тебя самое дорогое, то живи со своим партбилетом. Рассудив так, она повернулась на правый бок и тут же уснула праведным сном. Правда, напоследок снова представила себе доктора, одиноко дремлющего в вязаной шапочке посреди ночной американской площади, понимая так, что ночь настаёт для всей земли сразу, в том числе и для Америки, и пожелала ему покойной ночи.

Если кто подумает, что товарищ Райтруб не явился на следующий вечер, тот слабо его знает: явился – не запылится, несмотря на то, что оскандалился накануне, и на то, что тётушка поутру соврала ему, что нынче возвращается из больницы племянница, а сама она, мол, возвращается восвояси.

Тётушка, конечно, не исключала, что он снова объявится. Посему вечером не зажигала электричества. Но отказать себе в удовольствии смотреть телевизор не смогла: ну как она могла пропустить новое свидание с американским доктором?

На звонки в дверь товарища Райтруба она не отвечала. Сидела тихо, как мышка. Он звонил долго и

настойчиво, длинными, и короткими звонками. Потом стал бить кулаком в дверь. Она и на стуки не отзывалась, только приубавила громкость в телевизоре. Отчаявшись, он стал колотить в два кулака и кричать, припав ртом к дверной щели:

– Открой! Я знаю – ты здесь! Смотришь телевизор. На американца. Что ты ему веришь? Он врёт! Он жрёт! Человек не может полгода не кушать! Он кушает! Жрёт! Открой! Я имею кое-что сказать.

Затем отчаяние заставило его не заботиться направлять крик в дверную щель и скважину, а кричать куда придётся. По бокам располагались соседские двери, к «глазкам» которых изнутри, конечно, припали жильцы, имея такую редкую возможность видеть, как штурмует старый большевик товарищ Райтруб последний свой бастион. «Нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики».

Тётушка, затаясь, вслушивалась в его вопли и не могла не замечать его отчаяния. Сердце её не раз и не два сжималось от жалости к нему. Но как она могла отпереть дверь, если её сегодня не должно быть тут. Ей не хотелось представлять в виде обманщицы. Конечно, явился бы, предположим, вместо Райтруба голодающий доктор – разве она заставила бы его так долго ломиться и кричать?

И тем не менее, когда товарищ Райтруб взвыл с особой тоской, как, скажем, взвыл бы условный волкотруб, у тётушки дрогнуло сердце, и она двинулась, не зажигая свет, к двери и даже расположилась впустить его. Но он вдруг там, за дверью, устав от мольб, призывов и стенаний, взял совершенно другой тон, перейдя к оскорблениям, и в частности, назвал её глупой женщиной, дурой, не в пример покойной её сестре, моей, то есть маме. И тётушка едва удержалась, чтоб ответить ему, что может это и так, но не ему об этом судить, катитесь, мол, отсюда со своими стихотворениями и партбилетом. Но ничего так и не произнесла, а только решительно вернулась к телевизору. И тут же была вознаграждена: как раз стали показывать американского доктора, который после нахального старика стал ей ещё милее.

Бедный же товарищ Райтруб был пристыжен,

несмотря на партстаж около шестидесяти лет, вышедшими из засады соседями и принуждён был покинуть поле брани, обратиться в одинокое своё, пусть и отремонтированное ЖЭКом, логово. Уходя, он ещё раз посмотрел с тоской на тёмное тётушкино окно, слабо мерцавшее голубым телевизионным свечением.

Впоследствии рассказывая о своей любовной перипетии, тётушка всякий раз, говоря о притязаниях товарища Райтруба, прикладывала клятвою руку к груди и заявляла: «Даже если бы мне дали кусок золота... Да ни за какие деньги... Да нет, что вы – упаси Боже!» Однако не могла скрыть при этом улыбки от ощущения приятности наступившего её в преклонные годы амурного приключения.

Она и теперь любит возвращаться к этой истории, и не преминет при этом остановиться на, так сказать, физиологических подробностях: рукоцеловании, попытках его подсесть поближе, мимолётных прикосновениях. Каждый раз её клятвы подозрительно пылки и глаза притом остаются грустными.

Затем она снова остаётся одна на долгие часы и дни тет-а-тет со своим припадошным телевизором, что дряхлеет день ото дня. Весёлые прежде его приступы перешли теперь в длительные обмороки, чреватые категорическим отказом от существования. Мастерам телевизионных дел неохота возиться с такой рухлядью, и они грубо говорят об этом тётушке прямо в глаза. Давно пора обзавестись другим – заявляют ей, не церемонясь. Но как она может предать старого Моргуна? А и захоти она, где теперь другой достанешь? И на какие, скажите, шиши? Она в такие дни и сама чувствует себя очень дурно, так дурно, что вынуждена вызывать «скорую помощь».

Вот и ездят вперемёнку к ней в дом «скорая помощь» и телевизионные техники. Разница в одном, что «скорая» вслух не говорит тётушке, что она старая, а мастера не таятся, когда, чертыхаясь, возятся в трубе у Моргуна. Присоплят там что-то паяльником – он какое-то время показывает. Тогда и с тётушкой всё в порядке, ну не так чтобы в порядке, но как-то обходится без «скорой».

А однажды как-то приехали вместе и «скорая», и

телемастер. Каждый занимался своим клиентом: врачи уколами, телемастер паял. Мастер управился первым, и появившееся изображение много способствовало тому, что тётушка тут же восстала со своего больного ложа и вмиг почувствовала себя вполне неплохо, отказалась даже от укола и прочих медицинских хлопот над нею, немало тем удивив медиков.

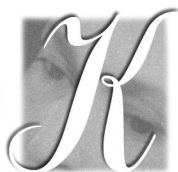
А что тут удивляться. Зачем ей помирать, когда она привыкла жить?

Вильям Баткин

**Поэзия – не привилегия
избранных...**

**Литературные портреты израильских
ПОЭТОВ**

Когда сегодня на нашей Земле обетованной, под негасимо синим небом расцветающей, идет война необъявленная, гремят взрывы ракет хамасовских, и мальчики в неслаженных шеренгах, под грузом вещмешков и автоматов, уходят в ночь – в наряды и в бои, полагаю я неуместным предаваться размышлениям о поэзии... «Отчего? – возразили друзья, – самое время поэзии...

Когда читаю за полночь стихи мне незнакомого поэта, приободрившись приступками рифм да вероятной версией верлибра, – вбираю мигом пригоршни строк, иль словно дегустатор старое вино, пью по глотку, слова смакуя, – я так страшусь наткнуться в пустоту, молю ПОЭЗИЮ услышать в чужих стихах, на русском языке, – да, у нас, в Израиле.

Мне дорог узкий круг моих коллег-поэтов русскоязычных, зычных или еле слышных, неробкого десятка и отчаянных, иль на пределе дерзости, – они слышали за срок недолгий – не тайное влечение, не чувство нежное, а Любовь к Земле Обетованной, и боль за нее – в притворстве их не упрекнешь.

Любовь и боль – не только как созвучье, как рифма, на слух воспринятая, а кровное родство двух слов несхожих, но сплавленных в одном горниле – в гордом и горячем сердце поэта.

В среде, насыщенной ивритом, они смогли сберечь в

чистоте язык страны Исхода, великий и могучий, русский, хотя и пишут «нерусские стихи на русском языке», и любят эту Землю, по праву и по зову крови на нее вернулись, и преданно ей служат, и путь у них нелегкий, – мы знаем каждый по себе...

За четырнадцать лет моих израильских, долгих, словно вечность, иль промелькнувших шумно ретивым вихрем, мне в суматохе абсорбции посчастливилось приобщиться и к поэзии иврита, увы, лишь в русских переводах.

Иврит – святой язык ТАНАХа, в нем каждая законченная мысль, отточенная Небом, отшлифованная, именно стихом библейским именована – пасуком. И увлекла меня система речи, высокий слог ее, – образный, яркий, и ощутил в поэзии иврита, неведомой мне прежде, – родство души и голос крови, так, словно ко мне их строки – и Псалмы Давида, и «Сиониды» Иегуды Галеви, и современников моих...

Крамольные мысли о еврейском созвездии в русской поэзии возникали у меня еще в России, и привез их сквозь таможи. Сегодня, уже на Земле Обетованной, наново и иначе вспоминаю строки моих поэтических кумиров, выдохнутые на русском, – и горечь мучительная, словно острая игла, проникает в сердце... Не вина, не беда, а трагедия этих поэтов – отчего только поэтов! – рожденных еврейскими мамами – дарованный Всевышним талант не достался культуре нашего народа...

Несправедливо узок круг поэтов, о которых пишу, и субъективен. Полагаю, другой бы добавил или убавил, или назвал иные имена. Но я так прочел, так услышал, так пришел к своей портретной галереи поэтов, – распахиваю двери и с волнением приглашаю в нее читателя.

Осенённый осенью поэт

Савелий Гринберг

*Осененный осенью Поэт,
Озаренный запредельным даром,
Как радаром, вслушиваться в небо,*

*В напряженный зуммер, в шорох слова,
Освещенный щедростью иврита,
Оснеженный сединой Хермона,
Не согбенный грузными годами,
Пунктуально точный, словно Гринвич.
Познакомьтесь: наш Поэт – Савелий Гринберг.*

Энергия поэтического слова

Достоверная информация о достославном возрасте Поэта – в двузначной цифре властвовала округлая восьмерка с притороченной пятеркой – предполагала кручинную встречу с высохшим, сгорбленным старцем, поддерживаемым под трясущиеся локотки... Но на творческом вечере Савелия Гринберга в иерусалимском Музее итальянского еврейства предстал элегантно-статный автор, с первых минут мастерски и решительно овладевший аудиторией, негромко и дерзко, молодо и напористо читающий свои, скажем так, непростые стихи, словно волны, накатывающиеся на слушателей, в одночасье и очаровавший нас, и с избытком наделивший запасом энергии поэтического слова:

*...Утро и лица теплеют,
Словно вытанные из ночи...*

или:

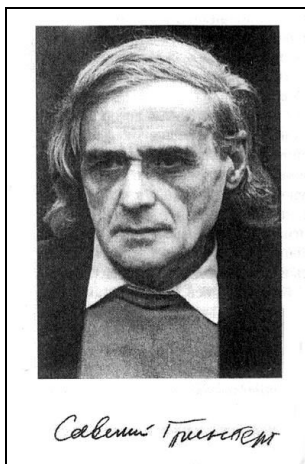
*...Там на верховьях
вдоль по урочищам рекастым
осколки солнца иных времен...*

или:

*...В самом отсутствии упрека
В самом этом упрек...*

А спустя несколько дней, словно столетия мелькнувших, Поэт принимал меня – приглашенного или напросившегося – в своей тесноватой и неприхотливой иерусалимской обители, блоками книг под потолки облицованной. Радушно усаженный в кресло, я мог наблюдать хозяина в привычной домашней обстановке, и первое впечатление, четкое и неопровержимое, возможно, неожиданное: человек он свободный, вольный, независимый,

есть еще добрый десяток синонимов, но меня и большинство других – уверенных, сильных, якобы неподатливых обстоятельствам, – врожденная рабская зависимость от любых подробностей существования напрочь лишает осознанного ощущения свободы. А Савелий Гринберг – и Поэт, и Человек свободный, таким он мне увиделся.

И сорочка васильково-темная, легкая, не приталенная, на горле – распахнутая, и статья – под статью нраву – не согнутая, и походка, и жесты – пластичные, и разлет белоснежных волос – шелковистых, над крупным лбом разворошенных, и черное надбровье над глазницами глубокими, и скулы острые, до розовости начисто выбритые. И губы яркие, улыбкой означенные, и весь облик – еврейский, не скорбный, свободный, какой нам всем предначертан, да обретен не каждым...

*Лицом к лицу лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии...*

Есенинское лаконичное двустихье, вырванное из контекста, изначально по праву афоризма обреченное на признание, в данном случае позволило мне – при четырехчасовой беседе – лицом к лицу с Савелием Гринбергом набросать лишь эскизный его портрет, запоздало разумея к исходу встречи – обоюдозаинтересованного

интервью – истинное, доподлинное изображение Поэта – в его творчестве, оттого и хожу кругами вокруг да около, плутаю, плету фразы, нанизываю друг на друга речения, что – пока! – не постиг это явление – крупное и глубокое, оригинальное, непохожее, до того не встреченное, – поэзию Савелия Гринберга.

По основным возрастным этапам биографии поэта Савелия Гринберга следовало бы отнести к громкому поэтическому поколению Константина Симонова и Маргариты Алигер, Павла Шубина и Ярослава Смелякова, Льва Озерова и Вероники Тушновой, но он с ними изначально разошелся в главном: дарованная Савелию Гринбергу Свыше поэзия – свободная и раскованная – не пожелала ни за какие блага повиноваться власти предержавшим, и его никогда не печатали в стране Исхода, впрочем, он никогда не бил челом в редакционных кельях столичных журналов.

Москвич – по интеллигентности, по прозрачной чистоте русской речи, не замутненной после двадцатилетнего погружения в ивритскую среду. С молодости и до сегодняшнего дня пишет стихи, обозначу их – савелиогринберговские, ибо едва ли специалисты – литературоведы, лингвисты – найдут им аналоги.

Так кто же он, поэт Савелий Гринберг? Дитя народа Авраама, как волк, обложенный кострами, оскалом каменным цензуры, не признан, но ко сроку призван в полк ополчения Подмосковья, в бушлат шеренг Новороссийска, но озаренный запредельным даром, как радаром, вслушиваться в Небо, в напряженный зуммер, в шорох слова, одарит нас высоким слогом. Непрост Савелий Гринберг, необычен, и оттого, как друг, я упреждаю: прежде чем споткнуться на уступах его стиха, на устно-разговорных его ритмах, послушайте, пожалуйста, Поэта, да, с глазу на глаз, на встречу с ним с друзьями завалитесь, – в иерусалимских тесных залах они случаются не часто.

«Московские дневниковинки»

– название первой книги Савелия Гринберга, изданной в 1979 году в Иерусалиме. Следует ли толковать читателю, чуткому к поэтическому слову и

прихотливому, если он уже принялся за прочтение моих настойчивых попыток поведать о поэзии Савелия Гринберга, что «дневниковинки» – неологизм, появившееся в его языке слово, обнаруженное поэтом в неисчерпаемых языковых запасниках, его патент, придумка, не механически собранное, а слитое из двух слов – якобы разноликих, разноперых, разновалентных: **дневник**, вбирающее регулярные важнейшие записи, и **диковины**, точнее **диковинки** – странные удивительные явления. Оба слова порознь – привычны, всегда на слуху, но, сплавленные в пламени авторской творческой фантазии, они и щедро пополняют язык, и предельно точно озаглавливают сборник стихотворений, в котором каждое – и впрямь – в диковинку.

*...Извлечь квадратный корень из готики
дабы определить характер
пространственных ощущений и восприятий
готических эпохоремён...*

или:

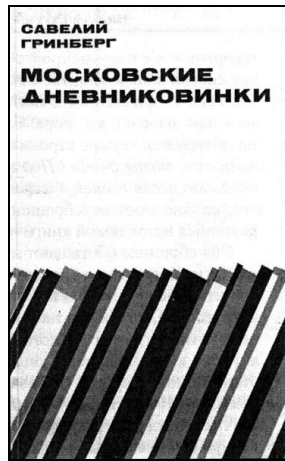
*...когда я прохожу сквозь город
от Арбата до Таганки
в глубины выгнутых старинных переулков
Заяузыя
завязшего в веках...*

или:

...Москва пролетала отнятым счастьем...

Изданная в Иерусалиме книга – от первой строки до последней – московская, сотканная мастерски и вдохновенно, на любви и страдании, выдохнутая сквозь сжатые зубы, но изнывающим от боли сердцем, боли не утихающей, не умолкнувшей почти за тридцать лет репатриации, – не ностальгическими всхлипываниями, не осколком в груди, а раной – рваной, давней, но открытой, невзирая на: непризнание, поэтическую судьбу, изломанную невостробованностью, на звериный антисемитизм – советский ли, российский... Впрочем, у антисемитизма нет национальной принадлежности, он – вселенский: русский, украинский, немецкий, французский, английский, арабский. Думается, была бы жизнь на Марсе, и там объявились бы

юдофобы...

Мне «Московские дневниковинки» интересны тем, что «это было с нами или страной, или в сердце было моем...» – судьба Савелия Гринберга, невольного поэтического отшельника, в те годы, горестные и кровоточащие, прочно сочленена или переплетена с участью государства, ныне нами именуемого страной Исхода:

– тридцатые, после трагической смерти великого Поэта, – участник «бригады Маяковского»...

– сороковые – роковые – доброволец народного ополчения, военный корреспондент в окопах «Малой земли» – не той, брежневской, а захлебнувшейся кровью молоденьких морских пехотинцев Цезаря Куникова...

«Береговыми тропами / придавлено / к земле / перебинтованное небо / в тампонах облаков».

Или: *«Гранёное волнами море / в обвалах ночных облаков / в походах / волнам и разрывам / наперерез / с Большой на Малую / в звездный / огненный рейс...»*

– пятидесятые-семидесятые – научный сотрудник Музея В.В. Маяковского, сотрудник штатный, но штампами не мыслящий, осознавший – исподволь или внезапно – барометр удушливой атмосферы власти зашкалило, и неприемлемая советофобия рвется наружу – в рокот строк, и Савелий Гринберг в 1973 году репатрируется в Израиль.

Ибо: *«В начале было слово / а потом нарушение»*

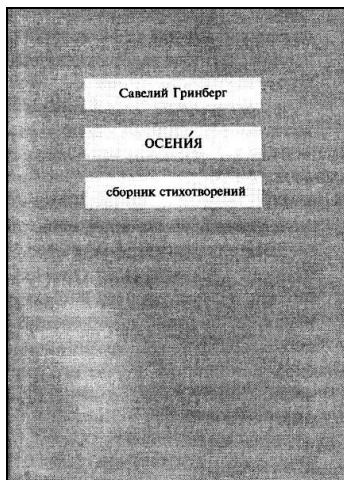
его...»

(– Савелий, – спрашиваю я у Поэта, – какое самое яркое впечатление у вас на Земле Обетованной за все эти годы?..

– Свобода...Человек должен быть свободен от своего собственного существования... Поэзия связана со свободой... Поэзия – самоосвобождение).

Когда мы, в силу различных обстоятельств, уезжали в Израиль, мы рвали с корнями, по живому, оставляли и единственное любимое дело, и возлюбленных, и друзей, и родных, ощутив опустошенно себя за бортом той прожитой жизни, и лишь спустя время внезапно счастливо осознав – самое дорогое в себе, в раздираемой болью душе мы увезли с собой, пронесли сквозь таможенные турникеты. Савелий Гринберг об этом напрямую не говорит, как и о своей негромкой, глубинной, не декларативной любви к Эрец-Исраэль, где он стал большим, признанным и почитаемым израильским Поэтом.

«Осенія»

Именно так, с ударением на третьем слоге, называется следующий сборник стихотворений Савелия Гринберга, изданный в 1997 году в Москве при подспорье преданных друзей, и через четверть века не вычеркнутых Поэта из памяти.

А он остается верен себе – и по стилю, и по тональности, и по форме стиха, даже в названии вновь неологизм – Осенія, еще более красочный и точный, философский и глубокий, вобравший в сочном слове **осень** весь полный спектр нагрузок смысловых: и корень – **сень** – покров, с глаголом **осенить** – покрывать, как сенью, в знак защиты, покровительства, и явленной внезапно мыслью, с причастием счастливым **осененный**, и прилагательным **осенняя** пора. Еще в первой книге Поэта я неожиданно обнаружил четыре строки заворожившие: «...*Бывало – встретишься в толпе с ней. / Под грохот моря выйдешь к ней, / Была когда-то песня песней, / а нынче осень осеней...*» Четверостишие это, словно мост переброшенный, словно чистый ручей, в реку рвущийся исток новой книги «Осенія».

Оба сборника обогащают друг друга, не зря ведь автор продуманно и обоснованно включил в «Осенюю» и несколько фрагментов из «Московских дневниковинок». И все же «Осенія» – ярче и красочней, глубже и таинственней, и исповедальней – так талант истинного самобытного художника от картины к картине, от книги к книге вбирает и опыт накопленный, и в поиске непрестанном новые краски и слова изыскивает, и обретает новые особенности. И читатель, уже сжившись с неологизмами поэта, скажу так – акклиматизировавшись в его словесных импровизациях, в мире его внезапных метафор, изловчившись не проваливаться, словно в проруби, в тексты без знаков препинания, вдруг вновь обнаруживает для себя, якобы искусственного, нечто новое, непривычное, сызнова завораживающее, к примеру, «онегостишья» или поэму «Осколковщина».

*«...Бескрайние глаза глубин / пронзающие черную
огненных зрачков / Осенний маскарад лесов».*

Или: *«В распахнутое утро / Улица атлантидой /
выплывает из пучины темноты».*

Или: *«Здесь на изгибающихся асфальтах /
громоздкого / задыхающегося города / когда тополиные
пушинки плывут».*

Четырнадцатистрочная строфа – онегинская строфа,

которой написан весь «Евгений Онегин», – неоспоримый пушкинский патент, сродни сонету. И Савелий Гринберг мастерски, словно играючи, изящно, вдохновенно и естественно приглашает нас под высокие своды храма онегинской строфы, где уже в авторском исполнении звучат его лирические стихи, узнаваемые, савелио-гринберговские, – тридцать одна строфа в книге. Вот одна из них:

*В полнеба осень распушило
От подожженных облаков
по несгораемым стропилам
лучи скользят на твой балкон
К чему морфемы и фонемы
когда мы скованы и немы
Так вспомним солнца времена
Любое время криминал
Бушуют фабулы утопий
– Утопия – Утоп и я
Утопия Цветы Поля
Подмости Сцены – Всё утопят –
Театр – летучий мореход
И легендарный Мейерхольд*

И поэма «Осколковщина» – именно поэма, в ожеговском определении, большое произведение в стихах, обычно на историческую или легендарную тему, сложенная Савелием Гринбергом о нашем времени и о себе, – она ли не исторична, не легендарна, – из чего-то схваченного, услышанного, проговоренного, словно узор мозаичный из осколков камешков, стекла, стали.

Московские встречи

Не приехавший за долгую жизнь к восторженному и шумному приему зрительного зала, не говорю уже о внимании критики в печати, напротив, к заговору молчания вокруг своей поэзии, Савелий Гринберг достойно и спокойно провел поздней осенью 1997 года творческий вечер в Музее В.В. Маяковского – первая презентация первой московской книги «Осеня» – это была не

общепринятая дань почитания давнишнему сослуживцу, это был непритворный интерес любителей русской словесности, в том числе и профессиональный, – «Осения» не могла пройти в Москве незамеченной... Не то время.

Но это было не первое его посещение Москвы – уже постперестроечной, после десятилетий репатриации, – вероятно, одновременно ностальгический всплеск и осознание собственной судьбы, врезанной в память, запечатленной в стихах, начатых еще в 1940-60 годы в Москве, дописанных в Израиле... О Савелии Гринберге вспомнили, пригласили в Москву – в канун столетнего юбилея Владимира Маяковского – он ярко и интересно выступал и на международной научной конференции «Маяковский на рубеже 21 столетия» (19-21 мая 1993 года, Москва, ИМЛИ), и за «круглым столом» в Музее В.В. Маяковского, где до репатриации долгие годы работал.

Секреты мастерства

Разумеется, вдумчивому и чуткому читателю, очарованному, как и я, стихами Савелия Гринберга, небезынтересны речевая тайнопись его поэзии, источники и истоки запасов энергии его лирики, и если первая составляющая – милость Б-жьа, очевидна и неоспорима, то о его виртуозной технике следует поговорить особо, прежде всего нам, приученным или привыкшим к силлаботонической строгой ритмике стиха, – яростному ямбу, хорею нахохленному, размеренной поступи амфибрахия.

Не мной сказано – каждый пишет, как он слышит, а Савелий Гринберг, напряженно вслушиваясь в Небо, исповедует и передает бумаге свои свободно ритмические композиции, наполненные разговорной интонацией, щедро насыщенной новыми формами, словосочетаниями, сплавами. Углубленный всесторонний анализ поэзии Савелия Гринберга еще ждет исследовательской дотошности лингвистов, мы обозначим лишь основные, впечатляюще характерные: уже упомянутые неологизмы – новые слова, сотворенные поэтом, – «Осения», «Дневниковинки», «Онегостишья», «Хеменгуэнье», «ведьмофейство» и ряд других, неожиданно точных, используемых автором для передачи оттенков чувств или предметов; это и гринберговское открытие –

«рифмоуловители» – внезапно щедро рассыпанные, вкрапленные, передвигающиеся по стиху рифмы, созвучия не только в конце строки, но и в середине или в начале:

«...Мимозы / Мимо озера», «...Ветры заиндевели / Индию выдумали / индивидуумы...», / «Выставка Пабло / Когда потрянуло земную палубу», «И ЖИЗНЬ ПИКАССА, И ЖИТЬ ПИКАССО...» – к открытию в 1956 году выставки Пабло Пикассо в Москве. Обращая внимание на «онегостишия» Савелия Гринберга, в которых он легко и изящно входит под высокие своды пушкинской – онегинской – строфы, не упомянул я о неожиданно точных великолепных рифмах: «облаками – облакают», «далекость – клетокт», «лукаво – лекалом», «нагрянет – на грани», «рысаками – рассекали», «мореход – Мейерхольд», – вплетенные в стихи, они их усиливают, несут дополнительную нагрузку, впечатляют.

Даже у именитых мастеров, уже проверенных временем магов поэтического слова, есть красная черта – дозволенные себе границы, через которые они не переступают, а Савелия Гринберга отличает завидная, непонятная традиционно пишущему безбоязненность, не геройство, а неустрасимость в работе над словом – его язык не боится сложившихся негласных запретов, его символика предлагает читателю, к примеру, слова-перевертыши, в которых логика обратного порядка чтения слова или фразы равнозначна знакомой... Так возникает его прославленная «Палиндромика», врывающаяся, словно вихрь, не только в его предварительно напряженный верлибр, но и в ямбы, и в хорей, оправдывая авторскую самоиронию: «Ты палиндром себе воздвиг нетрюкотворный».

Влюблённый в иврит

Каждый из нас, евреев, возвращающихся по воле Всевышнего на Землю Обетованную, искренне тешит себя надеждой вложить свой вклад, в меру сил – видимый, в становление нашей Эрец-Исраэль, – для Савелия Гринберга такой мечтой, реальной, осуществленной, стали переводы ивритских поэтов на русский язык, – его «Шира Хадиша» – страницы новой израильской поэзии в переводах Савелия Гринберга», выдержали два издания (1992, 1995) и стали

библиографической редкостью.

К моменту репатриации – 1973 году – Савелий Гринберг был уже сложившимся русским поэтом, со своей своеобразной, оригинальной поэтикой. Как и Маяковский, уверенный, что «время родит такого, как я, длинноногого», он интуитивно чувствовал, что в Израиле – современном, свободном, – должен быть – есть поэт, близкий по поэтическому миропониманию – новаторскому, модернистскому.

И Савелий Гринберг, влюбленный в тайну и глубину, в красоту и обаяние иврита, находит в журнале «АТ» стихи такого поэта – Давида Авидана – и знакомит автора со своими первыми русскими переводами. Младше Савелия на двадцать лет, крупнейший мастер в израильской поэзии наиболее новаторского направления, художник и кинорежиссер, Давид был взволнован и переводами нового репатрианта, и его пониманием стиля, слога, словотворчества своего поэтического собрата. Началось многолетнее сотрудничество, искренняя мужская дружба – русские переводы Савелия Гринберга появлялись в печати вслед за выходом новых книг Давида Авидана, но в 1995 году он внезапно ушел из жизни, и Савелий Гринберг, сужу по личным впечатлениям, тяжело переживает смерть своего друга.

Для профессионального переводчика перевод начинается с выбора, и Савелий Гринберг сделал безошибочный выбор – благодаря его книге «Шира Хадиша» (буквально: поэзия новейшая) русскоязычный любитель словесности смог познакомиться, и оценить, и восхититься стихами современных израильских поэтов: Давида Авидана и Иегуды Амихая, Йоны Волах и Натана Заха, и Меира Визельтира, и одного из крупнейших поэтов Израиля – Ури-Цви Гринберга, и ряда других. Не зря ведь не щедрая на похвалы новым репатриантам израильская пресса, отмечая мастерство его переводов, назвала Савелия Гринберга русским поэтом, влюбленным в иврит.

Мне остается лишь пообещать читателю, если достанет времени и сил, отдельный рассказ о современной израильской поэзии – новаторской, модернистской – в

переводах Савелия Гринберга.

Сопrotивление материалов

Признание современников, желанное и нелишнее, неременное и ко времени, пьянящее, как первач крестьянский, сладкое, как патока, имеет и обратную сторону медали – затягивает, словно тина болотная, слепит и развращает. Сколько самородных дарований извели, промотали свой талант, обожглись в чадающих лучах славы, исчезли, словно бабочки-однодневки, – сберегли себя лишь единицы.

Есть в механике понятие – сопротивление материалов. Свойство материалов противодействовать изменению их форм – и к поэтам применимо, да и к нам, евреям, – в том и разгадка племени нашего, в веках гонимого, но сбереженного... Да простит меня поэт Савелий Гринберг, милый сердцу моему Савелий Соломонович, но едва ли бы он состоялся по большому счету, если бы – дадим волю фантазии – его изначально, молодого и дерзкого, признали и печатали, жаловали бы и тиражировали, окатывали бы елеем критики, наделяли орденами и госпремиями, спецраспределителями и загранпоездками.

Но непризнание упрочило, уберегло дар запредельный – слово и слог его, и сегодня мы имеем того, кого имеем, – крупного и самобытного Поэта на земле Израиля, замеченного и замечательного, очаровывающего и очарованного поэзией иврита, нам, читателям, дарованной в его переводах отточенных...

Несколько дней тому назад мы с ним долго разговаривали по телефону – он позвонил, вернувшись из больницы, – бодрый голос вселял надежду – худшее позади. Интересовался литературными новостями, о своем здоровье умалчивал: еще созвонимся, переговорим... Не созвонились, не переговорили... Это мое слово о нем, опубликованное, успел прочесть...

Умер Савелий Гринберг – патриарх русской поэзии Израиля. На кладбище Гиват Шауль в Иерусалиме собрались родные, друзья, почитатели его поэзии. Наш общий друг, известный русский поэт Борис Камянов, прочел

поминальный кадиш. На горестную весть откликнулись не только у нас, но и в Москве, и в русскоязычном зарубежье, – его поэзию знают, любят и ценят...

Время – единственный и непогрешимый критик, чуткий к счету гамбургскому, и современная русская поэзия медленно и кропотливо, вдумчиво и привередливо собирает под свои знамена достойных – возвеличенных и забытых, а имена нашумевшие отсекает.

Уверен – в Антологии русской поэзии двадцатого века, без поспешности собранной, будет и наш Поэт – Савелий Гринберг.

Страницы новой израильской поэзии в переводах Савелия Гринберга

Не щедрая на похвальное слово новым репатриантам израильская пресса назвала Савелия Гринберга, старейшего нашего русского поэта, человеком, влюбленным в иврит, по достоинству отдав должное его переводам современной израильской поэзии.

К моменту репатриации – 1973 год – бывший москвич Савелий Гринберг был уже сложившимся русским поэтом со своей самобытной поэтикой и интуитивно чувствовал – в Израиле, современном, свободном, должен быть поэт, близкий ему по творческому миропониманию – новаторскому, модернистскому.

И чутье не подвело Савелия Гринберга – вскоре им был обнаружен Давид Авидан, крупнейший мастер в израильской поэзии наиболее новаторского направления, затем Йегуда Амихай, Иона Волах, Натан Зах, Даля Равикович, Меир Визельтир и другие. И, конечно, Ури-Цви Гринберг – один из значительнейших поэтов Израиля.

За четверть века в Земле Обетованной в тетрадках поэта накопилось, после тщательного отбора, множество русских эквивалентов стихов талантливых коллег, что и позволило переводчику издать книгу «Шира хадиша» – новоизраильская поэзия.

Сегодня, когда «Шира хадиша» – библиографическая редкость, я посчитал возможным предложить вниманию читателей избранные страницы израильской поэзии в

мастерских переводах Савелия Гринберга.

Отмечу одну особенность: для нас, «русских», традиционно приученных к классическому стиху, непогрешимо строгой размерности ритма и непременно созвучию окончания строк, вероятно, будет в диковину речевая разговорная интонация, преобладание свободно-ритмической композиции, но в их основе – энергия поэтического слова.

Уверен, читатель это ощутит и без моих подсказок.

Давид Авидан
Лингво-политики

Те, кто похож на меня, но не похож на тебя,
определяют политику языка.
По всем координатам семантической галактики,
повсюду на земле
и вне земного шара.

Они слышат мягкую вибрацию, скрытое, внутриатомное,
потайной зуммер, – внелогическое, мета-психологическое,
под-познавательное, супер-грамматическое.

Мы ответственны за все, что происходит в языке
в каждую отдельную минуту,
потому что люди подобные мне и подобные тебе – они политики
языка.

Мы определяем, как будут разговаривать через десять, двадцать,
сто, двести, десять тысяч лет.

Мы определяем твои системы понимания.
Мы устанавливаем системы ввода-и-вывода.
У нас нету денег, нету силы, нету власти.

Всем этим мы поступились в пользу того, что мы
Те, кто решает первыми и последними в сфере политики языка.
Мы определяем политику языка и самый язык.
Мы определяем язык как политику и политику как язык.
Мы определяем твое будущее понимание
состояний-давления, состояний-смягчения, состояния-понимания,
состояния-глупости и состояния-освобождения
в сфере языка и в политике языка,
ибо мы решающие первыми и последними
в сфере политики языка.

Мы не властвуем в банках, в индустрии, в земледелии, в
правительствах,
в партиях, в структурах армии и полиции.
Нет у нас финансирования, руководства, административного
влияния
на других персонажей.

Но мы определяем постоянные взлеты, сверхскоростные,
каждого рече-шороха в каждую данную минуту в каждом языке
и повсеместно.
Делаем мы это каждый в своем языке,
а иногда еще в одном или в нескольких,
смыкая деяния вместе.

Мы определяем междудексические связи.
Мы – это формирующее понимание
семантики, семиотики, образа, тени, звука.
Мы определяем твое понимание данных пониманий.
Ибо мы – это лингво-политики
решающие первыми и последними в мире политики языка.

Не подумай, что мы мегаломаны – ибо мегаломания – это слово,
а каждое слово – под нашей опекой, обновляемой
в каждую частичку секунды.
Мегаломания это также мега-коммуникация, мега-семантика,
мега-мега.
Мы мегаломаны более чем микроманы,
но мы значительно менее мегаломаны, чем ты сам,
потому что мы знаем о языке гораздо больше, чем ты,
не имея и тысячной доли самоуверенности почему-то присущей
тебе.

Мы идеологи семантики глобальной и космической.

Мы знаем точно, что происходит в твоём мозгу в каждую данную минуту,
когда политика языка приходит в соприкосновение
с силовыми центрами политики мозговой и междумозговой.
Каждого из вас отдельно и всех вас вместе.

Мы политики языка, потому что мы знаем,
что язык это политика, а политика это язык,
и одновременно с этим язык закорен вне всяких сфер политики
и вне всяких сфер языка.

В сферах языка вне-языковых и политики вне-политической
мы и репрезентаторы и репрезентируемые,
вне твоего мозга и вне мозгов твоих отцов, твоих прадедов,
твоих детей, внуков и правнуков.
Потому что мы политики языка,
мы те, кто решает первыми и последними в сфере политики языка.
И мы одержимы истерией счастья нашего бытия, – что мы это мы.

Но истерия – это только слово, а всякое слово анализируется у нас
заново в любую частичку секунды.

Мы истерики уверенности, мы спокойствие истерии.
Мы истерики спокойной уравновешенности
истерического отсутствия истерики.
Мы сама стойкость постоянной истерии.
Потому что мы политики языка,
решающие первыми и последними в сфере политики языка.

Иона Волах
О, море, небо

О, море, небо, окутайте меня туманами,
проникая, сливаясь с маревом глаз моих,
Ваши белые чайки прильнут, приседая,

в трепетании крыл к высоким шестам
чтобы стать парусами живыми на моем корабле.

Осторожные рыбы взлетят отовсюду
осколками стекла, что разбивают на счастье на свадьбе
Дождь хлынет косою как будто намереваясь
омыть сладость лица моего в самом начале чтобы иные
раскрыло потоки уверенные и теплые.

Ай, душа, вихревой ветер. Закружусь кругами
Остудите голову горячую мою
Пусть медузы сплетут в прозрачный венок
Стены-ткани сомкнут пеленой на глаза
Чтобы вновь на волнах словно знак и намек возвращенья.
Шаловливо, легко пройду спокойная в меланхолии
Украшенная переливчатыми жемчужинами любви
Пусть водоросли мантиями покроют мне плечи
что не смогут близкие мои меня уловить
Мой корабль, возникновение его, – только единый раз.

Меир Визельтир

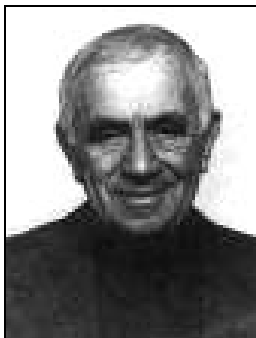
Всё-таки есть вещи, на которые можно полагаться

Иов может вполне положиться на своих друзей –
когда нагрянет беда, они непременно заскочат с визитом, они
начнут
задавать головоломно-серьезные вопросы, вытянув свои головы,
они подберут слова для оправдания миропорядка, они проявят
здоровое любопытство и установят причинную связь событий,
они ухитрятся растолковать,
что раны Иова – следствие его поступков:
они будут дополнять друг друга,
и если запутаются в некоторых повторениях,
так ведь они друзья, а не научный институт,
и Иов совершенно может быть уверен, что они придут
и на его похороны.
А если паче чаяния, несколько обескураживающе, он вдруг

выздоровеет,
то кто обрадуется больше, чем они?
Они примут приглашение и принесут шампанское.

Песня о Иерусалиме

Если не будет Иерусалима, что тогда будут делать с песней о
Иерусалиме?
Если не будет Иерусалима, эту песню запоют покамест в другом
месте.
Если не будет Тель-Авива, что станут делать с песней о Тель-
Авиве?
Если не будет Тель-Авива, запоют эту песню на Хайфских уступах.
А потом Тель-Авив возвратится и снова будет,
Иерусалим расцветет среди скал.
И даже Хайфа распотянется на горе Кармел, словно арабский
каменотес.
И огромное солнце расцелует все эти места, – были дети, что
согрешили, но вернулись на прямые пути.
И будет тепло и тихо в наших местах.

Йегуда Амихай За столом

За столом сидели двое.
Каждый судил сам, по-своему,
и каждый был сам, по-своему, осужден
и сам приводил приговор к исполнению.

В близкой местности пели далекие песни.
Подстрекаемый воздух врвался в раскрытые окна.
И тот, у кого не доставало силы поднять облака над морем,
тот поднимал кудри со лба,
последний лист с земли.

И хотя они разговаривали шепотом,
им сказали: тише, тише.
Будто кто-то сидит рядом
и производит точные вычисления,
и нельзя мешать.

Мэр города

Тоскливое это дело
быть городским головой города Иерусалима.
Тоскливое и ужасное.
Как может человек возглавить такой городище?
Что он там станет делать?
Он будет строить, строить и строить.

И вот ночью камни окружающих гор придвинутся ближе
к домам,
словно волки подкрадывающиеся, чтобы выть на собак
за то, что те стали рабами человека.

Ури-Цви Гринберг (АЦАГ) Поэт Израиля посреди рассечённых

...занавес опущен над существованием тела единого и я отдаю его,
и плоть и кровь, миллионам людей народа

бродящего на наковальне земли;
когда дочери и сыновья его к Молоху приведены
в самой середине Европы.

Я не тот поэт кто поет во имя поэзии мира. Скорбь народа моего
это и моя скорбь; их величие и мое величие; их завершения и мое
завершение. Неизбывный крик из глубин нашей жизни
не услышан слуховыми нервами мира.

Не услышан и нами – скорбящими.
Разве так должно быть, чтобы поэт Израиля воспевал великолепия
солнечных закатов, –
и не вырвет, не высечет он из тела своего слово правды о всех –
о соборе израильском?
Что, поэт иудейский будет петь ямбами Рима?! Когда и слезинка
наша – словно тяжесть шара земного!
Рифмы – широкие! Рифмы в рытвинах! Подобно дорогам Израиля в
мире.
Алая кровь алой крови кричит. Кровь Авеля замолкла в почве
земной.
Но пролитая наша кровь вопиет; и та, что пролита будет на земные
пески.
Вот! Да будет страданье великое в ритмах,
созвучных поколениям печали.
Наше слово – реченье иврита – от холмов Израиля да взлетит
разрывными к народам земли.
Ибо мы не лакали меда в рощах земных. Но подобно тому
как пес лижет раны,
Наш язык вылизывал раны погибающих посередине Европы.
Так неужто ты воспоешь эти чары обманчивые, этот лживый
призрак,
и мы не увидим в болотах мутные тела порубленных.
Но тот, кто призовет человека – отъединись от сборища скорби,
именем сердца стучащего в теле,
тот, кто призовет поэта Израиля уподобиться птицам заморским, –
Идолы его проклянут: дабы он не увидел бездны, что вот поглотит
его,
дабы он не увидел крестовины всесветной тремя гранями
направленной – выклевать сердце.
Занавес опущен мной над существованием тела единого,
чтобы отдано было, и плоть, и кровь, и мысль,
миллионам людей народа моего посередине мира –
Подобно древу в лесах печали, где множество деревьев раскачивают
бури.
И когда прибудет Вавилонянин со своей секирой рассекающей

Влад Аронов

Моё путешествие по Германии, России и Украине

1. Германия – город Дюссельдорф

поехав часть России, Белоруссию, я попал к месту моего назначения – северо-западную часть Германии – столицу земли Рейн-Вестфалия – г. Дюссельдорф.

Фрагмент одной из улиц

Это один из многих крупных городов Германии, определяющих культуру и фактуру этой страны. Я уже дважды побывал там в послевоенное время, а у меня еще в памяти города, которые оказались полуразрушенными, во время периода 1941-45 годов. Но сейчас нет следов и отметин от этой страшной войны. Безусловно, города здесь в тот период не уничтожались с такой жестокостью, как это происходило в Союзе, но вместе с тем многие пострадали очень серьезно. Но прошли годы, и в памяти людей стираются даже воспоминания об этом периоде. И они вновь

цветут своим необычным немецким колоритом. И этот колорит во всем – в домах, в парках и улицах. Так, есть города, где можно ходить по ним и просто любоваться архитектурой отдельных зданий, и это приятно для глаза. Здесь, ты не находишь каких-то особых зданий, глаз не останавливается на каком-то одном доме, т. к. все приятно для обозрения. Они выполнены в готическом стиле и ни один дом не похож на соседний. Все 4-5 этажной застройки. Я пытался определить, где все же окраина, обычные явления в любом нашем американском городе, когда такие дома, потерявшие всякий облик, полуразрушенные, низкой этажности и резко отличающиеся от центральной части города. Здесь этого нет. Нет окраины, и все дома равнозначны и радуют глаз. Особенность немецких городов, в том числе и этого, – качество дорог по улицам, где поверхность идеально гладкая, и машины едут с одинаковой скоростью допустимой для города, не переключая ежеминутно скорость из-за какого-то препятствия. Сказывается немецкая пунктуальность, четкость, и стремление выполнить все для комфортного проживания самого человека.

Город Дюссельдорф утопает в зелени. Очень много парков и насаждений вдоль всех улиц.

Река Рейн

Река Рейн очень извилистая, делит город на две неравные части, где связь между ними осуществляется многими мостами, и дополнительно создает неповторимую

красоту этому городу.

Собственно, столицей этой земли, Дюссельдорф стал с недавних пор, примерно с 1945 г., а до этого был Кельн. Конкуренция этих двух городов длится все время и выливается в желании самих людей сделать что-то неприятное при удобном случае другому.

Все улицы очень извилистые, как ни в одном из городов Германии, так и других стран.

Только две дороги – автобаны 46 и 59, которые проходят по городу, имеют более или менее спрямленное направление. В стесненных местах автобаны следуют по второму ярусу.

Разрушенные дома в период войны 1941-45 годов восстановлены в том же готическом стиле, что и старые дома. И проходя по улицам, тяжело определить, где старая застройка, а где, – новая.

С фасадной стороны многие значимые здания, к примеру, парламент Земли, круглой формы, и как бы не очень привлекателен, но посмотрев то же здание с высоты телевизионной вышки – 170 м – обзорная площадка, – видишь, что оно очень оригинальное по своей архитектурной композиции.

Здание парламента с высоты телевизионной вышки

Приятное впечатление от поездки в Германию город Дюссельдорф было несколько омрачено, и как говорится, в бочку меда была добавлена ложка дегтя.

Хочу описать, с какими дикими фактами столкнулся,

и мне хочется предостеречь других не повторить этих ошибок.

В Москве на Белорусском вокзале мне по моему американскому паспорту продают билеты Москва-Дюссельдорф туда и обратно, поезд который проходит по территории России, Белоруссии, Польши и Германии. Кассир, продав мне билеты, ни о чем не предупредила меня. Я уехал, а в Бресте пограничный контроль снимает меня с поезда, мотивируя это тем, что у меня нет транзитной визы, проезжая в поезде по территории Белоруссии. Мне стоило больших трудов, чтобы я тем же поездом уехал, но был предупрежден, что в обратную сторону должен иметь эту транзитную визу. Находясь уже в Дюссельдорфе, поехал в Бонн в Белорусский консулат, где собственно и начинается театр абсурда.

У меня потребовали паспорт выезда из Союза, а это произошло 20 лет тому, и паспорт тогда у меня был отобран, а еще уплатил 800 рублей, на то время это было равнозначно 1 100 долл., за лишение меня гражданства. Вторым требованием консулата было предоставить им справку, что я не проживал в Белоруссии. Большой ахиней и идиотизма, в своей жизни не встречал. Практически таких документов представить при всем моем желании я был не в состоянии. Решаю ехать в обратную сторону тем же поездом и объяснить тому же генералу, который дал добро на проезд в первом случае, пропустить меня и сейчас. Но получилась вновь осечка, т. к. выезжаю из Дюссельдорфа на день позже указанной даты в билете, это допустимо, но необходимо в этом случае перекомпостировать билет. Но получилось, что та же кассир в Москве указала, что билет экономного проезда, хоть стоимость была взята в три раза больше чем указанная в интернете, и билет не может быть перекомпостирован.

Я лишился возможности возвратиться в Москву поездом. Теперь решалась задача как же все-таки выехать из Дюссельдорфа на Москву? Но эта проблема будет в следующем акте.

Продавая мне билеты не на улице, а на Белорусском вокзале, где, по радио постоянно передают, чтобы не

покупать билеты с рук, меня в государственном учреждении финансово обобрали, и общипали как липку.

Я обо всем этом написал начальнику Белорусского вокзала г. Москвы и в копии главному редактору газеты Коммерсант.

2. Россия

А. Москва

Несколько лет я не был в Москве, и мне интересно было увидеть перемены, произошедшие за эти годы, но особых изменений, бросающихся в глаза, как что-то новое и приятное для обозрения, не заметил. Я побывал на окраинной части города и в центре, но восхищаться чем-то не нашел.

Неприятное впечатление оставила картина сплошных маленьких киосков по линии метро пл. Революции – Исторический музей, где продается всякая мелочь.

Видимо, очень выгодно для сбыта своей продукции, т. к. это основная дорога для идущих на Красную площадь, а с другой стороны все неприятно смотрится, и киоски как бы сбивают настрой людей, стремящихся попасть на святые места для каждого россиянина и отвлекают всех от цели.

Часовня впереди иконы Казанского собора

Перед собором Казанской иконы Божьей Матери построили красивую часовню, а перед ней из плит выложен

круг, куда становится человек, его фотографируют, и он бросает назад из-за плеча монеты, а сзади стоят бомжи и перехватывают их. Что означает это, так и не понял.

4 сентября в Москве должен был проходить международный фестиваль военных оркестров.

Международный фестиваль военных оркестров. Один из коллективов

Накануне, будучи в районе Красной площади, где проходила репетиция, наблюдал несколько таких коллективов – из Шотландии с традиционной одеждой и инструментами и коллектива одного из среднеазиатских государств.

Я описал отдельные моменты, которые бросились мне в глаза находясь в некоторых местах г. Москвы.

Писать о златоглавом городе можно истратив тонны бумаги, но как мне кажется, все уже написано.

А самое главное, создать можно что-то новое о городе с душой и объективно, когда эта душа находится в контакте и добрым отношением к нему. Откровенно, я никогда особенно не любил Москву, и не стремился там жить, хоть у меня была полная возможность это сделать, т. к. при желании мог там занять квартиру.

Каждый год я бывал по несколько раз в Москве, но я всегда избегал воспользоваться этой возможностью, гулять

и изучать все новые и новые районы города, Я всегда старался уехать из Москвы на дачу, в Востряково и провести там несколько свободных дней.

Я хорошо помню Москву довоенную, когда улицы были без зелени и когда пытались приукрасить хотя бы центральную часть созданием из травы различных композиций как-то солдата с ружьем, рабочего и т. д.

Я хорошо помню период, когда расширялись улицы Москвы за счет передвижения зданий от красной линии на несколько метров.

Больше написать что-либо о Москве предоставляю сделать это другим по причине вышеизложенного.

Б. город Калуга

Калуга в прошлом – чисто купеческий город, где на площади, примыкающей к Горисполкому были торговые ряды, состоящие из многочисленных магазинов, расположенных по кругу. Фасадные стороны столетней давности имели неприглядный вид, как и все здания, немного отдаленные от центра, одноэтажной застройки – обшарпаны и перекосившиеся.

Единственное светлое пятно в городе – музей космонавтики в память о великом ученом – Циолковском.

Я много раз бывал в Калуге, т. к. там проживает моя дочь с семьей. В этот приезд я познакомился с двумя моими правнучками.

Такой серой непривлекательной была Калуга все годы. Но вот теперь был приятно удивлен теми изменениями, которые произошли за этот короткий промежуток времени в 3-4 года моего отсутствия.

Там, где возможно было снести часть старых домов, на их месте возникли очень красивые здания, необычной по архитектуре, отличные от всех соседних. Такие здания создаются во многих местах, что придает городу иной облик.

Построен новый мост через р. Оку, с очень удачной развязкой дорог на подходе к нему.

Совсем другое появилось настроение у людей, толпы гуляющих в парках, что ранее не наблюдалось.

В общем, город оживает, а вместе с ним и люди,

живущие в нем.

3. Украина

А. Киев

Прежде чем остановиться на описании Киева сегодня, хочу вернуть читателей к его историческому прошлому.

Приход многих племен на Киевскую Русь в IX-X веках обусловил наличие здесь и различных религий. А религия призвана управлять народом, и чей бог главней, тот и круче. Политика князя Владимира 1-го, объясняющая как очень здравомыслящий подход к поискам нужной религии, и которая объединила бы славян под его начало.

Он изыскивал новые средства для сплочения разрушающегося межплеменного союза, для удержания в нем господствующих позиций, и прежде всего киевской верхушки и обращается к христианству.

Владимир возвестил о крещении Руси в 988 г.

За первые три года вера Христова была распространена по всему великому пути – из варяг в греки.

Введение христианства на Руси все же не являлась безболезненным и мирным. Только собственно, на Киевской земле оно проходило относительно спокойно. Что касается племен, подвластных Киеву, то им христианство насаждалось огнем и мечом.

Быстрым успехам христианства в древнерусском обществе препятствовала стойкость языческих нравов в народе.

Прежде чем слиться в единое могучее государство во главе с Москвой, Русь должна была пережить стадию автономных общественных союзов, принявших форму городов-государств, что означало новый прогрессивный союз в ее историческом развитии.

В память об этом великом князе – Владимире-крестителе на склонах Днепра воздвигнут ему величественный монумент из бронзы с большим крестом в руке.

Туристы, приезжающие из разных стран в Киев, прежде всего посещают место, где установлен этот памятник и хотят убедиться – правда ли, что в этой

атеистической стране у Владимира в руке крест? Я много раз наблюдал туристов у памятника и видел удивление в их глазах.

Продолжая свое путешествие из Германии через Москву, Калугу попал на свою родную Украину и конечно в ее столицу – Киев, где прожил более 40 лет

Писать об Украине и тем более о Киеве в какой-то мере нет особой надобности. Столько всего написано об этом городе, что кажется чем еще можно удивить наших читателей? Но вот побывав уже в который раз в Киеве при моем 20-летнем проживании в Америке, именно сейчас вновь и вновь, проезжая по многим улицам родного города, отметил очень важные перемены, которые представляют, на мой взгляд, новое лицо этого города.

На многих окраинах вокруг Киева, рядом со старыми очень простыми по своей форме домами вырастают целые комплексы новых зданий, полностью отличные от соседних, выросших в прежние времена.

Новые здания на фоне старых

В самом городе, на прилегающих улицах к центру, при плотной застройке, там, где удалось что-то снести, взамен вырастают удивительной формы здания, которые по своей архитектуре начинают отличаться, не только каким-то красивым верхним строением, а с самого нулевого цикла, здание строится с очень оригинальными формами и

обязательно с округлой поверхностью стен.

Площадь революции

Применяется, видимо, впервые вот такой вольный стиль в архитектуре. И вот такие отдельные новые здания, а то и несколько стоящих рядом – каждый имеет свое лицо и свою индивидуальность, на мой взгляд, стоят и будут стоять живым укором всему старому, что сумела создать прежняя власть.

Так оформляются новые здания

Просто удивительно, как люди занимающиеся строительством и восстановлением разрушенного Киева, закончили это восстановление в одном старом стиле – прямоугольной формы, серого цвета и плоской крышей, и только сейчас, за короткое время, сумели по новому

взглянуть на создание абсолютно новых форм в архитектуре, не похожих ни на одно из зданий, строящихся в других странах.

Вот то главное, что мне хотелось отметить в г. Киеве.

Б. Одесса

Город Одесса стал застраиваться с 1794 г.

Город строили лучшие архитекторы, прибывавшие из Италии, Испании и Франции. Особый расцвет в строительстве наступил с назначением градоначальником г. Одессы герцога А.Е. Ришелье. Он и его последователи продолжали практику привлечения к застройке Одессы самых талантливых архитекторов того времени.

Одесса – пока еще не подтвержденный документально феномен мирового культурного наследия.

Уникальным в этом плане являются: оперный театр, ансамбль приморского бульвара, улица Дерибасовская.

Феномен Одессы это – люди, одесситы, которые известны всему миру, и живут по всему миру, оставаясь при этом одесситами. Далее это море и порт.

Одесса застраивалась во времена, когда доминирующим в архитектуре и градостроительстве был стиль русского классицизма. Одним из основных принципов классицизма является принцип золотого сечения или золотой пропорции, который выражается в том, что если ширину улицы принять за единицу то высота стеновой конструкции дома должна быть с коэф. 0,62.

К середине XIX века Одесса приобрела черты крупного европейского города с центральной площадью, вокруг которой формировалась регулярная городская застройка, с кафедральным собором и главной городской доминантой – колокольной. После этого началось бурное развитие всего края и Одессы, ставшей вскоре одним из красивейших городов Российской империи

Одесса – один из главных экономических центров Украины, сочетающий в себе крупнейший морской порт, развитую промышленность, курортно-рекреационный комплекс.

О городе Одессе написано столько, что не счесть.

Ему 216 лет. Еще в царской России и в Союзе, г. Одесса всегда был особым городом для властей любого строя, и стоял на особом счету, по своему колориту и исторической важности. Это один из очень значимых портов на Черном море, где контакт с моряками, уходящими в дальнее плавание и их прибытием, было очень важным для всего населения города. Особенно это проявилось в период бурного лова китов – китобойной флотилией «Слава», когда помимо китов, моряками была возможность привозить товары из всех государств, в порты которых заходили корабли.

Жилой комплекс на подходе к парку Шевченко

Товары, привозимые моряками, с одной стороны, делали Одессу заезжим двором, куда стекались люди со всех крупных городов Союза, для возможного приобретения какой-то заграничной вещи. С другой стороны показывало, в какой отсталости живет Союз в части обеспечения своего населения нормальными вещами. С закрытием работ для китобойной флотилии, г. Одесса потерял несколько свою значимость в контактах с другими городами, но не потерял свое лицо как город, откуда исходило самое юморное и веселое, которое создавалось талантливыми одесситами.

Многие годы город находился в застое, при полном отсутствии какого-то нового строительства.

И только за последние 2-3 года в новое строительство вложены очень большие капиталы.

Полностью закончилась реконструкция оперного

театра, и сегодня, как и всегда было, на сцене выступают самые знаменитые коллективы из многих стран. Не менее важно для города, закончилась реконструкция знаменитого Привоза – почти все рыбные изделия находятся в крытом помещении, а прилавки с остальными товарами – овощи, фрукты и т. п. имеют общие навесы.

Дельфинарий на пляже Ланжерон

Ведется очень большое строительство красивых комплексов зданий на склонах, примыкающих к Черному морю, а так же жилых зданий и гостиниц на тех же склонах. Все улицы переименованы и им возвращены свои старые названия, за исключением некоторых, как, например, Мясоедовская улица моя.

С многих улиц сняты трамвайные пути – ул. Чичерина, новое название этой улицы – Успенская. Многие улицы расширены за счет сужения тротуаров.

Еще многое нужно сделать в Одессе, чтобы придать ей красивые формы, отвечающие этому популярному и знаменитому городу.

В демографическом отношении население Одессы распределилось следующим образом: – при общей численности теперь около 900 тыс. – украинцев примерно 680 тыс., а евреи по численности находятся на 4-м месте и составляют всего – 1,5 %. Население почти все поменялось.

Некоторые, из приехавшей молодежи, попав в Одессу, насыщаясь этим особым воздухом, продолжают

традиции одесситов и дружат с юмором, что очень отраднo слышать. Я присутствовал на одной свадьбе, где тамада была женщина, и 2,5 часа она держала всех в напряжении, а веселое настроение не сходило с лиц присутствующих на этой свадьбе. Я не переставал смеяться, – т. е. юмор и умение веселиться не исчезли из Одессы.

Новые пляжи на склонах к Чёрному морю

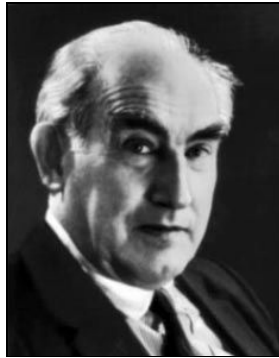
Неприятное ощущение оставило у меня только одно действие – на Дерибасовской, в городском садике, установлен памятник сидящему Утесову на каменной скамье. Рядом находилась телефонная будка, где висел список песен, исполняемых Утесовым. Человек входил в кабину и номер желаемой песни набирал на телефонном диске, и по радио исполнялась песня самим Утесовым.

В этот мой приезд я увидел сидящего Утесова, а телефонная будка исчезла.

Спрашивается, кому она помешала?

Об авторах

Виталий Гинзбург (1916-2009) – советский и российский физик-теоретик, академик, лауреат Нобелевской премии.

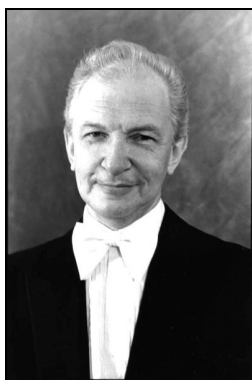
Симон Шноль – советский и российский биофизик, историк науки, профессор кафедры биофизики физического факультета МГУ.

Лазарь Беренсон – преподаватель русского языка и литературы, журналист.

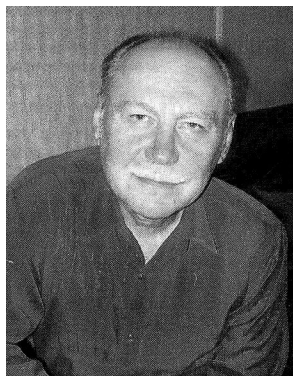
Эстер Пастернак – поэт, журналист, прозаик.

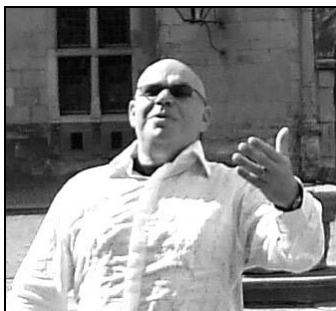
Артур Штильман – скрипач и дирижер, автор книг о музыкантах.

Андрей Пелипенко – российский философ, искусствовед.

Анатолий Луковкин – кандидат технических наук.

Илья Гирин – публицист.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

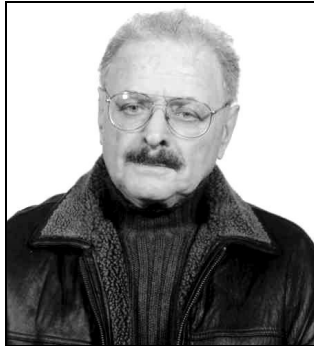
Злата Зарецкая – доктор искусствоведения.

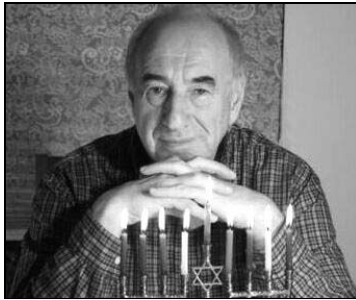
Владимир Зайдельсон – театровед, писатель, трудотерапевт.

Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист, член Союза Российских писателей и Русского ПЕН-центра.

Григорий Рыскин – писатель, публицист, почетный член Союза писателей России.

Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

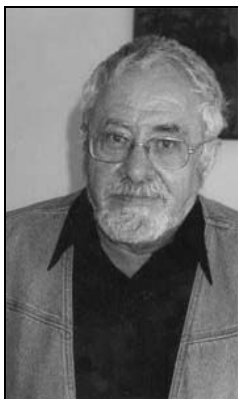
Нина Воронель – писатель, переводчик.

Александр Каневский – писатель, сценарист, сатирик.

Юрий Герт (1931-2003) – писатель, публицист.

Марк Азов – член союзов писателей России и Израиля, главный редактор журнала «Галилея»

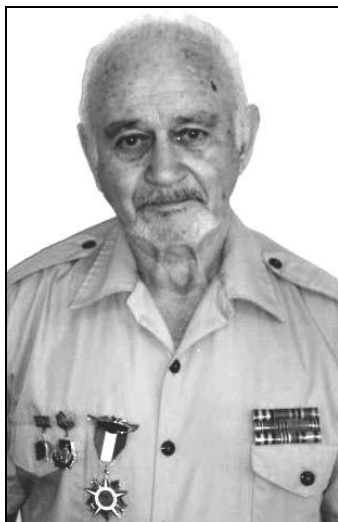
Ион Деген – врач, писатель, ветеран ВОВ.

Яков Лотовский – писатель.

Вильям Баткин – писатель, публицист.

Влад Аронов – строитель, ветеран ВОВ.

Журнал «Семь искусств», Февраль 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 514 стр. 19,8 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины